МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РОССИЙСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ:

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Сборник статей

Выпуск 20

Ответственный редактор
В.А. Уткин

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

УДК 342
ББК 67.92 (99)
Р76

Редакционная коллегия

О.И. Андреева – д-р юрид. наук, доцент; Г.Г. Пашкова – канд. юрид. наук, доцент;
А.М. Барнашов – канд. юрид. наук, доцент; А.С. Князьков – д-р. юрид. наук, доцент;
С.А. Елисеев – д-р юрид. наук, профессор; М.М. Журавлёв – д-р филос. наук, профессор;
С.С. Кузнецов – канд. юрид. наук, доцент; В.М. Лебедев – д-р юрид. наук, профессор;
Н.В. Ольховик – канд. юрид. наук, доцент; Н.Г. Галковская – канд. юрид. наук, доцент;
Е.С. Болтанова – д-р. юрид. наук, доцент; В.А. Уткин – д-р юрид. наук, профессор

Р76 **Российское правоведение: трибуна молодого ученого**: сб. статей. / отв. ред. В.А. Уткин. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2020. – Вып. 20. – 244 с.

ISBN 978-5-94621-717-0
ISBN 978-5-94621-965-5 (отд. книга)

В сборнике представлены материалы XIX Межрегиональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Российское правоведение: трибуна молодого ученого», которая проводилась в Юридическом институте Томского государственного университета 26–28 марта 2020 г. В сборник вошли статьи, посвященные актуальным проблемам российского права.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов, практических работников, а также для тех, кто интересуется вопросами современного права и правоприменительной практики.

УДК 342
ББК 67.92 (99)

ISBN 978-5-94621-717-0
ISBN 978-5-94621-965-5 (отд. книга)
© Томский государственный университет, 2020

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН ЕВРОПЫ И РОССИИ

Л.С. Иванова, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент С.В. Ведяшкин

В КоАП РФ в ч. 1 ст. 2.1 закреплено определение административного правонарушения, которое не является полным и не отражает всей сути данного правового института. Единственной чертой, отличающей его от иных деликтов, является тот факт, что оно как деяние посягает на общественные отношения, охраняемые административным законодательством, а не каким-либо другим.

Обратимся к опыту зарубежных стран. Уголовный Кодекс Франции 1992 г. имеет традиционную классификацию преступных деяний: преступления, поступки и нарушения. Определение данных институтов в законодательном акте не дается, однако исходя из смысла ст. 111-1, 121-3 Кодекс вводит материальный критерий их дифференциации – тяжесть деяния – и вину[1].

В соответствии со ст. 1 Закона ФРГ «Об административных правонарушениях» административным правонарушением является противоправное, виновное действие или бездействие, состав которого предусмотрен одним из законов, допускающих в качестве наказания административный (денежный) штраф[2].

Отдельного внимания заслуживает новый проект КоАП РФ, который был опубликован 30 января 2020 г. В отличие от ныне действующего в ст. 2.1 впервые закрепляется признак вредоносности правонарушения. Ст. 2.2 вводится новая категория «грубые правонарушения». Это деяния, имеющие большую общественную опасность (вредоносность) и которые нельзя отнести к незначительным. Они включают в себя административные правонарушения экстремистской, коррупционной направленности, правонарушения в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, инструментов и оборудования для их изготовления, а также их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, наркосодержащих растений и их частей либо иных одурманивающих веществ, в сфере оборота оружия и т.д. Это своего рода проступки (если сравнивать с законодательством зарубежных стран). За нарушение данных правовых норм предусмотрен определенный перечень наказаний: конфискация, лишение специального права, предоставленного физическому лицу, дисквалификация, административный арест, административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, административный запрет деятельности, назначение одного основного наказания и двух дополнительных наказаний[3].

Проведя анализ законодательств трех стран, можно сделать вывод, что в понятие «административное правонарушение» включаются такие его обязательные признаки как проти-

[1] Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс] // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. Электрон. дан. М., 2008–2019. URL: https:// https://constitutions.ru (дата обращения: 01.04.2020).

[2] Федеральный закон об административных правонарушениях [Электронный ресурс] // Федеральное министерство юстиции и защиты прав потребителей ФРГ: официальный сайт. Берлин. URL: http:// bmjv.de (дата обращения: 22.03.2020).

[3] Проект Федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] //Федеральный портал проектов нормативных правовых актов РФ: официальный сайт. Москва. URL: http:// regulation.gov.ru (дата обращения: 22.03.2020).

воправность, виновность и наказуемость. В законодательстве ФРГ и Франции при разграничении преступных деяний дан четкий перечень наказаний за них, которые не пересекаются, имеют четкие границы. В России такая практика не закреплена.

В реальности предпринимаемые меры реформирования КоАП РФ являются неполными. На мой взгляд, новый КоАП нуждается в структурировании; наказания необходимо выстроить в четкую классификацию, они не должны пересекаться с уголовными.

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ ЗРИТЕЛЕЙ

В.С. Исаков, магистрант ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент С.В. Ведяшкин

Отечественные зрители своим поведением неоднократно давали повод для установления ответственности за нарушение общественного порядка на официальных спортивных соревнованиях. Результатом стало появление специального вида административного наказания – административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения (далее – административный запрет), которое было закреплено в ст. 3.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Для определения круга общественных отношений, которые защищает данное наказание, Правительством РФ в 2013 г. были утверждены Правила поведения зрителей. Административная ответственность за их нарушение устанавливается в ст. 20.31 КоАП РФ[1].

Основная проблема заключается в том, что несовершеннолетние лица не могут быть подвергнуты административному запрету, так как согласно ст. 3.14 КоАП РФ данный вид наказания назначается только судом[2]. В этом случае дело будет рассматривать комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН), которая может применить только административный штраф.

Полагаем, что КДН должны обладать правом на передачу материалов дела по ст. 20.31 КоАП РФ в суд для ограничения несовершеннолетним лицам доступа на спортивные объекты. Сегодня практика свидетельствует о низком числе применения анализируемого наказания к несовершеннолетним зрителям. По состоянию на 25 января 2020 г. в «чёрном списке» находится только одно лицо, не достигшее совершеннолетия к моменту вынесения постановления о назначении административного запрета[3]. Данная статистика, как мы предполагаем, объясняется наличием в КоАП РФ таких правовых норм, которые активно могут применять КДН в интересах несовершеннолетних лиц. Прежде всего это касается п. 9 ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ, согласно которому несовершеннолетний возраст является обстоятельством, смягчающим административную ответственность. В отдельных случаях КДН и вовсе может освободить от ответственности несовершеннолетнего зрителя, ограничившись применением мер воспитательного воздействия (ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ)[4].

Полагаем, что административный штраф и профилактические меры не всегда способны предотвращать совершение новых правонарушений несовершеннолетними. Меры воспита-

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
[2] Там же.
[3] Список лиц, которым запрещено посещение мест проведения официальных спортивных мероприятий в дни их проведения URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/bannedfans
[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

тельного воздействия не обладают ограничительным характером, а административный штраф в случае отсутствия дохода у подростка будет взыскиваться с его родителей, что не заставит несовершеннолетнего зрителя изменить своё поведение в лучшую сторону.

Таким образом, для расширения практики применения административного запрета к несовершеннолетним зрителям необходимо ст. 4.1 КоАП РФ, касающуюся общих правил назначения наказания, дополнить нормой об обязательном обсуждении КДН вопроса о необходимости применения к несовершеннолетнему лицу наказания в виде административного запрета за совершение правонарушений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 20.31 КоАП РФ, с последующей передачей материалов дела в суд. Что касается ч. 3 ст. 20.31 КоАП РФ (грубое нарушение Правил поведения зрителей), то необходимо отнести к исключительной компетенции судов рассмотрение данной категории дел, так как данный состав административного правонарушения обладает повышенной степенью общественной опасности, что и предопределило указание в санкции на обязательное применение административного запрета.

ВИЧ-ИНФИЦИРОВАНИЕ: АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА, ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ

А.А Закирова, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент С.В. Ведяшкин

На территории Российской Федерации в начале 2000-х годов наблюдался спад активности заражения ВИЧ-заболеваниями. С 2005 года положительная динамика начала снижаться. Данные на конец 2018 года показывают, что в стране зафиксировано 85995 человек, которые получили поражение ВИЧ-инфекцией[1].

Федеральный закон от 30.03.1995 N 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» предусматривает возможность применения дисциплинарной, административной, уголовной и гражданско-правовой ответственности[2].

Возникает вопрос о целесообразности нахождения данной статьи в КоАП РФ[3]. Сокрытие источника заражения так или иначе предполагает возможность заражения смертельным вирусом для неопределенного круга лиц, неосведомленных об опасности исходящей от данного источника. Видится более результативным криминализовать данное деяние путём внесения дополнительного пункта в ст. 122 УК РФ.

Криминализация деяния не единственный выход. При разработке статьи законодатель упустил ряд ключевых моментов, которые могли бы более эффективно урегулировать ситуацию с заболеваниями и на административном уровне. На основании этого, является целесообразным предложить внесение ряда законодательных мер.

Во-первых, существует необходимость разделения административной ответственности за сокрытие источника заражения венерическим заболевание и СПИДом по причине того,

---

[1] Социально-значимые заболевания населения России в 2018 году. [Электронный ресурс] // Минздрав РФ: [сайт]. URL: https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskiy-sbornik-2018-god

[2] Федеральный закон «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» от 30.03.1995 N 38-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) [Электронный ресурс]. // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

что объектом правонарушения связанного с ВИЧ-инфекцией помимо здоровья граждан, является и их жизнь, поскольку ни для кого не секрет что ВИЧ-инфицированный проходит несколько стадий заболевания, на каждой из которых состояние здоровья стремительно ухудшается. Жизнь является объектом правонарушения и потому, что данное заболевание является смертельным. Венерические болезни же по сравнению с ВИЧ-инфекцией являются менее тяжелыми, так как редко влекут за собой смерть человека, соответственно объектом правонарушения выступает только здоровье граждан;

Во-вторых, необходимость ужесточения санкции правовой нормы до адекватной тяжести заражения данной болезнью. Действующий штраф от пятисот до одной тысячи рублей несоизмеримо мал в сравнение с ущербом, который несет лицо, заразившееся ВИЧ-инфекцией. Сокрытие источника заражения само по себе создает высокую степень общественной опасности, при этом учитывая личностный характер, а так же специфику данной болезни, часть совершенных правонарушений остается латентными. Помимо увеличения штрафа, необходимо обратить внимание на то, что санкцию данной нормы можно сделать альтернативной.

В-третьих, видится целесообразным наделить законодательные органы субъектов РФ (особенно в субъектах с высоким уровнем ВИЧ-заболеваемости) полномочиями по внесению в региональные законы об административных правонарушения отдельных норм, детализирующих условия привлечения к административной ответственности и санкции за правонарушения связанные с опасностью заражения ВИЧ-инфекцией, адаптируя их в соответствии с местной ситуацией.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФССП РОССИИ)

К.О. Иванов, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент С. В. Ведяшкин

Институт банкротства и институт принудительного исполнения исполнительных документов тесно связаны между собой, они имеют общую целевую направленность. В силу их взаимосвязи зачастую возникают различного рода правовые коллизии. Следует обратить внимание, что в рамках компетенции арбитражного управляющего и пристава-исполнителя присутствуют некоторые нюансы по отношению к имуществу должника, а также в сфере приостановления исполнительных производств[1].

Обобщая анализ законодательства, можно сказать, что за приставом-исполнителем сохраняется право в пределах полномочий распоряжаться той частью имущества должника, которая необходима для удовлетворения наиболее важных обязательств должника перед третьими лицами. Правовая конструкция режима имущества должника в случае введения в отношении него двух процедур одновременно является очень сложной и нагромождённой и нуждается в совершенствовании. Совершенствовать её стоит в следующих направлениях:

Во-первых, упрощение режима имущества должника во избежание коллизий компетенций пристава-исполнителя и арбитражного управляющего, новые варианты режима задолженностей должника. Здесь следует отметить, что текущие платежи, как направление, куда зачастую «утекают» платёжные средства должника, следует тщательнее контролиро-

[1] Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 01.07.2018) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС Консультант Плюс; Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018) // СПС Консультант Плюс.

вать. По существующему законодательству такого рода коллизии не могут быть решены, и, как следствие, часть платёжных средств должника, которые могли быть направлены на погашение задолженности, будут утрачены для пристава-исполнителя и арбитражного управляющего. В целях устранения этой проблемы, я считаю целесообразным ввести ограничение текущих платежей по воле арбитражного управляющего. Таким образом он сможет, руководствуясь объективными обстоятельствами и рациональными соображениями, сокращать обязательства должника по текущим платежам, что будет способствовать сохранению платёжеспособности последнего.

Во-вторых, введение процедурных аспектов, позволяющих в большей степени использовать разумный компромисс между волей должника и волей властных субъектов. Так, в рамках процедуры внешнего управления следует вместо полного отстранения руководителя должника от процесса управления предоставить ему определённые возможности хотя бы косвенно участвовать в управлении юридическим лицом с той целью, чтобы руководитель постоянно был осведомлён о делах вверенной ему управляемой структуры и мог корректировать парадигму её экономического развития вместе с внешним управляющим. Эти полномочия руководителя должника могут носить исключительно консультативный характер.

В-третьих, упрощение процессуальных аспектов производства по исполнению исполнительных документов и введению процедур банкротства в отдельности в целях процессуальной экономии. Например, возможна передача части полномочий пристава-исполнителя арбитражному управляющему и наоборот. Законодателю следует упростить процедуру наложения арестов на имущество должника и их снятие[1]. Данная процедура находится в компетенции пристава-исполнителя, однако в случае применения процедур банкротства, данные полномочия следует передать в руки арбитражного управляющего, который будет осуществлять их с согласия суда.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЯТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ГОСУДАРСТВЕННОМ КОНТРОЛЕ (НАДЗОРЕ) И МУНИЦИПАЛЬНОМ КОНТРОЛЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Ю.С. Курдюкова, студентка ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент С.В. Ведяшкин

Распоряжением Правительства РФ от 02.12.2017 №-2861р в Государственную Думу РФ был внесен Проект федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[2] (далее – Проект).

Принятие указанного Проекта окажет существенное влияние на структуру нормативно-правовой базы, непосредственно регулирующей механизм проведения контрольно-надзорных мероприятий на государственном и муниципальном уровне. В частности, предлагается признать утратившим законную силу Федеральный закон от 26.12.2008 № 294 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»[3], который на данный момент

[1] Сазанов С.В. Методические рекомендации по исполнению исполнительных документов при введении в отношении должника процедур банкротства от 30.06.2010 // СПС Консультант Плюс.
[2] Распоряжение Правительства РФ от 30.11.2019 N 2861-р (ред. от 31.03.2020) <О проекте федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»> // Собрание законодательства РФ. 09.12.2019. № 49 (ч. VI). Ст. 7173.
[3] Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ (ред. от 01.04.2020) "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 6249

является фундаментальным правовым актом в сфере организации и проведения контрольно-надзорных мероприятий в отношении предпринимательства.

Необходимо обратить внимание на то, что потребность в принятии указанного Проекта обусловлена совокупностью социально-экономических, политических причин, которые нашли свое отражение в целях Проекта, обозначенных Правительством РФ, к ним относятся:

Во-первых, устранение существующих пробелов в правовом регулировании осуществления контрольно-надзорных мероприятий.

Во-вторых, закрепление на законодательном уровне норм, направленных на проведение профилактических мероприятий по недопущению нарушений требований законодательства.

В-третьих, недопущение проведение проверок, которые становятся обременительными для малого и среднего бизнеса.

Необходимо детальнее проанализировать основные предпосылки принятия указанного Проекта, а также степень их урегулированности.

Так, давно назрела проблема высокого обременения бизнеса всевозможными проверками, организуемых и проводимых государственными органами, первым этапом снижения количества контрольно-надзорных мероприятий стала разработка и внедрение Минэкономразвитием в 2015 году «дорожной карты», структурно состоявшая из девяти разделов, в том числе, предусматривающая частоту проведения контрольно-надзорных мероприятий, информацию о процессуальных формах и процедурах осуществления контрольно-надзорных мероприятий, систему оценки результативности и эффективности контрольно-надзорных органов.

Также, принятое законодателем решение отойти от стандартной проверки бизнеса в пользу проведения иных контрольно-надзорных мероприятий, например, выездное обследование, контрольная и мониторинговая закупка, рейд, инспекционный визит повлечет за собой сокращение издержек у представителей предпринимательства в сравнении с традиционными проверками.

На наш взгляд, планируемые меры положительно повлияют на состояние малого и среднего предпринимательства, поскольку существенно снизят расходы хозяйствующих субъектов на их проведение, а также обеспечат стабильность их положения на рынке.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАКАЗАНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

А.С. Дукарт, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент С.В. Ведяшкин

Оптимизация системы наказания предполагает оценку его эффективности при воздействии на правонарушителя и общества в целом. Существуют различные способы определения эффективности. Наиболее распространенный способ с помощью формулы математического расчета эффективности. Она носит универсальный характер и применима для оценки эффективности любых видов наказания. В ней эффективность определяется через соотнесения двух элементов: достигнутого результата к цели, стоящей перед наказанием[1].

Данный способ повергается критике научного сообщества, так как числовые показатели необходимые для расчета собираются правоохранительными органами. Критерии оценки эффективности деятельности правоохранительных органов тесно переплетаются с оценкой эффективности наказания. Желание достичь наилучших результатов приводит к негативной практике, обусловленной гонкой за показателями: фабрикация документов, несоблюдение норм законности, что не позволяет объективно оценить действенность мер ответственности[2].

[1] Братановский С.Н. Административное право: учебник. М.: Директ-Медиа. 2013. С. 655.

[2] Панеях Э.Л., Волкова В.В. Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования. Часть первая главы 1, 2, 3. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2012. С. 60.

Вторым способом является оценка по определенным критериям, к которым можно отнести такие, как:

1) уровень, динамика, структура всех административных правонарушений;

2) уровень, динамика и структура рецидивных правонарушений;

3) уровень, динамика и структура предупрежденных правонарушений[1].

В рамках дисциплины «экономика права» предлагается ещё один способ оценки эффективность административно-принудительных мер. Предлагаемая формула расчёта представляет собой отношение динамики критериев, приведенных выше, к изменению расходов ресурсов, затраченных для достижения данных показателей. Очевидно, что рост эффективности будет отмечаться при существовании обратной зависимости между величинами[2]. Стоит отметить, что на данный момент предложенный способ оценки не применяется на практике в связи сложностью определения всей совокупности ресурсов, затраченных для снижения уровня административных правонарушений, в том числе предупрежденных и рецидивных.

На основе вышеизложенного, можно выявить основные проблемы способов оценки эффективности наказания, которые необходимо разрешить: во-первых, устранить прямую взаимосвязь между оценкой эффективности деятельности правоохранительных органов с оценкой эффективности наказания, необходимо учитывать деятельность правоохранительных органов только как один из факторов, влияющих на эффективность наказания; во-вторых, внедрить дополнительные способы оценки, которые бы позволили с разных сторон оценить эффективность наказания.

СОВРЕМЕННЫЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БРОДЯЖНИЧЕСТВУ И ПОПРОШАЙНИЧЕСТВУ

М.В. Толстых, курсант Омской академии МВД России
Научный руководитель – д-р юрид. наук, доцент О.А. Дизер

В настоящее время бродяжничество и попрошайничество является широко распространенным антисоциальным явлением. В свою очередь оно выступает системообразующим для ряда других проблем общества. Общественная опасность заключается в том, что лица, занимающиеся бродяжничеством и попрошайничеством, причиняют вред себе и окружающим, а также оказывают негативное влияние на социально нестабильных граждан. В большинстве случаев, указанные ранее лица, систематически злоупотребляют алкогольной и наркотической продукцией, тем самым способствуют большей дезадаптации. Ко всему прочему, бродяги и попрошайки занимаются деятельностью, которая носит криминальный характер, это, непосредственно, совершение различных преступлений и вовлечение несовершеннолетних в антиобщественное поведение, кроме того зачастую сами становятся жертвами преступных посягательств в криминальную среду[3].

Также заслуживает внимания то факт, что единственными учреждениями, реализующими государственную политику в сфере социального обслуживания лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, являются организации социального обслуживания, относящиеся к Минтруду России[4].

---

[1] Назначение наказания, его эффективность и освобождение от уголовной ответственности и наказания: учеб. пособие / под ред. Г.Б. Виттенбергер. Иркутск: Иркутский государственный университет имени А.А. Жданова. 1978. С. 13.

[2] Одинцова М.И. Экономика права: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. С. 24.

[3] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-i-pravovaya-priroda-brodyazhnichestva-i-poproshaynichestva-v-rossii-na-sovremennom-etape.

[4] Дизер О.А. Деятельность полиции по противодействию бродяжничеству и попрошайству как разновидности антисоциального поведения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 1 (34). С. 110.

Эффективным средством защиты общества и государства от правонарушений, совершаемых бродягами и попрошайками, могут стать меры административно-правовой защиты. Они должны носить, как профилактическо-предупредительный характер, так и карательный.

Необходимо законодательное закрепление следующих мер административного принуждения:

- помещение в приемник – распределитель для лиц, задержанных за бродяжничеством и попрошайничество;

– помещение лица, занимающегося бродяжничеством и попрошайничеством в специальные учреждения, где они должны заниматься трудовой деятельностью;

– направление на медицинское освидетельствование и медицинское освидетельствование на предмет определения степени состояния здоровья;

– принудительное лечение социально значимых заболеваний и заболеваний, предоставляющих опасность для окружающих.

Успешная реализация указанных норм будет зависеть не только от органов внутренних дел, но и от социальных и медицинских учреждений. Лишь тесно взаимодействуя по данному направлению возможно достижение желаемого результата. Поэтому, следует подготовить специальный федеральный закон, где будет закреплен порядок взаимодействия служб, а также мероприятия ими проводимые. Главной целью должно являться – возращение лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством к нормальному образу жизни. А также, снижение влияния указанных явлений на других граждан и общество в целом.

ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ: ВСЕ ЛИ МОЖНО ЗАБЫТЬ

Е.Е. Захарчук, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент А.М. Барнашов

Интернет – главный источник информации не только об явлениях действительности, но и о людях. Некоторые граждане желают скрыть из общего доступа ссылки на свои персональные данные и это возможно благодаря праву на забвение. В таких условиях как сохранить грань между защитой права на частную жизни и соблюдением интересов общества?

Именно такой вопрос ставит перед нами вступивший в силу 1 января 2016 года ФЗ «О внесении изменений в ФЗ “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”», ст. 29 и ст. 402 ГПК, именуемый в народе «Закон о забвении». В соответствии со ст. 10.3 закона « О забвении» оператор поисковой системы обязан по запросу лица удалить ссылки на информацию о нем, распространяемой с нарушением законодательства РФ, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость[1].

Использование законодателем таких неопределенных формулировок как «неактуальная информация» и «информация, утратившая значение для заявителя» в целях наиболее эффективного применения закона к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций[2], на

[1] Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» от 13.07.2015 N 264-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182637/ (дата обращения: 02.03.2020).

[2] Определение Конституционного суда РФ от 25.03.2019 N 849-О [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26032019-n-849-o/ (дата обращения: 02.03.2020).

практике затрудняет для операторов, определение информации подпадающей под эти критерии, что способствует злоупотреблению правом, как рядовыми гражданами, так и известными лицами для сокрытия нежелательных фактов.

Поэтому в закон « О забвении» предлагается внести некоторые изменения:

1. Так следует установить критерии отсутствия общественного интереса:

– наличие информации деликатного характера (о здоровье, расовой, этнической, религиозной принадлежности, политических взглядов лица);

– наличие информации, связанной с несовершеннолетними (сведения о несовершеннолетних или правонарушениях, которые лицо совершило до достижения им совершеннолетия);

– наличие погашенной судимости, пересмотр приговора осужденному, оправдательный вердикт (учитываются сведения о реабилитации осужденных, давность подобной информации и характер правонарушений)[1].

2. Условия, при которых удаления данных и запрет на их дальнейшее распространение невозможен в силу их исторической, статистической, научно-исследовательской необходимости. Для обеспечение свободы СМИ предлагается внести поправку, исключающую удаление данных, собранных для журналистских, художественных или литературных целей.

3. Предлагается создать сторонний орган или специальное подразделение из Роскомнадзора для принятия решений об удалении и освободить поисковые системы от данной ответственности.

Подводя итоги, мы считаем данный закон перспективным в развитии и обеспечении конституционных прав граждан в РФ. Однако память человеческая недолговечна и вместо книг ее теперь хранит Интернет, мы должны сделать все, чтобы защитить его, в том числе и от злоупотребления правом на забвение.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЗАЩИТУ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

А.Н. Берглезов, старший преподаватель НГУЭиУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент О.Н. Шерстобоев

Правовой предпосылкой постановки проблемы защиты прав субъектов малого и среднего предпринимательства при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля выступают положения ст. 45 Конституции РФ, гарантирующей государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, а также право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. В контексте указанной нормы, на мой взгляд, следует констатировать о том, что права субъектов предпринимательской деятельности так же, как и другие права и свободы граждан и их объединений, подлежат признанию, уважению, соблюдению и защите со стороны правового государства в целом, отдельных лиц и органов в частности.

Одним из ключевых нормативно-правовых актов, регламентирующих общественные отношения в указанной сфере правоотношений, в настоящее время является Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципаль-

[1] Запросы на удаление результатов поиска на основании европейского законодательства о конфиденциальности: часто задаваемые вопросы [Электронный ресурс]. URL: https://support.google.com/transparencyreport/answer/7347822?hl=ru/ (дата обращения: 02.03.2020).

ного контроля» (далее – Федеральный закон № 294-ФЗ)[1]. При его разработке в достаточной степени широко использовалась различного рода правовая практика разнообразных правовых систем других государств, а также заимствовались уже имеющиеся отдельные законодательные механизмы защиты предпринимателей. Одной из основных идей принятия данного нормативного акта было аккумулирование в нем содержащихся в различных законах и подзаконных актах правовых норм, регламентировавших порядок осуществления проверок субъектов малого и среднего предпринимательства. Вместе с тем в скором времени после его принятия в него было внесено значительное количество бланкетных норм, отсылающих к другим законодательным либо подзаконным актам. В результате в настоящее время помимо указанного Федерального закона правоотношения в этой сфере регламентированы более чем 100 федеральными законами и подзаконными нормативными правовыми актами. Это обстоятельство значительно усложняет правоприменительный процесс, а также затрудняет процесс повышения уровня правовой осведомленности предпринимателей о своих правах и деятельности, связанной с осуществлением контрольных полномочий. Обращение к вопросу защиты прав субъектов малого и среднего предпринимательства через призму норм Федерального закона № 294-ФЗ показывает, что законодатель напрямую освещает его в нескольких аспектах, а именно: устанавливает основные принципы защиты прав субъектов малого и среднего предпринимательства при осуществлении государственного контроля (надзора) (ст. 3); разрешает применение способа защиты в виде возмещения вреда (ст. 22); определяет общие параметры защиты (использование административного и (или) судебного порядка защиты, возможность признания недействительными полностью или частично нормативных правовых актов органов государственного контроля (надзора), нарушающих права и (или) законные интересы юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и не соответствующих законодательству РФ) (ст. 23); санкционирует использование общественной формы защиты (ст. 24).Следует заметить, что Федеральный закон № 294-ФЗ закрепляет именно принципы защиты прав при проведении государственного контроля и надзора. Что же касается принципов проведения контроля и надзора, они нашли свое отражение в нормах иных правовых актов.

СООТНОШЕНИЕ ПРИНУЖДЕНИЯ И УБЕЖДЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

Р.С. Кадышев, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент А.А. Трынченков

Рассматривая соотношение метода принуждения и убеждения в административном праве, сначала стоит определиться с понятиями данных категорий. Под принуждением, чаще всего, понимают способность (право) государства при помощи установленных средств и способов оказывать воздействие на волеизъявление лиц, совершивших правонарушения. Такое воздействие выражается в применении установленных мер государственного принуждения – неблагоприятные последствия для лица, совершившего правонарушение. Убеждение как юридическую категорию можно рассматривать в качестве способности государства посредством установленных способов и средств оказывать воздействие на волю и интересы лиц, используя комплекс воспитательных, разъяснительных и поощрительных мероприятий.

Представляется целесообразным рассмотреть соотношение методов принуждения и убеждения в административном праве.

[1] О государственной защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ // СПС Консультант плюс.

Во-первых, в административном праве эти методы всегда находятся в связке, то есть государство не может обеспечить исполнение (соблюдение) установленных норм путем применения только одного метода. Применение только убеждения не сможет обеспечить соблюдение установленных правовых норм, так как не будет предусмотрено сопутствующей ответственности лиц, за нарушение соответствующих норм. В отношении принуждения складывается похожая ситуация. На первых этапах соблюдение норм будет обусловлено страхом лиц перед установленной ответственностью, но по своей сути человек не может вечно находиться в состоянии постоянного страха, инстинктивно он пытается устранить источник беспокойства, что может стать причиной появления мятежных настроений.

Во-вторых, в административном праве основное место отводится методу убеждения. Это связанно с тем, что государству, как управляющему, властному субъекту гораздо выгоднее посредствам пропаганды, поощрения и иных способов привить и развить у людей определенный уровень правосознания, и достигнуть той заинтересованности лиц в соблюдении норм права, при которой любое нарушение установленных правил будет восприниматься как что-то вопиющее, подрывающие общие интересы.

В-третьих, в связи с тем, что принуждение носит ретроспективный характер, неблагоприятные последствия, установленные законом, не могут применяться к лицам, не нарушившим этот закон. Принуждение неотрывно следует за убеждением, как уже говорилось ранее, при отсутствии принуждения, норма права становится не защищенной, отсутствие ответственности (как одной из форм принуждения) за нарушение, по сути, делает норму «мертвой». Похожего мнения, относительно порядка применения методов убеждения и принуждения, придерживаются и некоторые юристы, к примеру, Л. Попов. Отличного мнения придерживается О.М. Якуба, утверждающий: «значение мер административной ответственности усиливается»[1], что означает и усиление роли принуждения. Однако, несмотря на это, убеждение все еще держит лидирующие позиции, как метод государственного управления, так как даже после применения мер принуждения имеет место убеждение, примером этого может служить возможность лица при уплате штрафа в определенные сроки получить в качестве поощрения, возможность снижения его размера.

Таким образом, можно сделать вывод, что первостепенное место в соотношении метода принуждения и убеждения занимает убеждение, так как именно оно является основным и начальным способов воздействия на волю лиц, которое может воздействовать постоянно, а не только как следствие факта нарушения установленных норм.

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА НА РЕАЛИЗАЦИЮ КОНЦЕПЦИИ РАЗУМНОГО (УСТОЙЧИВОГО) ПОТРЕБЛЕНИЯ

К.В. Олехнович, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент А.В. Баранов

Разумное (устойчивое, ответственное) потребление было установлено в качестве одной из 17 целей устойчивого развития, утвержденных Организацией Объединенных Наций. По большей части, данная концепция связана с экономическими процессами в нашей стране и мире в целом. К примеру, многие мировые лидеры в сфере fashion уже на протяжении нескольких лет придерживаются данной концепции, участвуя в различных мероприятиях, посвященных осознанному потреблению.

12-я цель устойчивого развития – обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства, вкратце – устойчивое потребление, которое направлено на стиму-

[1] Якуба О.М. Административная ответственность. М.: Юрид. лит., 1972. 152 с.

лирование эффективности использования ресурсов и энергии, создание «зеленых» рабочих мест, снижения потребления в целом.

Ситуация с накопленными отходами становится не только технической, но и правовой, экономической, социально-экологической проблемой, балансирующей на грани экологической катастрофы. Отсутствие в нашей стране раздельного сбора твердых бытовых отходов и сложность организации его в ближайшем будущем, несмотря на определенные сдвиги в этом вопросе, приводит к мысли, что помимо специально создаваемой законодательной базы, необходимо менять и психологию граждан, направленную в настоящее время на безудержное потребление, на более осознанное отношение к ресурсам и товарам потребления, и повышать экологическую культуру граждан.

Статья 58 Конституции Российской Федерации устанавливает обязанность граждан сохранять природу и окружающую среду и бережно относиться к природных богатствам нашей страны. Помимо этого, в Конституции также закрепляется и право граждан на благоприятную окружающую среду, исходя из чего можно сделать вывод о том, что обеспечение этого права – это одна из важнейших функций нашего государства. Однако данное положение нашей Конституции не всегда исполняется.

Есть ряд проблем, в том числе, в сфере правового регулирования охраны окружающей среды, которые лишь усугубляют ситуацию, связанную с правовым и экологическим нигилизмом. К примеру – огромное количество нормативно-правовых актов, регулирующих так или иначе сферу охраны окружающей среды. Вполне логичное решение этой проблемы – разработка и принятие единого экологического кодекса, опираясь на практику зарубежных стран. Помимо этого, необходимо содействовать в подготовке юристов в сфере экологического права. На сегодняшний день данной дисциплине посвящена малая часть учебного процесса, исходя из чего студенты-юристы не получают тех необходимых знаний, которые в современном мире нужны почти каждому человеку. Естественно, необходимо говорить и о самых популярных средствах повышения экологической культуры: это распространение знаний в образовательной системе всех уровней, для того, чтобы наша молодежь перестала отрицать необходимость изменения отношения к природным ресурсам нашей страны и всей Земли.

По причине распространенности правового нигилизма в сознании наших граждан, по причине недобросовестного отношения к своих обязанностям, в том числе, закрепленных и на конституционном уровне, многие граждане сознательно пренебрегают необходимостью сохранения природы и окружающей среды. У современного российского общества сложилось потребительское отношение к природным ресурсам и окружающей среде. Естественное истощение природных запасов и постоянное целенаправленное воздействие антропогенного, человеческого фактора наносит значительный вред окружающей среде. Нерациональное использование природных ресурсов создало необходимость совершенствования правового регулирования общественных отношений в сфере охраны окружающей среды.

СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОБЕЛОВ В ПРАВЕ

Ф.П. Бахшалиева, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент А.В. Баранов

На сегодняшний день право играет большую роль в нашей жизни, оно регулирует сферу общественных отношений, связанных с устройством государства и правовым положением человека. Право есть почти в любой сфере нашей жизни, даже обычная покупка хлеба в магазине регулируется им, так как в этот момент мы вступаем в определенного вида правоотношение. Мы живем в мире, где стремительно и динамично развиваются какие-либо отношения, а право стремится догнать их, но это не всегда удается, поэтому и возникают пробе-

лы в праве. Пробелы в праве возникают не только по причине случайного появления, но и по причине сознательного нежелания законодателя (и в целом субъектов правотворчества) регулировать те или иные обстоятельства.

Немецкий философ Иммануил Кант говорил, что «государство основывает свою деятельность исключительно на праве, следует ему и вместе со всеми выполняет общеобязательные законы», но что же должны делать при его отсутствии?

Пробелы в праве – это отсутствие нормативно-правового акта, его части, конкретной нормы, ее отдельного элемента, необходимых для регламентации отношения, входящего в сферу правового регулирования. На сегодняшний день выделяются несколько способов преодоления пробелов в праве, а именно нормативное устранение пробела и казуальное восполнение пробела, которое включает в себя аналогию права, субсидиарное применение права и аналогию закона. Различные теоретики имеют свои взгляды по поводу способов преодоления права, кто-то включает, а кто-то и исключает те или иные суждения, но в тех и иных теориях есть аналогия закона и аналогия права, которые являются основными и часто применимыми теориями в практике.

Нормативное устранение пробела представляет собой введение новой нормы, которая закрывает тот или иной возникший пробел. Но данный способ имеет как свои плюсы, так и минусы. Каждая норма в законе представляет собой часть системы права, и каждая из норм может иметь свои нюансы и может взаимодействовать с другой из норм, таким образом, при его ликвидации или замене могут быть упущены те или иные особенности, что ведет к возникновению юридической коллизии.

Наиболее используемым являются казуальные способы восполнения, которые представляют собой решение в том или ином юридическом деле, выдвинутое субъектами правоприменительной деятельности при отсутствии или недостаточности нормы, но данные способы не допускаются в уголовном праве и в институте административной ответственности. Казуальные способы восполнения, как упоминалось ранее, делится на аналогию права, субсидиарное применение права и аналогию закона.

Аналогия права предполагает собой вынесение решения на основе сходной правовой нормы к конкретному юридическому делу, которое не имеет урегулированности со стороны закона.

Аналогия закона предполагает вынесение решения к конкретному юридическому делу при отсутствии нормы права на основе общих принципов и смысла права.

Также выделяют субсидиарное применение права, которое сходно с аналогией закона, но оно выносит решение на основе смежных отраслей права.

Несмотря на наличие таких способов преодоления права, не всегда можно вынести решение на возникший пробел. Но многие ученые и теоретики считают, что данные пробелы являются полезными для урегулирования общественных отношений, это указывает на проблемы, которые нужно решить, что ведет к поиску новых путей для их разрешения, хотя наличие пробела показывает недостаток действующей правовой системы. Хотелось бы также отметить, что наличие пробелов, как было, так и будет существовать, поскольку общественные отношения всегда находятся и будут находиться на стадии развития, но главной задачей права будет минимизация данных пробелов.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.В. Никулина, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент А.В. Баранов

На данный момент, по мнению А.М. Щукина, чрезвычайно актуальным видится разрешение проблем, связанных, прежде всего, с устранением явления правового нигилизма, а также с повышением правовой культуры среди молодежи[1].

[1] Щукин А.М. Правовая культура молодежи как объект социологического исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 1. С. 53.

Наличие данных проблем предопределяет необходимость подробного изучения сущности правовой культуры молодежи. Безусловно, чтобы достичь полного понимания сущности правовой культуры молодежи, необходимо, прежде всего, обеспечить понимание самой дефиниции правовой культуры, а также ее основных, базовых функций.

Профессор В.П. Сальников характеризует правовую культуру как особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние и личности, и общества, подлежащее структурированию по различным состояниям[1].

А.В. Баранов определяет правовую культуру как «качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне совершенства правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития личности, положительно влияющее на общественное развитие и поддержание самих условий существования государства и общества».[2]

Раскрывая функции правовой культуры, следует отметить, что в юридической литературе выделяют шесть таких функций:

1. Познавательно-преобразовательную. Эта функция способствует слаженности и взаимодействию интересов государства и общества, возникновению правовых и нравственных гарантий свободного развития личности, уважения ее достоинства, признания ее высшей ценностью. Она направлена на достижение цели любого демократического общества – создание правового государства.

2. Праворегулятивную. Цель этой функции – обеспечение эффективного механизма развития правовой системы, упорядоченности общественных отношений.

3. Ценностно-нормативную. Указанная функция проявляется в отражении в индивидуальном и групповом сознании фактов, имеющих ценностное значение.

4. Правосоциализаторскую. Названная функция включает в себя воспитание правовой культуры личности и осознание самой личностью механизма установленных законом прав, свобод, обязанностей и гарантий.

5. Коммуникативную. Под коммуникативной функцией подразумевается влияние общения людей в рамках одного поколения и между поколениями на уровень их правовой культуры.

6. Прогностическую. Эта функция правовой культуры предполагает анализ перспектив существующей системы правовых норм и идеалов, выявление новых правовых ценностей.

Таким образом, сущность правовой культуры молодежи предопределяется взаимосвязью и взаимозависимостью всех названных функций.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Д.А. Живоденко, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент А. В. Баранов

В период завершения распада родового строя, когда мононормы уже не могли в полной мере выполнять возложенные на себя функции, и происходила дифференциация мононорм, в которой начали появляться обособленно друг от друга традиции, обычаи, обряды, запреты и т.п.

Выходом из этой ситуации стало создание правил поведения, которые включали в себя особенности того периода и эти нормы соблюдались обществом того времени, а при их нарушении специально созданный орган применял меры принуждения для пресечения правонарушения этих норм.

---

[1] Сальников В.П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства // Демократия и законность. Самара, 1991. № 3. С. 32.

[2] Баранов А.В. Теория государства и права: в 2 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 133 с.

На сегодняшний день под термином «реализация права» понимается процесс предписаний юридических норм в жизнь путем правомерного поведения субъектов общественных отношений[1]. Это определение очень хорошо показывает специфику реализации права, так как оно затрагивает весь субъективный состав и показывает, что возможность реализации права возможна только благодаря взаимодействию всех членов общества.

Большинство правоведов выделяют 2 группы реализации права и их 4 формы. Первая группа – это непосредственная форма реализация права. В нее входят соблюдение права, исполнение права, использование права. Вторая группа – применение права[2].

Очень интересной формой реализации является соблюдение права. Под соблюдением права принято понимать реализацию своих обязанностей путем воздержание от совершения запрещенных нормами права действий (бездействий).

То есть, получается, что не совершая каких-либо действий (бездействий) противоречащих любой статье УК РФ, то к субъекту не будет применено каких-либо мер принуждения со стороны государства.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ САНИТАРНО-ЭПИДИМИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

К.А. Былина, курсант ОмА МВД России
Научный руководитель – канд. юрид. наук, ст. преподаватель А.В. Ляшук

Вопросы обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности во все времена остро вставали перед обществом. Инфекция коронавируса в настоящий момент представляет собой одну из глобальных угроз населению мира, в том числе и России. В мире зафиксировано более 1 500 000 заболевших.

Обеспечение санитарно-эпидемиологической безопасности гарантируется комплексом мер. Особое место среди них занимает российское законодательство, предусматривающие нормативное закрепление правил и ответственности за их нарушение[3]. Законодательством установлены санитарные правила, а также специализированный надзор за соблюдением санитарно-эпидемиологических правил, который осуществляется органами государственной санитарно-эпидемиологической службы РФ, медицинской службой. Также полномочия по обеспечению безопасности возлагаются на правоохранительные органы: ФСБ, полицию, войска национальной гвардии.

Противодействие распространению санитарно-эпидемиологической угрозы предполагает применение от лица государства различных мер принуждения и ограничения к отдельным гражданам или их группам. Можно выделить следующие группы мер: 1) меры предупреждения (самоизоляция, патрулирование, проверка документов, запрещение въезда, выезда ограничительные мероприятия и др.)[4]; 2) меры пресечения (карантин, временное приостановление деятельности и др.); 3) меры административной ответственности по КоАП РФ и законам субъектов Российской Федерации (административный штраф, административное

[1] Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб и доп. М., 2002. С. 453.
[2] Баранов А.В. Теория государства и права в схемах и определениях: учеб. пособие / под ред. М.М. Журавлева. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета,2014. С. 75.
[3] Ишмухаметов А.А., Чернов К.А. Эпидемиологическая безопасность в условиях глобализации – новые угрозы и методы противодействия // МедиАль. 2018. № 2. С. 62.
[4] См., например: Указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

приостановление деятельности); 4) меры уголовной ответственности (штраф, ограничение свободы, лишение свободы). В связи с этим проблемой является нахождение баланса между частными интересами отдельных лиц и необходимостью государственного вмешательства в общественную жизнь с целью защиты большинства населения от эпидемиологической угрозы.

С точки зрения российского законодательства права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Является ли угроза пандемии веской причиной ограничения прав и свобод человека?

Если обратиться к зарубежному опыту, то можно убедиться в том, что применяемые меры принуждения также являются достаточно жесткими. Штрафы варьируются от 40 до 100 тыс. долларов (Великобритания, США), срок лишения свободы от 3 месяцев (Италия) до 7 лет (Израиль). В КНР в виде крайней меры введена смертная казнь.

Представляется, что угроза пандемии всё же является веской причиной ограничения прав и свобод человека! Необходимо расширить юрисдикционные полномочия органов исполнительной власти по возбуждению производства по административным правонарушениям. Охрана общественного порядка в ходе действия административно-правового режима карантина имеет ряд особенностей, требует дополнительных «силовых» методов со стороны полиции, при этом невыполнение законных требований органов исполнительной власти в период действия режима обеспечения эпидемиологической безопасности должно нести более тяжкую административную ответственность в отличие от охраны общественного порядка в обычных условиях. При этом должно быть организовано тесное взаимодействие МВД и других силовых структур с органами государственной санитарно-эпидемиологической службы РФ и министерства здравоохранения.

СООТНОШЕНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ И ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Д.А. Демчук, курсант Кузбасского института ФСИН России
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент И.В. Малышева

В 1996 году Российская Федерация, присоединившись к международному протоколу №6 к «Конвенции о защите прав человека и основных свобод», тем самым отказалась от применения смертной казни как высшей меры уголовного наказания, фактически утвердив в качестве высшей меры наказания пожизненное лишение свободы. Сказанное означает, что применение смертной казни как вида уголовного наказания в России должно быть приостановлено.

В 1999 году Конституционный суд Российской Федерации выносит постановление о приостановлении применения смертной казни как вида наказания на 10 лет[1]. Так же не стоит забывать постановление Конституционного суда Российской Федерации от 2009 года, которое сыграло очень важную роль, в котором заявлялось об отмени назначения такого вида наказания как смертная казнь.

В действующих Конституции РФ, УК РФ и УИК РФ смертная казнь как вид уголовного наказания и особенности её применения до сих пор сохранены. Фактически ни один документ юридически не является основанием для того, чтобы была выполнена отмена абсолют-

[1] Соколова В.Д. Актуальные проблемы моратория на смертную казнь при назначении наказания за убийство// Владимирский государственный университет. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-moratoriya-na-smertnuyu-kazn-pri-naznachenii-nakazaniya-za-ubiystvo (дата обращения: 12.11.2019).

ная отмена высшей меры наказания[1]. Несмотря на чёткую и ясную позицию государства, мнение общества не столь однозначно, что показывают социологические опросы по вопросу смертной казни[2]. Видится скачкообразное отношение к смертной казни общества отражает нестабильность социального развития (экономические и политические кризисы), а так же громкие уголовные преступления, вызывающие «социальный взрыв», подобно тем, которые были совершены осенью 2019 г. (убийства девятилетней девочки в Саратове и шестилетнего ребёнка в Нарьян-Маре).

Признание исключительности пожизненного лишения свободы как вида уголовного наказания в науке оспаривается, «хотя в настоящее время пожизненное лишение свободы перестало носить исключительно альтернативный характер по отношению к смертной казни, фактически его применение носит исключительный характер»[3]. Это отражает сегодняшнюю реальность – смертная казнь как наказание не назначается и не применяется более 20 лет, констатируя факт того, что она (смертная казнь) уходит в прошлое, а на её замену как исключительной меры наказания активно применяется пожизненное лишение свободы.

Спорный характер соотношения указанных видов уголовного наказания поднимает прежде всего вопрос о принятии окончательного решения по смертной казни. Однако это не совсем просто. С одной стороны пожизненное лишение свободы как показывает практика фактически представляет собой альтернативу смертной казни в качестве исключительной меры, а сохранение смертной казни лишь загромождает и без того переполненное правовыми предписаниями действующее законодательство. С другой стороны, нестабильность общественного мнения и фактическое устрашающее воздействие смертной казни как меры правового характера очевидно играют немаловажную роль.

ФАБРИЧНЫЙ ЗАКОН 1845 ГОДА: НОРМА БЕЗ НАКАЗАНИЯ

А.А. Захаров, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент П.П. Румянцев

Для историографии фабрично-заводского законодательства Российской империи закон 7 августа 1845 г. и его судьба всегда была странной[4]. Этот закон полностью запретил ночную работу на фабриках малолетним до 12 лет. Р.А. Тютрюмов, А.А. Микулин и И.И. Шелымагин практически в один голос писали об отсутствии надзора за исполнением этого правила и об отсутствии наказания за его нарушение[5]. Именно поэтому, на их взгляд, норма практического значения не имела и вскоре была забыта. Правительственные комиссии по улучшению положения рабочих 1860–1880-х гг. даже не вспомнили об этом нормативно-правовом акте, как будто его вовсе не существовало[6].

[1] Дмитренко А. Г., Малин П. М. Проблемы окончательной отмены смертной казни в Российской Федерации // Молодой ученый. 2017. №14. С. 505-506. URL: https://moluch.ru/archive/148/41691/ (дата обращения 14.11.2019)
[2] Опрос на тему смертной казни от 08.02.2017 // Новостной портал «Левада центр». URL: https://www.levada.ru/2017/02/08/smertnaya-kazn/ (дата обращения: 14.12.2019).
[3] Новоселов Г.П. Виды наказания: их система и подсистемы // Российский юридический журнал. 2019. № 5. С. 71–81.
[4] Высочайше утверждённое положение Комитета Министров. О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста (7 августа 1845 г.) // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. СПб.: Государственная типография, 1846. Т. 20. № 19262. С. 591.
[5] Тютрюмов Р.А. Фабричное законодательство в России. М.: Польза, 1908. С. 17; Микулин А.А. Фабричная инспекция в России. 1882–1906. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1906. С. 2; Шелымагин И.И. Фабрично-трудовое законодательство в России (2-я половина XIX века). М.: Юрид. изд-во, 1947. С. 30–31.
[6] Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историческое развитие русской фабрики в XIX в. М.: Московский рабочий, 1922. С. 176.

М.И. Туган-Барановский писал, что закон появился из-за крупных волнений на Вознесенской бумагопрядильне, недалеко от Москвы, которые потребовали вмешательства со стороны власти вооружённых сил. Затем правительственное обследование московских фабрик и заводов обнаружило широкое использование на них ночного детского труда. «На 23-х московских бумагопрядильнях работало 2 100 детей; работа на всех этих фабриках шла круглые сутки – днём и ночью, причём ночью работали как взрослые, так и дети»[1]. По его мнению, такое злоупотребление детским трудом и привело к изданию закона 1845 г. В свою очередь сам фабричный закон 1845 г. содержит причину собственного появления – слишком тяжёлые ночные работы малолетних детей, которые необходимо было облегчить.

Под действие закона попали фабрики, заводы и мануфактуры, использовавшие ночной детский труд. Хозяевам таких предприятий запрещалось ставить детей на ночные смены – с 12 часов ночи до 6 часов утра. Для контроля за нововведением законодатель обязывал владельцев фабрик «подписками» о неиспользовании ночного детского труда, а наблюдение за применением этой нормы предоставлялось «местному начальству».

Можно согласиться с большинством исследователей в отсутствии в законе как органов надзора, так и меры наказания. Но стоит отметить, что этот закон имел очень обобщённый вид. Скорее всего он лишь провозглашал намерения преобразований, чем детально регулировал сферу общественной жизни. Видимо, в дальнейшем данный нормативно-правовой акт должны были расширять и уточнять: начиная от определения конкретных местных органов власти и/или должностных лиц и заканчивая попаданием заводов, мануфактур и других видов промышленного предприятия под действие этой нормы. Однако своего продолжения закон не получил.

Аргументом в подтверждение предположения о дальнейшем дополнении закона может служить схожесть применения закона 1 июня 1882 г.[2] Оба закона были введены из-за тяжёлых условий труда детей и для облегчения их жизнедеятельности на фабриках и заводах. Закон 1845 г. запрещал ночную работу детям до 12 лет, закон 1882 г. запретил работу детям до 12 лет вообще, ночную работу – детям до 15 лет. Эти законы примерно одинаково указывали временные границы ночных работ: с 12 часов ночи до 6 утра и с 9 часов вечера до 5 утра, соответственно. По норме 1845 г. органом надзора выступало «местное начальство», а по норме 1882 г. – фабричная инспекция. Оба закона не содержали чёткой территории действия новых норм и какого-либо наказания за их нарушение. Но по задумке создателей они должны были дополняться. После издания закона 1845 г. должны были последовать распоряжения министра финансов об исполнении закона, а после издания закона 1882 г. – список изнурительных заведений и работ для детей, список фабричных округов, инструкция для фабричной инспекции и т.д. После отсрочки закон 1882 г. был приведён в действие 1 мая 1884 г., а 5 июня 1884 г. была определена система наказаний за нарушение норм о труде малолетних[3]. В обоих случаях вслед за законами были запланированы следующие нормативно-правовые акты, необходимые для их применения. Этот факт объясняет, почему закон 1845 г. имеет столько неточностей.

Таким образом, закон 7 августа 1845 г. запрещал ночную работу малолетним до 12 лет, но из-за отсутствия органов надзора, меры наказания, а также прекращения дальнейшей проработки и законодательного уточнения этой нормы действие закона было сведено на нет. Однако запрет ночной работы детям положил начало ограничению труда детей, женщин и мужчин на фабриках и заводах 1880–1890-х гг.

---

[1] Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем... С. 175.

[2] Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета. О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах (1 июня 1882 г.) // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб. : Государственная типография, 1886. Т. 2. № 931. С. 265–267.

[3] Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета. О взысканиях за нарушения постановлений о работе малолетних на заводах, фабриках, мануфактурах и в ремесленных заведениях (5 июня 1884 г.) // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб.: Государственная типография, 1887. Т. 4. № 2286. С. 342–343.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ТИШИНЫ И ПОКОЯ ГРАЖДАН

И.А. Казанцева, курсант ОмА МВД России
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент В.И. Сургутсков

Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности выступает одним из важнейших направлений деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. В целях осуществления этой функции необходимо создать благоприятные условия для реализации личностью своих прав, свобод и законных интересов. В связи с этим серьезную обеспокоенность вызывают административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, к числу которых можно отнести нарушение тишины и спокойствия граждан.

В настоящее время Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях[1] не предусмотрена административная ответственность за нарушение тишины и покоя граждан.

Статья 72 Конституции Российской Федерации[2] закрепляет положение, согласно которому защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности является предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, что обусловило возможность принятия последними нормативных правовых актов, которые предусматривают административную ответственность за нарушение регионального законодательства, в том числе в сфере общественного порядка.

В связи с этим во всех субъектах Российской Федерации имеются региональные законы, в которых содержатся нормы, непосредственно направленные на защиту граждан от внешних источников проявления шума.

Проводя анализ законодательства субъектов Российской Федерации, выявлено, что каждый регион производит собственную интерпретацию того, какие действия нарушают тишину и покой граждан, а также устанавливает промежуток времени, в который запрещается совершение противоправных действий.

Однако, несмотря на наличие норм, установленных законодательством субъектов Российской Федерации, их реализация в настоящее время затруднена. Это обуславливается отсутствием соглашений между исполнительными органами субъектов Российской Федерации и МВД России (в настоящее время подобные соглашения заключены лишь в 19 субъектах России), тем самым возбуждать дела об административных правонарушениях за нарушение тишины и покоя граждан просто некому, что существенно влияет на авторитет органов внутренних дел.

В связи с этим граждане, проживающие на территории различных субъектов Российской Федерации, находятся в разных условиях комфорта и защиты здоровья, что является прямым нарушением Конституции Российской Федерации, в которой, в частности, закреплено равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от места жительства, право каждого на благоприятную окружающую среду и право каждого на отдых.

Таким образом, в связи с разработкой положений нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях можно вести речь об установлении на федеральном уровне ответственности за нарушение тишины и покоя граждан в сфере нарушения общественного порядка. При этом предоставить субъектам Российской Федерации право са-

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

мостоятельно определять круг действий, нарушающих тишину и покой граждан, а также устанавливать временные промежутки. Включение норм, которые устанавливают административную ответственность за указанные деяния на федеральном уровне, безусловно, усилит эффективность борьбы с указанными правонарушениями и облегчит процедуру привлечения к административной ответственности.

КОНЦЕПЦИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ В РЕГУЛИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Н.А. Трынченков, студент ТГУ
Научный руководитель – ст. преподаватель А.В. Симоненко

Человечество, войдя в 21 век, переступило через порог очередной информационной революции. Одно из её проявлений – интенсификикация воздействия цифровых потоков информации на человеческое сознание. В подобных условиях возрастает угроза трансформации информации в её антипод – дезинформацию, препятствующую нормальной деятельности субъектов. Очевидна необходимость развития правовых механизмов контроля за информационными потоками.

Информация, с точки зрения своего содержания и оказываемого им воздействия на психику человека, подразделяется на обычную и на негативную, за оборотом которой предусмотрен специальный контроль. Последняя разновидность в литературе именуется негативным контентом. Негативный контент в свою очередь подразделяется в правовых системах США и стран ЕС на illegal (полностью запрещенный) и harmfull (вредный, который ограничивается в обороте). Аналогичная система предусмотрена и действующим российским законодательством.

Существующая система дифференциации и отнесения информации к нежелательной/запрещенной к обороту несовершенна. Для выделения указанных категорий законодатели используют преимущественно оценочные и не правовые, а социологические, психологические, морально-нравственные и философские категории.

Представляется, что закрепившаяся в доктрине система оперирования единственной категорией «негативной информации» является результатом методологической ошибки, исправление которой является первостепенной задачей. Практика показывает, что это ведёт к последовательному расширению границ того, что оказывается «под запретом». М.З. Али[1], отмечает, что даже Верховный Суд РФ допускает толкование, противоречащее смыслу п. 6 ст. 10 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ, который явно устанавливает запрет на распространение сведений, только если само по себе распространение информации образует состав административного правонарушения или уголовного преступления, а не тогда, когда за действия, о которых распространяется информация, предусмотрена уголовная или административная ответственность.

Представляется, что необходим пересмотр соотношения категорий «негативный» и «деструктивный» касательно характеристики информации, ограничиваемой в обороте в силу её антиобщественных свойств. В настоящий момент эти термины применяются как тождественные. Однако это и есть та самая ошибка, которая ведёт к возникновению раннее указанных проблем.

Негативная информация является родовым понятием по отношению к деструктивной информации и не несёт сама по себе цели причинения вреда какому-либо социальному бла-

[1] Али М.З. Ограничение доступа к информационным ресурсам в сети Интернет (практические проблемы признания информации запрещенной к распространению) // Право в сфере интернета: сб. ст. / ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 109.

гу. Она действует не направлено – её оценка варьируется и интерпретируется в зависимости от того, какой воспринимающий субъект подвергается её воздействию.

Деструктивная информация, в отличие от негативной, всегда имеет конкретно-целевой характер. Деструктивная информация всегда умышленно направляется с целью причинения вреда охраняемому законом социальному благу.

Значение данного концептуального подхода невозможно недооценивать, поскольку его применение предполагает качественно иную дифференциацию мер по ограничению данных разновидностей информации в обороте и мер государственной репрессии, применяемых в отношении нарушителей таких ограничений.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ

В.А. Короткова, студент ТГУ
Научный руководитель – ст. преподаватель А.В. Симоненко

Адвокатура – это символ демократического общества, законности, гарантированности соблюдения и защиты прав и свобод личности. Зародившись ещё в древности (V в. до н.э.), она продолжает своё развитие и по сей день.

Само слово «адвокат» произошло от древнеримского «advocare», что в переводе означает «призывать на помощь».

Так как большинство современных государств, в том числе и Россия, стремятся развиваться как правовое государство и гражданское общество, исследование института адвокатуры в настоящий момент очень актуально. В особенности для России – адвокатура в классическом понимании у нас возникла только в начале XXI в.

История адвокатуры в России начинается приблизительно с XV в., так как впервые об этом институте упоминается в Псковской и Новгородской судных грамотах. Однако сам термин «адвокат» на Руси не применялся.

Положения судных грамот были воспроизведены и дополнены последующими нормативно-правовыми актами: Судебниками Ивана III и Ивана IV, Соборным Уложением 1649 г. А термин «адвокат» впервые упоминается лишь в Кратком изображении процессов или судебных тяжб 1715 г.

Тем не менее, негативное отношение государственной власти к этой профессии сохранялось и в пореформенное время. Все российские императоры видели в адвокатах «крапивное семя» и угрозу самодержавию. Император Николай I так отвечал на предложение Д.В. Голицына ввести адвокатуру в России: «А кто погубил Францию, как не адвокаты, вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Марат, Робеспьер и другие? Нет, князь, пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, проживём и без них»[1].

До реформы в Российской империи прообразом адвокатов были стряпчие, которые, однако, находились в большом неуважении, поскольку ни образовательного, ни нравственного ценза к ним не предъявлялось, а их деятельность сводилась к запутыванию дел, рукоприкладству и составлению бумаг. Ни о какой защите прав и интересов тяжущихся не могло быть и речи. Не было и организованности в рядах стряпчих. Только в XIX в. Законом от 14 мая 1832 г. происходит юридическое оформление судебного представительства в отдельный институт присяжных стряпчих, которые теперь должны были отвечать определённым требованиям[2].

[1] Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 1–2. СПб.: Юр. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1893. Ч. 1: Очерк всеобщей истории адвокатуры. VIII. С. 320.
[2] Гессен И.В. История русской адвокатуры. Т. 1 / авт. тома И.В. Гессен; сост. С.Н. Гаврилов. М.: Юристъ, 1997. С. 24.

В результате же реформы Александра II с введением Судебных уставов 1864 г. в Российской империи зародился совершенно новый для неё правовой институт. Именно день вступления в силу Судебных уставов (17 апреля 1866 г.) является официальным днём создания адвокатуры в России.

Новые адвокаты резко отличаются от дореформенных: их деятельность регламентировалась законодательством, к ним предъявлялись определённые требования (стаж работы по судебному ведомству не менее 5 лет, достижение возраста 25 лет, русское подданство, отсутствие судимости и др.)[1]. Теперь деятельность присяжных поверенных заключалась в непосредственной помощи своим клиентам и их представительстве.

С 1866 по 1917 гг. адвокатура существовала как особое «сословие». Она стала приобретать некоторые черты, присущие её современному виду.

Однако в начале XX в. институт адвокатуры был реорганизован и с 1917 г. защитником (с 1918 г. правозаступником) мог быть любой «неопороченный» гражданин, пользующийся гражданскими правами[2]. Тем не менее, 26 мая 1922 г. ВЦИК утвердил Положение об адвокатуре, и эта дата стала днём рождения советской адвокатуры. Её характерной особенностью является полная подотчётность и подконтрольность государственной власти. Законодательство советского периода чётко определяло принципы организации и деятельности института, его задачи и функции. Только в годы перестройки советская адвокатура стала более-менее похожа на современную, были утверждены актуальные принципы её деятельности.

Современный этап начался с принятием 31 мая 2002 г. ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». Только с этого момента можно говорить об адвокатуре в её истинном понимании. Однако её история на этом не заканчивается. Перед российской адвокатурой и в настоящее время стоит ряд задач и перспектив развития. Так, например, адвокатуре сейчас уделяется второстепенное внимание, она не рассматривается государством как эффективный инструмент достижения законности и справедливости в суде. Более того, в судебной практике процент оправдательных приговоров ничтожно мал (менее 1%), следовательно, адвокаты не играют особой роли в суде, и смысл их деятельности теряется. По этой причине государству стоит наладить сотрудничество с данным правовым институтом и обеспечить действенность его работы.

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

М.О. Юдина, студент ТГУ
Научный руководитель – ст. преподаватель А.В. Симоненко

Вина – это главная составляющая субъективной стороны состава правонарушения, внутреннее психоэмоциональное отношение лица к совершаемому действию (бездействию) и причинённым вследствие этого последствиям. КоАП РФ предусматривает две основные формы вины: умысел (ч. 1 ст. 2.2 КоАП РФ) и неосторожность (ч. 2 ст. 2.2 КоАП РФ).

Но стоит указать, что данные формы вины присущи только физическим лицам. «Определение вины юридического лица является одной из самых сложных практических проблем непосредственно в правоприменительной, административно-юрисдикционной деятельности, особенно сейчас, когда административная ответственность юридических лиц окончательно признана законодательно, в том числе на уровне КоАП РФ»[3].

[1] Учреждение Судебных Установлений [Электронный ресурс]: НПП «Гарант-Сервис» 2003–2020. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/

[2] О суде [Электронный ресурс]: Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2020. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[3] Панов А.Б. Административная ответственность юридических лиц. М.: ИНФРА-М [и др.], 2014. С. 84.

В административном праве существует три основных подхода к пониманию вины как атрибута административной ответственности юридических лиц. Первый подход состоит в том, что возможность привлечения юридических лиц к административной ответственности отрицается в принципе, и, следовательно, говорить о вине юридических лиц недопустимо, так как эта категория может применяться только к физическим лицам. Согласно второй точке зрения, привлечение к административной ответственности без определения наличия вины есть фактически объективное вменение. И третий вариант заключается в возможном привлечении юридического лица к административной ответственности только при наличии вины.

В современной науке административного права вина юридического лица понимается неоднозначно, имеется несколько подходов. Первый рассматривает вину юридического лица как субъективного явления, т.е. психического отношения к совершаемому противоправному действию (бездействию). В научной литературе по данной проблеме отмечалось, что вина юридического лица не может быть приравнена к вине конкретного должностного лица. Доказыванию подлежит виновность всех работников, которые осуществляли действия (бездействие) от юридического лица в целом. Также имеется иной подход к пониманию понятия вины юридического лица. Он основан на приоритете объективного аспекта в деятельности юридического лица. Так, вина юридического лица определяется как комплекс негативных элементов, характеризующихся дезорганизацией деятельности юридического лица, непринятием им необходимых мер для надлежащего исполнения возложенных на него обязанностей, неприложением требуемых усилий для предупреждения правонарушений и устранения их причин.

Ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ определяет границы вины юридического лица: у лица была возможность для соблюдения правил и норм и данным лицом не были предприняты все зависящие от него меры по их соблюдению. Отсюда следует, что вина юридического лица основана на доминировании объективного аспекта в его деятельности.

Кандидат юридических наук Н.А. Морозова утверждает, что вышеуказанная статья КоАП РФ не формулирует понятие вины юридического лица, а лишь закрепляет правила её установления. Поэтому ограничить вину физических лиц от вины юридических лиц крайне проблематично. В связи с этим проблема вины организации до сих пор остаётся открытой в административной науке, что, в свою очередь, не способствует однообразию правоприменительной практики[1].

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Л.В. Гетманенко, студент ТГУ
Научный руководитель – ст. преподаватель А.В. Симоненко

Семья, являясь древнейшим институтом общества, претерпела множество изменений в процессе его развития, поменяв свою структуру, выполняемые функции и количественный состав.

Переломным моментом в истории нашей страны является Октябрьская революция 1917 года, следствием которой стало установление совершенно новых для России формы правления и политического режима. Такие коренные изменения требовали кардинального реконструирования и системы правового регулирования семейно-брачных отношений. Ввиду этого семейное право советского периода представляет большой интерес как модернизационное и революционное законодательство.

[1] Морозова Н.А. Административная ответственность юридических лиц: История, теория, практика. М., 2004. С. 134.

В царской России семья была независимым хозяйственным и культурным элементом, в жизнь которого, за исключением случаев уголовного характера, государство практически не вмешивалось. Им и церковью не поощрялся развод, жена была под опекой мужа, дети находились во власти родителей. Однако в начале XX века уже наметился распад сложившихся патриархальных отношений. Законом от 12 марта 1914 года супругам было позволено жить отдельно. В рабочей среде усилилась самостоятельность женщины. Сформировалось противоречие между фактическим поведением субъекта и законодательно дозволенным[1].

Первые декреты советской власти от 16.12.1917 и 18.12.1917 года оформили и ускорили начавшиеся модернизационные процессы, объявив законным браком только заключенный в государственных органах, установив брачный возраст для мужчин 18 лет, для женщин 16, провозгласив раздельный характер имущества супругов, уравняв детей, родившихся в браке, и внебрачных детей, а также провозгласив принцип свободного расторжения брака.

Положение декретов с некоторыми изменениями и дополнениями вошли в Кодекс об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР от 16.09.1918 г. Он отделил гражданское законодательство от семейного. Усыновление ни своих детей, ни чужих не допускалось. Большое внимание уделялось вопросу регистрации браков в органах ЗАГС, другие же семейные отношения были описаны в меньшей степени.

Негативные последствия либерализации семейных отношений заставили государство усилить правовой контроль над брачно-семейными отношениями. Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 года стал признавать фактические брачные отношения и приравнивал их к зарегистрированным бракам, был восстановлен институт усыновления, установлена общность имущества супругов, брачный возраст стал одинаковым для мужчины и для женщины.

Усиление государственного вмешательства в жизнь семьи продолжилось в 1930-е годы. Запрещались аборты, усложнялась процедура развода. Основной целью правового регулирования в этот период была стабилизация демографической ситуации в стране, увеличение продолжительности супружеской жизни.

В годы Великой Отечественной войны большое внимание уделялось защите материнства и детства, происходила героизация многодетных женщин, появился институт «одиноких матерей». Отменялся необязательный характер регистрации брака. В послесталинский период произошла некоторая либерализация семейных отношений.

Отличительными чертами Кодекса о браке и семье 1969 года было наличие преамбулы и достаточно большая по объему общая часть. Он закреплял принцип равенства родительских прав и обязанностей, ввел понятие «фиктивный брак», упростил процедуру развода. Многие положения этого кодекса вошли в современное семейное право.

В связи с масштабными политическими и экономическими процессами, происходившими в 1990-е годы, был внесен ряд поправок в КЗоБС, а в последствии и принят новый Семейный кодекс 1995 года, который во многом был преемственен советскому законодательству.

По моему мнению, позитивный опыт советского регулирования семейно-брачных отношений можно использовать в модернизации современного российского законодательства в области брака и семьи.

При этом, как справедливо отмечает О.Ю. Косова, остается надеяться, что эта задача будет решаться с позиции поддержки и сохранения традиционных семейных ценностей. Предложенное узаконение сожительства, как показывает исторический опыт, приведет к еще большему их распространению и девальвации самой основы семьи – брака – а также создаст почву для легализации однополых сожительств[2].

---

[1] Рудык О.И. Эволюция института брака в советском семейном праве (1917–1996 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 51.

[2] Косова О.Ю. Семейный кодекс РФ и развитие семейного законодательства // Вест. Тв Гу. Сер. Право. 2014. № 2. С. 135–136.

ФОРМЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО СУДЕБНИКУ 1497 ГОДА

Ю.Г. Гатина, студент ТГУ
Научный руководитель – ст. преподаватель А.М. Дегтярёва

Судебник 1497 содержит много черт, сходных с судопроизводством, установленным Русской Правдой, но вносит изменения в состязательный процесс и вводит новую форму судопроизводства – сыскную.

По Судебнику закреплялись следующие изменения в состязательном процессе: право выступать в качестве истцов и ответчиков в суде получили все подданые князя (ранее такого права не имели холопы и монахи) (ст. 2). В случае невозможности участвовать в процессе лично сторонам разрешалось выставить за себя наймита (ст. 52)[1]. Был введен институт поручительства в целях предоставления ответчика к суду и обеспечения иска в случае его неявки.

Данная форма процесса знала такие виды доказательств, как собственное признание, показания свидетелей, суды Божии и письменные доказательства.

Собственное признание предусматривало возможность признания или отказа от всего или от части иска. В случае полного признания иска судебное разбирательство прекращалось.

Свидетельские показания именовались послушеством; исчезло разделение свидетелей на послухов и видоков. Показания расценивались в зависимости от социальной принадлежности свидетеля. Явка послухов в суд была обязательной. В случае неявки иск и все убытки и пошлины перекладывались на послуха (ст. 48–52).

К *Божьим судам*, сохранившимся в данный период, относятся:

а) *«поле»*, т.е. поединок сторон. Такой поединок назначался по искам, не затрагивающим интересов государства. Стороны могли заменить себя наймитами. Порядок при разрешении спора «полем» обеспечивался присутствием стряпчих и поручников, которым запрещалось вмешиваться в поединок (ст. 5–7);

б) *Крестное целование* (присяга) допускалось в исках, превышающих 1 рубль для лиц совершеннолетних и целовавших крест не более двух раз в жизни. Право присяги решалось с помощью *жребия*.

Письменные доказательства подразделялись на две группы. К первой группе относились договорные акты, заключенные сторонами. Вторая группа – акты официальные, выдававшиеся от имени государства. В случае споров по договорным актам эти документы должны были подтверждаться свидетелями, а при отсутствии последних – «полем»[2].

Сыскная форма процесса не предполагала обязательного участия сторон в суде и наличия жалобы для возбуждения дела. При этой форме привлечение к ответственности подозреваемого могло начаться по инициативе самого суда, государственных органов и «добрых» людей. Поводами к возбуждению дела могли стать письменная «явка», т.е. заявление потерпевшего или привод виновного с поличным и «язычная молвка», т.е. показание под пыткой, выдававшее соучастников преступления. Вся инициатива судебного разбирательства находилась в руках суда, который и изыскивал доказательства. Возможность замены ответчика наймитом или прекращения дела исключалась[3].

Средствами розыска являлись *поличное* (ст. 13), *повальный обыск*, *пытка*.

Поличное имело силу, когда вещь вынута у обвиняемого из-за замка.

Повальный обыск превышал по силе другие доказательства и представлял собой опрос “добрых” людей с целью определить репутацию подсудимого. Количество обыскных людей было неопределенным. Обыск проводился в отсутствие сторон и их поверенных лиц. При разногласии в показаниях дело решалось по показаниям большинства. При разделении голосов на равные части обыск повторялся.

---

[1] Штамм С.И. Судебник 1497 года. М.: Госюриздат 1955. С. 62–63.
[2] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. С. 734–735.
[3] Штамм С.И. Судебник 1497 года. М.: Госюриздат 1955. С. 61–62

Пытка имела целью вынудить собственное признание и указание на соучастника (ст. 34). В случаях оговора с пытки назначалась очная ставка между оговорившим и оговоренным (ст. 14).

Приговоры и решения суда при розыскном процессе, в отличие от состязательного, не подлежали обжалованию и приводились в исполнение государством[1].

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОСУЖДЕННОГО В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В РОССИИ

Д.Ю. Николаев, курсант Кузбасского института ФСИН России
Научный руководитель – преподаватель Т.С. Черепанова

В Судебниках 1497 и 1550 гг.[2], впервые было введено лишение свободы как уголовное наказание. Лишение свободы по Судебникам 1497 и 1550 гг. предусматривало тюремное заключение за взятку, послух судей в умышленном неправосудии и другие виды преступлений[3].

Первое подобие правового статуса осужденного было отображено в Соборном Уложении 1649 г – далее Уложение. В качестве особенностей условий содержания, отметим, что даже продуктами питания осужденные должны были обеспечивать себя сами. Питание добывалось либо через родственников, либо через попрошайничество.

Затем Петр Великий издал серию указов, регулирующих систему конституционного строя Российского государства. Основным видом наказания в виде лишения свободы становиться ссылка на каторгу. По Указу 1720 г. осужденные имели право на свидание и на пребывание в ссылке вместе с женами. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. запрещало осужденным к заключению в крепость работать по своему желанию.

Со второй половины XIX в. все больше и больше создаются документы, регулирующие правовой статус осужденного, что говорит о той же проблеме, которая существует сейчас – отсутствие единого правового акта, регулирующего правовой статус осужденного. Описанные выше положения имеют место быть в Уголовном Уложении 1903 года. Осужденным было запрещено служить в армии, флоте, церкви.

Правовой статус осужденного в советский период впервые начала регулировать Временная инструкция «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового», утвержденная постановлением Наркомата юстиции 23 июля 1918 г.[4] Осужденные, попадавшие в разряд хулиганов, упорных рецидивистов, подвергались дальнейшей изоляции (ст. 29). Так, осужденным к расстрелу запрещалось работать, а также иметь право на свидание и переписку. Прогулка составляла по времени всего 20 минут.

По Исправительно-трудовому кодексу РСФСР 1924 г. – далее ИТК главным принципом отбывания наказания является труд. Нормативно закреплялась постпенитенциарная помощь освобожденным для их успешной ресоциализации. Для осуществления исправительно-трудовой политики, согласно ст. 49 ИТК, режим в местах заключения должен быть лишен всяких признаков мучительства, не допуская физического воздействия: кандалов, наручников, карцера, строго-одиночного заключения, лишения пищи, свиданий заключенных с их посетителями через решетку.

В период правления Л.И. Брежнева издаются Основы исправительно-трудового законодательства 1969 г., которые определяли запреты для осужденных на определенные виды

[1] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права... С. 737–738.
[2] Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 96–173.
[3] Селиверстов В.И. Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. В.И. Селиверстова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. С. 67–68.
[4] Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 53. Ст. 598.

работ, и занятие должностей. Также была установлена категория осужденных, лишенных права передвижения без конвоирования. ИТК РСФСР 1970 г. вводит запреты на передачу определенных вещей осужденным, запрещенных в исправительно-трудовых учреждениях.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

К.Ю. Новоселов, курсант БЮИ МВД РФ
Научный руководитель – ст. преподаватель Е.А. Федяев

При нарушении избирательных прав граждан возникают проблемы квалификации преступлений и правонарушений. В исследуемой сфере, как правило, оперируют двумя понятиями:

1) воспрепятствование[1] осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (что является уголовно наказуемым деянием на основании статьи 141 Уголовного кодекса Российской Федерации);

2) вмешательство[2] в осуществление избирательной комиссией полномочий, установленных законодательством о выборах, либо создание помех участию избирателей (что является административным правонарушением согласно статье 5.69 КоАП РФ).

На практике необходимо доказать, что деяния лица имели цель изменения хода выборов, а не прекращения. Да и если обратиться к судебной практике, то можно увидеть, что за последние три года вынесено всего лишь одно обвинительное постановление по данной статье. За данное правонарушение был назначен штраф в размере 2 000 рублей, что по нашему мнению не является серьезным фактором предупреждения совершения административных правонарушений в дальнейшем. В связи с этим необходимо ввести уголовную ответственность за повторное совершение правонарушения предусмотренного статьей 5.69 КоАП РФ. Анализ Постановления мирового суда Красноармейского района от 20 января 2017 г. по делу № 5-74/2017 на основании которого производство по делу было прекращено за отсутствием в действиях Крылова В.Д. состава правонарушения позволяет сделать вывод. Если бы конкретные действия данного гражданина были закреплены в статье, судья вынес бы обвинительное постановление. Для решения данной проблемы предлагаем внести изменения в КоАП РФ и указать в диспозиции статьи конкретные деяния лица, осуществляющего вмешательство. А именно:

1) ведение агитации на избирательном участке за какого-либо из кандидатов;

2) воспрепятствование опечатыванию мешков с избирательными бюллетенями.

Анализ правоприменительной практики показывает, что данные деяния являются наиболее распространенными на избирательных участках, в связи с этим закрепление в ст. 5.69 КоАП РФ указанных действий исключит проблемные вопросы квалификации. Помимо этого предлагаем ввести уголовную ответственность за повторное совершение данного деяния. Такие меры, по нашему мнению позволят значительно снизить количество правонарушений на избирательных участках.

В основном вмешательство является способом политических партий и общественных организаций изменить ход выборов в их пользу. Граждане, непосредственно осуществляющие вмешательство в выборы действуют в большинстве случаев в интересах какой-либо одной партии. Именно поэтому, предлагаем ввести административную ответственность за вмешательство в работу избирательной комиссии и создание помех участию избирателей для юридических лиц, которыми являются политические партии и общественные объединения.

---

[1] Воспрепятствование – создание препятствий кому-либо с целью недоведения дела до логического завершения.
[2] Вмешательство – участие в каком-либо деле с целью изменения его хода.

Помимо этого предлагаем ужесточить санкцию по ст. 5.69 КоАП РФ для физических и должностных лиц: ввести такую меру наказания как административный арест, так как данное правонарушение посягает на права граждан, что несет повышенную общественную опасность.

Подводя итог, следует сказать, что избирательное право является одним из основных конституционных прав граждан и должно надлежащим образом защищаться законом. В связи с этим предлагаемые изменения являются необходимыми для упрощения квалификации правонарушения по ст. 5.69 КоАП РФ, а также позволят снизить количество правонарушений по данной статье из-за ужесточения санкции и введения ответственности для юридических лиц.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭВАКУАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ НА ПРИМЕРЕ БАРНАУЛА

И.В. Подковыров, курсант БЮИ МВД России
Научный руководитель – ст. преподаватель Е.А. Федяев

Проблемы эвакуации транспортных средств являются актуальными не только для граждан, но и для сотрудников полиции. Вопросам задержания и эвакуации транспортных средств (далее – т/с), больше внимания традиционно уделяется исследователями ведомственной принадлежности. Вместе с тем не все аспекты эвакуации т/с с места аварий, а также «брошенных» и бесхозных автомобилей получили должное правовое регулирование.

Если на дороге произошла авария и водителей, одной из машин не в состояние самостоятельно убрать автомобиль с проезжей части, то как в этом случае поступить сотрудникам полиции? Ведь Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) не предусматривает оснований задержания, а значит и эвакуации т/с в таких случаях.

Как же в настоящее время реализуется модель правового регулирования эвакуации т/с на уровне субъектов Российской Федерации. Основания для задержания т/с установлены частью 1 статьи 27.13 КоАП РФ, а также в некоторых других нормативных актах. В качестве примера рассмотрим столицу Российской федерации. На территории г. Москвы действует закон от 11.07.2012 № 42 «О порядке перемещения транспортных средств на специализированную стоянку, их хранения, оплаты стоимости перемещения и хранения, возврата транспортных средств в городе Москве»[1]. В регионах существуют собственные нормативные документы, содержащие порядок эвакуации транспортных средств, большинство их содержания идентично.

Но в Алтайском крае, как и в некоторых других регионах, данные нормативно правовые акты существуют, но не в полной мере регламентируют порядок эвакуации (например, Республика Алтай, Республика Хакасия и т.д.). Возможным решением данного вопроса станет создание нормативного правового акта, который урегулирует данный вопрос.

В 2017 году, внеся поправки в закон «Воронежской области от 17 октября 2012 года № 112-ОЗ о порядке перемещения транспортных средств на специализированную стоянку, их хранения и возврата, оплаты стоимости перемещения и хранения задержанных транспортных средств на территории Воронежской области».

Который регламентирует порядок эвакуации т/с в выше перечисленных случаях, что значительно облегчило работу Госавтоинспекции и администрации города и области[2].

---

[1] Закон г. Москвы от 11 июля 2012 г. № 42 «О порядке перемещения транспортных средств на специализированную стоянку, их хранения, оплаты стоимости перемещения и хранения, возврата транспортных средств в городе Москве».

[2] Закон Воронежской области от 17 октября 2012 г. № 112-ОЗ «О порядке перемещения транспортных средств на специализированную стоянку, их хранения и возврата, оплаты стоимости перемещения и хранения задержанных транспортных средств на территории Воронежской области». URL: http://docs.cntd.ru/document/453122956.

Нельзя оставить без внимания мнение сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД).

Проведя анкетирование среди сотрудников ГИБДД разных регионов (Алтайский край, Республика Алтай, Кемеровская область), для уточнения действия похожих по правоприменению законов и дальнейшего анализа ситуации в регионах, можно отметить, что в выше перечисленных регионах, в законах об эвакуации не предусмотрен порядок эвакуации без основания для задержания и это усложняет работу сотрудников в данной сфере. Результаты анкетирования показали, что практически 80% сотрудников считают нужным закрепление подобного нормативного правового акта в регионах.

Рассматривая эвакуацию транспортных средств в Алтайском крае, предлагаем внести изменения и дополнения в Закон Алтайского Края от 4 июня 2012 года № 37-ЗС «О порядке перемещения транспортных средств на специализированную стоянку, их хранения, оплаты стоимости перемещения и хранения, возврата транспортных средств (с изменениями на 5 октября 2018 года)»[1]. Чтобы в дальнейшем избежать проблем в решение вопросов об эвакуации.

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

А.В. Овсюкова, А.Н. Шелест, магистранты КемГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Э.Ю. Балаян

Общество, стремящееся к построению правового государства, должно учитывать мировой исторический опыт эволюции идеи правового государства, а также создавать реальные условия для его формирования, соответствующую социальную базу.

Условия становления правового государства можно разделить на объективные и субъективные[2]. К объективным условиям следует отнести экономические, социальные, политические и правовые условия, а к субъективным – психологические и теоретические.

Становление правового государства зависит от многих обстоятельств, но в первую очередь – от материальных условий, особенно экономических, включающих развитую, жизнеспособную, социально-ориентированную рыночную экономику, обеспечивающую высокий уровень жизни людей.

Необходима достаточно высокая ступень развития частного предпринимательства, широкая самостоятельность и саморегуляция раскрепощенного производителя, независимого потребителя, стремление к равенству в правах всех граждан и закрепление этого права в юридических формах[3].

Как социальная база правового государства средний класс воспроизводит основные предпосылки его существования (в первую очередь – освящение законом неприкосновенности личности, ее прав и свобод). Для среднего класса идеал – это общество, в котором нет места резким экономическим и политическим перепадам. Поэтому по отношению к государству средний класс выдвигает требование о его предсказуемости, что достигается всеобъемлющим правовым регулированием и подконтрольностью обществу самого государства, его политического аппарата.

Процесс становления правового государства обретает реальные формы при достаточно высоком уровне развития социальной сферы. Построение правового государства трудно представить без обеспечения определенного уровня благосостояния всех членов общества.

---

[1] Закон Алтайского края от 4 июня 2012 г. № 37-ЗС «О порядке перемещения транспортных средств на специализированную стоянку, их хранения, оплаты стоимости перемещения и хранения, возврата транспортных средств». URL: http://docs.cntd.ru/document/453118884.

[2] Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В.М. Карельского, В.Д. Перевалова. М.: Изд-во НОРМА (Изд. гр. НОРМА-ИНФРА М), 2011. С.104.

[3] Дулич Л.М. Условия формирования и функционирования правового государства // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2015. Т. 26, № 1. С. 32.

В литературе выделяются такие социальные условия, как необходимый уровень материального обеспечения населения, соответствующая стратификация общества, демократизм и плюрализм в социальных отношениях, укрепление социальной и интернациональной общности народа, равноправие граждан, утверждение свободной личности[1].

Однако важнейшей социальной предпосылкой является наличие в стране гражданского общества (или условий для его становления). Этого мнения придерживается большая часть специалистов.

В общем плане можно сказать, что гражданское общество выражает целостность общественной жизни в отношении к ее властным структурам, прежде всего – к государству.

Идея гражданского общества по-разному институциализируется в различных сферах общественной жизни: в политико-правовой сфере – это гражданские политические свободы и права личности, разнообразные добровольно создаваемые общественные объединения и партии, свобода выборов представительных органов и другие формы участия в государственном управлении. В экономической сфере – это свободное существование различных форм собственности, свободный рынок и свобода предпринимательства, в духовной сфере – это идейный плюрализм, свобода слова и печати, свобода совести и вероисповедания.

Таким образом, гражданское общество есть не что иное, как способ опредмечивания идеала социальной свободы.

Такое гражданское общество выступает в качестве антитезы, противовеса государству. Соотносясь подобным образом с государством, оно в лице различных социальных групп, классов, прослоек, организованных в различные институты и объединения, не только внимательно наблюдает за действиями государства с тем, чтобы они не выходили за рамки законности и конституционности. Однако, одновременно принимает все дозволенные законом меры для того, чтобы заставить государство и его органы вернуться на сторону закона в случае нарушения ими действующих правовых актов, ограничивает сферу влияния государства на частную жизнь граждан, обеспечивает свободу личности.

К политическим условиям становления правового государства в литературе обычно относят демократизацию всех сторон общественной жизни, формирование государственной воли большинством народа, наличие в стране действующей демократической системы принятия законов, выражающих интересы всего общества, без привилегий и дискриминаций. Также утверждение принципа плюрализма мнений и суждений во всех сферах жизни общества и государства, деидеологизацию аппарата управления и суда, развитие системы самоуправления народа в центре и на местах, утверждение научно-обоснованной общегосударственной политики, определяющей основные направления государственной деятельности, политической системы всего общества по созданию правового государства. И совместно с этим, высокую степень активности участия людей в процессе построения правового государства, всех демократических сил, всего народа, консолидацию политических партий и движений, отстаивающих общедемократические и правовые ценности, прочную, должным образом организованную власть.

Все эти условия являются важными предпосылками стабильной и демократической политической системы в целом, которая призвана обеспечивать политическую власть, управлять различными сферами жизнедеятельности общества в интересах большинства населения. Следует определять цели, задачи, пути развития общества, мобилизовывать средства и ресурсы, необходимые для решения этих целей и задач, выявлять и представлять интересы различных субъектов политических отношений, удовлетворять эти интересы посредством распределения материальных и духовных ценностей (в соответствии с идеалами правового государства), осуществлять интеграцию общества и политическую социализацию.

К правовым условиям становления правового государства можно отнести функционирование достаточно развитой правовой системы (особое значение в данном случае имеет раз-

[1] Тиунова Л.Б. Право. Конституция. Правовое государство (к концепции демократического конституционализма правового государства): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2012. С. 21.

витость права, как ядра, основы правовой системы), четкое, безотказное и активное выполнение всеми звеньями, элементами данной правовой системы возложенных на них функций.

Особое внимание в литературе обращается на наличие в обществе прочного правопорядка, законности, обеспечивающей четкое и неуклонное соблюдение и исполнение законов всеми субъектами права.

Совершенно справедливо отмечается и такая правовая предпосылка, как повышение качества законов, в том числе за счет повышения системности законодательства в целом, устранения противоречий между отдельными законами (т.е. создание внутренне единого, непротиворечивого законодательства). Очевидно, что формирование правового государства без совершенствования законодательства, без выверенных, надежных и справедливых законов невозможно. Особенно необходимо развитое конституционное законодательство[1].

К психологическим условиям становления правового государства можно отнести развитое правовое и политическое сознание и достаточно высокий уровень общечеловеческой культуры (в том числе правовой, политической, нравственной, управленческой) как общества в целом, так и отдельной личности.

Для начала процесса становления правового государства необходимо наличие достаточно высокого уровня правосознания большинства населения страны. Правосознание охватывает все стороны правовой жизни общества, оказывает существенное влияние на право, не только отражает юридическую реальность, но и через своих носителей активно вторгается в нее, совершенствует, изменяет, развивает. Важнейшей особенностью правосознания является его тесная связь с государством, исторически способствующая его трансформации в правовое государство.

Развитое правосознание отличается не только высоким уровнем юридических знаний, но и гуманными, нравственными началами, без которых социальная роль правосознания недостаточна, что соответственно будет негативно влиять на состояние законности и правопорядка в обществе.

Необходимо также отметить особую значимость правовой идеологии, являющейся элементом правосознания. Представляется, что ориентиром для нее должна быть именно концепция правового государства, которое опирается на признание общечеловеческих ценностей, абсолютной ценности личности и ее свободы. Подобные установки в дальнейшем составят основу государственной общечеловеческой идеологии, как одного из признаков правового государства[2].

В конечном счете, необходима достаточная развитость правовой культуры, правосознания на всех уровнях жизни общества – массовом, групповом, индивидуальном. Условием формирования правового государства является обеспечение высокого уровня правовой культуры граждан, должностных лиц, социальных групп, всего общества. В массовом сознании, в нормах общественной морали должны утвердиться высшие общечеловеческие ценности и идеалы, те правовые истины, правовые принципы, без следования которым немыслимо цивилизованное общество и правовое государство.

В качестве важнейшего условия формирования и функционирования правового государства, зачастую выделяется высокий профессионализм юриста (специалиста, связывающего свою судьбу с утверждением идей правового государства), должностного лица, обладающего специальной квалификацией. Именно юрист (обладающий соответствующей профессиональной, психологической, политической культурой, определенными нравственными качествами) должен определять облик правового государства, его действительную реалию, на него возлагаются функции по поддержанию и совершенствованию нормативного режима правового государства. Именно юрист непосредственно формирует качество, совершенство

---

[1] Дулич Л.М. Условия формирования и функционирования правового государства // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2015. Т. 26, № 1. С. 33.

[2] Плешаков А.П. Социальная государственность и общественное правосознание в Российской Федерации / под ред. Г.В. Дыльнова. Саратов: СЮИ МВД России, 2011. С. 124.

закона в правовом государстве, обеспечивает оптимальный режим механизма реализации его предписаний.

Идея правового государства осуществима только при условии создания развитой научной концепции правового государства. То есть необходимо теоретическое обеспечение процесса формирования правового государства (теоретические предпосылки), требуются обоснованные научные представления о том, как лучше организовать систему властеотношений на правовой основе. Государственное управление должно функционировать на подлинно научных основах.

Итак, для строительства правового государства необходимо создать все вышеуказанные условия для его становления. Данные условия тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, действуют в комплексе. Построение правового государства будет идти тем успешнее, чем чаще в своем сознательном воздействии на него мы будем учитывать объективные и субъективные факторы протекания данного процесса, как неразрывного целого и то, чем глубже будем понимать сложную диалектику взаимодействия указанных факторов.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНИЕМ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ

Д.В. Заланскас, курсант КузИ ФСИН России

Научный руководитель – канд. экон. наук, ст. преподаватель О.В. Мошненко

Противодействие коррупции остается важной задачей государства на современной этапе, так как в нашей стране сохраняется довольно высокий уровень коррупции.

Так, например, согласно данным Следственного комитета РФ, в 2019 году перед судом предстали почти семь тысяч обвиняемых в коррупции. Среди них 752 сотрудника МВД, 181 сотрудник ФСИН, 84 сотрудника ФССП, 51 сотрудник МЧС, 34 сотрудника ФТС, 27 сотрудников СКР. Согласно Индексу восприятия коррупции (Corruption Perception Index, CPI)[1] за 2018 г., наше государство в 2018 г. потеряло 1 балл, набрав 28 баллов из 100 и заняв 138-е место из 180[2].

При этом Россия не стала исключением из общей тенденции, наблюдаемой в большинстве государств и заключаемой в том, что наиболее «коррумпированными» являются государственные служащие[3].

Обладая полномочием по контролю за соблюдением государственными служащими антимонопольного законодательства, органы прокуратуры сталкиваются со следующими проблемами нормативно-правового регулирования коррупции:

1. Законодательно закреплённое определение коррупции не улавливает всех признаков злоупотребления служебным положением. Например, возможность злоупотребления служебных положением путем получения услуг неимущественного характера, не предусмотрена действующим антикоррупционным законодательством, что не согласуется с положениями ратифицированных Российской Федерацией международных актов[4] и ведет к значительному сужению официальной статистики.

---

[1] Индекс использует масштаб от нуля до 100, где ноль сильно коррумпирован, а 100 – очень чистый.

[2] Россия в Индексе восприятия коррупции – 2018: 28 баллов из 100 и 138 место. URL: https://transparency.org.ru (дата обращения: 21.11.2019).

[3] Coralie Pring, Research Expert, Transparency International Secretariat. PEOPLE AND CORRUPTION: CITIZENS' VOICES FROM AROUND THE WORLD-Global Corruption Barometer. URL: https://transparency.org.ru / (дата обращения: 21.11.2019).

[4] Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (принята 27.01.1999 в г. Страсбург, ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом 25.07.2006 № 125-ФЗ); Конвенция ООН против

2. Отсутствие в действующем законодательстве о противодействии коррупции понятия «коррупционное правонарушение», что осложняет работу прокурорам, осуществляющим контроль за соблюдением законодательства о противодействии коррупции. Анализ судебной практики свидетельствует и о том, что прокурорами допускаются случаи ошибочного отнесения нарушений федерального законодательства к числу коррупционных и неверного отражения в этой связи мер прокурорского реагирования.

3. Распыленность «антимонопольного законодательства». Существующее сегодня количество нормативно-правовых актов, составляющих «антикоррупционное законодательство» не всегда позволяет быстро и своевременно выработать правильную тактику осуществления надзорных мероприятий. Например, только такое направление антикоррупционной деятельности, как контроль за расходами, регулируется несколькими нормативно-правовыми актами.

4. Дублирование антикоррупционных норм, что усложняет порядок их применения.

5. Развитие антикоррупционного законодательства идет по пути введения все новых запретов и ограничений, расширения круга лиц, подпадающих под ограничения и запреты, установленные ФЗ «О противодействии коррупции».

На основании вышесказанного, мы можем прийти к вводу о том, что эффективность борьбы с коррупцией не только определяется совокупность. методов и средств, используемых прокурорами, расширением «полномочий в сфере противодействия коррупции», но и качеством нормативно-правового регулирования, позволяющего прокурорам правильно квалифицировать правонарушения и преступления коррупционной направленности.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

А.Д. Моисеева, студент СибУПК
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.С. Карцева

В настоящее время, в средствах массовой информации всё чаще встречаются пугающие заголовки: «Подростки выложили в сеть видео с избиением одноклассника», «Девочка покончила жизнь самоубийством из-за травли в школе». Исследование показало, что на данный момент насилию, в той или иной форме, в школе подвергается каждый десятый ребенок, и этот показатель ежегодно растет. При этом, «следует отметить, что на законодательном уровне закреплен целый комплекс мер, позволяющих обеспечить»[1] защиту прав несовершеннолетних. Так, Федеральным законом № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. (далее – закон «Об образовании») устанавливается, что организация, осуществляющая образовательную деятельность, должна обеспечить безопасность обучающегося во время пребывания в ней (ст. 41, 42 закона «Об образовании»). Однако при анализе указанных норм можно сделать вывод о том, что меры закрепленные в них направленны, в основном, на обеспечение защиты от внешних неблагоприятных воздействий либо внутренних, но не связанных напрямую с действиями самих школьников – это обеспечение пожарной и антитеррористической безопасности, защита от несанкционированного проникновения посторонних лиц и др. Что же касается ситуаций, в которых проявление детской жестокости переходит все границы, то здесь положений закона «Об образовании» явно недостаточно.

коррупции (принята 31.10.2003 в г. Нью-Йорке, ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ).

[1] Карцева Н.С. Отдельные проблемы обеспечения интересов детей при усыновлении // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 1 (13). С. 201.

Так, в статье 43 закона устанавливаются меры дисциплинарного взыскания: замечание, выговор и отчисление, но первые две, как показывает практика, оказываются малоэффективными в отношении лиц с устойчивым деструктивным поведением, а последнюю – можно применять только к детям, достигшим 15 лет и только в определенных случаях. Конечно, угроза убийством или причинением тяжкого вреда, а также доведение до самоубийства подпадают под действие Уголовного кодекса РФ, однако ответственность в таких случаях наступает с 16 лет, а значит опять не охватывает младшую возрастную категорию, в которой наиболее часто происходят правонарушения. В этой связи представляется необходимым понизить возраст наступления ответственности и наложение дисциплинарного взыскания до 10 лет, а также разработать систему мер превентивного характера, обеспечив, например, сопровождение образовательного процесса достаточным количеством психологов, исходя из количества обучающихся в образовательной организации, в обязанности которых будет входить проведение индивидуальных бесед с каждым ребенком, в процессе чего можно было бы выявлять неблагоприятные ситуации, а также анализируя особенности личности каждого несовершеннолетнего организовывать его дополнительное образование, позволяющие реализовывать его положительные наклонности, повышать уровень знаний, развивать различные умения, формируя в конечном итоге благоприятную среду для всех, участвующих в образовательном процессе, лиц.

Кроме того, необходимо дополнить законодательство положениями, расширяющими полномочия педагога в отношении учеников, учитывая наметившую тенденцию роста количества нарушений прав самих учителей. При этом, чтобы исключить злоупотребление данными полномочиями со стороны учителя, а также для контроля над обучающимися, обеспечить классы видеокамерами, что позволит создать дополнительные гарантии безопасности и защиты прав граждан в сфере образования.

ЭВТАНАЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В.В. Танская, студент НЮИ(ф)ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.С. Карцева

В настоящее время вопрос о легализации эвтаназии является одним из самых дискуссионных и обсуждаемых во всем мире. Имеет ли человек право на «добровольную смерть»? Представляется что не одно из направлений проводимых сегодня исследований не позволяет сделать однозначного вывода о том – необходима ли легализация эвтаназии и будет ли это возможно в нашей стране.

Необходимо оговориться, что официально эвтаназия разрешена всего в нескольких странах. Отметим, что с каждым годом список государств, легализовавших эвтаназию дополняется, тем не менее Россия до сих пор не готова пополнить их ряды, ввиду существования огромного количества проблем, связанных с сомнением общества в справедливости данной процедуры, соответствия ее человеческой природе, а также возможности злоупотребления правом при ее проведении.

В связи с чем следует обозначить одну из главных проблем, касающуюся решения вопроса оправданности предоставления человеку права на смерть. Как известно, право на жизнь является конституционным и неоспоримым, так почему же право на смерть не может иметь такого же значения? На сегодняшний день медицина не обладает полным объемом знаний, которые в силах излечить человека от смертельной болезни и облегчить его страдания, в свою очередь легализация эвтаназии позволила бы избавить человека от адских мучений.

Представляется, что решением данной проблемы может послужить введение процедуры эвтаназии, но при одновременном закреплении строгой и исчерпывающей регламентации

порядка, оснований, принципов и процедуры ее осуществления в специальном законе. Так, например, одним из оснований проведения эвтаназии может быть наступление определенной стадии заболевания из закрытого перечня, установленного МКБ-10. Кроме того, легализовать эвтаназию можно лишь в случаях «доброй воли» как самого пациента, так и его родственников, а также лиц, являющихся его опекунами. Таким образом, думается, что введение четкой правовой регламентации позволит избежать злоупотребления правом проведения эвтаназии.

Однако здесь может возникнуть и другая не менее важная проблема – появление преступной активности, непосредственно связанной с осуществлением данной процедуры. При этом стоит обозначить юридическую неясность при квалификации такого рода преступлений. Так, например, велика вероятность склонения к проведению эвтаназии как со стороны родственников тяжелобольных, так и других лиц, имеющих к этому материальный или иной интерес. Отметим, что на сегодняшний день в соответствии с действующим законодательством эвтаназию принято рассматривать как убийство со смягчающим обстоятельством − мотивом сострадания, что само по себе представляется спорным, поскольку человек сам дает согласие на «добровольную смерть», соответственно прямых действий, направленных на совершение убийства, не происходит. Напротив, по правовой природе указанные действия наиболее близки к такому составу преступления, как склонение к совершению самоубийства или содействию его совершению, предусмотренным ст. 110.1 УК РФ.

В связи с чем предлагается внести изменения в статью 110.1 УК РФ, дополнив ее положения о склонении к совершению самоубийства склонением к эвтаназии.

Таким образом, легализация эвтаназии в России не представляется чем-то определенно невозможным. Предстоит долгая работа для формирования правового механизма осуществления эвтаназии. «В результате чего была бы достигнута главная цель – наиболее полная и всесторонняя защита прав и интересов»[1] каждого гражданина.

[1] Карцева Н.С., Синенко В.И. Действия в обход закона: понятие и правовая природа // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества, государства: сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции: в 3 т. / коллектив авторов. – Новосибирск. Изд-во НГТУ, 2016. С.110.

Ч. 4 СТ. 15 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ГАРАНТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Д.Д. Брякотнин, студент ТГУ
Научный руководитель – ассистент А.Ф. Москаленко

Принцип правового государства закреплен в конституции Российской Федерации и является основополагающим для демократического режима правления, который в настоящее время становится наиболее популярным. Выбор такого направления развития государства определяет развитие гуманистических ценностей в ряде ведущих государств мира.

Проявление демократизации можно найти в самых влиятельный международных организациях. В них создаются специальные отделения, ставящие своей целью защиту прав и свобод человека (Демократическое управление ООН)[1], а также создаются организации, которые ставят перед собой основной целью деятельности защиту прав и свобод человека (ЕСПЧ).

Страны, которые не состоят в ООН или состоящие в ООН, но угнетающие собственный народ, несут ответственность независимо от существования Конституции или ратификации международных договоров[2]. Данные международные договоры являются важной составляющей настоящего мирового порядка, начиная от учреждения международных организаций, которые строят свою деятельность на их основе, заканчивая торговыми договорами между странами. В конституциях ряда государств закреплено превалирующее значение общепризнанных норм и принципов международного права над национальной правовой системой государства., например, таковой является Конституция Испании 1931 года, в которой статьей 77 закреплялся примат международного права. Россия не стала исключением. В Конституции Российской Федерации изданной 12 декабря 1993 года, статьей 15 частью 4 закреплено: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора». Учрежденная в 1949 году организация «Совет Европы», создала международный суд, Европейский суд по правам человека (Далее ЕСПЧ). ЕСПЧ выполняет функцию независимого надзора за соблюдением прав человека, перечисленных в Европейской конвенции прав человека (Далее ЕКЧА), в различных странах мира, в которых существует зависимая и несовершенная судебная система. К сожалению, по независимому рейтингу WJP RULE OF LAW INDEX[3] существуют страны, члены совета Европы, которые имеют зависимую судебную систему. Из этого можно сделать вывод, что учреждение судебного органа, в котором будет представитель каждой страны, необходимо, потому что данный орган является независимым и выносящим беспристрастные решения, в силу разнородного состава представленных стран, а также одного из основных принципов деятельности органа, коллегиальности.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что положения статьи 15 части 4 Конституции Российской Федерации, важны. Они позволяют отстаивать права граждан Российской Федерации в случаях произошедших судебных ошибок, которые допустили национальные суды, что явно пересекается с принципом на справедливое судебное разбира-

[1] Официальный сайт united nations. URL: https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/democracy/index.html (дата обращения: 20.03.2020).
[2] Официальный сайт MGIMO. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/5fc/Subochev-concept-of-responsibility-to-protect.pdf (дата обращения: 20.03.2020).
[3] WJP RULE OF LAW INDEX URL: http://data.worldjusticeproject.org/ (дата обращения: 20.03.2020).

тельство, а также принципом гласности, потому как данные судебные ошибки обличаются в процессе судебного заседания ЕСПЧ. Вышеперечисленные принципы являются одними из основополагающих для концепции правового государства.

ВЫБОРЫ КАК СПОСОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАРОДОВЛАСТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Я.Д. Витовский, курсант Кузбасского института ФСИН России
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Е.В. Лунгу

Концепция власти в Российской Федерации строится на её принадлежности народу России в полном объеме. Основной закон в части 1 статьи 3 гласит[1], что носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является её многонациональный народ.

В законодательстве Российской Федерации имеется легальное понятие выборов как самостоятельного института демократического государства, которое содержит в себе следующее толкование: «Выборы – это форма прямого волеизъявления граждан, осуществляемого в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований в целях формирования органа государственной власти, органа местного самоуправления или наделения полномочиями должностного лица»[2].

Выборы как способ формирования представительных органов государственной власти присущ многим избирательным системам. Это мнение общепризнано. В свою очередь в понятии «избирательная система» усматривается два смысла: порядок избрания представительных органов власти (мажоритарная и пропорциональная) и система органов власти по порядку организации и проведения выборов[3].

Таким образом, выборы в Российской Федерации играют большую роль в политической системе государства, они одновременно являются легитимным способом формирования представительных органов власти и одним из важнейших элементов конституционного строя РФ, который для качественного функционирования демократической политической системы требует обязательной и полной реализации.

В таком случае, актуальным становится вопрос об ограничении прав и свобод лиц, отбывающих уголовное наказание. Речь идет о том, что в нормах Конституции РФ отражено избирательное право граждан на участие в выборах, при этом избирательное право лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы ограничено.

По нашему мнению, свобода прав человека естественна, она не может быть ограничена. Исключение составляет возможность угрозы конституционному строю, такое ограничение должно быть сформулировано в действующем законодательстве четко и ясно.

Особое место отводится и видам ограничений, которые непосредственным образом влияют на критерии допустимости ограничений.

Назначенное уголовное наказание не является основанием для лишения осужденного права на участие в выборах на период осуждения, поскольку одной из целей наказания явля-

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

[2] Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (в ред. от 29.05.2019) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

[3] Морозов А.С. Конституционное (государственное) право России: учеб. пособие. Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2013. С. 23.

ется восстановление социальной справедливости, а в данном случае она реализуется. Осужденный в полном объеме отстранен от общества, лишен права проявить участие в его жизни.

Интересна позиция, предполагающая включение ограничения избирательных прав в систему уголовных наказаний, относя ее к дополнительному виду наказания. Здесь речь идет о лишении пассивного избирательного права. И напротив поддерживается идея о возможности предоставления осужденным к лишению свободы активного избирательного права, включающего голосование на выборах и референдумах[1].

ПРАВО НА СОПРОТИВЛЕНИЕ УГНЕТЕНИЮ

Е.Г. Гарибова, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент А.А. Исаева

Одним из принципов, указанных в Декларации о принципах международного права 1970 г., является равноправие и самоопределение народов[2]. Согласно Декларации каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишающих народы их права на самоопределение, свободу и независимость. Также, согласно Заключительному акту СБСЕ 1975 г., все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие[3]. Таким образом, появляется право на сопротивление угнетению, также именуемое «правом на восстание» и «правом на революцию», которое непосредственно вытекает из принципов данных нормативных актов. Это право граждан осуществлять защиту своих прав и свобод от любого посягательства со стороны государства или незаконных захватчиков власти. Реализация данного права возможна в условиях интервенции, незаконного захвата власти или осуществления неконституционных действий действующей властью.

Существует несколько подходов к определению данного права в современном мире. Согласно Конституциям и законам стран, таких как: Литовская Республика, Чешская Республика, Греческая Республика, Португальская Республика и некоторых других, – граждане и народ имеют право оказывать сопротивление каждому, кто посягает на осуществление демократических прав и свобод человека и гражданина.

В некоторых странах позиция противоположна. Так, например, в России, Республике Казахстан, Азербайджанской Республике, в Конституциях закреплено, что никто не может присваивать власть. Любые попытки захвата и присвоения власти наказываются уголовно. Также ст. 279 УК РФ, ст. 280 УК Азербайджана, ст. 181 УК Казахстана, предусматривают наказание за организацию вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя, либо нарушения территориальной целостности. Однако, представляется, что сегодня не важно – закреплено ли это право в Основном законе или нет. Это право вытекает из принципа народного суверенитета (ст. 3 Конституции РФ), и наличие этого права имманентно присуще народу.

Также, некоторые юристы считают, что право на восстание – юридический казус, или же одноразовый акт, который обосновывает образование нового государства. И наличие данного права необходимо лишь для законного обоснования революционных действий.

---

[1] Должиков А.В. Конституционные критерии допустимости ограничения основных прав человека и гражданина по российскому законодательству: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 12.

[2] Декларация о принципах международного права от 24 октября 1970 года № 2625 (XXV). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 10.04.2020).

[3] Хельсинкский Заключительный акт. URL: http://www.osce.org/node/39505 (дата обращения: 10.04.2020).

Таким образом, право на сопротивление угнетению в современном мире является дискуссионным. В связи с установлением в некоторых странах уголовной ответственности за вооруженный мятеж, реализация данного права невозможна для свержения неконституционной власти. Чтобы право на восстание было закреплено на законодательном уровне, уровень демократии в стране должен быть достаточно высоким. В Преамбуле Всеобщей декларации прав человека указано, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения[1]. Установления данного права, в первую очередь, требует создание прочного механизма его реализации, при котором право на сопротивление не перетечет в политический экстремизм или, еще хуже, в гражданскую войну.

ПРИРОДА ПИЛОТНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

А.В. Иваницкий, курсант Кузбасского института ФСИН России
Научный руководитель – канд. ист. наук О.А. Голикова

Деятельность Европейского суда по правам человека имеет огромное практическое и функциональное значение для защиты прав и свобод человека. Количество обращений направляемых в Суд ежегодно увеличивается, при этом среди них встречаются жалобы, имеющие общие корни. Чтобы Суду не рассматривать в установленном порядке схожие жалобы на одну и ту же проблему, он выработал практику создания пилотного постановления. Многие из 8500 тысяч так называемых «повторяющихся дел» образуются из устойчивой дисфункции национальной системы права, которая проявляется в виде возникновения системных ошибок, и как результат появления обращений в Суд с жалобами на нарушение положений Конвенции.

Процедура принятия пилотных постановлений была разработана в 2004 г. с целью снижения нагрузки на Суд, выявления и решения проблем на национальном законодательном уровне. Если суд получает жалобы, которые имеют схожее происхождение, то он имеет право выбрать для рассмотрения одну или несколько жалоб для конкретного рассмотрения в соответствии с процедурой принятия пилотных постановлений для выявления типичной дисфункции государственного законодательства. Исходя из целей пилотных постановлений усматриваются две важные задачи, которые они призваны решить. Во-первых, это выявление нарушения статей Европейской Конвенции по правам человека в рассматриваемых жалобах. Во-вторых, это определение системной проблемы в национальном законодательстве страны-участницы Конвенции, чтобы дать ей четкие указания по устранению проблемы.

Первое пилотное постановление было принято в 2004 г. по делу «Броневский против Польши», которое устранило структурную ошибку и предотвратило последующие жалобы по вопросу компенсации в результате переноса государственной границы.

Правовая природа пилотных постановлений обеспечена положением ст. 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., где сказано, что странам-участницам обязательны для исполнения постановления Европейского суда по правам человека в тех делах, где они являются сторонами[2]. Суд может обязать страну-участницу внести соответствующие изменения в законодательство или практику правоприменения[3]. Одной из значимых и отли-

[1] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.04.2020).
[2] Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.
[3] Будылин С.В. Конвенция или Конституция? Международное право и пределы государственного суверенитета // Закон. 2013. № 12.

чительных особенностей пилотных постановлений является их способность откладывать или «замораживать» рассмотрение аналогичных дел на определенный период времени при условии, что правоприменительный орган страны предпримет меры для выполнения соответствующего судебного решения[1].

Таким образом, процедура принятия пилотных постановлений решает целый ряд проблем: восстанавливает нарушенные права и свободы человека; выявляет системную ошибку в национальном законодательстве которая приводит к массовому нарушению Конвенции; снижает документационную нагрузку на канцелярию Суда; предпринимает меры по совершенствованию национального законодательства. Такой комплексный подход решает не только проблему нагрузки Суда, но и позволяет странам всесторонне оценивать свои структурные проблемы и принимать меры к их устранению. Проблема может быть оценена с двух позиций: стойкое несоответствие национального законодательства статьям Европейской Конвенции по вопросу, либо некорректное соответствие, которое полностью или частично не отвечает требованиям Конвенции.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ДВОЙНОГО ГРАЖДАНСТВА: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Е.А. Кочуганова, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент А.А. Исаева

Лица, проживающие на территориях государств СНГ и Балтии, ощущают усиливающееся давление со стороны властей вследствие активной дискриминационной политики по отношению к русскоговорящему населению. Так, закон Украины «Об образовании» устанавливает, что обучение в средней школе и в высших учебных заведениях должно проходить исключительно на украинском языке (ст. 7), несмотря на то, что в восточных областях страны подавляющее большинство населения является русскоязычным.

Одним из способов защиты интересов, прав и свобод соотечественников, находящихся за границами РФ, может стать институт двойного гражданства. Его становление обусловлено внутриполитическими изменениями 1990 годов, когда в результате распада СССР за пределами РФ оказалось около 25 млн. русских[2]. В ст. 3 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» двойное гражданство определяется как наличие у гражданина РФ гражданства (подданства) иностранного государства. В соответствии с ч. 1 ст. 62 Конституции РФ гражданин может иметь гражданство иностранного государства в соответствии с федеральным законом или международным договором. На данный момент действует только один такой международный договор от 15.12.1996 года с Таджикистаном.

В настоящее время большинство республик бывшего Советского Союза пока не закрепили институт двойного гражданства и не заключили соответствующие международные соглашения с РФ, поскольку боятся утратить суверенитет и полагают, что Россия может использовать двойное гражданство как инструмент вмешательства во внутренние дела данного региона. Кроме того, отрицательное отношение этих стран к данному правовому институту также объясняется попыткой предотвратить социальный раскол, который может быть вызван наличием у большей части населения двойного гражданства. Например, в соответствии с Законом Азербайджанской Республики № 527-IQ от 30.09.1998 «О гражданстве Азербайджанской

[1] Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian yearbook of the European convention on human rights) / Д.В. Афанасьев, М.Е. Визетин, М.Е. Глазкова и др. М.: Статут, 2015. Вып. 1: Европейская конвенция: новые «старые» права.
[2] Авакьян С.А. Российское гражданство: опыт и проблемы // Законодательство. 1997. № 5.

Республики», принадлежность лица, являющегося гражданином Азербайджанской Республики, к гражданству иностранного государства не признается. Аналогичная нормы содержатся в законах о гражданстве Эстонии и Грузии.

Тем не менее, государствам Ближнего зарубежья не стоит опасаться законодательного закрепления института двойного гражданства, поскольку все негативные последствия могут быть нивелированы при помощи соответствующих правовых механизмов. Так, страны СНГ и Балтии могут рассматривать лиц с двойным гражданством только как граждан собственных государств (т.е. использовать механизм, действующий на территории России). Кроме того, для нейтрализации межэтнических разногласий можно пойти по пути укрепления социально-культурных связей. Например, такие мероприятия как вставка современного искусства «Вильнюс-Москва» и Санкт-Петербуржский фестиваль «Встречи в России» совместно организуют и проводят Литва и РФ.

Основными преимуществами двойного гражданства для отдельно взятого человека являются: возможность проживания на территории иностранного государства и пересечения его границ, возможность использования лицами с двойным гражданством дипломатической поддержки РФ в случае ущемления их прав. Законодательное закрепление института двойного гражданства в РФ направленно, в первую очередь, на поддержку российских соотечественников. Права личности устанавливаются и гарантируются одновременно двумя государствами: страной проживания и страной происхождения.

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 2020 ГОДА И СТАТУС СУДЕЙ: ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

И.Н. Кузнецов, студент СФУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент И.В. Тепляшин

15 января 2020 года Президент РФ обратился с очередным ежегодным посланием к Федеральному Собранию РФ. Данное послание серьезно отличается от всех предыдущих. Так, кроме вопросов, касающихся социальной сферы, Президент РФ впервые публично огласил предложение о внесении целого ряда изменений в действующую Конституцию РФ[1]. В данной работе мы рассмотрим влияние поправок на статус Конституционного Суда РФ, а также реализацию конституционного принципа независимости судей в РФ.

Согласно законопроекту предлагается дополнить статью 83 Конституции РФ пунктом следующего содержания: «Президент РФ вносит в Совет Федерации представление о прекращении в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий судей Конституционного Суда РФ, судей Верховного Суда РФ, судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий»[2]. Таким образом, Президент РФ впервые получает возможность прекращать полномочия судей двух высших судебных органов в стране, а также судей недавно созданных кассационных и апелляционных судов. Не следует забывать о праве Президента назначать 10% членов Совета Федерации, что также увеличивает влияние главы государства в верхней палате.

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2020 году. URL: http://kremlin.ru/events/ president/news/62582 (дата обращения: 28.02.2020).
[2] Законопроект № 885214-7 Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти». URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7 (дата обращения: 01.03.2020).

Кроме того, указанную новеллу следует рассматривать в совокупности с наделением Президента РФ возможностью направлять закон, принятый в Государственной Думе и одобренный в Совете Федерации, в Конституционный Суд с целью проверки его соответствия Конституции РФ. На время рассмотрения запроса срок подписания приостанавливается и в дальнейшем законом может быть возвращен в Государственную Думу при вынесении Конституционным Судом РФ соответствующего решения, о чем нам говорит предлагаемая новая редакция ч. 3 ст. 107 Конституции РФ. В целом возможность подачи такого запроса на данной стадии можно рассматривать как абсолютное вето Президента РФ на любой закон, в том числе на федеральные конституционные законы и законы о поправках к Конституции РФ, на которые сейчас он не может наложить вето никаким образом.

Также следует сказать о предлагаемом сокращении численности судей Конституционного Суда РФ – с 19 до 11 (ст. 125 ч. 1 Законопроекта). Можно только предполагать с какой целью это может быть сделано. Учитывая, что в Конституционном Суде решаются важнейшие вопросы права РФ, сокращение представляется преждевременным, так как такое количество судей позволяет всесторонне рассмотреть проблему, при этом не затягивая процесс.

Данные предложения серьезно влияют на один из базовых принципов правосудия – принцип независимости судей, который закреплен в целом ряде статей Конституции РФ (ст. 120–122). Следует также отметить, что проблема независимости судей не нова для России, ученые обращали на нее внимание и ранее. Так, с момента проведения судебной реформы 1991 года идея реальной независимости судей остается наименее реализованной и требует к себе повышенного внимания[1].

Увеличение роли Президента РФ в формировании и отстранении от должности судей высших судебных органов РФ ставит последних в косвенную зависимость от главы государства. А создание оснований для такой зависимости, в совокупности с наделением Президента РФ правом отправлять закон еще до подписания в Конституционный Суд РФ, дает главе государства возможность вмешиваться в законодательный процесс.

ВЛИЯНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

А.Р. Курыгин, курсант Кузбасского института ФСИН России
Научный руководитель – канд. экон. наук, ст. преподаватель О.В. Мошненко

Нюрнбергский трибунал и его итоги, получивший статус «Нюрнбергского наследия»[2], стали универсальным фундаментом в послевоенное время для развития как международного, так и российского уголовного права.

После того, как США, Великобритания, Франция и СССР пришли к мнению о необходимости создания международного военного трибунала над военными преступниками, получившего в дальнейшем название «Нюрнбергского», возникла проблема с определением нормативно-правовой базы, позволяющей провести суд и правильно квалифицировать преступления, в которых обвинялись нацисты.

[1] Кондрашев А.А. Проблемы реализации принципа независимости судей в России: от теории к правоприменительной практике // Актуальные пробелы российского права. 2015. № 8 (57). С. 181–187.

[2] Его образуют собственно документы Нюрнбергского процесса (Устав Нюрнбергского трибунала, его Приговор, свод принципов международного права, отраженных в Уставе и Приговоре) и фундаментальные конвенционные документы (в частности, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г., Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним от 8 июня 1977 г. Так, например, Г. Кибальчик считает, что практически все существующие «глобальные» документы международного уголовного права можно, по существу, считать «наследием Нюрнбергского процесса».

Встал вопрос о том, что в законодательстве многих стран до начала Великой Отечественной войны не существовало уголовной ответственности за агрессию, тем самым были предприняты идеи о введении понятия «международного преступления», квалификации тех видов преступлений, которые совершили нацисты. В конечном счете, были выделены следующие группы преступлений: преступления против мира; военные преступления; преступления против человечности.

Основными документами, регламентирующими осуществление Нюрнбергского трибунала стали Устав Международного военного трибунала и его Регламент. Это позволило провести Нюрнбергский трибунал на основании принципов законности, равенства всех перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон.

Нюрнбергский трибунал стал своеобразным прецедентом, так как впервые высшие государственные чиновники предстали перед международным судом, а принцип равенства перед законом и судом восторжествовал.

В решении Международного военного трибунала были закреплены принципы, получившие название «Нюрнбергские» и взятые за основу для дальнейшего развития как национального, так и международного уголовного права.

Таким образом, нормативно-правовая база, появившаяся во время проведения международного военного трибунала, заложила основы формирования международного уголовного права как отрасли международного права со своими нормами и принципами, видами международных преступлений и наказаний за эти преступления[1].

Как отмечает Д.К. Нечевин, «уникальность данного судебного процесса заключалась в том, что впервые в истории не какой-то отдельно взятый народ, а все мировое сообщество, Объединенные Нации выразили готовность законно покарать тех, кто преступно попрал общепризнанные нормы международного права, совершил злодеяния против мира и человечества, и добиться, чтобы подобное никогда не повторилось»[2].

«Нюрнбергский процесс» внес колоссальный вклад в поддержании международного мира, благодаря объединению усилий государств для единой цели – борьбе с военными преступлениями, преступлениями против мира и человечности.

ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Ф.И. Никитин, аспирант К(П)ФУ

Научный руководитель – д-р. юрид. наук, профессор Л.Х. Мингазов

Доподлинно известно, что проблема самоопределения коренных народов остается весьма сложным и достаточно противоречивым вопросом современного международного права.

В связи с этим, ни для кого не может оставаться в неведении факт: что из всех требований, поступающих от данных народов, именно требование самоопределения, с наибольшей долей вероятности может вызвать некоторое недопонимание и сопротивление со стороны властей тех стран, в которых проживают коренные народы[3].

Причина последнего заключается в нежелании правительств конкретных государств идти по пути признания и расширения традиционных прав данных этнических общностей, и

[1] Галлямова А.И. Значение Нюрнбергского международного военного трибунала в формировании норм международного уголовного права // Молодой учёный. 2017. № 1. С. 324.

[2] Нечевин Д.К. Нюрнберг 70 лет спустя // Lex Russica. 2016. № 9 (118). С. 77.

[3] Соколовский С.В. Проблемы самоопределения и самоуправления коренных народов (Обзор) // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 17.

прежде всего, права данных народов на их исконные земли и природные ресурсы. К последнему присоединяется, также и сохранение, по отношению к ним устойчивых стереотипов об их отсталости, неполноценности, неспособности к самоуправлению и пр., целью которых, всегда было стремление оправдать захват принадлежащих им территорий[1], поставивший многие коренные народы на грань полного исчезновения[2].

Так, еще в совсем недавнем прошлом, многим странам было характерно проведение политики, направленной на ослабление коренных народов в качестве политических групп[3]. К примеру, как это было в Бразилии, в которой, вплоть до принятия в 1988 г. новой Конституции, коренное население признавалось «относительно неправоспособным», чье положение мало чем отличалось от положения детей[4], не говоря уже о тех странах, в которых, десятилетиями проводилась политика их принудительной ассимиляции, как это было заметно, в Скандинавии[5].

В конечном счете, именно представленные факты, и явились основанием, обусловившим стремление некоторых коренных народов пересмотреть существующие содержание их права на самоопределение, которое, в соответствие с международно-правовыми нормами признается правом на автономию[6], но никак ни правом на получение независимости, что, в свою очередь, и заставило некоторых из них высказываться о необходимости ее скорейшего получения[7].

Вышесказанное подтверждает то, что проблема самоопределения коренных народов еще очень долгое время будет оставаться достаточно сложной и трудной для решения,[8] если между государствами и представителями коренных народов не будут найдены точки соприкосновения по этому поводу.

Подводя итоги, следует еще раз напомнить, что появление указанной проблемы, во многом, стало следствием уже упомянутых нами причин, сводящихся, в основной своей массе, к дискриминации коренного населения, в связи с чем, считаем необходимым отметить, что решение последней будет возможно, только в результате многостороннего диалога при участии коренных народов и их представителей, но также, и конкретных уступок со стороны государств, заключающихся, по нашему мнению, в возможности признания их правительствами традиционных прав и требований коренных народов, сводящихся, главным образом, к расширению их самоуправления и «желанию продолжать свое существование в качестве отдельных общин, свободных от угнетения»[9].

---

[1] Гарипов Р.Ш. Защита прав коренных народов в международном праве. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. С. 53.

[2] Там же. С. 89.

[3] E/CN.4/Sub.2/1983/22. P. 10.

[4] Conn S. Inside Brazilian Indian Law: A Comparative Perspective / Indigenous Law and the State / Bradford W. Morse & Gordon R. Woodman. Netherlands: Foris Publications, 1988. P. 272.

[5] Юдин В.И. Государственная политика стран Северной Европы в отношении народа саами // Власть. 2011. № 10. С. 165.

[6] Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights

[7] Nuttall M. Self-Rule in Greenland: Towards the World's First Inuit State? // Indigenous Affairs. 2008. № 3–4. P. 65.

[8] Международно-правовые основы защиты меньшинств и коренных народов: учебник / А.Х. Абашидзе, Ф.Р. Ананидзе, А.М. Солнцев. М.: РУДН, 2015. С. 303.

[9] Anaya J.S. Indigenous Peoples in International Law. Sec. ed. Oxford University Press, 2000. P. 48.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ПОСТАНОВЛЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.А. Пегин, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Ю.В. Филимонов

В настоящее время большое значение придается роли международных договоров, представляющих собой механизм взаимодействия между государствами на международной арене. Но одновременно они могут регулировать и внутригосударственные отношения и с этой целью включаются в правовую систему государства. Одним из таких договоров для России стала Конвенция о защите прав человека и основных свобод, 1950 г. Однако нередко встает вопрос об обязательности исполнения решений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) в случаях, когда они вступают в противоречие с Конституцией Российской Федерации, о чем свидетельствуют отдельные постановления Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ).

Так, например, в постановлении по делу о проверке конституционности п. 1 ст. 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова, КС РФ согласился с тем фактом, что международные договоры являются неотъемлемой частью национальной правовой системы, но в то же время они и основанные на нем решения межгосударственных органов не могут вступать в противоречие с Конституцией РФ, как это было по делу ЮКОСа[1].

Другим примером является постановление КС РФ 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». В данном вопросе выдвинут тезис о том, что «Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции Российской Федерации»[2]. В обоснование своей позиции КС РФ сослался на аналогичные примеры из практики Германии, Италии, Австрии, Великобритании. Стоит отметить, что речь идет о коллизии толкования конвенционного положения, данного ЕСПЧ в постановлении по конкретному делу. Также приводится в пример «дело Маркина», по которому возник конфликт толкований между КС РФ и ЕСПЧ в вопросе о наличии или отсутствии дискриминации по гендерному признаку вследствие лишения мужчин-военнослужащих возможности получить трехгодичный отпуск по уходу за ребенком, предоставляемый женщинам-военнослужащим[3].

Характерным примером наиболее очевидного расхождения с положениями Конституции Российской Федерации служит постановление ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России», в котором сделана ссылка на целый ряд норм российского законодательства, включая ст. 32 Конституции РФ, противоречащих положениям европейской конвенции (суть расхождений состояла в избирательном праве осужденных к лишению свободы). ЕСПЧ полагал, что осужденные не могут лишаться или ограничиваться в избирательном праве. В ответ КС РФ указывает, что «взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации»[4]. То есть КС РФ в

[1] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 5. Ст. 866.
[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.
[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 г. № 27-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 50. Ст. 6670.
[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 г. № 12-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

данном деле фактически выражает несогласие с решением ЕСПЧ ввиду его противоречия Конституции РФ (ст. 32).

Таким образом, возникла определенная практика, состоящая в возникновении конкуренции между международным обязательствами и положениями внутреннего правопорядка. КС РФ в новой ситуации становится органом, который может оценивать на конституционность существо возникающих противоречий, выносить решения обязательные для органов государственной власти РФ. В результате чего они освобождаются от обязанности исполнения решений межгосударственных органов.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СВОБОДУ СОБРАНИЙ, МИТИНГОВ, ДЕМОНСТРАЦИЙ, ШЕСТВИЙ И ПИКЕТИРОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

А.С. Пушкин, курсант Кузбасского института ФСИН России
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Е.В. Лунгу

Публичные мероприятия в нашей стране – это сложные и значимые социальные явления, поэтому является необходимым понять, какой смысл вложен в понятие публичного мероприятия в законодательстве и науке.

О митинге как обособленном институте говорится в Федеральном законе от 19.06.2004 № 54-ФЗ. Российское законодательство понимает митинг как массовое присутствие граждан (участников митинга) в заранее решения проблем преимущественно в сфере общественной жизни и политики.

Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ, содержит в себе следующее содержание понятия демонстрация. Демонстрация – это организованное публичное выражение общественных настроений.

Российский Закон понимает понятие шествие как массовое движение участников по заранее оговоренному маршруту для привлечения внимания к необходимости решения каких-либо проблем.

Вопрос регулирования публичных мероприятий при помощи правового аспекта на сегодняшний день популярен не только в России, но и в странах зарубежья, а также в деятельности международных организаций, так как шествия, митинги и демонстрации на одном из этапов имеют свойство развиваться до организованных выступлений против власти с непредвиденным исходом.

Законодательство и правоприменительная практика других стран в области регулирования митингов и демонстраций показывает, что основная составляющая совпадает с российским законодательством[1].

На практике законодательство европейских стран отличаются строгостью реализации принципов детализации полномочий государственных органов. Так, требуется, чтобы существовал запрет на участие в одном мероприятии представители различных друг от друга движений, по причине обязанности подавать на участие специальную заявку.

Из законодательной системы зарубежных стран можно почерпнуть, что в иностранных государствах критерии к лицам, участвующих и организующих мирные митинги, шествия, демонстрации. Например, критерий возраста в иностранных государствах выше чем в России, следовательно и ответственность у них возрастает.

Исходя из вышесказанного, следует обратить внимание на то, что западное законодательство отличается от российского более конкретным и жестким набором требований к порядку проведения демонстраций и шествий.

[1] Вашкевич А.Е. Спонтанные собрания: национальное законодательство европейских стран и прецедентное право Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 18.

Таким образом, регулирование публичных мероприятий при помощи права осуществляется при помощи установления контроля за целью и местом проведения мероприятия, также наличием санкций за допущенные при этом правонарушения.

Современное российское законодательство о свободе мирных собраний испытывает потребность в соответствующей доработке и в части, касающейся регламентации срочных и спонтанных мирных собраний.

Реализация права на свободу собраний сейчас является наиболее эффективным инструментом общественного контроля, граждане активно его используют, особенно при волеизъявлениях, носящих политический окрас, при необходимости обращения внимания на проблемы, связанные с функционированием избирательной системой, итогами выборов в различные органы государственной власти.

ВЛИЯНИЕ ПИЛОТНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА ПРАВОВУЮ ПРАКТИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.И. Сальникова, курсант Кузбасского института ФСИН России
Научный руководитель – канд. ист. наук, О.А. Голикова

С 2004 г. Европейский суд вынес больше двух десятков пилотных постановлений, которые касаются структурных проблем в разных странах мира, в том числе пилотные постановления по России. Следует отметить, что российская правовая система берет положительные тенденции изменения из-за влияния пилотных постановлений ЕСПЧ.

Например, после принятия пилотного постановления «Бурдов против Российской Федерации[1]» были приняты Федеральный Закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»[2], а также Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или право на исполнение судебного акта в разумный срок»[3]. Указанные изменения создали возможность более эффективного средства внутригосударственной правовой защиты. Как утверждает Б.Л. Зимненко, заявители жалоб стали пользоваться внутригосударственным средством правовой защиты, что говорит о том, что внесенные изменения обладают эффективностью[4].

В рамках проведения мероприятий по выполнению пилотного постановления Европейского Суда от 10 января 2012 г. по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации»[5] жалоба № 42525/07, в Российской Федерации было принято 9 федеральных законов и одно постановление Правительства Российской Федерации, а также ряд ведомственных нормативных правовых актов. В 2015 г. принят Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации», далее документ, приводящий в силу ФЗ № 21-ФЗ № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» и Федеральный закон № 23-ФЗ «О внесении

[1] Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2009. № 5.
[2] Собрание законодательства РФ 03.05.2010. № 18. Ст. 2144.
[3] Собрание законодательства РФ. 03.05.2010. № 18. Ст. 2145.
[4] Зимненко Б.Л. Вопросы реализации судами общей юрисдикции Федерального закона от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Судья. 2011. № 3. С. 42–43.
[5] Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2012. № 11.

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», а также Федеральный конституционный закон от 8 марта 2015 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации». Внесенные изменения предусматривают создание более усовершенствованного превентивного национального средства правовой защиты от нарушений, связанных с необеспечением надлежащих условий содержания в СИЗО и местах лишения свободы.

Таким образом, становится очевидным, что пилотные постановления Европейского Суда оказывают существенное влияние на нормативную базу государства, посредством предъявления требований по принятию мер к устранению системных проблем в национальном законодательстве.

Сама по себе природа пилотных постановлений, в отличие от остальных решений выносимых Судом, предусматривает необходимость проведения реформирования национального системы права с целью устранения возникшей и выявленной структурной проблемы. Конструктивное сотрудничество является залогом прогрессивного взаимодействия двух систем, а также гарантом защиты прав и свобод человека.

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ООН

М.О. Седюкова, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.Г. Геймбух

Проблема поддержания мира традиционно занимает главное место во внешнеполитической деятельности страны. Но, к сожалению, не каждое государство имеет возможность самостоятельно бороться с теми вызовами, которые могут стать угрозой международной безопасности. Именно для предотвращения таких конфликтов мирового масштаба были организованы миротворческие силы Организации Объединенных Наций, деятельность которых крайне часто подвержена критике со стороны экспертов, специализирующихся в данной сфере. Со временем миротворческие силы стали играть роль некоего «обеспечителя» цели ООН, закрепленной в Уставе: «поддержание международного мира и безопасности». Основная ответственность за это лежит на Совете Безопасности ООН (СБ ООН). Он может принимать меры для достижения цели, в том числе организовывать миротворческие операции, что установлено в гл. VI–VIII Устава ООН. При санкционировании операций по поддержанию мира (далее – ОПМ) часто обращаются к гл. VII, когда «государство не может поддерживать безопасность и общественный порядок самостоятельно, что угрожает международному миропорядку»[1]. Первоначально ОПМ сводились исключительно к контролю за соблюдением соглашений о прекращении огня и стабилизации обстановки, это было обусловлено участием невооруженного контингента. После окончания «холодной войны» произошел переход от традиционного наблюдения к многоплановым действиям, т.е. ОПМ стали более масштабными, стал делаться упор на внутригосударственные конфликты, а не на межгосударственные. На данный момент в мировом сообществе распространено мнение, что заявленные цели миссий часто не соответствуют тем полномочиям, которые предоставлены «голубым каскам». Сейчас можно заметить, что наметилось определенное изменение в трактовке миротворчества. Теперь такие операции стали рассматриваться не просто как введение военных сил ООН в «горячую точку», но и как использование механизмов по предотвращению конфлик-

[1] United Nations Peacekeeping Operations. Principles and Guidelines // United Nations. 2008. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/en/peacekeeping/documents/capstone_eng.pdf (дата обращения: 01.12.2019).

тов агитационным путем и недопущение их возобновления. В сентябре 2017 г., перед началом 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, СБ ООН принял резолюцию № 2378, где подчеркивается, что именно страны несут основной груз ответственности за предотвращение конфликтов, ООН же только помогает им в этом. Опираясь на положения резолюции, можно сказать, что повысить эффективность миротворческой деятельности ООН возможно путем увеличения числа доступных ООН специальных сил и средств, улучшения планирования миссий, увеличения вспомогательных, инженерно-технических, медицинских подразделений и подразделений быстрого развертывания, а также улучшения подготовки служащих. ООН определяет наиболее важные условия успеха операций по поддержанию мира: базирование на принципах согласия, беспристрастности и неприменения силы за исключением случаев самообороны и защиты мандата; легитимность и авторитетность структур, в частности в глазах местного населения; содействие активному вовлечению в мирный процесс принимающей страны на местном и национальном уровнях.

Подводя итог, можно сказать, что «лицо» миротворчества сегодня в корне поменялось. Кроме миротворчества, которое принято считать традиционным (ГВНООНИП, ОНВУП, СООННР), государствами проводятся операции, включающие комплексное многостороннее миротворчество. Таким образом, миротворческая деятельность ООН – особый пример международного партнерства. Она включает в себя ГА ООН, Секретариат, СБ ООН, страны, предоставляющие полицейские и воинские контингенты, правительства принимающих стран в их объединенных усилиях по поддержанию международного мира и безопасности. Но между тем все еще сохраняют свою актуальность проблемы законности участия военных контингентов в операциях миростроительства, несоблюдения прав человека, серьезно мешающие деятельности «голубых касок» при выполнении ими ОПМ.

СПОРЫ МЕЖДУ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ РИМСКОЙ КОНВЕНЦИИ 1950 г.

Д.А. Смазнов, курсант Кузбасского института ФСИН России
Научный руководитель – канд. ист. наук О.А. Голикова

В современном мире процессы глобализации и интеграции приводят к непосредственному взаимодействию двух правовых систем – международной и национальной. За время существования Конвенции о защите прав человека 1950 г.[1], она приобрела большое значение и стала одним из важных источников развития правового пространства европейского континента. С 1998 г. Российская Федерация ратифицировала данную Конвенцию и с этого времени попала под юрисдикцию Европейского суда по правам человека.

В соответствии со ст. 46 Конституции Российской Федерации каждый имеет право в соответствии с международными договорами РФ обращаться в международные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства защиты. Норма данной статьи универсальны и непосредственно действующие. Данное положение позволяет обращаться за правовой помощью в Европейски суд.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации нормы международного права интегрируются в правовую систему российского законодательства и имеют примат над нормами национального права, в случае возникновения коллизии между правовыми системами, вопрос решается с учетом норм международного права. Однако в такой конструкции есть некоторые особенности, которые необходимо рассмотреть.

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

Одним из наиболее спорных вопрос является вопрос связанный с тем, что именно какие нормы имеют высшую юридическую силу – национального или международного права? Ответ находится в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 № 21-П по делу о применимости решений ЕСПЧ. Суд установил, что в его полномочия входит определение вопроса признания или не признания решений ЕСПЧ.

Несмотря на то, что решения, выносимые Европейским Судом являются составной частью правовой системы российского государства и подлежат исполнению, всегда следует определять место этих решений и их взаимодействие с конституционными нормами. Конституционный Суд считает, что если постановления ЕСПЧ нарушают Конституцию Российской Федерации, то их реализация не происходит. Примером такого решения можно считать дело «Анчугов и Гладков против России» 2013 г.[1] КС РФ посчитал, что постановление ЕСПЧ нарушает суверенитет страны и его невозможно исполнить. Ратификация Конвенции 1950 г. российским государством не означала внесение изменений в Конституцию РФ. Конвенция имеет примат над федеральными законами РФ, но не над Конституцией РФ. Таково решение Конституционного Суда.

Примером отказа исполнения постановления Европейского суда является дело «НК ЮКОС против России». В 2014 г. Суд вынес решение, согласно которому признал, что российское государство нарушило положения Конвенции 1950 г. и должна компенсировать нанесенный ущерб компании в размере 1,9 млрд евро[2]. Реализация данного постановления также представляется невозможной российской стороне.

Таким образом, можно сказать, что процесс интеграции двух правовых систем представляет собой не простой процесс взаимодействия. Сложности связаны в первую очередь с необходимостью сохранения национального суверенитета государства. Сегодняшняя модель взаимодействия определена ч.4. ст.15 Конституции РФ, однако, в случае внесения предлагаемых поправок, ситуация может принципиальным образом измениться.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

И.Ю. Соболев, курсант Кузбасского института ФСИН России
Научный руководитель – преподаватель кафедры О.В. Оберихина

Современные тенденции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее УИС РФ) определены направлениями уголовной и уголовно-исполнительной политики, которые в свою очередь отражены в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г.[3], где очевидно прослеживается стремление законодателя гармонизировать национальное законодательство и нормы международного права по соответствующим направлениям[4].

Важно понимать, что безусловное следование международным документам (в частности посредством имплементации), которые определяют порядок и условия исполнения и от-

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу Анчугов и Гладков против России в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации // СЗ РФ от 25.04.2016. № 17. Ст. 2480.

[2] Дело «ОАО «Нефтяная компания Юкос» против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04): Постановление ЕСПЧ от 20.09.2011 // Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 3.

[3] Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

[4] Тепляшин П.В., Оберихина О.В. Международные пенитенциарные стандарты и европейская практика защиты прав заключенных: ожидаемая перспектива для отечественного уголовно-исполнительного законодательства // Вестник Кузбасского института. 2019. № 1 (38). С. 64–73.

бывания уголовных наказаний совершенно не обязательно, поскольку вся нормативно-правовая база основывается на Конституции Российской Федерации 1993 г. (далее – Конституция РФ, Конституция) и не может ей противоречить, при этом сама Конституция имеет в своей основе положения и руководящие начала, которые ранее имплементированы из Всеобщей декларации прав человека[1]. Следовательно, любой нормативно-правовой акт, принятый на законодательном уровне Российской Федерации потенциально не может противоречить нормам и принципам международного права.

Кроме того, некоторые авторы выделяют круг более конкретных проблем, связанных с обоснованностью и безусловностью применения норм международного права в системе национального права в качестве документов, имеющих приоритетное значение.

Например, профессор В.А. Уткин в своих трудах указывает на то, что современное прочтение и толкование многих положений Минимальных стандартных и Европейских тюремных правил говорит о том, что они далеко не исчерпали их гуманистический и реформаторский потенциал, причем не только в области прав человека, но и в сфере организации, структуры пенитенциарных учреждений и управления ими[2].

В целом с указанным мнением нельзя не согласится, однако, современное понимание некоторых основополагающих понятий, на которых зиждется международное право (в том числе международное пенитенциарное право), таких как, например, «гуманизм», «справедливость», «законность» и пр. в дословном переводе на русский язык и в том значении, которое вкладывает в них сам законодатель (ООН, СЕ) весьма различно. Именно поэтому, как нам представляется, говорить о неисчерпанном потенциале международного законодательства следует с указанием на конкретные нормы и формирующий их понятийный аппарат, а не в целом о том или ином международном нормативно-правовом акте.

Л.Ф. Пертли считает, что, несмотря на высокую значимость международных стандартов, в том числе и в области обращения с осужденными, главное значение имеет уровень экономического развития страны. Так, если экономически благополучное государство ставит высокие гуманистические цели, делает пенитенциарную стратегию фундаментальной, то основные формы и методы ее реализации не зависят от конъюнктуры и политических факторов[3].

Автор вполне обосновано указывает на то, что можно всесторонне заниматься совершенствованием российского законодательства, гармонизировать его с международным, однако, не имея достаточного ресурсного обеспечения, вся перечисленная работа не даст никакого значимого результата. Кроме того, современное российское законодательство базируется на идентичных с международным общеправовых, отраслевых и межотраслевых принципах, что в свою очередь дает нам основание говорить об их согласованности, а значит, и о соответствии норм российского права нормам международного права.

Таким образом, несмотря на дискуссионность рассматриваемого вопроса, не следует говорить о безусловной необходимости имплементации норм международного права в национальное, поскольку последнее можно считать соответствующим основным целям и задачам в вопросах борьбы с преступностью и обеспечением прав и свобод человека. Однако исключать потенциал международно-правовых основ все-таки не следует, поскольку и на сегодняшний день возникают ситуации, разрешение которых требует вмешательства со стороны международных организаций и их рабочих органов, уполномоченных на применение международных актов, как для решения практических проблем правоприменения, так в качестве превентивных мер.

---

[1] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 05.04.1995.№ 67.

[2] Уткин В.А. Пенитенциарные стандарты Совета Европы и векторы реформирования уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 1. С. 14–18.

[3] Пертли Л.Ф. Факторы, влияющие на эволюцию уголовно-исполнительной политики России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 4. С. 20–22.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПОЛОЖЕНИЯХ КОНСТИТУЦИИ РФ

А.Е. Усольцева, студент НЮИ(ф)ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент А.М. Кальяк

Многие правовые источники характеризуются и юристами-учеными, и практиками как содержащие различные дефекты, которые порождены и объективными, и субъективными причинами[1]. Не является исключением и действующая Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 году. Многие ученые уже отмечали ее недостатки[2]. Выделим некоторые сохраняющиеся в Конституции РФ проблемные положения.

Во-первых, её предписания являются скрытой основой для сепаратизма. Так, в преамбуле и статье 3 Конституции говорится о «многонациональном народе», о «самоопределении народов». Данные формулировки можно толковать как факт того, что русский народ не является единым. Это лишает страну очень важного объединяющего фактора. В статье 5 республикам разрешается иметь собственные конституции. Хоть отличие конституции республики и устава области формально, привилегированное положение республик по отношению к другим регионам вновь указывает на отсутствие внутреннего единства страны. Кроме того, содержащаяся в статье 5 формулировка «республика (государство)» не просто выделяет республики, а даёт им конституционное обоснование выхода из состава РФ, ведь государство самостоятельно и независимо[3]. То есть с одной стороны народ, проживающий в республике, может самоопределиться и вообще объявить о выходе данной республики из состава РФ, раз она является государством. С другой стороны, данной идее противоречит смысл статьи 4, согласно которой суверенитет РФ распространяется на всю её территорию, а значит, и на республики...

Во-вторых, положение, закрепленное в пункте 3 статьи 81, в последнее время приобретает особую актуальность. В нём сказано, что одно и то же лицо не может занимать должность Президента РФ более двух сроков подряд. И не ясно, сколько подобных «пар» правления могут признаваться допустимыми в условиях провозглашения России демократическим государством (часть 1 ст.1), а также с учетом того, что в международных стандартах выборов выделяется принцип периодического переизбрания органов власти и выборных должностных лиц, то есть принцип ограниченности сроков пребывания у власти одних лиц и одних политических сил[4]. Однако в уже принятых Федеральным Собранием и одобренных законодательными органами субъектов РФ (но ещё не вступивших в силу) поправках к Конституции РФ эта проблема решена – слово «подряд» исключено…

В-третьих, статус Центрального Банка РФ не обозначен ясно ни Конституцией, ни федеральным законодательством. Указано, что ЦБ РФ является юридическим лицом, а свои функции и полномочия он осуществляет независимо от других федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления (статья 1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации» от 10.07.2002 № 86-ФЗ, ч. 2 ст. 75 Конституции РФ). То есть прослеживается идея создать структуру, независимую от государства, которая должна заниматься лишь денежными во-

[1] Косов Р.В. Актуальные проблемы теории государства и права. Тамбов: ТГТУ, 2008. С. 15; Материалы Шестого Пермского конгресса ученых-юристов 16–17 октября 2015 г. // К вопросу о необходимости изучения дефектов механизма гражданско-правового регулирования. Пермь: Статут, 2019. С. 89.
[2] Бланкенагель А. В поисках исчезнувших исключительных полномочий субъектов Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 1.
[3] Пиголкин А.С. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020. С. 122.
[4] Дилигенский Г.Г. Демократия на рубеже тысячелетий. Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна: Феникс, 2001. С. 34.

просами, как Федеральная резервная система в США[1]. При этом Председатель Банка России назначается на должность Государственной Думой, кандидатуру на данную должность представляет Президент РФ. Кроме того, в статье 5 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» говорится о подотчетности ЦБ РФ Госдуме. То есть прослеживается противоречие между идеей создать независимую финансовую структуру и установлением фактической зависимости Банка России от органов государственной власти. Такой особый статус ЦБ РФ уже был объектом анализа в научной литературе и привел к возникновению доктрины публичных юридических лиц[2].

Здесь указаны лишь одни из самых значимых проблем современной российской Конституции. Поэтому несмотря на особое значение Конституции РФ для обеспечения внутригосударственной стабильности, правомерно возникает вопрос о серьезной реформе Основного правового акта страны с привлечением к этому процессу широких слоев населения, а особенно специалистов в области конституционного права.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ И КАНАДЫ

А.В. Уткин, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.Г. Геймбух

При сравнении федеративных режимов России и зарубежных стран особое место среди других государств занимает Канада. Россия и Канада являются двумя крупнейшими по территории странами. Их объединяют схожие природные, географические условия, а также этническое многообразие народов, населяющих обе страны. Федеративная система Канады имеет уникальный опыт согласования интересов центра и провинций, цивилизованного решения проблем сецессии, постоянно совершенствуясь, развиваясь по эволюционному пути.

Территория Канады состоит из 10 субъектов – провинций и трех территорий, которые фактически имеют статус субъектов, но пользуются широкой автономией. Россия, в свою очередь, состоит из 85 равноправных субъектов – областей, республик, краев, автономных округов, автономной области и городов федерального значения.

Каждая из провинций по форме правления представляет собой мини-монархию: британский монарх обладает титулом короля (королевы) каждой провинции, а в каждой провинции присутствует представитель монарха – лейтенант-губернатор. Таким образом, можно сделать вывод, что форма правления в субъектах Канады, как и в России, повторяет форму правления на федеральном уровне.

Что касается механизма разделения властей, то в Канаде, что характерно для парламентской формы правления, используется модель «гибкого» (мягкого) разделения властей, в то время как в России, как в других президентских республиках применяется «жесткая» система разделения властей[3]. Это характерно как для федерального правительства, так и для субъектов федерации.

Основные отличия федеративных режимов России и Канады прослеживаются во взаимоотношении федерального правительства и субъектов. Согласно ст. 91 Конституционного акта Канады Парламент вправе издавать любые законы, не относящиеся к исключительному

[1] Малин Р.У. Основные принципы современной денежно-кредитной политики Европейского центрального банка, ФРС США и Банка Японии в сравнении с Банком России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2007. № 2. С. 198.
[2] Например, см.: Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права // Журнал российского права. 2005. № 5.
[3] Лексин И.В. Сравнение политических систем субъектов федерации в США и Канаде // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. № 2. С. 60–71.

предмету ведения провинций. Что касается России, то, согласно ст. 73 Конституции Российской Федерации к ведению субъектов федерации, наоборот, относятся полномочия, не относящиеся федеральному и совместному предметам ведения[1]. Таким образом, на основании анализа конституционных актов России и Канады можно сделать вывод, что провинциям Канады гарантирован более широкий объем полномочий, нежели субъектам Российской Федерации[2].

Статусы должностных лиц субъектов России и Канады также отличаются. Так как Канада и ее субъекты являются парламентскими монархиями, то высшее должностное лицо субъекта относится к законодательной ветви власти. В то время как в России, руководитель субъекта федерации, соответственно, является главой исполнительной власти. Характерные черты, присущие парламентским республикам присутствуют и в структуре органов исполнительной власти. Исполнительную власть в провинциях Канады осуществляют коллегиальные исполнительные советы, именуемые кабинетами. Кабинеты, в свою очередь, несут ответственность перед законодательными органами. Более того, большинство членов кабинета являются депутатами законодательных органов провинций. Что касается России, то система органов государственной власти субъектов организована по принципу разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную и реализации системы сдержек и противовесов[3]. В частности, депутаты законодательных органов субъектов не могут одновременно занимать руководящие должности в областной администрации.

Помимо этого, отдельно стоит отметить существование в Канаде такого вида административно-территориальных единиц как территорий. По своей сути, их правовой статус во многом напоминает положение административно-территориальных образований в составе унитарного государства, что говорит о наличии двух видов субъектов в составе Канады, правовой статус которых кардинальным образом отличается друг от друга. В России же, несмотря на внешнее многообразие субъектов, их правовое положение и политическое устройство практически одинаково и строится одних и тех же принципах, установленных на федеральном уровне[4].

Таким образом, анализируя сходства и различия основных черт федеративного устройства России и Канады, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, форма правления, а также организация органов государственной власти субъектов России и Канады в большинстве своем повторяют систему, сложившуюся на федеральном уровне. Во-вторых, основные отличия федеративных отношений двух государств заключаются в порядке делегирования полномочий субъектам федерации, а также в объеме данных полномочий.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПИЛОТНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

Д.В. Хаяров, курсант Кузбасского института ФСИН России
Научный руководитель – канд. ист. наук О.А. Голикова

Практика пилотных постановлений стала применяться Европейским судом по правам человека с 2004 г., в отношении к Российской Федерации с 2009 г. Выявление Судом структурной проблемы в системе национального законодательства призвано устранить возникшую

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием от 12 дек. 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. 01 янв. № 31. Ст. 4416.
[2] Constitution Acts, 1867 to 1982 // Justice Laws Website. URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/Const/FullText.html
[3] Мальцев И.А. Проблемы реализации принципа разделения властей в системе современного государственного устройства субъектов Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-printsipa-razdeleniya-vlastey-v-sisteme-sovremennogo-gosudarstvennogo-ustroystva-subektov-rossiyskoy-federatsii
[4] Илюхина Т.Г. Принцип разделения властей в субъектах Российской Федерации // Современное право. 2009. № 2 (1). С. 16–18.

дисфункцию и предотвратить возможность повторного обращения в Суд с конкретным правонарушением. С 2004 г. по сегодняшний день вынесено более десяти постановлений.

С целью наилучшего понимания природы пилотных решений Суда необходимо провести их классификацию. Следуя за профессором В.А. Северухиным можно выделить спять основных критериев: по видам нарушений; по сферам нарушений; по реакции государств-ответчиков на пилотные постановления; по субъектам ответственности за выполнение мер общего характера; по проблемам, не связанным с нормами действующего законодательства, а обусловленными материально-техническими возможностями государства.

Рассматривая виды нарушений, можно выделить: чрезмерно длинное судопроизводство в ряде государств, нарушение ст. 3: бесчеловечное и унижающее достоинство обращение с заключенными, отсутствие эффективного расследования случаев смертей, пыток, исчезновений и незаконных арестов,[1] несовершенство или отсутствие системы выплаты компенсации или реституции.

Постановления по сферам правонарушения касаются вопросов правоохранительной, социальной и финансовой сфер. Наиболее частые нарушению по мнению В.А. Северухина происходят в социальной сфере. К ним относятся не выплаты пособий, льгот, не исполнение государством иных социальных обязательств и гарантий. При этом следует понимать, что социальная сфера затрагивает непосредственно правоохранительную и финансовую сферы.

Реакция стран-участниц позволяет также выделить данный критерий в основу классификации. Наиболее типичны следующие реакции: полное выполнение вынесенного Судом решения, частичное выполнение в части мер общего характера, выполнение с опозданием. Выносимое решение имеет срок исполнения, как правило от 6 месяцев до полутора лет, однако, довольно часто государства просрочивают указанные сроки. Касательно частичного выполнения постановлений можно привести пример реализации решения по делу «Анчугов и Гладков против России».

Постановления по субъектам ответственности за выполнение мер общего характера, выделяются по ветвям власти – законодательную, исполнительную или судебную. С целью ликвидации обозначенной проблемы государство определяет какой именно субъект будет решать обозначенный вопрос.

Проблемы не связанные с нормами действующего законодательства, возникают, как правило в сфере материально-технических возможностей государства[2]. К таким правонарушениям можно отнести не достаточное пространство в камерах осужденных, не соответствие нормам предусмотренных международными стандартами обращения с заключенными.

Таким образом, вышеизложенная классификация дает возможность более детальной юридической оценки эффективности и исполнительности пилотных постановлений. Также приведенные основания дают возможность изучить судебную практику Европейского суда по издаваемым пилотным постановлениям, начиная с 2004 г.

ЭФФЕКТ ПРАЙМИНГА В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Л.В. Швец, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент В.В. Кровельщикова

Современные способы изучения человека позволили открыть множество интереснейших фактов о работе мозга человека, в том числе о процессе мышления и принятия решений.

[1] Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2006. № 7.

[2] Северухин В.А. В понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2013. № 2 (12). С. 35-42.

В когнитивной психологии большой прорыв совершили Виллем Левелт и Пол Келтер в 1982 году, открыв эффект прайминга. В отечественной литературе нет единого определения, характеризующее данное явление, чаще всего его переводят как «эффект предшествования»[1], «подсказка» и т.д. Обобщая все точки зрения можно прийти к выводу, что это воздействие наших скрытых (часто неосознанных) воспоминаний или ассоциаций на другие последующие наши действия, на наши решения.

Большое количество исследований показывает, что человек принимает иррациональные решения. Например, место расположения избирательного участка не должно влиять на наш выбор, но, как ни странно, влияет. В 2000 году во время исследования распределения голосов в Аризоне обнаружилось, что предложения увеличить финансирование школ поддерживали значительно сильнее, если избирательный участок находился в школе, а не где-то поблизости. Другой эксперимент[2] показал, что если люди видят изображения классных комнат и школьных раздевалок, то они охотнее поддерживают образовательные инициативы.

В правовом государстве же, в свою очередь, отводится важная роль институту выборов, так как политические права и свободы по существу являются одной из основ личной свободы человека[3]: человек как разумное существо, носитель политического сознания и политической воли, вправе действовать в качестве самостоятельного и свободного участника политического процесса. Так ли это на самом деле?

Встает вопрос о необходимости тщательного правого анализа норм, определяющих требования к предвыборному агитационному периоду, помещению для голосования и к другим материальным предметам избирательного процесса, которые могут и влияют на принятие объективного решения.

Например, сведения, размещаемые согласно статье 63 Федерального закона №67-ФЗ[4], на информационном стенде о кандидатах могут также влиять на выбор избирателей ассоциативным воздействием, что создает опасность для нарушения принципа равенства кандидатов, которые могут пользоваться современными исследованиями когнитивной психологии для привлечения голосов в свою пользу.

Автор настоящей статьи считает, что следует провести комплексные исследования с использованием методов психологии как для развития и совершенствования избирательного законодательства, так и в целях обеспечения устойчивости конституционного строя и конституционного статуса личности. Современные реалии обязывают к переплетению различных наук, что обогащает все области знаний и позволяет открывать новые неисследованные закономерности.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАЗЪЯСНЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ПО ВОПРОСАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Ю.В. Филимонов, старший преподаватель ТГУ

Конституция Российской Федерации (ст. 126) устанавливает полномочие Верховного Суда РФ давать разъяснения по вопросам судебной практики, которые принимаются в форме

[1] Койфман А.Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестн. Моск. ун-та. 2005. Сер. 14. С. 81–96.

[2] Johan Berger «Contextual Priming: Where People Votes Effects of Overt Head Movements on persuasion». Basic ans Applied Social psychology. 1980. P. 46–49.

[3] Лебедев В. А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России. М., 2005. С. 272.

[4] Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 01.04.2020) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2020).

постановлений его Пленума. Как отмечено Конституционным Судом РФ такое полномочие Верховного Суда РФ является одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы[1]. В тоже время в Конституции РФ отсутствует предписание на обязательность разъяснений, даваемых Верховным Судом РФ для нижестоящих судов, что вызвано утверждением конституционного принципа независимости судей и подчинения их только закону (ст.120 Конституции РФ).

Обязывающая сила разъяснений Пленума Верховного Суда РФ достигается иным образом. Конституционно-правовое значение подобных актов состоит в достижении единства и правильного применения норм законодательства всеми судами. Механизм взаимоотношений в судебной системе обеспечивается установленной законом возможностью отмены судебных актов, в том числе при их расхождении с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ. Соответственно основу судебного правоприменения образует единообразное и правильное использование норм материального и процессуального права (ст. 297 УПК РФ, ст. 195 ГПК РФ, 170 АПК РФ, ст.176 КАС РФ). Невыполнение данного требования влечет последствие в виде возможной отмены или изменения судебных актов в апелляционном, кассационном и надзорном порядке (ст.389.15 УПК РФ, 330 ГПК РФ, 270 АПК РФ, 310 КАС РФ и др.).

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, когда в них выявляется смысловое содержание правовых норм, исключают какое-то иное понимание и, следовательно, предопределяют их однозначное судебное истолкование. По сути они становятся частью интерпретируемых норм, неотделимы от них и сохраняют актуальность в течение всего периода их функционирования.

Следовательно, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики повышают необходимую степень определенности правового регулирования, дополняют и усиливают эффективность регулирующего влияния на общественные отношения, но непосредственно на них не воздействуют и не преобразуют. Последнее присуще только самим правовым нормам. Ведущую роль в достижении единства судебной практики играет надзорная деятельность Верховного Суда РФ по соблюдению разъяснений Пленума Верховного Суда РФ нижестоящими судами при отправлении правосудия. Она выступает единственной допустимой конституционной формой контроля законности судебных актов.

Таким образом, разъяснения Пленума Верховного Суда по вопросам судебной практики, принимаемые в форме его постановлений, представляют собой акты, в которых закрепляются результаты толкования норм права, подлежащие использованию судами при рассмотрении ими уголовных, гражданских, арбитражных и административных дел. Императивность этих разъяснений вызвана наличием инстанционных взаимоотношений, которые заключаются в возможности процессуальной проверки судебных актов в апелляционном, кассационном и надзорном порядке на предмет правильного применения судами законодательства и относящихся к нему разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // СЗ РФ. 2014. № 1. Ст. 79.

КОНЦЕПЦИЯ ФАКТИЧЕСКОГО ПРАВА НА ДОХОД В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО НАЛОГОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

К.Е. Мельникова, магистрант ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Е.В. Безикова

Одним из методов международного налогового планирования является использование механизма устранения двойного налогообложения. В юридической литературе под международным двойным налогообложением понимают «взимание сравнимых налогов в двух или более государствах с одного и того же налогоплательщика в отношении того же облагаемого дохода или капитала, т.е. когда доход подлежит обложению налогом как в стране источника получения дохода, так и в стране резидентства лица, получающего данный доход»[1]. Например, Филиал Gazprom International, расположенный в Алжире, распределил дивиденды в пользу своей головной компании ПАО «Газпром», расположенной в г. Москва. Предположим, что между Россией и Алжиром отсутствует международное соглашение об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на прибыль организации. Тогда доход подлежит обложению налогом как в стране источника получения дохода – в Алжире, так и в стране резидентства организации, получающей данный доход, то есть в России.

Устранение международного двойного налогообложения доходов и имущества, как правило, происходит путем зачета налогов, уплаченных в одной стране, в счет уплаты аналогичных налогов в другой стране, а также некоторые доходы или имущество могут освобождаться от налога в одной из стран. Чтобы применить одну из вышеуказанных льгот, необходимо выяснить, во-первых, есть ли соглашение об избежании двойного налогообложения (СИДН) между РФ и другой страной; во-вторых, применять СИДН нужно с учетом того, кто является фактическим получателем дохода.

Лицо признается фактическим получателем дохода при наличии правовых оснований для получения дохода (деловая цель и соответствующая ей сделка), а так же при условии, что лицо фактически получает выгоду от полученного дохода и самостоятельно определяет его дальнейшую экономическую судьбу (непосредственный выгодоприобретатель)[2]. Если доходы выплачены не фактическому получателю, а номинальному посреднику (кондуиту), то к такой сделке нельзя применить положения международного соглашения, а следовательно, и льготы.

Чтобы установить фактического получателя дохода, нужно провести, в том числе оценку деятельности иностранного лица и его роли в конкретной сделке. При оценке учитываются следующие критерии: реальная хозяйственная деятельность (пропорциональное распределение рисков, активов, прибыли и убытков; самостоятельное распоряжение активами и принятие решений; отсутствие формального совершения сделок; «нетранзитный» характер платежей) и реальное присутствие (трудовые ресурсы; наличие или аренда офисов; наличие IP-адреса и локальной телефонной линии; сдача отчетностей; установление графика работы).

В налоговом законодательстве РФ предусмотрена обязанность подтверждать фактического получателя дохода (п.1 ст. 312 НК РФ), но закон не определяет конкретный перечень

[1] Ануфриева Л.П., Подчуфарова И.В. К вопросу о понятии «международное двойное налогообложение» // Актуальные проблемы российского права. 2016 № 11 (72). С. 198.
[2] Письмо Минфина России от 24.08.2018 № 03-12-12/2/60389 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

документов. В этих целях, по мнению ФНС России[1], налогоплательщики должны обосновывать необходимость определенной формы совершения сделок (операций); обосновывать вовлечение иностранных компаний в структуру бизнеса и сделок (операций); представлять доказательства разумности сделанного выбора и обоснованности предпринимательского риска. Так, например, ведение компанией предпринимательской деятельности можно подтвердить каталогами продукции и договорами с контрагентами, статьями в СМИ. По операциям с дивидендами подтверждением может быть схема всей цепочки владения соответствующими долями в капиталах компаний.

РОЛЬ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА

Г.А. Байкалов, студент НЮИ(ф)ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент И.В. Фролов

Факт занятости значительной доли трудоспособного населения в теневом секторе экономики активно обсуждается на протяжении последних лет. В связи с этим, с 1 января 2019 года в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан), а с января 2020 года еще в 19 субъектах началось проведение эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Эксперимент проводится до 31 декабря 2028 года включительно. Однако, решение о принятии законопроекта поддержала лишь партия «Единая Россия», в то время как остальные партии отметили, что его сутью является решение проблем экономики за счет низшего класса граждан. За первые 10 месяцев проведения эксперимента сумма начисленного налога составила более 1,07 миллиарда рублей[2]. Доходы от данного обязательного платежа, согласно Бюджетному кодексу РФ, будут направляться в бюджеты субъектов Российской Федерации в размере 63%, а также в бюджет федерального фонда обязательного медицинского страхования – в размере 37%.

Налоговым периодом признается календарный месяц. Очевидно, что для осуществления налогового контроля над данной категорией налогоплательщиков понадобятся серьезные материальные, трудовые и финансовые затраты, поскольку необходимо получать большой объем информации, обрабатывать и анализировать его, что неизбежно приведет к большому объему издержек. Если же возложить обязанности по контролю доходов «самозанятых» на банковскую систему, эти контролирующие действия постоянного характера приведут к заметному повышению трудовых затрат. Подобные проверки операций по переводам, выяснение обстоятельств платежа и блокировка гарантированно потребуют дополнительных затрат со стороны банков. Таким образом, для обслуживания нового налогового режима потребуются дополнительные вложения. При этом они могут заметно превысить суммы уплаченных налогов, что противоречит принципам налогообложения.

Вопрос налогообложения самостоятельно занятых лиц в странах Европы решен сравнительно давно и имеет свою специфику. Так, в США действует Self-employment tax – налоговый сбор, который также включает суммы медицинского и социального страхования. Помимо Self-employment tax, самозанятые граждане США уплачивают подоходный налог. При заработке ниже 10 тыс. долл. США подоходный налог не уплачивается, но взносы по мед. и соцстрахованию обязательны к уплате. В Германии уплата подоходного налога обязательна

[1] Письмо ФНС России от 28.04.2018 № СА-4-9/8285// КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
[2] Российская Газета [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2019/11/21/putin-sotrudniki-fns-effektivno-reshaiut-postavlennye-zadachi.html

для всех самостоятельно занятых работников. Уплата страховых взносов также обязательна. Все самозанятые» проходят регистрацию в налоговых органах. В Великобритании все «самозанятые» считаются индивидуальными предпринимателями и регистрируются в налоговых органах. Налоги уплачиваются два раза в год[1].

На данный момент некоторые вопросы регулирования налога на профессиональный вопрос не решены. Экспериментальный характер введения должен способствовать принятию решений в более сжатые сроки, однако есть вероятность, что в дальнейшем данный налоговый режим будет отменен, заменен на иной налог, или будут внесены изменения в действующие обязательные платежи, по аналогии с решением данного вопроса в зарубежных странах.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ И США: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Д.П. Наумов, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент С.С. Кузнецов

Начиная сравнивать налоговую нагрузку физических лиц в РФ и США, целесообразно первостепенно отметить более сложную систему фискальных взиманий с населения в США по сравнению с Россией. Многие граждане и организации обращаются в специально созданную компанию – Payroll Company, которая занимается исчислением налогов на аутсорсинге, так как порядок уплаты и виды налогов в США различаются в разных штатах.

Структура налоговой системы США сообразна структуре в РФ: есть три уровня – федеральный, региональный, местный, однако есть существенные отличия, которые целесообразно раскрыть на конкретных примерах.

Тариф страховых взносов в РФ для основной категории работающего населения (исключая предпринимателей, которые уплачивают страховые взносы в фиксированном размере) установлен в размере 30%, причем сами работники его не уплачивают, это делают работодатели. Страховые взносы в РФ распределяются между пенсионным фондом (22%), фондом социального страхования (2,9%) и федеральным фондом ОМС (5,1%). В США – тариф страховых взносов 15,3%, что почти в два раза меньше. Однако здесь есть существенные различия. Так, страховые взносы делятся на 2 части: социальное страхование (social security) 6,2% и страхование здоровья по старости (medicare) 1,45%. Причем страховые взносы по указанным выше ставкам уплачивает и работодатель, и сам работник. Гражданин США сможет воспользоваться социальным страхованием, за некоторыми исключениями, только после достижения пенсионного возраста. Поэтому, если гражданин США желает получать бесплатную медицинскую помощь до ухода на пенсию, он оформляет и оплачивает медицинскую страховку дополнительно. Таким образом, если не учитывать часть страховых взносов зачисляемых в Пенсионный фонд РФ (22 из 30%), то отчисления страховых взносов в России (8%) ниже, чем в США (15,3%) почти в 2 раза.

Налог на доходы в РФ для резидентов исчисляется исходя из ставки 13%, независимо от суммы дохода, то есть ставка является пропорциональной. В США, ставка прогрессивная и её размер зависит от объема доходов. В США есть ряд штатов, где нет НДФЛ (Income tax): Аляска, Флорида, Техас, Вашингтон, Вайоминг, Невада, Южная Дакота, а также два штата, где нет налога на доходы с заработной платы. Минимальная ставка составляет 10%, максимальная 37%, что более справедливо, поскольку более низкий доход облагается по более низкой ставке, по сравнению с высоким доходом. Следует отметить и влияние на размер дохода, облагаемого по более низкой ставке состава семьи (супруга и детей)[2].

---

[1] Лыкова Л.Н., Букина И.С. Налоговые системы зарубежных стран . М.: Юрайт, 2015. С. 67–97, 133–137, 169–187.
[2] Федеральные рамки на доход в 2020 году: официальный сайт. URL: https://smartasset.com/taxes/current-federal-income-tax-brackets (дата обращения: 04.03.2020).

Одной из самых объемных статей доходов федерального бюджета в России является НДС. В РФ НДС включается в стоимость произведенных товаров и формируется на всех стадиях производства, а в США он имеет два аналога: Налог с продаж (Sales tax) и Местный налог (Local tax). В РФ основная ставка НДС составляет 20%, а в США в зависимости от штата он различен. Например, в штате Аризона комбинированный налог (Налог с продаж и местный налог вместе) будет составлять 8,40%, в штате Вайоминг 5,34%[1].

Подводя итог можно отметить, что система фискальных взиманий в России и США имеет существенные отличия. Думается, что подоходный налог, как в США с прогрессивной шкалой налогообложения следует возродить в России. Кроме того заслуживает внимания разделение основного косвенного налога в США (аналога НДС) на два налога, один из которых регулируется и зачисляется в бюджет штата. Страховые взносы и социальное страхование в РФ в целом больше отвечает интересам населения, по сравнению с США.

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ

А.В. Очиров, студент НЮИ(ф)ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент И.В. Фролов

В действующей парадигме российского законодательства необходимо расстаться с иллюзией о том, что участник/директор/акционер юридического лица не отвечает по его долгам. Такая ответственность осуществляется через сложнейший механизм – субсидиарная ответственность. Что же это такое и как избежать такой ответственности?

Это ответственность за компанию-должника в случае недостаточности её имущества для расчета со своими кредиторами. Привлечение к такой ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов[2]. По данным Федресурс в 2019 г. на общую сумму 440,5 млрд руб., 2 242 человека было привлечено к субсидиарной ответственности.

К субсидиарной ответственности привлекаются особые субъекты- контролирующие должника лица (далее- КДЛ). Такими признаются лица, имеющие фактическую возможность «давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия»[3]. Такое лицо не обязательно должно быть участником или исполнительным органом юридического лица. Например, по делу о привлечении Пугачева С.В. к субсидиарной ответственности по обязательствам ЗАО «Международный Промышленный Банк», наличие фактического контроля над должником было установлено по совокупности обстоятельств, в частности, с наличием своего кабинета в офисе банка, а также с существующей в банке системой, в соответствии с которой, все существенные решения не могли быть приняты без согласия С.В. Пугачева[4].

В настоящее время предусмотрены следующие виды субсидиарной ответственности:

---

[1] Налог с продаж и местный налог, ставки на 2020 год: официальный сайт. URL: https://taxfoundation.org/2020-sales-taxes/ (дата обращения: 05.03.2020).

[2] п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[3] п. 1 ст. 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[4] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.06.2015 №09АП-24715/2015, 09АП-22993/2015, 09АП-22353/2015 по делу №А40-119763/10 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

1. За невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие действий (бездействия) КДЛ. Действия (бездействия) КДЛ должны существенно повлиять на положение должника. Суд устанавливает наличие причинно-следственной связи между названными действиями (бездействием) и фактически наступившим объективным банкротством. Особое внимание приковывает неперадача КДЛ документов бухгалтерского учета и (или) отчетности.

2. За неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника. Руководитель должника должен подать заявление в течение месяца со дня наступления признаков банкротства[1], в противном случае, обязательства, которые возникли после истечения этого срока, могут быть возложены на КДЛ.

3. За нарушение банкротного законодательства; 4) Ответственность за убытки, причиненные должнику, по основаниям, предусмотренным корпоративным законодательством.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что по общему правилу, к субсидиарной ответственности привлекаются КДЛ за совершение конкретных виновных действий, причинивших вред кредиторам должника. Однако, необходимо указать на ряд правил, которые помогут избежать субсидиарной ответственности: любая операция должна иметь разумную деловую цель, передача документов должна документарно фиксироваться, необходимо доказать наступление банкротства по внешним причинам, готовиться к банкротству заранее – аудит, финансовый и правовой анализ, анализ сделок, своевременно обращаться с заявлением о «самобанкротстве».

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРАФИСКАЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

А.В. Панкова, М.А. Власкина, студенты ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Е.В. Безикова

Во второй четверти XX века в финансовых системах различных стран стали выделяться и изучаться обязательные платежи, которые по своим признакам существенно отличались от налогов и сборов, а в финансовых науках ряда европейских стран появлялись понятия параналогообложения[2]. В частности, в Германии, в связи с исследованием вопросов о серьезности налогообложения стали использоваться дефиниции «вспомогательные фиски» и «парафиски»[3].

В российской науке финансового права «парафискалитет» определяется как обязательный платеж, взимаемый в экономических или социальных интересах в пользу юридических лиц публичного или частного права, а не в пользу публично-территориальных образовани[4]. Отсутствие в законодательстве легального определения исследуемого понятия предопределило дискуссию об отнесении тех или иных платежей к парафискальным.

При рассмотрении признаков «квазиналогов» необходимо обратиться к законодательству Франции[5], согласно которому парафискалитеты устанавливаются в экономических или социальных целях, не обладают признаком фискальности и аккумулируются в фондах юри-

[1] п. 2 ст. 9 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[2] Ромащенко Л.В. Понятие парафискального платежа: история возникновения и правовая природа // Налоги и налогообложение 2011. № 7. С. 29.

[3] Годме П.М. Финансовое право. М.: Прогресс, 1978. С. 54.

[4] Пепеляев С. Г. Налоговое право: учебник /под ред. С.Г. Пепеляева. М., 2004. С. 27–28.

[5] Ordonnance n°59-2 du 2 janvier 1959 portant loi organique relative aux lois de finances [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000339591 (дата обращения: 15.03.2020).

дических лиц публичного или частного права, не относящихся к централизованным фондам. Для их установления нет необходимости в принятии закона, такие платежи могут быть предусмотрены в актах органов исполнительной власти. С точки зрения французского права парафискальные платежи не обладают индивидуальной возмездностью, в то время как в России данные платежи являются возмездными и имеют строго целевой характер.

После отмены в 2003 году Ордонанса № 59-2 от 02.01.1959 года часть парафискальных сборов стали не обложениями любого рода, а обязательными добровольными взносами. К таким сборам относятся аэропортовый сбор, взимаемый в пользу публичных либо частных лиц, эксплуатирующих аэродромы, а также аудиовизуальный взнос[1].

В законодательстве Германии[2]определение «парафискальный платеж» отсутствует. В немецкой юридической науке применяется понятие «особый платеж». Парафискальные платежи в Германии являются обязательными платежами и сборами. Они не перечисляются в государственный бюджет, а сразу поступают в специальные фонды или на счета уполномоченных организаций. В Германии различается 2 вида «квазиналогов»: платежи, взимаемые с финансовой целью, и платежи, взимаемые с регулирующей целью, не обладают признаками налогов.

Таким образом, в законодательстве Российской Федерации и ФРГ нет официально закрепленного понятия парафискальных платежей в отличие от законодательства Франции. Парафискальные платежи в данных странах имеют особую цель взимания и аккумулируются в специальных фондах. «Особые платежи» в Германии и Франции имеют более выгодное и устоявшееся положение по сравнению с парафискалитетами в России.

[1] Декрет № 61-960 о парафискальных сборах (Décret … relatif aux taxes parafi scales). Legifrance.gouv.fr: Le service public de la diffusion dudroit [Электронный ресурс]. URL: http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do;jsessionid=E34B2FFB76A0DEAAD983628FD0B6A376.tpdjo06v_3?cidTexte=LEGITEXT000006069634&dateTexte=19801031 (дата обращения: 24.03.2020).

[2] Abgabenordnung (AO) от 16.03.1976.(BGBl 1977 I.S. 269 с последними изменениями от 20.12.2000 (BGBlI.S. 1850) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/ao_1977/AO.pdf (дата обращения: 23.03.2020)

НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ПО ИНФОРМИРОВАНИЮ КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕДДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

М.А. Андреева, магистрант ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н. Д. Титов

В соответствии с п. 2 ст. 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) нарушение обязанности по информированию (предоставление неполной или недостоверной информации) в ходе переговоров является основанием преддоговорной ответственности. Верховный Суд РФ разъясняет, что невыполнение указанной обязанности влечет одно из трех последствий[1]:

1) признание сделки недействительной и возмещение вызванных такой недействительностью убытков (ст.ст. 178,179 ГК РФ);

2) применение способов защиты, предусмотренных специальными нормами об отдельных видах договоров (ст.ст. 495, 732, 804, 944 ГК РФ);

3) отказ другой стороны в заключении договора.

Поскольку признание договора недействительным по основаниям, предусмотренным ст.ст. 178, 179 ГК РФ, предполагает его аннуляцию, то формально остается только заблуждение либо обман в ходе переговоров[2]. А, следовательно, с учетом п. 7 ст. 434.1 ГК РФ отсутствуют препятствия в признании возмещения убытков, причиненных потерпевшему в результате ведения в заблуждение и обмана, мерой преддоговорной ответственности.

Более того, п. 7 ст. 434.1 ГК РФ позволяет признать, что устанавливаемые нормами об отдельных обязательствах последствия предоставления неполной или недостоверной информации в части возмещения убытков составляют преддоговорную ответственность, специфика которой предопределяется заключенным и действительным договором. Вполне возможно, что многообразие последствий, предусмотренных указанными нормами, объясняется тем, что на момент принятия второй части ГК РФ не было установлено единой модели, объединяющей случаи неисполнения информационной обязанности на стадии переговоров.

В аспекте нарушения обязанности по информированию приобретает актуальность вопрос о соотношении преддоговорной ответственности и ответственности за недостоверные заверения (ст. 431.2 ГК РФ). Следует согласиться с А. Д. Рудоквасом относительно того, что ответственность за недостоверные заверения, данные стороной до или при заключении договора, является частным случаем преддоговорной ответственности[3]. Во-первых, ст. 431.2 ГК РФ содержит аналогичную ст. 434.1 ГК РФ ссылку на применение положений ст.ст. 178, 179 ГК РФ. Во-вторых, ответственность за недостоверность заверений наступает при условии вины. Хотя ст. 431.2 ГК РФ предусматривает случаи ответственности без вины, Верховный Суд РФ исходят из применения к преддоговорной ответственности правил главы 59 ГК РФ, а ст. 1064 ГК РФ допускает возложение обязанности возмещения вреда при отсутствии вины причинителя вреда в силу прямого указания закона. Именно такое указание и находит отражение в п. 4 ст. 431.2 ГК РФ. В то же время заверения об обстоятельствах, данные после за-

[1] О применении судами некоторых положений Гражданского Кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда от 24.03.2016 г. № 7 (п. 21) (в ред. от 07.02.2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

[2] Байбак В.В., Карапетов А.Г. Анализ проблемных вопросов применения ст. 178 ГК РФ об оспаривании сделки в связи с существенным заблуждением // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 9. С. 84.

[3] Рудоквас А.Д. Некоторые проблемы применения ст. 431.2 ГК РФ в связи с принципом добросовестности // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 35.

ключения договора, отражают специфику правовой природы преддоговорной ответственности (возможность ее установления посредством договора).

Таким образом, неисполнение обязанности по информированию как основание преддоговорной ответственности имеет целый ряд аспектов, что обуславливает применение специальных относительно ст. 434.1 ГК РФ правил.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.К. Борисова, студент ТГУ
Научный руководитель – старший преподаватель А.Ю. Чурилов

Для того, чтобы вывести лекарственное средство на рынок в Российской Федерации фармацевтической компании необходимо зарегистрировать его, получив соответствующий документ – **регистрационное удостоверение.** Данное удостоверение возможно получить при государственной регистрации, которая урегулирована Федеральным законом «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 №61, непосредственно в главе VI.

Данная процедура включает в себя экспертизу качества и отношения ожидаемой пользы к возможному риску применения лекарственного средства для определения возможности применения лекарственного препарата в медицинской сфере Российской Федерации.

Алгоритм государственной регистрации лекарственных средств, следующий:

1. Подача и рассмотрение заявления о государственной регистрации лекарственного препарата для медицинского применения.

2. Экспертиза качества лекарственного препарата и экспертиза отношения ожидаемой пользы к возможному риску применения лекарственного препарата, осуществляемые после проведения его клинического исследования.

3. Получение разрешения на проведение клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения и проведение данного исследования.

4. В отношении воспроизведенных лекарственных препаратов для медицинского применения проводятся исследования биоэквивалентности и (или) терапевтической эквивалентности.

5. Принятие решения о регистрации препарата, его включения в Государственный реестр лекарственных средств и выдача регистрационного удостоверения.

Вышеперечисленный порядок предусмотрен для лекарственных средств, которые относятся к оригинальным и инновационным лекарственным препаратам, которые находятся под патентной охраной на срок до 20 лет.

Федеральным законом от 28.11.2018 № 449-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу ввода в гражданский оборот лекарственных препаратов для медицинского применения» в ФЗ № 61 «Об обращении лекарственных средств» была введена статья 52.1 – «Ввод в гражданский оборот лекарственных препаратов для медицинского применения». Новеллой является то, что процедура сертификации лекарственного средства для медицинского применения ликвидируется, а заменяет данную процедуру специальный порядок предоставления документов: организации перед вводом в гражданский оборот каждой серии или каждой партии ввозимого в Российскую Федерацию лекарственного препарата для медицинского применения необходимо представить в федеральный орган исполнительной власти документ, удостоверяющий соответствие ввозимого лекарственного препарата требованиям фармакопейной статьи, а в случае отсутствия фармакопейной статьи требованиям нормативной документации. Под фармакопейной статьей понимается документ, утвержденный уполномоченным федеральным органом ис-

полнительной власти и содержащий перечень показателей качества и методов контроля качества лекарственного средства для медицинского применения.

Данный порядок является более сложным, но благодаря ему исключаются ошибки, которые возможны в связи различием лекарственных препаратов, произведенных в лаборатории и препаратов, произведенных в промышленности.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ «РЕНОВАЦИЯ»

А.М. Бородич, курсант ОмА МВД России
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент К.В. Карпов

В настоящее время повышенную актуальность обретает проблема правового регулирования отношений, связанных с организацией и осуществлением строительства жилья в целях реализации программы «Реновация». Прежде всего, это связанно с особой социальной значимостью жилищной проблемы, ролью государства в регулировании отношений в жилищной сфере и обеспечение потребностей граждан в улучшении жилищных условий, что в свою очередь, достигается путем использования экономико-правовых инструментов участия государства в гражданском обороте и внедрения социально-жилищных программ**.**

Реновация жилищного фонда рассматривается как совокупность мероприятий, осуществляемых в целях предотвращения формирования аварийного жилищного фонда, обеспечения устойчивого развития жилых территорий, создания благоприятной среды жизнедеятельности, общественных пространств и благоустройства территории и предусматривающих комплексное обновление среды проживания граждан[1].

Безусловно, исходя из законодательного определения программы реновации, цели по реализации указанной программы, на первый взгляд, являются направленными на полноценное улучшение жилищных условий граждан, на приведения многоквартирных домов в современное состояние и устройство, динамику развития окружающей территории. Однако при осуществлении данной программы ее первоначальные цели приобрели второстепенный характер.

Во-первых, это связанно с возведением домов значительно большей этажности, что в свою очередь, приводит к перенаселению территориальных районов и в целом города. Это создает еще ряд проблем: переполнение дошкольных, образовательных и медицинских учреждений, наличие огромных очередей в объектах, обеспечивающих жизнедеятельность населения (учреждения социального обслуживания, организации электро-, тепло-, газо-, водоснабжения, ЖКХ и др.). К тому же возникает нехватка парковочных мест.

Во-вторых, как показывает анализ судебной практики, возникают споры относительно предоставления жилых помещений по программе реновации, которые не отвечают требованиям установленным действующим законодательством[2].

В-третьих, большие вопросы вызывает процедура принятия решения о включении многоквартирного дома в программу реновации. В научной литературе подвергается критике нормы соответствующего Постановления Правительства Москвы[3].

---

[1] См.: Закон г. Москвы от 17 мая 2017 г. № 14 «О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: ст. 7.3. Федерального закона от 01.07.2017г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей регулирования отдельных правоотношений в целях реновации жилищного фонда в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См.: Постановление Правительства Москвы от 2 мая 2017 г. № 245-ПП «Об учете мнения населения по проекту реновации жилищного фонда в городе Москве». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Представляется, что для решения выше изложенных проблем необходимо установить максимальную этажность домов возводимых по программе реновации, выработать новый механизм процедуры голосования, а именно не учитывать голоса граждан, которые не участвовали в процедуре голосования, как «за включение» своего дома в программу «Реновация», установить контроль над процедурой предоставления нового жилого помещения.

Привести нормы регулирующие отношения, в сфере реновации в соответствие с Конституцией Российской Федерации.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ОПЦИОНА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ АКЦИЙ

А.А. Велекжанина, магистрант ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент М.П. Имекова

С учетом требований к оформлению прав на акции, опцион на заключение договора купли-продажи акций (далее – «опцион») не может быть исполнен без активного участия отчуждателя. Это актуализирует необходимость обеспечения автоматизма в исполнении опциона, который может быть достигнут посредством использования механизма безотзывной доверенности (ст. 188.1 ГК РФ).

Так, отчуждатель акций выдает в пользу лиц, указанных приобретателем, безотзывную доверенность, которой уполномочивает их на совершение комплекса необходимых операций в реестре акционеров (либо по счету депо). Когда приобретатель решит выразить акцепт, ему необходимо будет предоставить регистратору (или депозитарию) распоряжение о совершении операций по лицевому счету (или поручение депонента), подписанное уполномоченным по безотзывной доверенности представителем отчуждателя. Однако институт безотзывной доверенности отличается несколькими особенностями, которые не позволяют ему в полной мере нивелировать потенциальные риски приобретателя в рамках исполнения опциона.

Во-первых, в силу абз. 2 п. 1 ст. 188.1 ГК РФ безотзывная доверенность может быть отменена. В этой связи всегда присутствует риск ее отмены в силу закона даже в случае, если в тексте самой доверенности отсутствуют специальные основания для ее отмены.

Во-вторых, следует учитывать, что при выдаче доверенности представляемый не лишается возможности реализовывать свои права по опциону лично, либо передать идентичный объем полномочий третьему лицу, т.е. он сохраняет возможность воспрепятствовать реализации приобретателем своего права на акцепт, например, передав акции третьему лицу или заложив их (ст. 358.16 ГК РФ).

В-третьих, необходимо отметить, что безотзывная доверенность может быть выдана только в целях обеспечения исполнения обязательства, которое связано с осуществлением предпринимательской деятельности. Поэтому, в случае, если безотзывная доверенность в рамках опциона выдается не ИП или коммерческой организацией, то она не может быть использована в целях обеспечения исполнения обязательства указанного лица[1].

В-четвертых, неоднозначным[2] является вопрос о возможности выдачи доверенности под условием в случае, когда стороны заключают опцион под потестативными условиями.

[1] О Методических рекомендациях по удостоверению доверенностей [Электронный ресурс]: письмо Федеральной нотариальной палаты от 22 июля 2017 г. № 2668/03-16-3 : вместе с «Методическими рекомендациями по удостоверению доверенностей», утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 18 июля 2016, протокол № 07/16 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2020. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[2] В проекте Федерального закона № 47538-6 предусматривалось, что положения ст. 157 ГК РФ будут дополнены указанием на то, что совершение сделки под условием не допускается, если это противоречит существу

Вместе с тем, в этом случае возникает сложность с проверкой регистратором (или депозитарием) наступления соответствующего условия. Обязан ли он это делать, может ли он отказать в совершении операции при наличии сомнений в наступлении условия? В качестве решения указанной проблемы предлагается в тексте доверенности указывать документы, которые подтверждают наступление условия по аналогии с положением абз. 6 п. 11 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», согласно которому в случае, если безотзывная оферта совершена под потестативным условием, акцептант представляет нотариусу, удостоверяющему акцепт, доказательства, подтверждающие (не)наступление соответствующего условия.

ПРОБЛЕМЫ СЧЕТОВ ЭСКРОУ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

М.Е. Верхотуров, студент ТГУ
Научный руководитель – д-р юрид. наук, зав. кафедрой Е.С. Болтанова

С момента как эскроу счета в долевом строительстве стали обязательными, прошло около 9-ти месяцев. В феврале 2020 года количество таких счетов составило почти 63 тыс. единиц. Объём денежных средств, размещённых участниками долевого строительства на счетах эскроу, вырос до 216,7 млрд рублей[1]. Суды общей юрисдикции за это время приняли 218 решений со словом «эскроу» в тексте, арбитражные суды – 161. Остаётся выяснить плюсы и минусы использования нового механизма, а также ответить на вопрос, кому от этого больше всего выгодно.

Схема с использованием счетов эскроу для покупателей недвижимости наиболее безопасна, ведь средства, внесённые ими на счёт, никуда не денутся, пока девелопер не исполнит свои обязательства по договору долевого участия, а в случае их неисполнения, дольщик получит свои деньги обратно. Для самих девелоперов проектное финансирования строительства банком является более стабильным. Однако к сожалению, на этом плюсы заканчиваются.

Первый вопрос который может возникнуть – на какие средства будет вести строительство застройщик, если все деньги лежат «под замком у банка»? Самый простой ответ – на свои, но откуда у российского девелопера собственные средства? Получается, что только с помощью проектного финансирования, т.е. на кредитные средства, которые выдаёт тот же банк, где и открыт эскроу счёт. Кто тогда возьмёт расходы на уплату процентов по кредиту? Очевидно не застройщик. Данная схема удорожит стоимость строительства. С момента введения счетов эскроу в действие по март 2020 года, стоимость недвижимости по России уже выросла на 10–20%[2].

сделки. В качестве примера указанных ситуаций была приведена в том числе доверенность, однако ко второму чтению рассматриваемое положение было удалено из текста законопроекта. См. подробнее: О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 47538-6 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 3 апреля 2012). URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6 (дата обращения 19.01.2020); Судебная практика также идет по пути невозможности выдачи доверенности под условием. См., например: Определение Московского городского суда от 16.06.2011 по делу № 33-18191 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2020. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та; Между тем, ГК РФ не содержит прямых запретов на выдачу доверенности под условием, поскольку выдача доверенности является односторонней сделкой, а в силу положений ст. 157 ГК РФ стороны могут поставить возникновение прав и обязанностей по сделке в зависимость от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет. Указанную позицию разделяет, например, Е.А. Папченкова. См. подробнее: Сделки, представительство, исковая давность: Постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. Электронное издание. Редакция 1.0]. 1264 с.

[1] URL: http://www.cbr.ru/banking_sector/equity_const_financing/#highlight

[2] URL: http://www.domofond.ru/nedvizhimost-tseny-goroda-prodazha

Следующий момент – средства, размещённые на эскроу счетах подлежат страхованию в соответствии со ст. 12.2 ФЗ от 23.12.2003 № 177-ФЗ в размере всей суммы, депонированной на счёте, но не более 10 млн. рублей. В среднем, стоимость жилья по России очевидно ниже вышеуказанной суммы, но несколько иная ситуация складывается в массовом сегменте новостроек крупных городов, прежде всего Москвы. В столице средняя стоимость квартиры бизнес-класса в строящемся доме в прошлом году составила 14,8 млн рублей, в премиум-сегменте – 45 млн рублей, в элитном – 125 млн рублей[1]. А если брать за перспективу ещё и рост цен на рынке недвижимости, то выходит, что под зону риска попадают значительная часть дольщиков, которые могут потерять свои деньги.

Далее, нередка ситуация, когда застройщик может обанкротиться. В этом случае банк возвращает сумму депоненту, но во-первых: без процентов за пользование денежными средствами в силу прямого указания ч. 5 ст. 15.5 ФЗ № 214-ФЗ; во-вторых – без процентов, которые дольщики заплатили по ипотеке (если они её брали) за потенциальные 2–3 года. Ведь с момента покупки и до момента, когда становится понятно, что застройщик не выполнит свои обязательства может пройти около 3-х лет, а возврату подлежит только та сумма, которую дольщики вносили ещё при заключении договора долевого участия, естественно без учёта процентов. Таким образом, не происходит никакого учёта инфляции, получается лишь полное обесценивание денег, а ещё эффект от ожидаемого повышения цен на квартиры может привести к тому, что уже возвращённой суммы вряд ли хватит на какой-либо аналог недвижимости.

В итоге выходит, что главным фактическим бенефициаром от введения счетов эскроу на первичном рынке недвижимости являются не дольщики, и уж тем более не застройщики, а банки. В этом механизме для них есть большой плюс. Банк может заработать на том, что деньги дольщиков весь период строительства находятся у него в обороте, может заработать на процентах по ипотеке, которые также не покидают «пределы стен банка», может заработать на процентах по кредиту, который выдан застройщикам.

РОДИТЕЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ РАВНОГО ПРАВА РОДИТЕЛЕЙ НА ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА

Е.В. Гаврилина, магистр СФУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, Е.А. Акунченко

Проблема реализации родителями принципа равенства прав остается одной из важнейших в сфере родительских прав. Этот принцип является ключевым в применении права субъектом семейных правоотношений и затрагивает личные неимущественные и имущественные права родителя. Без создания механизма реализации права, каким может стать обязательное родительское соглашение и усиление мер ответственности родителя, ситуация с реализацией права останется на прежнем, недостаточном уровне.

В советской России впервые закрепился на уровне принципа права принцип равенства прав мужчины и женщины, который в семейном праве проявился в установлении равенства прав супругов и равенства прав отца и матери в отношении детей.

В настоящее время, относительно семейных правоотношений, действие принципа равенства следует рассматривать в двух аспектах: в качестве равноправия (как правило, мужчины и женщины), то есть наличие у субъектов правоотношения одинаковых по содержанию и объему прав, так и в значении юридического равенства, предполагающего имеющихся у субъектов правовых отношений принципиально равных возможностей в приобретении семейных прав и обязанностей, их реализации, а также отсутствие между ними власти и подчинения.

[1] URL: http://www.vedomosti.ru/realty/blogs/2019/10/23/814458-pochemu-214-fz

В общем виде принцип равенства супругов установлен в п. 3 ст. 1 СК РФ. Именно подобный подход, а именно взаимного согласия и принципа добровольности к регламентации брачных правоотношений супругов в сегодняшних социально-экономических условиях содействуют поддержке авторитета семейных ценностей, благоприятствует укреплению семейного союза, создает условия для удовлетворения ее членами своих интересов.

В вопросах осуществления родительских прав, согласно ст. 61 СК РФ, провозглашается равенство прав и обязанностей родителей. И с формально-юридической точки зрения объем родительских прав и обязанностей не ставится законодателем в зависимость от гендерной принадлежности родителя, его возраста и дееспособности, от совместного или раздельного проживания ребенка, оснований возникновения его родительства.

Углубление реализации принципа равенства родительских прав будет способствовать демократичному развитию Российской Федерации, с учетом той роли, которая отводится в нашей стране материнству и отцовству, охране и защите интересов несовершеннолетнего. Принцип равенства родительских прав согласуется с общими конституционными принципами, закрепленными в Конституции Российской Федерации.

Баланс интересов родителей, когда они имеют реальную возможность устанавливать и контролировать взаимные права и обязанности, играет важную роль в рамках защиты прав несовершеннолетнего. Достижение такого баланса возможно посредством применения механизма осуществления равенства прав родителей, основой которого должно стать родительское соглашение. Только посредством усиления договорных начал в семейных отношениях, возможно установить права и обязанности супругов, и надлежащим образом получить защиту своего родительского права.

Кроме того, следовало бы установить в законодательстве и обязательное участие с определённого возраста самого несовершеннолетнего ребенка в определении условий такого соглашения.

Также для реализации принципа равенства прав родителей по содержанию ребенка следует определить возможность плательщика алиментов контролировать расходование таких средств.

Вышеуказанные предложения по совершенствованию законодательства способны повысить эффективность защиты личности в семейных правоотношениях от различных нарушений, в том числе упорядочить правоприменительную практику.

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

К.С. Гвоздев, студент НЮИ(ф)ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.С. Карцева

В современном мире трудно представить жизнь каждого из нас без Интернета, цифровых и информационных сервисов, с которыми мы каждый день взаимодействуем. Так, согласно данным ВЦИОМ, по состоянию на март 2020 года интернетом ежедневно пользуются 71% граждан. В свою очередь пользование Интернетом и цифровыми сервисами порождают определенные правоотношения, которые можно отнести к такому понятию как цифровые права. Следует отметить, что недавние изменения, внесенные в Гражданский кодекс РФ закрепившие в нём понятие цифровых прав регулируют довольно узкий круг отношений, которые лишь косвенно относятся к более широкому понятию цифровых прав а также ошибочно причисляют их к отдельным объектам гражданских прав.

В связи с чем одной из проблем является «сужение» законодателем понятия цифровых прав. Цифровые права подразумевают под собой довольно широкий перечень правоотноше-

ний, например, непосредственные отношения между интернет-сервисами и людьми, регулятивные отношения между интернет-сервисами и государством или как право человека на свободу мысли в цифровом пространстве и доступ к Интернету. Но сейчас существующие формулировки в Гражданском кодексе закрепляют цифровые права исключительно как еще один способ удостоверения права на объект, но уже в электронном виде. Представляется, что здесь законодателю нужно было большее внимание уделить каждому виду правоотношений, которые могут относится к цифровым правам, прорабатывая при этом и специфику, а не сводя регулирование всех видов правоотношений к общим положениям Гражданского кодекса.

Другая проблема кроется в действующей редакции статьи 141.1 Гражданского кодекса, которая и закрепляет понятие цифровых прав. Если проанализировать положения этой статьи, то становится очевидно, что, по своей сути, она закрепляет еще один способ удостоверения права на объекты гражданских прав. Однако в Гражданском кодексе уже существуют нормы, которые регулируют эти аспекты. При этом, введенные в действие положения статьи 141.1 могли бы, без ущерба для полноты законодательства, быть дополнением к уже действующим положениям об объектах в гражданском праве, без вынесения и закрепления их в отдельной статье.

Кроме того, обращаясь к действующей редакции статьи 141.1 Гражданского кодекса, хотелось бы отметить проблему «размытости» формулировок и, как следствие, отсутствие однозначности в используемых терминах. Так, например, в обозначенной статье используется формулировка «информационные системы», в которой и должно закрепляться право на объект гражданских прав, однако, что под этим подразумевается и что собой представляют подобные системы законодатель не определяет. В этой же статье говорится о неких требованиях к подобного рода системам, однако эти требования не устанавливаются ни в этой статье, ни в каких-либо других нормативно-правовых актах. Решение указанной проблемы видится в реализации системного подхода к разработке нормативно-правовых актов, а также созданию более конкретных определений, которые будут соответствовать реальным потребностям в регулировании отдельных видов отношений.

Таким образом, следует отметить, что регламентация отношений в сфере цифровых технологий проходит процесс своего становления, характеризующийся в настоящее время противоречивостью и «размытостью». «В связи с чем, надо внести определенность в законодательное регулирование, что позволит обеспечить соблюдение и защиту прав и интересов»[1] всех участников гражданского оборота.

НЕИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОВАРНОГО ЗНАКА ПО НЕ ЗАВИСЯЩИМ ОТ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Е.И. Голуб, студент ТГУ
Научный руководитель – д-р юрид. наук, профессор Э.П. Гаврилов

Положения п. 3 ст. 1486 ГК РФ закрепляют, что при решении вопроса о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования могут быть приняты во внимание представленные правообладателем доказательства того, что товарный знак не использовался по не зависящим от него обстоятельствам. Действующее законодательство не содержит перечня таких обстоятельств, что не всегда порождает однородную правоприменительную практику.

[1] Карцева Н.С., Михайлова В.И. Обращение взыскания на общее имущество супругов при банкротстве одного из супругов: проблемы правоприменительной практики // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XIV всероссийской национальной научно-практической конференции. 2018. С. 255–257.

Пленум Верховного Суда РФ[1] выделил ряд критериев, с точки зрения которых необходимо оценивать обстоятельства, которые приводит правообладатель в качестве уважительных причин неиспользования товарного знака. Среди них: разумность и добросовестности действий правообладателя; соблюдение предусмотренных законодательством порядка и сроков совершения действий, устраняющих препятствия для использования товарного знака; продолжительности действия обстоятельств, исключающих использование товарного знака. Если суд придет к выводу о наличии таких обстоятельств, то период их действия не будет учитываться при исчислении трехлетнего срока.

На основе анализа судебной практики и доктрины можно прийти к выводу о том, что судами **не признаются как независящие от правообладателя** следующие обстоятельства:

1. ***Введение в отношении правообладателя процедуры банкротства***[2], поскольку к банкротству зачастую приводит не проявление необходимой степень заботливости и осмотрительности при совершении или не совершении каких-либо действий. Предпринимательская деятельность всегда сопряжена с риском (п. 1 ст. 2 ГК РФ), который не должен отождествляться с независящими от лица обстоятельствами. Кроме того лицо, находящееся в стадии банкротства, имеет возможность в лице управляющего совершать действия по использованию товарного знака[3].

2. ***Нарушение третьим лицом исключительного права на товарный знак правообладателя***[4] не принимается во внимание в контексте статьи 1486 ГК РФ, так как исходя из правовой природы товарного знака, правообладатель сохраняет возможность использовать средство индивидуализации.

3. ***Отказ третьего лица от содействия в использовании товарного знака***[5] не учитывается как не зависящее от правообладателя обстоятельство, поскольку правообладатель сохраняет возможность использовать товарный знак иным образом в силу наличия правовой охраны спорного товарного знака.

4. ***Отсутствие спроса на товары***[6] не относится к обстоятельствам, которые не зависят от правообладателя, поскольку является риском предпринимательской деятельности.

5. ***Финансовые трудности либо сложная экономическая ситуации на рынке*** не относятся к уважительным причинам неиспользования спорного обозначения, поскольку, во-первых, являются оценочной категорией и зачастую не подтверждаются правообладателем[7], во-вторых, составляют естественную часть ведения бизнеса[8].

Для того чтобы устранить неопределенность в трактовке положения п. 3 ст. 1486 ГК РФ, предлагается закрепить открытый перечень обстоятельств, которые будут признаваться судами как не зависящие от правообладателя.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[2] П. 167 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»; Определение Верховного Суда РФ от 06.12.2005 № 49-В05-19.

[3] Маркин Д. Банкротство правообладателя и прекращение правовой охраны товарного знака // ИС. Промышленная собственность. 2014. №4. С. 51–58.

[4] Решение Суда по интеллектуальным правам от 17.08.2018 по делу № СИП-301/2018.

[5] Решение Суда по интеллектуальным правам от 11.10.2017 по делу № СИП-85/2016.

[6] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 30.09.2015 № С01-800/2015 по делу № СИП-151/2015.

[7] Решение Суда по интеллектуальным правам от 06.07.2016 по делу № СИП-277/2016.

[8] Guidelines for Examination of European Union Trade Mark. § 2.11.1. P. 61. (Цит. по: Право интеллектуальной собственности: учебник / А.С. Ворожевич, О.С. Гринь, В.А. Корнеев и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2018. Т. 3: Средства индивидуализации. 432 с.).

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ О ПРИМЕНИМОМ ПРАВЕ И РАЗРЕШЕНИИ ВОЗНИКАЮЩИХ СПОРОВ

В.Е. Горст, студент СИУ РАНХиГС

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Е.А. Дорожинская

Правовое регулирование договора международной купли-продажи основывается на международных договорах и торговых обычаях. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (1980) не содержит норм о применимом праве и порядке разрешения споров. Таким образом, сторонам при заключении такого контракта ввиду принципа диспозитивности следует предусмотреть в договоре соответствующие положения. При отсутствии соглашения сторон о применимом праве к договору следует применять право страны продавца товаров (ст.1211 ГК РФ).

АПК РФ предусматривает выбор сторонами арбитражного суда в Российской Федерации как суда с исключительной компетенцией по рассмотрению конкретного спора (ст.249 АПК РФ). Также стороны могут выбрать третейский суд, который будет рассматривать возникший спор, например, МКАС при ТПП РФ. В свое время Высший Арбитражный Суд РФ в информационном письме № 158 2013 г.[1] указал на то, что выбор сторонами суда, который будет разрешать их спор, не означает автоматически выбор применимого к данному спору права государства, на территории которого действует данный суд.

Стороны вправе в соглашении о применимом праве выбрать нейтральное право – право страны, под юрисдикцию которой не попадает ни одна из сторон договора.

МКАС при ТПП РФ разрешает споры на основании российского законодательства при условии, что положение о применимом праве не предусмотрено договором, и одной из сторон по договору является иностранное лицо[2].

Однако существуют проблемы и при наличии в контракте положения о применимом праве. Так, при указании в качестве применимого права материального и процессуального права РФ сторонам следует учитывать, что суд при рассмотрении дела будет основываться на правовой системе РФ в целом, включая действующие для РФ международные договоры. Если стороны не желают при рассмотрении спора применения норм Венской конвенции 1980, то им следует указать это в договоре на стадии согласования.

Важно в арбитражной оговорке указывать категорию споров, которые стороны собираются передать на рассмотрение суда. Если в оговорке указано, что в арбитраже подлежат рассмотрению споры, возникающие из данного контракта, то соответствующий суд уже не сможет рассматривать споры, возникающие не из договора, а в связи с ним.

Предлагается ТПП РФ выработать рекомендации, которые бы содержали формулировку о порядке разрешения споров для включения в международный коммерческий контракт: «При недостижении договоренностей все споры, разногласия или требования, возникающие из настоящего договора или в связи с ним, в том числе касающиеся его исполнения, нарушения, прекращения или недействительности, подлежат разрешению в суде [наименование суда]».

О применимом праве предлагается следующая формулировка: «Ко всем спорам, разногласиям или требованиям, возникающим из данного договора или в связи с ним, в том числе касающимся его исполнения, нарушения, прекращения или недействительности применимо право [указывается конкретное право с точными оговорками]».

---

[1] Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц : информ. письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 9 июля 2013 г. № 158 // СПС «Консультант Плюс».

[2] Практика МКАС при ТПП РФ: 2004–2016. К 85-летию МКАС (на основе анонимизированных материалов из журналов «Международный коммерческий арбитраж» и «Вестник международного коммерческого арбитража») / науч. ред. и сост.: А.Н. Жильцов, А.И. Муранов; предисл. А.С. Комаров; ред. П.Д. Савкин. М.: Ассоциация исследователей международного частного и сравнительного права, 2017. С. 1345.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ШВЕЦИИ В СФЕРЕ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА НА ПРИМЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.Е. Исаенко, студент ТГУ

Научный руководитель – старший преподаватель Н.В. Багрова

Конституцией Российской Федерации (ч.3 ст. 19) закрепляется равенство прав и свобод и равенство возможностей мужчин и женщин для их реализации. Данный принцип нашел свое отражение и в нормах семейного законодательства, однако анализ конкретных норм не всегда подтверждает его соблюдение.

Долгое время неоднозначное отношение в доктрине и правоприменительной практике вызывают нормы абз. 3 п. 2 ст. 89 и абз. 2 п.1 ст. 90 СК РФ, в соответствии с которыми одним из алиментополучателей признается супруга (бывшая супруга) в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка. Некоторые исследователи считают данные правила недостаточно обоснованными с точки зрения гендерного равенства[1]. Другие же рассматривают их как один из разумных, справедливых способов через неравенство (льготу) защитить интерес второй половины гендерной пары в особой жизненной ситуации[2].

26 декабря 2017 года Пленум Верховного суда РФ принял постановление N 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов», в пункте 44 которого содержится разъяснение, устраняющее гендерный разрыв в правах женщин и мужчин : «В случае, если уход за общим ребенком супругов до достижения им возраста трех лет осуществляется отцом ребенка, а мать ребенка устранилась от его воспитания и содержания, исходя из аналогии закона (статья 5 СК РФ) указанный супруг (бывший супруг) вправе обратиться в суд с иском к супруге (бывшей супруге) о предоставлении содержания до достижения ребенком возраста трех лет».[3]

Заслуживает внимания и тот факт, что на практике длительное время особо заметен явный «перекос» в правоприменении по спорам об определении места жительства ребенка. Можно согласиться с С. Зыковым, по справедливому замечанию которого фактически имеет место дискриминация мужчин в этом вопросе[4].

Если обратиться к зарубежному опыту, то, например, развитие и становление семейной политики, содействующей как женщинам, так и мужчинам в совмещении оплачиваемой работы и осуществления ухода за детьми поспособствовало тому, что законодательство Швеции в сфере алиментных обязательств не имеет норм, аналогичных тем, что содержатся в ст. 89 и 90 СК РФ[5]. И если в Российской Федерации процесс поддержки отцов и предоставления им прав наравне с женщинами идет неоднозначно, то развитые западные страны стремятся создать комфортные условия для сочетания баланса работы и семьи как для женщин, так и мужчин с целью того, чтобы отец был настолько же компетентен и включен в процесс воспитания и ухода за ребенком, как и мать. Именно эти аспекты следует учитывать при совершенствовании семейного законодательства с целью реализации принципа равенства прав мужчины и женщины.

---

[1] Шершень Т. Принцип равенства прав супругов: генезис и некоторые его проблемы реализации в современном семейном праве России // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 28–31.

[2] Тарусина Н.Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 616 с.

[3] «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов»: [Электронный ресурс]: постановление ВС РФ от 26 дек. 2017 г. № 56 (ред. от 26 дек. 2017 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[4] Зыков С. Совместная физическая опека или определение места жительства ребенка на паритетной основе? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 92–111.

[5] The Swedish Marriage Code of 1987 [Электронный ресурс]. URL: https://international-divorce.com (дата обращения: 01.10.2019).

О ПОСЛЕДСТВИЯХ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ В СТ. 179 ГК РФ

Г.К. Испирян, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.Д. Титов

Сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы, кабальные сделки, в соответствии со ст. 179 ГК РФ являются оспоримыми. Идея изменения презумпции ничтожности сделок на оспоримые, включая и сделки, предусмотренные ст.179 ГК РФ, была предусмотрена Концепцией развития гражданского законодательства в Российской Федерации (Концепция), и которая была воспринята законодателем. Следует отметить, что в Концепции отсутствовали предложения, значительно изменяющие ст. 179 ГК РФ (см. п.п. 5.2.5–5.2.7), за исключением п. 5.2.7, в котором предлагалось исключить положения о конфискационных последствиях недействительности по основаниям, предусмотренным данной статьей (изъятие в доход государства), заменив их, например, переложением риска гибели предмета сделки на виновную сторону до момента ее оспаривания.

Не затрагивая в целом обоснованность изменения указанной презумпции применительно к сделкам в целом, отметим весьма сомнительное такое «совершенствование» ст. 179 ГК РФ как исключение конфискационных последствий и введение риска гибели предмета сделки на виновную сторону. Как представляется сделки, предусмотренные ст.179 ГК РФ, необходимо было изъять из–под действия общего правила об оспоримости недействительных сделок в случаях подтверждения приговором суда обмана, насилия, угрозы, кабальности сделки, определив более жесткие последствия их ничтожности. С момента вступления приговора в законную силу, презумпция оспоримости сделки, совершенной, например, под влиянием насилия, должна приобретать презумпцию ничтожности, в том числе и при выделении гражданско-правовых последствий сделки в отдельное производство, подлежащее рассмотрению в гражданско-процессуальном порядке.

Трудно согласиться с точкой зрения, встречающейся в науке гражданского права, о том, что сам по себе приговор не предрешает последствия недействительности сделок, предусмотренных в ст. 179 ГК РФ, и не изменяет презумпцию оспоримости на ничтожность сделок. То, что приговор предшествует разрешению сделок в гражданско-процессуальном порядке не препятствует таким последствиям. Однако, как представляется, изменение презумпции в таких случаях должно связываться с подтвержденными в уголовном-правовом порядке преступными действиями (насилием, обманом, угрозой, кабальным характером сделки) что полностью будет соответствовать принципу справедливости, соразмерности совершенных преступных действий последствиям.

В связи с этим предлагаем изменить ст. 179 ГК РФ, дополнив ее пунктом 5 следующего содержания: «Если приговором суда установлено, что сделка была совершена под влиянием обмана, насилия, угрозы, или неблагоприятных обстоятельств (кабальная сделка), она является ничтожной.

Если сделка признана недействительной по одному из оснований, указанных в пунктах 1–3 настоящей статьи, суд вправе по требованию потерпевшего взыскать с другой стороны все полученное ею по сделке, а при невозможности возвратить полученное в натуре возместить его стоимость в деньгах. Имущество, полученное по сделке потерпевшим от другой стороны, а также причитавшееся ему в возмещение переданного другой стороне, по решению суда может быть обращено в доход государства. При невозможности передать имущество в доход государства в натуре взыскивается его стоимость в деньгах. Кроме того, потерпевшему возмещается другой стороной причиненные ему убытки. Иные последствия ничтожности сделок, предусмотренных в пп. 1–3 настоящей статьи, могут быть предусмотрены законом».

ОКАЗАНИЕ УСЛУГ В СФЕРЕ КОСМЕТОЛОГИИ И ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В.А. Кобзева, студент НЮИ(ф)ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент, Н.С. Карцева

Как известно, внешняя привлекательность – это неотъемлемый признак успеха в современном мире. Мужчины и женщины желают изменить свой внешний вид в связи с чем оказание услуг в сфере пластической хирургии и косметологии становится всё более популярным. Однако несмотря на всевозрастающую востребованность данных услуг правовое регулирование этой сферы испытывает явный дефицит положений, направленных на обеспечение и защиту прав и интересов всех участников указанных отношений, что порождает определённые проблемы, требующие своего разрешения.

Стоит оговориться, что практически все медицинские услуги направлены на достижение полезного эффекта – укрепление и восстановление здоровья, услуги же пластической и косметологической хирургии, как правило, имеют своей целью изменение внешнего облика человека. Напомним, что отношения по проведению косметологических вмешательств оформляются договором возмездного оказания услуг. И здесь зачастую возникает проблема несоответствия оговоренного в договоре результата тому представлению о внешнем облике к достижению которого стремился заказчик. Причем это вовсе не означает, что исполнитель оказал услугу ненадлежащим образом. Объяснение тому видится следующим – специфика осуществления действий в сфере пластической и косметологической хирургии не учитывается в должной мере законодательством, которое в настоящее время регулирует данные отношения. Гражданский Кодекс РФ, Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг и другие связанные с медицинской сферой акты – устанавливают лишь общую модель регулирования. Все это влечет к возникновению большого количества споров о качестве оказания рассматриваемого вида услуг и возмещении убытков. В связи с чем необходимо разработать и ввести в действия отдельный нормативно-правовой акт, положения которого охватывали бы специфику пластической и косметологической хирургии и должным образом регламентировали критерии оценки качества оказываемых услуг, содержали нормы, устанавливающие права и обязанности как заказчика, так и исполнителя (например, обязанность с учетом состояния здоровья конкретного пациента выявлять и выяснять противопоказания к проведению хирургического вмешательства, возможные побочные последствия, а также посредством обращения к цифровым технологиям создавать макет – отражающий приблизительный конечный результат хирургического или косметологического воздействия). Также, необходимо разработать и закрепить конкретизированный критерий и методы оценки морального вреда, возникающего в этой сфере, а также размеры выплат при его возмещении учитывая, что рассмотрение именно этой категории дел вызывает наибольшие проблемы, ввиду существования неоднозначной судебной практики. А «проводимые в последнее время научно-теоретические исследования и рекомендации по правоприменительной практики не до конца способствовали устранению существующих проблем»[1].

Таким образом представляется, что создание указанного нормативного акта позволит в должной мере обеспечить защиту прав и интересов всех участников отношений при оказании услуг пластической и косметологической хирургии.

[1] Карцева Н.С. Договор аренды недвижимости в современном российском гражданском законодательстве:/ автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: РГТЭУ, 2004. С. 5.

КИБЕРБУЛЛИНГ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НАСТУПЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ю.Е. Козик, студент НЮИ(ф)ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.С. Карцева

На сегодняшний день практически каждый человек использует Интернет. В интернет-пространство переместилось многое из реального мира: развлечения, общение, обучение, работа. Но вместе с плюсами появилось и немало проблем, одной из которых, является отсутствие закрепленных в законодательстве мер, позволяющих обеспечить защиту прав граждан в случаях их нарушения в цифровом пространстве. Так в последнее время все общество столкнулось с кибербуллингом (от англ. bully – запугивать), то есть осуществлением намеренных действий агрессивного характера, направленных на причинение морального вреда жертве посредством запугивания, оскорбления, унижения, травли, в интернет-пространстве через социальные сети и другие площадки. Причем, как показало исследование, киберрбуллинг получил значительное распространение среди детей и подростков.

Как правило, несовершеннолетние выкладывают в социальных сетях большой объем личной информации, которая может быть использована агрессором для оскорблений. При этом агрессором чаще всего оказывается ровесник, целью которого является самоутверждение, за счет демонстрации своего превосходства. Последствиями таких действий может стать психологическая травма в результате чего возникает: заниженная самооценка, депрессия, мысли о суициде. В связи этим следует обратить внимание на отсутствие в законодательстве положений, позволяющих обеспечить защиту личной информации, размещенной в социальных сетях, которая может быть использована различными лицами без согласия несовершеннолетнего. Думается, что на законодательном уровне должны быть установлены меры комплексного характера, позволяющие выявлять правонарушения в социальных сетях, фиксировать их с целью дальнейшего проведения мероприятий по предупреждению кибербуллинга и его пресечению, а также наложению мер ответственности на правонарушителя.

Другая важная проблема касается отсутствия в законодательстве каких-либо штрафов за действия, унижающие и оскорбляющие достоинство личности в социальных сетях, конечно в Российском законодательстве существуют общие нормы, регламентирующие наступление ответственности за распространение порочащей информации, однако они не учитывают значительную специфику распространения информации в цифровом пространстве. Представляется, что кибербуллинг – действие, оказывающее постоянное давление на жертву, Интернет же – общедоступная платформа и значит, у издевательств неограниченное количество свидетелей, при этом жертва никогда точно не узнает, кто обладает информацией об унижениях, что, в свою очередь, будет усиливать постоянное ощущение опасности. Опубликованные материалы могут распространяться в сети за считанные минуты и охватывать огромное количество людей, среди которых есть недоброжелатели, способные начать травлю. Все это указывает на необходимость введения в законодательство системы штрафов за оскорбление и публичное унижение в сети Интернет.

Таким образом, изменение произошедшие в обществе, обусловившие интенсивное проникновение в нашу жизнь цифровых технологий, оказывают на нас как положительное, так и отрицательное воздействие, в качестве одного из таковых можно назвать «кибербуллинг». При этом в законодательстве отсутствуют эффективные меры позволяющие обеспечить защиту граждан и учитывающие специфику совершения правонарушений в цифровом пространстве «в результате чего нарушения в этой сфере приобрели массовый характер»[1]. Представляется, что изменение законодательства в указанных направлениях позволит обеспечить возможность защиты прав и интересов всех граждан.

[1] Карцева Н.С. Отдельные проблемы обеспечения интересов детей при усыновлении // Гуманитарные науки и образование в Сибири, 2014. № 1 (13). С. 201.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АСТРЕНТА В АРБИТРАЖНОЙ ПРАКТИКЕ

В.А. Козлова, студент ЗСФ РГУП
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Е.С. Терди

Институт астрента, закрепленный в российском гражданском законодательстве ФЗ от 08.03.2015 № 42-ФЗ[1], можно рассматривать в качестве способа обеспечения исполнения гражданско-правового обязательства, возникшего из судебного акта: в соответствии с п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» (далее Постановление) астрент назначается «в целях побуждения должника к своевременному исполнению обязательства в натуре»[2]. Астрент выполняет одновременно две функции: стимулирует должника к надлежащему исполнению судебного акта и компенсирует потери кредитора от ожидания последнего.

В соответствии с разъяснением, данным в п. 38 Постановления, возникновение объективной невозможности исполнения обязательства в натуре после присуждения судебной неустойки влечет автоматическое прекращение обязанности по ее уплате. Данное разъяснение полностью согласуется с п. 1 ст. 416 ГК РФ. В связи с его очевидностью ценность данного разъяснения невелика, тем более что Пленум ВС РФ не поясняет, что следует считать объективной невозможностью исполнения.

При этом в Постановлении не рассматриваются более сложные случаи влияния невозможности исполнения судебного акта на взыскание астрента. В частности, не даются пояснения применительно к ситуации, когда невозможность исполнения обязательства в натуре является субъективной, то есть обусловленной обстоятельствами, за которые отвечает одна из сторон обязательства. Между тем, подобные обстоятельства легко можно помыслить: например, должник может уничтожить вещь, подлежащую передаче во исполнение судебного акта, руководствуясь принципом «так не доставайся же ты никому». Представляется, что невозможность исполнения судебного акта, возникшая по обстоятельствам, за которые несет ответственность должник, не может освобождать его от обязанности выплатить астрент в полном объеме. Если же невозможность исполнения судебного акта была обусловлена обстоятельствами, за которые отвечает истец (это возможно в случае, когда он по тем или иным причинам больше заинтересован в получении астрента, чем реального исполнения обязательства), то он должен терять право на получение астрента.

Следует добавить, что указанные правовые последствия должны быть сопряжены только с постоянной, а не временной невозможностью исполнения судебного акта. Как пояснено в п. 34 Постановления, при наличии обстоятельств, объективно препятствующих исполнению судебного акта о понуждении к исполнению в натуре в установленный судом срок, ответчик вправе подать заявление об отсрочке или о рассрочке исполнения судебного акта по правилам ст. 203, ст. 434 ГПК РФ и ст. 324 АПК РФ. Как поясняет Пленум ВС РФ, удовлетворение данного заявления должно влечь определение периода, в течение которого астрент не подлежит начислению. Очевидно, что если временная невозможность исполнения судебного акта была вызвана обстоятельствами, за которые отвечает должник, то заявление об отсрочке или рассрочке исполнения судебного акта не должно быть удовлетворено, а астрент должен быть начислен.

---

[1] См.: О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ : (последняя редакция) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2020. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[2] О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2020. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А.А. Коковина, студент СибУПК
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.С. Карцева

Жестокое обращение с животными есть только первый опыт для такого же обращения с людьми. Следует сказать, что в настоящее время в российском обществе всё чаще происходят акты жестокого обращения с животными, которые приносят им боль, страдания и смерть. Все это обусловило принятие Федерального закона №498-ФЗ от 27.12.2018 года «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Однако несмотря на столь усиленное внимание государства и общества к указанному вопросу пресечь распространение ситуаций, связанных с жестоким обращением, пока не удается, в связи с наличием серьезных проблем, требующих своего незамедлительного решения.

Так, сегодня мы можем наблюдать проявление особой жестокости в отношении животных со стороны детей и подростков. Однако, согласно действующему Уголовному кодексу РФ к ответственности за совершение указанных деяний можно привлечь только тех подростков, которым исполнилось 16 лет. Как показало исследование наибольшее количество таких правонарушений приходится на возрастную категорию несовершеннолетних не достигших 16 лет, которые осознавая свою безнаказанность совершают такие действия неоднократно, с использованием все более жестоких методов, что в конечном итоге формирует соответствующий тип личности оказывающий отрицательное воспитательное воздействие в подростковой среде, а также совершают тяжкие преступления в отношении жизни и здоровья людей. В связи с чем представляется необходимым введение уголовного наказания в отношении указанных лиц, которым исполнилось 14 лет. Думается, что такое решение вопроса позволит сделать акцент на недопустимости совершения данных действий фактически расценивая их как тяжкие преступления (убийство, изнасилование), совершаемые в отношении человека.

Еще одна важная проблема, на которой необходимо остановиться. В России с 1 января 2020 года были запрещены контактные зоопарки, однако частные цирки шапито с участием животных продолжают существовать. Для таких «артистов», согласно постановлению Правительства РФ «Об утверждении требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию», должны быть созданы специальные условия жизни, однако, как показало исследование, этими требованиями зачастую пренебрегают. Для того, чтобы данная проблема была устранена, необходимо, в первую очередь, усилить контроль за указанными субъектами со стороны Россельхознадзора и Росгосцирка, осуществляя более тщательное изучение деятельности цирков шапито перед проведением лицензирования, разработав критерии её оценки (например, осуществление надлежащего ухода, кормления, содержания, применения мер воспитательного воздействия и дрессировки, отсутствие жестокости при обращении с животными и др.), кроме того следует увеличить размер ответственности за ненадлежащий уход за животными, которые участвуют в культурно – зрелищных мероприятиях, вплоть до введения уголовного наказания за данные правонарушения.

Таким образом, совершенствование законодательства в указанных направлениях будет способствовать в борьбе с жестокостью в нашем обществе.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ГЕНЕТИЧЕСКИХ БАЗ ДАННЫХ

М.Д. Колыванова, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент М.П. Имекова

Исходя из содержания ФЗ «О государственной геномной регистрации», в самом общем виде биобанки представляют собой хранилища различных биологических образцов и ассоциированной с ними информации, представленной в виде баз данных. Ввиду сказанного видится недопустимым отождествлять такие понятия, как биобанк и база данных.

Анализ норм действующего законодательства и юридической литературы позволяет сделать вывод о том, что описание баз данных биобанков встречается значительно реже, чем описание собственно структуры, функционирования и организации самих биобанков. Как представляется, это связано с тем, что биобанки чаще создаются под конкретный исследовательский проект и имеют определённую структуру и специализацию, поэтому базы данных биобанка становятся узкоспециализированным ресурсом и являются интеллектуальной собственностью организации, которая инициировала создание такого биобанка.

Информация, получаемая из биообразцов, хранящихся в биобанке, представляет большую ценность, так как может в значительной степени повлиять на жизнь человека. Например, работодатель, рассматривая кандидатуру на важный пост, может узнать генетику его родителей, и принять решение об отказе о назначении такого лица на должность. Страховые компании, обладающие сведениями о предрасположенностях страхователя к той или иной болезни, могут манипулировать страховыми выплатами. Правоохранительные органы в рамках оперативной работы вполне способны негласно наблюдать за гражданами, ограничивая их права, основываясь на том, что у предков данного лица была генетическая предрасположенность к психическому расстройству, выражающаяся в агрессии и т.д. В связи с гипотетической возможностью реализации перечисленных примеров, генетическая информация должна быть тщательным образом защищена.

В ст. 37 ФЗ «О биометрических клеточных продуктах» заложены базовые основы регламентации функционирования биобанков. Представляется необходимым ввести норму, которая бы обеспечивала ещё и безопасность генетической информации, получаемой из биообразцов, хранящейся в биобанках.

Информация в биобанках, как относящаяся к отдельному лицу и касающаяся только его, юридически вписывается в конструкцию «права на неприкосновенность частной жизни». Следовательно, генетическая информация должна оставаться в тайне. В то же время, поскольку такая информация является, как правило, результатом оказания определенных видов медицинских услуг, в этой связи на нее также должен распространяться правовой режим такой профессиональной тайны, как врачебная тайна. Об этом свидетельствует ст. 13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», согласно которой врачебная тайна определяется как сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении.

Таким образом, на генетическую информацию в биобанках должен распространяться правовой режим тайны частной жизни, как и другие виды профессиональных тайн, в частности, врачебная тайна. Только при таком подходе можно обеспечить конфиденциальность анализируемого вида информации.

ВОЛЬЕРНАЯ ОХОТА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Э.Н. Корень, студент НЮИ(ф)ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.С Карцева

В первой половине февраля 2020 года в федеральные законы N 209-ФЗ «Об охоте» от 24 июля 2009 г. и N 52-ФЗ «О животном мире» от 24 апреля 1995 г., были внесены изменения, разрешающие отстрел животных в полувольных условиях. Следует отметить, что предложения, положенные в основу поправок были на рассмотрении около года, неоднократно отправлялись на доработку, и получили широкий общественный резонанс, собирая подписи и петиции противников, однако все равно были приняты. При этом, изучив текст, с соответствующими поправками можно сказать, что правовая регламентация в этой сфере явно недостаточна и порождает серьёзные проблемы, требующие своего изучения и разрешения.

Так, основной проблемой является отсутствие в законе положений, устанавливающих площадь вольеров. Парламентарии пришли к мнению, что нормативы должны разрабатываться в регионах, что зачастую влечет большое количество нарушений. При этом они не приняли во внимание позицию биологов о том, что создание вольеров будет отрицательно влиять на экосистемы, ведь никто не собирается на указанных территориях заниматься разведением зайцев. Охота будет вестись на копытных, для которых ограниченное пространство губительно. В этой связи представляется более правильным внести соответствующие поправки, устанавливающие определённый минимальный размер площади вольера (с учетом данных, предоставленных биологами). Кроме того, необходимо разработать отдельные правила, согласно которым владелец охотхозяйства должен будет увеличивать территории в зависимости от количества поголовья или других факторов. Также следует подумать и разработке мер ответственности, если владелец нарушит требования к размерам вольеров и их содержанию.

Данные поправки позволят создать условия, близкие к природным, которые будут обеспечивать возможность естественной защиты животных, и привнести минимальную соревновательность в процесс охоты. Так представим, вольер семьсот на семьсот метров, если это будет открытое поле, то можно выйти в один конец и просматривать всю территорию. У животных в такой ситуации будет полностью отсутствовать возможность укрыться, по сути, вольер превращается в тир, где производится отстрел.

Другой немаловажной проблемой является то, что в законе отсутствует ограничение количества убитых животных. При этом речь о лимитах и квотах, которые предусмотрены для естественной среды, не идет. Как следует из закона, все эти животные будут являться собственностью предпринимателя. После заключения соглашения с представителями власти он сам решает, каким должно быть количество животных в вольере, и сколько их за год можно убить. Что касается пополнения численности, то за счет естественного воспроизводства сделать это, скорее всего не представляется возможным. Вероятно, новые живые мишени будут отлавливаться за пределами вольеров (вопрос – законно или нет?) что, как следствие, приведет к снижению численности диких животных. Думается, что на государственном уровне, необходимо внести поправки, которые бы ограничивали количество убитых.

Таким образом, можно отметить, что правовое регулирование вольерной охоты необходимо. Это будет способствовать созданию более благоприятных условий для животных, устраняющих возможность жестокой расправы, «а с другой стороны – позволит защитить права и законные интересы участников соответствующих отношений»[1].

[1] Карцева Н.С., Апарина М.Ю. Отдельные проблемы правового регулирования участия в долевом строительстве многоквартирных домов // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 3 (15). С. 180–184.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА

И.А. Косякин, соискатель Института государства и права РАН
Научный руководитель – д-р юрид. наук А.С. Лалетина

Генеральный директор может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности как в случае банкротства (гл. III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве), так и вне банкротных процедур (ст. 53.1 ГК РФ, ст. 71 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»).

Взыскание убытков с менеджеров является популярным способом защиты: к примеру, в делах о банкротстве за 2018 год с 2 125 контролирующих лиц было взыскано 330,3 млрд руб., что в среднем составляет 155,4 млн руб.[1] Средний размер ответственности за 2017 год по делам о взыскании с членов органов управления убытков составляет более 20 миллионов рублей[2].

Следует заметить, что указанная сумма на порядок превышает годовое вознаграждение топ-менеджера в регионах нашей страны. В случае привлечения к ответственности за неразумное решение нет даже вероятности того, что сумма убытков каким-либо образом материализуется на счетах нарушителя. Поэтому имеется проблема реального взыскания присужденных денежных средств, которая может быть решена с помощью следующих инструментов:

1. Обязательное страхование D&O (directors and officers).

Страхование D&O покрывает ответственность за неразумные действия, а также возможные судебные расходы (вне зависимости от исхода дела). Поскольку посредством страхования риск, который первоначально нес директор, распределяется с помощью страховщика – наиболее обоснованно первоочередное внедрение обязательного страхования D&O среди публичных акционерных обществ (где конфликты между различными группами стейкхолдеров по умолчанию наиболее остры) или же в отраслях с высокой «ценой ошибки» (банковское дело, топливно-энергетический комплекс).

Уже сейчас выплаты по российским полисам D&O можно оценить в размере от 1 до 1,5 млрд рублей (данные на 2018 год)[3].

2. Ограничение ответственности за неразумные действия по соглашению.

Указанный инструмент допускается российским законодательством (часть пятая ст. 53.1 ГК РФ). В зарубежной практике ответственность ограничивается как на уровне закона (двукратный среднегодовой заработок генерального директора в Японии), так и судебной практикой (в деле Samsung суд, руководствуясь «соображениями справедливости», ограничил размер взыскиваемых убытков)[4].

Несомненно, указанные соглашения должны одобряться как сделка, в совершении которой имеется заинтересованность, а информация о наличии такого соглашения – раскрываться. Это позволит учесть интересы стейкхолдеров общества, в том числе и будущих (планирующих инвестировать или поступить на работу).

В чем польза для акционерного общества, которое будет вынуждено финансировать страхование или отказаться от взыскания убытков в определенной части?

---

[1] По данным: https://www.law.ru/news/20771-fedresurs-opublikovak-rezultaty-protsedur-v-delah-o-bankrotstve-za-2018-god (дата обращения: 16.03.2020). Необходимо отметить, что здесь речь идет не только о директорах, но и об участниках корпорации и фактически контролирующих лицах.

[2] По оценке, представленной на: corplaw.pro/book (дата обращения: 16.03.2020).

[3] URL: https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2019/03/11/796137-oshibki-directorov (дата обращения: 16.03.2020).

[4] Блэк Б. и др. Правовое регулирование ответственности членов органов управления. Анализ мировой практики. М.: Альпина Паблишерз. С. 18.

Реальные хозяйственные решения применяются в условиях цейтнота и «тумана войны». Если директор постоянно будет бояться возможных убытков – он не станет принимать рискованные решения (или даже будет воздерживаться от каких-либо значимых решений вообще).

Очевидно, что больший размер прибыли связан с большим риском. Вышеуказанные инструменты подходят для акционерных обществ, стремящихся к более активному ведению бизнеса.

О ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ

Д.А. Краева, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, ст. преподаватель А.Ю. Чурилов

Законодателем используются различные подходы к закреплению признаков, на основе которых можно сделать вывод о контролирующем влиянии одного лица над другим. Следует отметить, что в действующем законодательстве используется дифференцированный вариант регулирования отношений подконтрольности, в связи с тем, что понятие контроля, описание связи между контролирующим лицом и подконтрольным имеет отличия применительно к отраслям права и институтам.

В свою очередь, в общей части ГК РФ отсутствует универсальное определение контролирующего лица, на наличие связей между субъектами гражданского права указывают другие конструкции: «основное – дочернее» общество (ст. 67.3 ГК РФ); лица, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица (ст. 53.1 ГК РФ).

Что касается закрепления в гражданском законодательстве критериев контроля, то вряд ли можно разработать какой-либо универсальный перечень, охватывающий все возможные ситуации корпоративного контроля, возникающие на практике. Именно поэтому, законодатель использует более гибкие формулировки, например: «иная возможность одного общества определять решения, принимаемые другим обществом». Верховный суд РФ дал разъяснения относительно понимания данного критерия, позволяющего квалифицировать общества в качестве основного и дочернего: фактическая возможность определять решения может быть обусловлена также корпоративной структурой группы компаний; порядком заключения сделок, установленным внутри такой группы; степенью участия в управлении обществом со стороны иных участников общества[1]. Следовательно, можно сделать вывод о наделении судов широкими полномочиями по установлению отношений подконтрольности (связанности).

Уже отмечалось, что критерии отнесения лица к контролирующему, само понятие контроля отличаются в зависимости от отрасли законодательства или правового института. В законодательстве об акционерных обществах и о рынке ценных бумаг, категория «контролирующего лица» содержит три способа воздействия на подконтрольное лицо: распоряжение более половиной голосов в высшем органе управления; назначение единоличного исполнительного органа; избрание более половины состава коллегиального органа управления. Такое воздействие может осуществляться в силу участия в подконтрольной организации или заключения договора. Я.А. Усманова отмечает, что данное понятие контролирующего лица не охватывает все аспекты феномена контроля; не содержит общего определения наличия отношений контроля, следовательно, требует корректировки со стороны законодателя[2]. Категория «контролирующего лица» применяется в ФЗ «Об акционерных обществах» в целях квалификации сделок с заинтересованностью, в ФЗ «О рынке ценных бумаг» – для определения информации, подлежащей раскрытию.

---

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 24.04.2019 № 1

[2] Усманова Я.А. Корпоративный контроль со стороны третьих лиц: дис. … маг. юрид. наук. СПб., 2017. С. 245.

Таким образом, в российском законодательстве можно встретить следующие наиболее распространенные признаки связанности доминирующей и зависимой компании: например, доля участия в уставном капитале; право давать обязательные указания; наличие возможности назначения или избрания органа управления юридического лица; заключение договора управления. Следует отметить, что ни один из законопроектов, предлагающих прямо закрепить вышеуказанные признаки контроля, до сих пор принят не был, и на это есть объективная причина. Перечень признаков, определяющих статус контролирующего лица, невозможно сделать закрытым, в силу того, что потенциальные ситуации контроля могут быть более разнообразными на практике.

ПОДХОДЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КРИТЕРИЕВ КАБАЛЬНОСТИ СДЕЛКИ

Д.А. Крашникова, студент ТГУ
Научный руководитель – ассистент В.А. Гончарова

В соответствие с п. 3 ст. 179 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) сделка на крайне невыгодных условиях, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась (кабальная сделка), может быть признана судом недействительной.

В доктрине не сложилось единого подхода к содержанию критериев кабальности сделки, что обусловлено неоднозначностью и размытостью используемых законодателем в п. 3 ст. 179 ГК РФ формулировок.

Подобное положение доктрины отражается на правоприменении и, как представляется, служит причиной редкого оспаривания сделок по основанию кабальности. В исключительных случаях применение состава недействительности сделки, предусмотренного п. 3 ст. 179 ГК РФ, сопровождается анализом критериев кабальности сделки. Так, как было отмечено в одном из Определений ВС РФ, для признания кабальной сделки недействительной необходима сложная совокупность признаков: наличие обстоятельств, которые подтверждают ее заключение для истца на крайне невыгодных условиях, то есть на условиях, не соответствующих интересу этого лица, существенно отличающихся от условий аналогичных сделок; тяжелые обстоятельства возникли вследствие их стечения, то есть являются неожиданными, предвидеть которые или их предотвратить не представлялось возможным; контрагент потерпевшего, зная о таком тяжелом стечении обстоятельств у последнего, тем не менее, совершил с ним эту сделку, воспользовавшись этим положением, преследуя свой в этом интерес[1]. При этом, как было особо отмечено, каждый из этих признаков, взятый отдельно, не порождает недействительности сделки по основанию кабальности.

В судебной практике подчеркивается, что, для того чтобы оспорить сделку по основанию ее кабальности, необходимо доказать ее исключительно крайнюю невыгодность. Так, в п. 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 разъясняется, что в соответствии со ст. 179 ГК РФ к элементам состава кабальной сделки относится заключение сделки на крайне невыгодных условиях. Кроме этого, нужно доказать, что сделка совершена вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств. Под тяжелыми жизненными обстоятельствами суды понимают такие, которые сторона не смогла бы преодолеть иначе как посредством заключения данного договора. Примером кабальной сделки при этом служит покупка нового грузового автомобиля во избежание банкротства.

[1] Определение Верховного Суда от 16.11.16 по делу № 305-ЭС16-9313. URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf_ec.php?id=1491564 (дата обращения: 09.04.2020).

Помимо нахождения стороны в тяжелых жизненных обстоятельствах и невыгодности сделки еще одним элементом состава является также тот факт, что ее контрагент знал об этих обстоятельствах и осознанно воспользовался этим положением. На практике суды часто отказывают в удовлетворении требования, ссылаясь именно на недоказанность знания контрагента о возможном тяжелом положении истца[1].

Таким образом, следует признать, что в судебной практике не сложилось однозначного подхода к определению и содержанию используемых в п.3 ст.179 ГК РФ критериев кабальности сделки, что способно породить значительные затруднения в применении данного состава недействительных сделок при защите прав их сторон.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОДАЖИ ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ СЕТЬ ИНТЕРНЕТ

Т.В. Кулябина, студент НЮИ(ф)ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.С. Карцева

Интернет-торговля – это один из наиболее динамично развивающихся рынков в мире. За последний год суммарный объем рынка онлайн-торговли вырос почти в 1,5 раза. Кроме того, участились ситуации закрытия магазинов и перевода их в режим онлайн. Однако, доступность, простота, глобальность, при одновременной недостаточности правового регулирования, позволяют интернет-продавцам с лёгкостью нарушать права покупателей.

Так, первая проблема, на которую необходимо обратить внимание – это отсутствие в законодательстве мер воздействия, позволяющих защитить права граждан при покупке товаров через социальные сети, «в результате чего нарушение в этой сфере приобрели массовый характер»[2]. Следует отметить, что она на возникла в связи с использованием социальных сетей в качестве не только места размещения информации о товаре, но и площадки для его реализации. При этом «продавцы» не регистрируют себя в качестве индивидуальных предпринимателей и не создают юридическое лицо, в результате чего, договор купли-продажи заключается между физическими лицами. Из этого следует, что на указанный договор не будут распространяться положения Закона «О защите прав потребителей», а значит, в случае обнаружения каких-либо недостатков товара, вернуть или заменить его будет невозможно, что в свою очередь позволяет констатировать факт отсутствия каких-либо гарантий обеспечения и защиты прав покупателя в социальных сетях. В этой связи интересным представляется опыт регулирования таких ситуаций в законодательстве Республики Беларусь, где в социальных сетях, а именно в своём личном аккаунте, разрешается лишь рекламировать товар, соблюдая, при этом, определенные условия. Так, например, на странице продавца в социальной сети обязательно должна присутствовать ссылка на товар в интернет-магазине, кроме того, запрещается указывать контактные данные продавца, чтобы предотвратить возможность заказа и приобретения товара. В связи с чем, представляется ввести аналогичные положения в российское законодательство, что позволит пресечь осуществление торговли через личные страницы продавцов, созданные в интернет-пространстве.

Также, стоит указать на проблему отсутствия в законодательстве должных гарантий обеспечения прав граждан при осуществлении ими международной торговли. Как известно, в настоящее время большое количество договоров о продаже товаров через сеть Интернет заключается гражданами России с гражданами других государств. Однако, в случае наруше-

[1] Постановление Одиннадцатого ААС от 27.07.2017 по делу N А65-443/20175 (ред. от 27.07.19) [не вступило в законную силу]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/uhgnn78gnCQD (дата обращения: 09.04.2020).
[2] Карцева Н.С. Отдельные проблемы обеспечения интересов детей при усыновлении // Гуманитарные науки и образование в Сибири, 2014. № 1 (13). С. 201.

ния условий договора (предоставление некачественного или незаказанного товара, нарушение сроков доставки) либо при его неисполнении, российские граждане зачастую сталкиваются с невозможностью защитить свои права, в виду отсутствия в законодательстве реального механизма правового воздействия на недобросовестного продавца, находящегося на территории другого государства, который, пользуясь указанным положением, игнорирует какие бы то ни было правила международной торговли. Так приведем в пример ситуацию, произошедшую недавно в Барнаульском отделении «Почты России», где в одной из посылок обнаружили муху-горбатку, являющуюся переносчиком холеры. Указанное обстоятельство является возмутительным, особенно учитывая реалии сегодняшнего дня, связанные с распространением инфекции коронавируса. Все это приводит к выводу о том, что в настоящее время необходимо на законодательном уровне закрепить положения, регламентирующие осуществление торговли с гражданами других государств, учитывая при этом специфику цифрового пространства.

Таким образом, совершенствование законодательства в указанных направлениях, позволит создать предпосылки для развития договора продажи товаров через сеть Интернет, обеспечив при этом защиту прав и интересов всех участников гражданского оборота.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ОТ ДИФФАМАЦИИ В РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

А.А. Кустова, студент ТГУ
Научный руководитель — ст. преподаватель Н.В. Багрова

В связи с ценностью чести, достоинства и деловой репутации как благ, обеспечивающих определенное место, положение человека в обществе представляется целесообразным исследование зарубежного законодательства о защите от диффамации для возможного восприятия позитивного опыта правового регулирования данного вопроса. С этой целью обоснованным является сравнение регулирования гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации с положениями законодательства о диффамации Великобритании.

В соответствии со ст. 152 Гражданского кодекса РФ основанием для защиты чести, достоинства и деловой репутации является распространение порочащих сведений[1]. Законодательство и судебная практика Великобритании под основанием защиты данных благ понимает диффамацию, то есть распространение не соответствующих действительности сведений, повлекшее причинение лицу морального вреда[2]. Диффамация может дифференцироваться на квалифицированную и простую, на виновную и невиновную клевету. Квалифицированная клевета представляет собой клевету, выраженную в письменной форме, а также в любой иной форме, которая придает распространению сведений постоянный характер. Отличием же простой клеветы является ее временных характер, который является следствием устного или иного способа распространения порочащих сведений. Данная дифференциация несет для причинителя вреда различные правовые последствия, вплоть до уголовных, в связи с консолидацией всех норм о защите от диффамации без деления их по отраслевой принадлежности в едином акте. Невиновная диффамация предполагает, при согласии потерпевшего, более упрощенный порядок реализации права на защиту его чести, достоинства и деловой репутации. Распространение порочащих сведений является невиновным при следующих условиях: отсутствие у причинителя вреда умысла на распространение сведений, неосведомленность о том, что распространенные сведения относятся к потерпевшему, неосведомленность распро-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
2 Defamation Act 1196. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/31/contents (дата обращения: 01.04.2020).

странителя сведений об обстоятельствах, в связи с которыми эти сведения могут быть восприняты потерпевшим как порочащие, а также соблюдение лицом, распространившим порочащие сведения, мер достаточной предосторожности[1].

Английское законодательство знает систему так называемых иммунитетов, которые подразделяются на абсолютные и относительные. При наличии у порочащего сообщения абсолютного иммунитета иск не может быть предъявлен. К их числу относятся сообщения, сделанные в любой из палат парламента, отчеты о заседаниях парламента, сообщения, связанные с судопроизводством и ряд иных. Ограниченным иммунитетом обладает сообщение в том случае, если у одной из сторон существует правовая, нравственная или общественная обязанность сделать определенное сообщение, а также, одновременно с этим, у другой стороны имеется соответствующий интерес в получении такого сообщения. Вопрос об иммунитете сообщений в России на законодательном уровне практически не решен. Однако имеются некоторые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в Постановлении от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»[2].

Таким образом, представляется обоснованным дальнейшее рассмотрение вопроса о восприятии отечественным законодательством в ограниченном виде положений о иммунитете определенной категории сообщений.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СТОРОН ЭЛЕКТРОННОЙ СДЕЛКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

И.Н. Куц, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент М.П. Имекова

С октября 2019 года в российском гражданском законодательстве закреплены правила об электронной сделке (абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ). Однако проблемы, связанные с идентификацией сторон такой сделки, остались по-прежнему нерешёнными.

Под идентификацией традиционно принято понимать установление тождественности неизвестного объекта известному на основании совпадения признаков; распознание. Идентификация при совершении сделок в электронной форме заключается в том, чтобы установить лицо, участвующее в такой сделке.

Как правило, сделка в электронной форме предполагает, что стороны территориально удалены друг от друга, и в момент её совершения исключается их одновременное присутствие в одном месте. В связи с этим возникает вопрос: как правильно идентифицировать лицо, совершившее такую сделку? Как понять, что именно это лицо совершило сделку, что оно выступало под своим именем при совершении сделки?

В настоящее время на законодательном уровне довольно тщательно урегулирован вопрос, касающийся использования лишь электронных подписей. Данному вопросу посвящён Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи». По смыслу данного закона электронная подпись представляет собой информацию в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица,

1 Самородов Д.А. Понятие неприкосновенности чести и достоинства в законодательствах Великобритании, Франции, США, Германии и России // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридичекстие науки. 2016. № 2 (9). С. 41, 42.

2 О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

подписывающего информацию. Иные же способы идентификации участника сделки действующим законодательством РФ не урегулированы и, более того, даже не упоминаются.

И.А. Соболь выделяет следующие ранее не известные науке гражданского права способы идентификации (установления личности) контрагентов: регистрация учетной записи на сервере, обмен письмами электронной почты и сообщениями служб мгновенного обмена сообщениями, использование электронной цифровой подписи, а также говорит о возможности комплексной идентификации, что предполагает использование нескольких способов идентификации одновременно[1]. А.Ю. Рыков предлагает свою классификацию способов идентификации: по вещественному признаку − ключ подписи, смарт-карта и т.п.; по запоминаемому признаку − пароли, логины и т.п.; по личному признаку − на основе характеристик, зависящих от физических свойств, или качества пользователя, например, биометрические характеристики (отпечатки пальцев, сетчатки глаза и т.п.)[2].

Стоит отметить, что логин и пароль являются наиболее часто встречающимися способами распознавания субъектов при совершении ими сделок в сети Интернет. В отличие от ID-карты и электронной подписи, это самые простые и доступные способы идентификации. Но, несмотря на данные преимущества, они обладают и таким недостатком, как то, что по ним не всегда можно определить субъекта. Так, пароль и логин присваиваются на Интернет-сайтах без представления документов, удостоверяющих личность участника сделки. В данном случае можно говорить о том, что зачастую пароль и логин получают такие субъекты, которые хотят оставаться инкогнито. Следовательно, при совершении сделок в электронной форме вопрос о распознавании субъектов зачастую зависит от воли самих сторон. В связи с этим исполнители услуг не всегда могут определить личность заказчика, как и продавец не всегда может идентифицировать покупателя товара.

Обширная судебная практика по рассматриваемому вопросу после внесения поправок в ГК РФ к настоящему времени ещё не сложилась. Однако устоялась практика по вопросу заключения договоров займа в электронной форме. Так, суды признают возможность заключения договоров займа в режиме онлайн. Идентификация сторон в таком случае осуществляется индивидуальным идентификационным номером, ключом и паролем владельца. Суды устанавливают, что «введением ключа в соответствующее поле заёмщик подтверждает, что согласен с условиями договора, т.к. данное действие означает личную подпись»[3].

Таким образом, законодательное закрепление возможности совершения сделок в электронной форме, безусловно, имеет положительное значение для дальнейшего развития электронной торговли. В то же время оно не лишено недостатков. Требуется разработка и принятие на законодательном уровне положений, посвящённых идентификации сторон электронных сделок.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НАСЛЕДСТВЕННОГО ФОНДА

В.С. Лисун, студент НЮИ(ф)ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.С. Карцева

1 сентября 2018 года вступил в силу Федеральный закон от 29.07.2017 N 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской

[1] Соболь И.А. Направления развития гражданско-правового регулирования электронной торговли в России и за рубежом // Общество и право. 2020. № 3 (30). С. 98.

[2] Рыков А.Ю. Гражданско-правовое регулирование сделок в глобальной компьютерной сети «Интернет»: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2009. С. 130-131.

[3] Решение Октябрьского районного суда г. Томска по делу № 2-1163/2019 от 3 июня 2019 г. [Электронный ресурс] // «Судебные и нормативные акты РФ» URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 29.03.2020); Решение Кимрского городского суда Тверской области по делу № 2-486/2019 от 26 июня 2019 г. [Электронный ресурс] // «Судебные и нормативные акты РФ» URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 29.03.2020).

Федерации», который обусловлен появлением в законодательстве новой конструкции – наследственного фонда – организации позволяющей эффективно управлять имуществом наследодателя после его смерти. Однако, анализ положений, указанного закона приводит к выводу, о появлении большого количества проблем, связанных с нарушением прав и интересов как самого наследодателя, выгодоприобретателей, а также иных лиц связанных с осуществлением деятельности наследственного фонда.

Стоит сказать, что в законодательстве ряда других государств давно сложилась практика закрепления наследственных фондов. При этом предусматриваются не только фонды, действующие только после смерти завещателя, но и прижизненные, которые создаются при жизни учредителя и продолжают действовать после его смерти. Из опыта регулирования других стран можно сделать вывод о том, что отдельные проблемы, которые могут возникнуть при практической реализации введенных в действие в положение Российского законодательства могли бы быть устранены при расширении данной конструкции, а именно: в законодательном закреплении как прижизненных, так и посмертных фондов.

И действительно, первоначально в проекте федерального закона такая конструкция была предусмотрена. Личным фондом должна была признаваться учрежденная гражданином (или после его смерти нотариусом) унитарная некоммерческая организация, преследующая цели управления имуществом фонда при жизни гражданина и (или) после его смерти. Притом, при жизни учредителя органы фонда формируются и изменяются учредителем фонда в соответствии с уставом. После смерти гражданина, учредившего личный фонд при жизни, к управлению таким фондом после смерти его смерти применяются правила о наследственных фондах. То есть, учредитель мог бы обезопасить свое дело еще при жизни, в результате чего переход из личного фонда в наследственный занимал бы намного меньше времени, нежели чем создание наследственного фонда и позволило бы наиболее точно воплотить в жизнь его волю и обезопасить возможных выгодоприобретателей.

Кроме того, предусматривалось, что личные фонды, включая созданные при жизни учредителя и продолжившие свою деятельность после его смерти, могут осуществлять управление своим имуществом как с передачей дохода или иного имущества выгодоприобретателям, так и без передачи.

При управлении фондом могла бы допускаться передача третьим лицам всего или части имущества фонда, в том числе после смерти гражданина – учредителя фонда, что имеет сходство с широко используемыми в различных правовых системах фондами, создаваемыми в связи с открытием наследства. В отличие от узкоспециализированных фондов, используемых только для передачи бизнеса наследникам, предлагаемые в проекте фонды могли быть использованы российскими гражданами и для организации благотворительной деятельности, в том числе для обеспечения функционирования такой деятельности после смерти основателя фонда.

Таким образом, закрепленную в российском законодательстве конструкцию наследственного фонда в настоящее время нельзя признать эффективной и позволяющей обеспечить интересы всех, связанных с ней лиц. В связи с чем представляется, что разработка соответствующих положений законодательства способных обеспечить полноценное функционирование наследственного фонда на практике, «Позволит расширить возможности граждан по распоряжению своим имуществом»[1].

[1] Карцева Н.С., Клевакина А.Б. Наследственный договор: проблемы правоприменительной практики// проблемы формирования правового социального государства в современной России: сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции. Новосибирск: Золотой колос, 2019. С. 210.

ОХРАНОСПОСОБНОСТЬ ОБЪЕКТОВ ТВОРЧЕСТВА В МОДНОЙ ИНДУСТРИИ

Ю.А. Мельникова, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, ст. преподаватель А.Ю. Чурилов

Почему мода и красота не имеет юридической регламентации? Объекты творчества модной индустрии это тоже выражение индивидуальности. Однако защита прав в сферы моды вряд ли можно уместить в классическую концепцию права интеллектуальной собственности. Перед правоприменителями и ремесленниками моды возникают вопросы: как защитить объекты модного творчества? Какие средства будут наиболее эффективными в борьбе с нарушениями прав творцов моды на их произведения?

Охраноспособность объектов модного творчества и индустрии красоты подтверждается судебной практикой, в основном зарубежной. Является ли макияж объектом интеллектуальной собственности, также представляется интересным и мало изученным вопросом. Знаковым для российской правоприменительной практики в сфере интеллектуальных прав стало дело 2012 года визажистки Alex No из Санкт-Петербурга. Практика признала макияж объектом авторского права, так как он соответствует всем элементам охраноспособности. Но для применения такого положения на практике необходимо будет учитывать несколько моментов: какой именно макияж должен подлежать охране и каким будет правовой режим охраны макияжа.

Дизайн, хоть и принадлежит к видам изобразительных искусств, однако, у него есть отличительная особенность-наличие полезной/утилитарной функции, облеченной в художественной форме. Связано это с тем, что дизайн строится на «теории технической эстетики», суть которой заключается в единстве функциональной и эстетической направленности в проектировании предметов. Наиболее тесно проиллюстрировать взаимосвязь данных понятий, можно на примере прецедента, рассмотренного в Верховном Суде США, Star Athletica vs Varsity Brands. Верховный суд США признал охрану дизайна, выделив следующие критерии охраноспособности: дизайн, включенный в состав полезной модели, может восприниматься как отдельное двух или трехмерное изображение, а также может квалифицироваться как охраняемое живописное, графическое или скульптурное произведение – либо само по себе, либо зафиксированное с помощью какого-либо другого материального носителя, если он был представлен отдельно от изделия, в которое он включен[1].

В силу неоднородности объектов моды, правовое регулирование этой сферы затруднительно. Граница, по которым происходит «отсечение» выбора норм охраны (авторское право, патентное, средства индивидуализации) довольна размыта. Нередки ситуации, когда требуется применение этих норм в совокупности. Однако зарубежные законодатели и правоприменители уже дают ответы на некоторые возникающие неопределенности. В России же регламентация отношений в фэшн-индустрии практически сводится к нулю из-за непризнания моды, как искусства. В связи с чем у дизайнеров возникают проблемы при столкновении с нарушением их прав на объекты их творчества. Нормы российского права интеллектуальной собственности в данных отношений применяются по аналогии. Возникает «правовой вакуум», поскольку ни прямого указания в законе на объекты модной индустрии, ни актов толкования высших судов по указанным отношениям нет. Стоит надеяться, что законодатель обратит внимание на нехватку регулирующих норма в данной сфере и устранит этот пробел.

1 Star Athletica, L.L.C. V. Varsity Brands, Inc., Et Al. Supreme Court of The United States from March 22, 2017. Washington, DC 20543, 2017. № 15–866.

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОДПИСЬ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Н.Д. Нечеупренко, студент СибУПК
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.С. Карцева

В последние годы человеческое общество динамично развивает информационные технологии. В наше время сложно представить себе отсутствие мобильных телефонов, персональных компьютеров и сети Интернет, которые прочно и основательно вошли в повседневную жизнь каждого человека.

Информационные технологии значительно опережает свое гуманитарное осмысление, особенно в области права. Что приводит к отрицательному развитию процесса бесконтрольного распространения информации, которая несет угрозу как ментальному, так и физическому здоровью людей. В результате чего, появился кибертерроризм, который наносит огромный ущерб имуществу и финансам. Что обусловило возникновение такой технологии, созданной для защиты информации, как электронная подпись, которая позволяет в электронной форме подтверждать подлинность документов как физическим, так и юридическим лицам. Однако несмотря на всевозрастающую распространенность операций, совершаемых с использованием цифровой подписи, правовая регламентация в этой сфере явно недостаточно, что порождает значительные проблемы, требующие своего скорейшего разрешения.

Итак, в первую очередь можно выделить проблему идентификации субъекта(лица), который подписал электронный документ. Как показало исследование, электронная подпись не дает стопроцентную гарантию определения лица, которое подписало электронный документ. Достоверность идентификации участника электронных отношений может быть обеспечено только при наличии у субъекта квалифицированной электронной подписи. Во всех остальных случаях применение электронных подписей, логинов и паролей, а также иных индивидуализирующих элементов, существующих в цифровом пространстве – не дает возможности идентификации лица, которое участвует в данном правоотношении. Для решения данной проблемы необходимо разработать положение об электронном документообороте, в котором будут установлены лица имеющие право выдавать и квалифицировать электронную подпись, а также предусмотрены соответствующие запреты на передачу электронной подписи иным лицам позволяющие обеспечить безопасность ее владельца и необходимые инструкции по использованию электронной подписи.

Другим проблемным аспектом является то, что субъект коммерческой деятельности осуществляющий её в сети Интернет может не иметь офиса и его единственным идентифицирующим признаком будет выступать адрес веб-сайта или веб-сервера. В связи с чем акцепт можно отправить, находясь, например, в поезде или на территории другой страны. Для решения подобных ситуаций необходимо разработать приложение, при помощи которого будет возможно запрашивать у провайдера сведения об IP-адресе и всех подключениях пользователя, отправившего электронный документ в соответствующий адрес. Думается, что это будет способствовать созданию определенных гарантий безопасности при осуществлении операций в сети Интернет.

Таким образом, представляется, что решение указанных проблем позволит упорядочить совершение операций в сфере цифровых технологий, а также создав определенные возможности для обеспечения и защиты прав и интересов их участников.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ

В.А. Палей, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент М.П. Имекова

На протяжении продолжительного периода времени как в юридической литературе, так и в судебной практике существует спор об отнесении тех или иных сооружений, конструкций, технических систем к объектам недвижимости. Примерный перечень таких объектов установлен статьей 130 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Однако признаки, выделяемые на основании данной нормы, не всегда позволяют четко определить возможность отнесения не входящих в этот перечень объектов к недвижимости[1]. Тем не менее, решение данного вопроса имеет очень важное практическое значение, так как правовой режим движимого и недвижимого имущества имеет существенные отличия.

Наиболее сложная и неоднозначная ситуация встречается при определении статуса гидротехнических сооружений (далее – ГС). В силу специфичности их правового режима в судебной практике отсутствует единообразный подход относительно правовой квалификации данных объектов. Однако за последнее время правоприменителем были сделаны попытки выработки некоторых критериев, позволяющих определить правовой режим ГС различного типа.

Самостоятельное функциональное назначение – это признак недвижимости, который был выделен судами в качестве дополнительного по отношению к тем признакам, которые закреплены в ст. 130 ГК РФ[2]. По данному признаку ограничиваются ГС как объекты недвижимости от сооружений вспомогательного использования.

В законодательстве не выработано понятия вспомогательного сооружения, но на основании анализа норм Градостроительного кодекса и судебной практики, связанной с отнесением ГС к объектам данного типа, можно сделать вывод, что в качестве вспомогательных выступают сооружения, располагающиеся на земельном участке, на котором имеется также основное здание, сооружение, иное техническое строение, по отношению к которому ГС выполняет вспомогательную, обслуживающую роль. Кроме того, основное и вспомогательное сооружения в совокупности должны представлять собой единую систему, которая может выражаться в наличии у данных объектов непосредственной технической, эксплуатационной, функциональной или иной связи[3].

В случае, когда ГС по своим специфическим чертам относятся к объектам вспомогательного использования, суды придерживаются мнения, что такие сооружения самостоятельными объектами недвижимости не являются, а представляют собой лишь часть земельного участка. В судебной практике данная позиция была выражена Президиумом ВАС РФ в Постановлении от 17 января 2012 г. N 4777/08, в котором было признано, что система подземных труб и надземных канав и цементных лотков не является самостоятельной вещью, а представляет собой составную часть земельного участка. Нижестоящие суды восприняли эту правовую позицию и пришли к выводу, что невозможность самостоятельного участия вещи в гражданском обороте исключает и возможность ее признания недвижимой вещью (например, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 6 февраля 2015 г. N Ф06-19870/13).

Исходя из изложенного, можно выделить следующие признаки ГС, позволяющие отнести их к объектам недвижимости. Общим признаком является прочная связь объекта с зе-

[1] Веровская Т. А. Проблема многообразия подходов к определению признаков недвижимости // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. Юриспруденция: вопросы российского и международного права. 2016. № 7-2. С. 101–110.
[2] Имекова М. П. Улучшения земельного участка как правовая категория // Хозяйство и право. 2018. № 3. С. 71–82.
[3] Определение Коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 88-КГПР13-10 // Бюллетень ВС Рос. Федерации. 2014. № 6.

мельным участком, что обуславливает невозможность его перемещения без несоразмерного ущерба. Дополнительным признаком является функциональное назначение ГС, которое свидетельствует о наличии или отсутствии у него собственной самостоятельной ценности в отрыве от земельного участка[1]. Кроме того, важно заметить, что формальное признание того или иного сооружения объектом недвижимости как путем государственной регистрации, так и при составлении кадастровым инженером технического паспорта объекта не влечет автоматического распространения на данное сооружение правового режима недвижимого имущества.

О НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ «СОСЕДСКОГО ПРАВА» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ

Т.О. Пасынкова, магистрант ТГУ
Научный руководитель – д-р юрид. наук, профессор Е.С. Болтанова

В действующем законодательстве России отсутствуют положения об ограничениях права собственности в интересах соседей (правила так называемого «соседского права»). В то же время споры между владельцами-соседями являются частыми и разнообразными. Обобщив судебную практику, мы выделили два основных подхода при разрешении соседских споров.

Первый – соседские конфликты разрешаются путем рассмотрения судом негаторных требований. Так, при застройке смежных земельных участков практика варьируется в зависимости от доказанности нарушения прав и законных интересов собственника соседнего земельного участка: суды руководствуются п. 46 совместного Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ № 10/22: несоблюдение, в том числе незначительное, градостроительных и строительных норм и правил при строительстве может являться основанием для удовлетворения негаторного иска, если при этом нарушается право собственности или законное владение истца. Например, при рассмотрении дела было установлено, что ответчиком при возведении хозяйственной постройки были нарушены строительные, противопожарные нормы и правила, и суд решил исковое требование об устранении препятствий в пользовании, не связанных с лишением владения, удовлетворить[2].

Анализ положений Законопроекта об изменении Гражданского кодекса РФ № 47538-6 от 27.04.2012 года позволяет сделать вывод, что защита прав собственника земельного участка при ограничении законных его прав в интересах конкретных лиц (соседей), не предполагает создание какого-либо особого способа гражданско-правовой защиты, ограничения также будут «сниматься» путем удовлетворения негаторного иска, но, данный иск защищает только правомочие пользования, тогда как споры между соседями весьма разнообразны. Существуют ситуации, при которых действия соседа не имеют какого-то овеществленного результата, т.е. могут остаться конфликтными даже после удовлетворения негаторных требований.

Второй подход заключается в том, что при разрешении споров судебные решения основываются на нормах, устанавливающих пределы осуществления права собственности, в том числе и посредством специальных правил: противопожарных, градостроительных, санитарно-эпидемиологических, экологических и иных. Однако, имеются категории споров, где такие нормы вообще не применимы, например, споры, возникающие из нарушения личных не-

[1] Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем // Вестник гражданского права. 2017. № 1. С. 9–36.
[2] Решение Татарского районного суда Новосибирской области от 08 июня 2018 г. по делу № 2-351/2018 [Электронный ресурс] // Татарский районный суд Новосибирской области. Электрон. дан. [Б. м.], 2006–2020. URL: https://tatarsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=151550907&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.02.2020).

имущественных прав соседа, споры решаемые путем предъявления деликтных исков. Полагаем, что необходимо диспозитивное регулирование отношений между соседями, и именно положения комплекса норм «соседского права» устанавливают правила, направленные на частноправовое предотвращение и урегулирование соседских споров.

Таким образом, отсутствие комплекса норм «соседского права» приводит к тому, что законодательство России содержит только отдельные разрозненные нормы. Представляется, что введение в наше законодательство комплекса норм «соседского права» является актуальным и востребованным, поскольку многие соседские конфликты могли бы быть разрешены без судебного вмешательства, соответственно, уменьшилась бы нагрузка судов по данной категории споров.

СОЗДАНИЕ И ПОРЯДОК УПРАВЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫМ ФОНДОМ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В.В. Савватеева, студент НЮИ(Ф)ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.С. Карцева

«В настоящие время в состав понятий гражданского права все чаще вводятся термины, призванные давать новым жизненным отношением устойчивые обозначения»[1]. Одним из таких нововведений стало понятие наследственного фонда. Деятельность, которого направлена на создание условий, предоставляющих гражданам более широкие возможности распоряжения имуществом на случай смерти.

Однако в регулировании отношений связанных с созданием наследственного фонда, возникают различного рода проблемы, одна из которых заключается в том, что в законе отсутствуют положения позволяющие контролировать исполнение воли наследодателя после его смерти. На наш взгляд, решение данной проблемы заключается в создании органа в структуре наследственного фонда, который бы контролировал волеизъявление наследодателя.

Помимо этого, наиболее спорной нормой является абз. 1 п. 2 ст.123.20-1 ГК РФ, согласно которой наследственный фонд может быть создан только после смерти наследодателя. Последний, таким образом, лишен возможности проверить на практике успешность функционирования фонда. Соответственно наследодатель не может внести необходимые коррективы в персональный состав органов управления. Нет гарантий и того, что эффективность работы фонда возрастет после положительного решения суда. Вполне вероятно, что придется вновь обращаться в суд за изменением учредительных документов. Все это в итоге может закончиться ликвидацией фонда по причине невозможности достижения целей, ради которых он был создан. Избежать такого развития событий можно было бы путем заимствования опыта законодательного регулирования наследственных фондов стран, где успешно апробировано их создание при жизни наследодателей, это позволило бы наиболее должным образом исполнить волю наследодателя.

Следующей проблемой, на которой необходимо остановится, является то, что закон не предусматривает создание наследственного фонда на основании совместного завещания супругов, хотя для них указанный вариант мог бы быть более удобным, например, в отношении общих детей. Допущение такой возможности при исключении изменения совместного завещания пережившим супругом отвечало бы принципу свободы завещания и стабильности функционирования фонда. Сохранность целостности имущественных активов юридического лица будет нарушена, что, как следствие, может не позволить эффективно функционировать

[1] Карцева Н.С., Синенко В.И. Действия в обход закона: понятие и правовая природа // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества, государства: сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции: в 3 т. Новосибирск. Изд-во НГТУ, 2016. С. 106.

этому субъекту гражданских правоотношений. В связи с этим можно согласиться с решением, которое предлагает нам Короп И.И а именно, "закрепление нормы, согласно которой наследственный фонд, учреждаемый в отношении имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, может быть создан исключительно на основании совместного завещания супругов"[1]

Таким образом, можно сделать вывод, что на данный момент положения гражданского кодекса Российской Федерации о наследственном фонде нуждаются в уточнении, а возможно и в неком заимствование опыта регулирования, выработанного в законодательстве зарубежных стран. Это позволит обеспечить защиту прав и интересов всех лиц, связанных с деятельностью наследственного фонда.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АГРЕГАТОРОВ ТАКСИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.А. Самокрутов, студент НЮИ (ф)ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.С. Карцева

Сегодня, один из наиболее действенных способов решения транспортного вопроса является использование такси. Однако, несмотря на значительную распространенность данного вида перевозок, правовая регламентация в этой сфере явно недостаточна. Так, вопросы обеспечения должного уровня безопасности пассажиров и водителей такси, комфортности поездки и многие другие – остались вне ее рамок.

Кроме того, в настоящее время рынок таксомоторных перевозок усиленно захватывается, так называемыми агрегаторами – посредниками между водителем такси и пассажиром, которые уже контролируют более 60% рынка в нашей стране, причем этот показатель постоянно растет, однако, их деятельность также до сих пор не урегулирована законодательно. Все это порождает большое количество проблем, требующих своего рассмотрения и устранения.

И здесь, в первую очередь, необходимо остановиться на проблеме отсутствия правового механизма распределения ответственности между непосредственным перевозчиком и агрегатором в случае, если происходит авария. В данный момент агрегатор является по сути своей лишь «информатором», который не несет никакой ответственности за причинение вреда, в результате чего «страдает» потребитель – пассажир, так как полноценное возмещение ущерба часто «не по карману» водителям. В связи с чем представляется необходимым введение солидарной ответственности перевозчика и агрегатора за причинение вреда жизни здоровья и имуществу пассажира. Думается, что это позволит создать определенные гарантии защиты прав пассажиров, оказавшихся в ситуации, когда сумма возмещения ни коим образом не покрывает расходы на лечение и дальнейшую реабилитацию. Безусловно, такой вариант решения проблемы повлечет весомые финансовые затраты агрегаторов, однако это может послужить толчком для решения другой проблемы – отсутствия в законодательстве конкретных требований при приеме водителей на работу. Сейчас, чтобы устроиться водителем такси через агрегатора, необходимо иметь водительское удостоверение (причем необязательно российское) и разрешение на автомобиль. При этом возникает огромный риск того, что водитель будет некомпетентен, не знать действующих ПДД, а также многих других аспектов, которые не позволят перевозке быть комфортной и безопасной для пассажира. Решением данной проблемы может послужить введение обязательной аттестации каждого принимаемого на работу водителя, включающая проверку знаний актуальных ПДД, прохождение

[1] Короп И.И. Проблемные вопросы института наследственного фонда // Наследственное право. 2019. С. 4.

специальной медицинской комиссии, предоставление сведений об отсутствии судимости за тяжкие преступления и т.п., а также заведение личного дела при трудоустройстве каждого водителя, которое будет передаваться при смене агрегатора от одной службы заказа такси к другой, где будет указана вся перечисленная выше информация история работы лица в такси.

Таким образом, введение деятельности агрегаторов такси в правовое поле в настоящий момент категорически необходимо. Представляется, что «создание эффективного правового регулирования в этой сфере позволит сделать такой вид пользования транспортным средством не только удобным, но и максимально безопасным»[1].

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЕСПОСОБНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

И.К. Скрынник, студент РГУП
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Е.С. Терди

2 марта 2015 года в силу вступила новая редакция п. 2 ст. 30 ГК РФ, закрепившая ранее не известное российскому гражданскому законодательству основание ограничения дееспособности – психическое расстройство, вследствие которого гражданин может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц[2]. Данная новелла явилась результатом признания КС РФ в постановлении № 15-П взаимосвязанных положений пп. 1 и 2 ст. 29, п. 2 ст. 31 и ст. 32 ГК РФ в их первоначальной редакции не соответствующими ч. 4 ст. 15, чч. 1 и 2 ст. 19, ч. 1 ст. 23, ч. 2 ст. 35, ч. 3 ст. 55 КРФ «постольку, поскольку в действующей системе гражданско-правового регулирования не предусматривается возможность дифференциации гражданско-правовых последствий наличия у гражданина нарушения психических функций при решении вопроса о признании его недееспособным, соразмерных степени фактического снижения способности понимать значение своих действий или руководить ими»[3]. В обоснование изложенной позиции КС РФ ссылался не только на КРФ и ратифицированные РФ международные договоры, но и на международные акты рекомендательного для РФ характера, принятые КС РФ во внимание в силу того, что «в их основу положены общепризнанные в современных демократических государствах принципы верховенства права, гуманизма, справедливости и юридического равенства»[4]. Эти международные акты базируются на таких принципах, как принцип максимального сохранения за лицом дееспособности (*maximum preservation of capacity*) и принцип пропорциональности (*proportionality*)[5]. Суть их состоит в том, что любое сужение дееспособности должно быть необходимо и

[1] Карцева Н.С. Боровикова М.Е. Некоторые проблемы правовой регламентации каршеринга в Российской Федерации // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XV всероссийской национальной научно-практической конференции (Новосибирск, 29 ноября 2019 г.). Новосибирск: Золотой колос, 2019. С. 214.

[2] См.: О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 30 дек. 2012 г. № 302-ФЗ : (последняя редакция) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2020. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[3] По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2012 г. № 15-П // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2020. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[4] По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой.

[5] См.: Конвенция о правах инвалидов: [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/en/A/RES/61/106 (дата обращения: 07.04.2020). Рекомендация Комитета Министров Европы № R (99) 4 «О принципах, касающихся пра-

не должно быть избыточно, а применяемая к лицу мера его защиты должна соответствовать степени его дееспособности, его индивидуальным особенностям и потребностям. В российской правовой системе соответствующие принципы не находят полного отражения, в связи с чем реформу ст. 30 ГК РФ можно охарактеризовать как полумеру. В частности, определение на законодательном уровне содержания правовых состояний гражданина, отражающих его способность понимать значение своих действий или руководить ими, – дееспособный, недееспособный, ограниченный в дееспособности – не позволяет суду проявить гибкость при ограничении гражданина в дееспособности в связи с наличием у него психического расстройства и определить последствия такого ограничения в зависимости от степени фактического снижения когнитивных и волевых способностей человека, которая в каждом конкретном случае психического расстройства индивидуальна. Во многих же европейских странах, воспринявших рекомендации Евросоюза, гражданин признается дееспособным в той степени, в которой он не ограничивается соответствующей формой защиты. При ее установлении суд не связан императивными нормами, а вправе индивидуально определить, какие действия гражданин может осуществлять самостоятельно, а какие – только с помощью третьего лица.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЫ СДЕЛОК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.Ю. Сомов, студент ТГУ
Научный руководитель – ст. преподаватель Н.В. Багрова

Изменения в Гражданском Кодексе РФ, вступившие в силу с 1 октября 2019 года, направлены на развитие электронного взаимодействия участников гражданского оборота: предполагается, что изменения дадут правовую основу для заключения «смарт-контрактов», распоряжения цифровыми правами внутри определенных информационных систем, а также упрощения договорного взаимодействия между субъектами гражданского права с уменьшением транзакционных издержек.

В первую очередь, письменная форма сделки гарантирует добрую волю и серьезность намерений стороны или сторон сделки посредством закрепления ее условий на неизменном носителе информации. В подтверждение этому выделяют функции, свойственные письменной форме сделки: доказательственную, в силу которой возможно достоверно установить содержание сделки даже по прошествии длительного времени, информационную, которая удостоверяет содержание сделки перед заинтересованными третьими лицами (субарендатор и т.д.)[1].

В действующей редакции ст. 160 ГК гласит: «письменная форма сделки считается соблюденной… если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю»[2]. Однако ввиду того, что письменная форма сделки выполняет охранительную функцию, предоставление сторонам сделки возможности самим устанавливать правила определения лица, выразившего волю, может привести к злоупотреблениям.

В частности, речь идет о простой электронной подписи как инструменте аутентификации пользователя и альтернативе собственноручной подписи или квалифицированной элек-

---

вовой защиты недееспособных взрослых»: [Электронный ресурс]. URL: https://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/texts_and_documents/Rec(99)4E.pdf (дата обращения: 07.04.2020).

[1] Татаркина Ксения Павловна Форма сделки: цели, обоснованность установления и правовое значение // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 313. С. 126–127.

[2] Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/95f9ba225766dcfec8461f257ed0b179d032c5b7/

тронной подписи. Законодатель не определил объем закладываемых в нее данных, тем самым предоставив это на усмотрение сторон соглашения. Вместе с тем, он может быть самым разным: логин/пароль, номер телефона, код в SMS-сообщении и т. д. Однако все вышеназванное не может служить полноценной заменой средств подтверждения воли сторон, поскольку многие средства простой электронной подписи (аккаунт на интернет-сайте, электронная почта) напрямую не привязаны к лицу, их использующему. Тем более возможны случаи передачи аккаунтов, взлома электронной почты и т. д. Поэтому простая электронная подпись едва ли может удовлетворять целям, указанным выше.

Простота заключения договора не всегда благотворно отражается на непрофессиональных участниках гражданского оборота. Практика знает множество исков кредитных организаций к заемщикам по договорам «микрозайма», простота в заключении которых негативно сказывается на более слабой стороне сделки. С юридической точки зрения действия кредитных организаций вряд ли можно назвать мошенническими, но тем не менее повод для совершенствования законодательства есть.

Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ – это лишь подготовительный этап в становления электронного договорного взаимодействия, нуждающийся в дальнейшем развитии. Представляется необходимым существенно ограничить возможность применения «непоименованных» способов заключения сделок в простой письменной форме на законодательном уровне во избежание недобросовестных и заведомо невыгодных для потребителя сделок. Равным образом следует доработать требования к таким способам для придания им большей доказательственной силы и их упорядочения, будь то содержание в аналогах собственноручной подписи указания на паспортные или иные идентифицирующие данные физических и юридических лиц.

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО ПРАВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

О.В. Суняйкина, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук А.Ю. Чурилов

Современное информационное общество с каждым днем стремительно развивается. Такое развитие может привести к информационному взрыву, в связи с возникающими проблемами в процессе генерации, хранения и использования информации.

На основании положений статьи 1259 ГК РФ, объектами авторских прав признаются произведения науки, литературы и искусства, независимо от качества и содержания произведения, а также от способа его выражения.

Для применения способов охраны и защиты авторским правом, произведение должно быть результатом творческой деятельности и выражено в объективной форме.

П. 2 ст. 1270 ГК РФ приводит перечень способов использования. Он не является исчерпывающим и именно поэтому все больше и больше авторов прибегают к интернет-правомочию[1], публикуя свои произведения в глобальном цифровом пространстве путем предоставления доступа. Реализация данного правомочия представляет собой размещение произведения в открытом доступе в сети Интернет, что предполагает совершение следующих действий: во-первых, помещение объектов в цифровой среде, т.е. с помощью программных и технических средств обработки, хранения и передачи информации в электронном виде, которые обеспечивают возможность интерактивного взаимодействия с текстовой,

[1] Болдырев С. И. Особенности правового статуса субъектов авторских прав в сети интернет // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. № 1 (14). С. 39–43.

аудиальной, визуальной, мультимедийной и графической информацией, и, во-вторых, доступ к этим объектам любого из пользователей сети Интернет.

Одной из важнейших особенностей использования объектов авторского права в цифровой форме относится отсутствие цифрового исчерпания права.

На сегодняшний день нормы об исчерпании прав являются неотъемлемой частью любого современного законодательства в области интеллектуальной собственности. Они выступают одним из важнейших ограничений исключительного права во избежание злоупотреблений со стороны правообладателя и имеют своей целью создание условий для обеспечения доступности произведений литературы, науки и искусства.

На основании положений ст. 1272 ГК РФ можно сделать вывод о том, что данная норма неприменима к оцифрованным версиям объектов авторского права. Это связанно с тем, что ст. 1272 ГК РФ связывает наступление указанных в ней последствий не с любыми способами введения произведения в оборот, а лишь с теми, которые осуществлены путем продажи или иного отчуждения экземпляров. Продажа экземпляра, а также иное отчуждение всегда подразумевает его передачу от одного лица к другому, причем переданный и полученный экземпляр должны быть тождественны. Таким образом, в отсутствие факта передачи экземпляра пользователю, без чего невозможна такая продажа или иное отчуждение, отсутствуют и условия для применения ст. 1272 ГК РФ.

Кроме того, при использовании объектов авторского права в Интернете появляются определенные проблемы. Основными считаются проблемы определения юрисдикции и применимого права, пределов действия, необходимость аутентификации заинтересованных лиц, сложность пресечения правонарушений, скорость и масштабы распространения информации.

Таким образом, для преодоления конфликта интересов правообладателей и интернет-пользователей, государству нужно создать такие условия, при которых не будут нарушаться ни права пользователей на свободу доступа к информации, ни исключительные права авторов произведений. На данном этапе развития отечественного законодательства эта проблема не решена и с каждым днем приобретает все большую актуальность.

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

М.В. Тарабарин, студент НЮИ(ф)ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.С. Карцева

В настоящее время ситуации, связанные с правовым регулированием передачи персональных данных третьим лицам, становятся всё более дискуссионными. Представляется, что проблемы их защиты обусловлены недостаточной правовой регламентацией данных отношений, несмотря на то, что в настоящее время существующий закон N 152-ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 (далее – закон «О персональных данных») является основой правового регулирования сбора, обработки и использования передачи данных.

В первую очередь стоит обратить внимание на проблему отсутствия в указанном законе «О персональных данных» конкретного перечня видов персональных данных, которые могут требовать третьи лица: салоны красоты, фитнес-клубы, магазины и др. В связи с этим Роскомнадзор (в своей публикации от 20.07.2012) разъясняет, что данные, написанные раздельно, не являются персональными, а лишь сокращают выборку среди некоторого количества данных[1]. Телефонный номер, электронная почта и даже аккаунт в социальной сети не

[1] Защита прав субъектов данных: [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: https://10.rkn.gov.ru/queries/lookup/people_2kv_2012/p1/ (дата обращения: 01.04.2020).

будут относиться к персональным данным, если не будут связаны в базе данных с действительными ФИО, несмотря на их прямую связь с субъектом.

Очевидно, что основной проблемой является отсутствие в действующем законодательстве определения некоторых видов персональных данных как прямо идентифицирующих лицо, при условии, что совокупность системы СОРМ и «пакета Яровой» позволяют связать коммуникационные идентификаторы с личностью, доказав их взаимосвязь между собой. В связи с этим необходимо закрепить перечень конкретных видов персональных данных на законодательном уровне, при этом установив принцип их неделимости в ст. 5 настоящего закона «О персональных данных», что позволит сократить количество нелегальных баз данных, уменьшить количество мошенничеств, совершаемых в интернет пространстве, а также пресечёт возможность осуществления телефонных звонков от различных организаций, навязывающих свои услуги. В этом случае, у юридических лиц не будет оснований для намеренного обезличивания данных с помощью положения в п. 9 ч. 1 ст. 6 настоящего закона «О персональных данных» для создания баз потенциальных клиентов и их свободной продажи любым заинтересованным лицам.

Другой важной проблемой является то, что в настоящее время в ч. 3 ст. 3 закона «О персональных данных» не разграничиваются положения об «обработке персональных данных» и «передаче данных третьим лицам». Ввиду этого некоторые организации (например, кредитные) формулируют свои вопросы таким образом, что гражданин вынужден соглашаться с двумя положениями, при условии, что организации обрабатывают данные внутри своей компании, а не у третьих лиц. Представляется необходимым разделение данного положения в совокупности с внесением поправок об исключении (на объединение этих понятий) для трансграничной передачи данных и их обращения внутри компаний, принадлежащих одному юридическому лицу.

Таким образом, закрепление в действующем законодательстве перечня видов персональных данных, а также дифференциации согласия и передачи данных при составлении двустороннего договора, не представляются чем-то определённо невозможным. «В результате внесения данных поправок была бы достигнута главная цель – наиболее полная и всесторонняя защита прав и интересов человека»[1].

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ЗАЩИТЫ И ОХРАНЫ СУБЪЕКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

А.П. Тропина, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент М. П. Имекова

В настоящее время в юридической науке и законодательстве отсутствует единое понимание того, что кроется за такими фундаментальными правовыми категориями, как защита и охрана прав и законных интересов. Их смешение препятствует любым попыткам выстроить систему способов защиты участников гражданского оборота и классифицировать их.

Значительное число цивилистов в той или иной степени отождествляют охрану и защиту прав и законных интересов. Так, проф. А.П. Сергеев указывает, что понятие охраны в широком смысле охватывает «всю совокупность мер, обеспечивающих нормальный ход реализации прав»[2]. Охрана в узком смысле направлена на восстановление или признание граждан-

[1] Карцева Н.С., Синенко В.И. Действия в обход закона: понятие и правовая природа // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества, государства: сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции: в 3 т. / коллектив авторов. Новосибирск. Изд-во НГТУ, 2016. С. 110.

[2] Сергеев А. П. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. РГ-Пресс, 2011. С. 540.

ских прав и представляет собой их защиту. Аналогичные мысли высказывали и А.Е. Шерстобитов[1], Т.И. Илларионова[2] и др.

Проф. Ю.К. Толстой указывает, что эти категории следует отграничивать друг от друга. При этом охрана гражданских прав, по его мнению, является более широким комплексным институтом, в который входят разнообразные механизмы оптимизации гражданского оборота, а защита является сегментом этого комплекса. Она направлена на восстановление нормальных условий для осуществления права и (или) на восстановление первоначального состояния имущественной сферы лица[3]. Данная точка зрения противоречива, так как для институтов охраны и защиты прав названы совершенно разные цели. Оптимизация гражданского оборота и устранение нарушений права – не пересекающиеся понятия, и защита не может входить в охрану, преследуя при этом другую цель.

Существует и принципиально иной подход к решению данного вопроса. Его сторонники (Т.Е. Абова, Е.Е. Богданова) отмечают, что охрана не связана с нарушением права. Это элемент нормального функционирования правоотношения, выполняющий обеспечительную роль. Е Е. Богданова, кроме того, отмечает разрыв во времени, который существует между применением мер охраны и защиты[4].

Косвенное подтверждение такой позиции можно найти, проанализировав ст. 979, 1172, 1173 ГК РФ, упоминающих отдельные охранительные меры. Во всех перечисленных случаях понятие охраны упоминается не в связи с произошедшим нарушением. Из них с очевидностью следует, что цель охраны – предотвратить саму возможность такого нарушения. Поэтому справедливо замечание, что закон предоставляет охрану субъективным правам и интересам с самого момента их возникновения. Как писал проф. В.П. Грибанов, без охранительных мер любая норма права носит лишь декларативный характер[5]. Понятие защиты же является ключевым для гражданского и арбитражного процессов.

Таким образом, цель института защиты гражданских прав – восстановление нарушенного нормального (законного) состояния гражданского оборота. Меры защиты подлежат применению тогда, когда меры охраны не достигли своего правового результата и не предотвратили нарушение субъективного права. В связи с этим представляется неверным предлагаемое отождествление охраны и защиты, а также утверждение, что защита может быть составной частью охраны как правового явления. Указанные институты применяются независимо друг от друга.

ДОГОВОР МИКРОЗАЙМА: ПРОБЛЕМЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

А.Е. Тростина, студент ЗСФ РГУП

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент И.А. Татаринцева

Во времена финансовых кризисов получить кредит в обычном банке бывает достаточно сложно. Тогда заемщики идут в микрофинансовые организации (далее МФО), которые готовы предоставить деньги до заработной платы. В связи с несовершенством законодательной

[1] Шерстобитов А. Е. Гражданско-правовые вопросы охраны прав потребителей. М.: Изд-во Московского ун-та, 1993. С. 35.

[2] Илларионова Т. И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер. Томск, 1980. С. 38–39.

[3] Толстой Ю. К. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1. 7-е изд., перераб. и доп. / В.В. Байбак, Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев [и др.]; под ред. Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2009. С. 343–344.

[4] Богданова Е.Е. Защита прав и интересов в договорных отношениях: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. С. 13.

[5] Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М. : Рос. право, 1992. С. 6.

основы данного вида деятельности, им удается организовывать деятельность в обход закона. В этой связи можно выделить следующие проблемы:

1.Размещая рекламу в сети «Интернет», некоторые финансовые организации нарушают ст. 28 ФЗ «О рекламе»[1]. В случае, если указывается хотя бы одно условие получения микрозайма в рекламе, которое влияет на стоимость кредита, то должны быть указаны и все остальные условия. В связи с тем, что таких МФО большое количество, антимонопольный орган не успевает отследить все нарушения. Это является значимой проблемой осуществления антимонопольного регулирования. Так на сайте МФК Быстроденьги (ООО) закреплены последствия несвоевременного возврата займа: «После окончания срока действия договора в течение льготного периода вам будет доступна услуга продления срока пользования займом... По закону общая сумма начисленных процентов по договору займа не может превышать 3-кратного размера суммы займа»[2]. Исходя из указанного, видно – реклама раскрывает не все условия предоставления микрозайма (в частности, не определено, что такое «льготный период»). Также стоит отметить, что в ФЗ «О потребительском кредите (займе)» была внесена поправка, вступившие в силу с 01.07.2019 – проценты, неустойки (штрафы, пени) и иные начисления по такому кредиту не могут превышать сам долг более чем в 2,5 раза. В рекламе же указан 3х кратный размер суммы займа[3].

2. Начисление и по истечении срока действия договора микрозайма процентов, установленных договором лишь на определенный срок предоставляемого займа. Судебная коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ поддержала позицию заемщика и существенно снизила размер его задолженности[4]. Ответчица в мае 2014 года взяла на 15 дней заем в 15 350 рублей с начислением 2% за каждый день пользования. Спустя 4,5 месяца ей начислили уже 732% за 891 день с момента истечения срока действия договора, общая задолженность – 279 тыс. рублей. Установление МФО сверхвысоких процентов за длительный срок пользования микрозаймом, выданным на короткий срок, приводило бы к искажению цели деятельности микрофинансовых организаций. В случае, если бы законодательно был точно ограничен срок взимания процентов по микрозаймам, то при рассмотрении таких дел у антимонопольного орган не возникало бы противоречий, и все возникающие вопросы по указанному сроку были бы разрешены верно, а следовательно, часть дел не попадала бы в суды.

Таким образом, проблемы антимонопольного регулирования в сфере микрозаймов встречаются часто, но законодатель ограничивает произвол МФО. Видится необходимым усилить контроль антимонопольных органов, а также внести изменения в законодательство – для микрофинансовой деятельности необходимо установить четко регламентированный срок взимания процентов, равный сроку договора микрозайма.

---

[1] О рекламе : федер. закон. Рос. Федерации от 13 марта 2006 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.

[2] Быстроденьги – на пути к лучшему [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: https://form.bistrodengi.ru/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=brend_goroda_48218596&param=BD_Tomsk&utm_content=8389976059&utm_term=быстроденьги%20томск&region=65&region_name=Новосибирск.desktop.Новосибирск..none&block=premium.1&roistat=direct1_search_8389976059_быстроденьги%20томск&roistat_pos=premium_1&roistat_referrer=none&yclid=1781787563950891648 (дата обращения: 24.02.2020).

[3] О потребительском кредите: федер. закон. Рос. Федерации от 21 декабря 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 51. Ст. 6673.

[4] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2019)" [Электронный ресурс]: разрешение споров, вытекающих из обязательственных правоотношений // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ СУПРУГОВ

Н.С. Чёрная, студент ТГУ
Научный руководитель – ст. преподаватель А.Ю. Копылов

С 1 июня 2019 года вступил в силу Федеральный закон от 19.07.2018 №217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского Кодекса Российской Федерации», которым в ст. 1118 ГК РФ была введена норма о совместном завещании супругов. Цель введения – непосредственное расширение принципа свободы завещания, учет интересов супругов по распоряжению как имуществом, приобретенным в период брака, так и своим личным имуществом.

Поскольку эта норма является новеллой отечественного гражданского законодательства о наследовании, в литературе совместное завещание супругов получило неоднозначную оценку. По мнению некоторых авторов, изменения относительно введения совместного завещания супругов не в полной мере отображают их реальное предназначение и сущность[1]. Точнее такими изменениями ставится под сомнение именно признак одностороннего характера завещания. Так, К.Б. Ярошенко отмечала, что совершение завещаний с множественностью лиц на стороне завещателя не соответствует характеру завещания как односторонней сделки на случай смерти, поскольку лишало бы завещателя возможности как свободно распоряжаться своим имуществом при жизни, так и изменить свое распоряжение о судьбе имущества на случай смерти[2].

Согласно положениям п. 5 ст. 1118 ГК РФ завещание является односторонней сделкой.

Из содержания п. 2 ст. 154 ГК РФ следует, что для совершения односторонней сделки достаточно волеизъявления одного лица. Выражение воли обоими супругами при составлении совместного завещания не умаляет природу совместного завещания супругов, поскольку в совместном завещании супругов они вправе по обоюдному усмотрению определять последствия смерти каждого из них, образуя одну сторону в сделке. В случае если воля супругов изменится, то совершение совместного завещания супругов не лишает каждого из них права составления последующего личного завещания. Таким образом, для разграничения односторонних, двусторонних и многосторонних сделок значимо количество именно сторон, а не лиц-участников. Тем самым, возможность образования множественности лиц, представляющих одну сторону в сделке, не оспаривается.

Из-за множественности участников односторонняя сделка не меняет свою правовую конструкцию. В данном случае важно, что интерес в совершении сделки один, но преследуют его несколько лиц. Поскольку волю в совместном завещании выражают оба супруга, выступая в качестве одной стороны, то сущность сделки как одностороннего волеизъявления не меняется. Поэтому принципиального изменения правовой природы завещания как односторонней сделки не произошло. Непосредственно остается принцип приоритета индивидуальной воли супруга над совместным волеизъявлением. Но расширились возможности распоряжения имуществом гражданами.

---

[1] Амиров М.И. Институт совместного завещания супругов // Нотариус. 2016. № 1. С. 19–22.

[2] Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М.: Юрист, 2002. С. 80.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

Д.В. Черникова, студент ТГУ
Научный руководитель – ст. преподаватель А.Ю. Копылов

Предметом нашего исследования является особенности гражданско-правовой ответственности за незаконное использование произведения. Известно, что использование произведения является содержанием исключительного права, которое закрепляет монополию автора или иного правообладателя в отношении объектов интеллектуальной собственности. Соответственно, критерием разграничения использования объекта интеллектуальной собственности на законное и незаконное выступает наличие или отсутствие разрешения автора или иного правообладателя, правовой формой является лицензионный договор. Таким образом, не разрешенное (не лицензированное) правообладателем использование произведения объекта интеллектуальной собственности является основанием возникновения гражданско-правовой ответственности.

Природа этой ответственности является предметом дискуссий. Ряд авторов относят такую ответственность к деликтной, а само нарушение исключительного права называют деликтом. Такой позиции, в частности, придерживается Э.П. Гаврилов, С.И. Крупко, Л.А. Новоселова[1]. Другие авторы, например, Т.В. Шепель утверждают, что нормы главы 59 ГК о деликтных обязательствах не рассчитаны на многообразные случаи возмещения убытков вне договора и понимают деликт достаточно узко, всего лишь как прямое причинение вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевшего[2]. Следует согласиться с мнением тех авторов, которые относят ее к деликтной, поскольку деликтная ответственность возникает вследствие нарушения именно абсолютных прав, к числу которых относится и исключительное право.

Отсутствие в законодательстве единого определения понятия гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав затрудняет понимание содержания и сущности данного правового явления. Гражданско-правовую ответственность за нарушение исключительных прав можно рассматривать как принудительную реализацию имущественных требований потерпевшего по возмещению причиненного ему вреда, осуществляемую предусмотренными законом мерами, и посредством которой происходит восстановление нарушенных исключительных прав.

Установленная нормами ст. 1252 ГК РФ альтернативная компенсация подпадает под действие общих правил, установленных для такой ответственности (прежде всего, о ее основаниях), и может быть подчинена нормам, предусмотренным специально для других видов гражданско-правовой ответственности. В частности, поскольку речь идет о защите самих интеллектуальных прав, т.е. о защите в тех случаях, когда нарушение не связано с наличием договорных отношений между правообладателем и нарушителем, то применяются нормы Гражданского кодекса РФ об обязательствах из причинения вреда, причем не только положения гл. 59 (в особенности его первого параграфа – Общие положения о возмещении вреда), но и правила гл. 25 (Ответственность за нарушение обязательств).

---

[1] См.: Гаврилов Э.П. Некоторые актуальные вопросы авторского права и смежных прав // Хозяйство и право. 2005. № 1. С. 24; Крупко С.И. Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве. М.: Статут, 2018. С. 134; Право интеллектуальной собственности: учебник / Е.В. Бадулина, Д.А. Гаврилов, Е.С. Гринь и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. Т. 1: Общие положения. С. 350.

[2] Шепель Т.В. Внедоговорные охранительные обязательства: состояние законодательства и цивилистической доктрины//Вестник ТГУ. Право. 2018. № 29.С. 211.

ПРИМЕНЕНИЕ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ ГК РФ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ К ТРЕБОВАНИЯМ, ВОЗНИКШИМ ИЗ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Н.С. Чиженков, аспирант НИУ ВШЭ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент А.А. Иванов

Едва ли не основной тенденцией в российской доктрине корпоративного права в последние годы стала популяризация т.н. «договорного» («контрактного») подхода к изучению отдельных институтов. Подобный подход имеет в своей основе концептуальный тезис о схожей правовой природе корпоративных и обязательственных (прежде всего, договорных) правоотношений и убедительно аргументирован с политико-правовой точки зрения[1]. Однако при всей обоснованности данного подхода[2] до относительно недавнего времени у него не было весомых догматических оснований[3].

«Позитивно-правовой легализацией» использования обязательственного инструментария при регулировании корпоративных отношений должно было стать включение в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) специальной нормы о порядке применения общих положений об обязательствах к другим относительным правоотношениям, в том числе, корпоративным, целесообразность появления которой подчеркивалась еще в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации[4]. Такой нормой в итоге стал вызывающий множество вопросов подп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ – исключительно декларативная норма о применении общих положений ГК РФ об обязательствах к требованиям, возникшим из корпоративных отношений, снабженная, к тому же, двумя условиями применения норм подраздела 1 раздела III ГК РФ к упомянутым требованиям. Во-первых, в ГК РФ и иных законах должны отсутствовать нормы, предусматривающие иное. Во-вторых, иное также не должно вытекать из существа соответствующих корпоративных отношений. Если наличие *lex specialis* представляется в достаточной мере определенным и релевантным, хотя и не бесспорным ограничителем применимости, то отсылка к абстрактной категории существа корпоративных отношений сама по себе не может быть признана критерием, пригодным для решения данного вопроса *ad hoc*. Например, она не позволяет сделать вывод о том, допустимо ли применение положений ГК РФ о встречном исполнении обязательств к отношениям по предоставлению хозяйственным обществом информации акционерам (участникам), или о том, возможна ли уступка корпоративных прав.

Справедливы замечания отдельных отечественных авторов и к формулировке диспозиции рассматриваемой нормы, неоднозначной ввиду отсутствия детально разработанного доктринального концепта требований из корпоративных отношений[5]. Можно ли считать таковыми, в частности, требования о созыве общего собрания, о предоставлении обществом информации, о возмещении причиненных обществу убытков, об исключении участника непуб-

[1] Главным образом, через постулирование необходимости предоставления участникам хозяйственных обществ большей дискреции в регулировании отношений внутри юридического лица и, соответственно, большей диспозитивности правовых норм.

[2] Можно найти даже обоснование с философских позиций с опорой на категории онтологического холизма и антисингуляризма. См.: Чиркова Е.А. Корпоративный договор сквозь призму теорий корпоративных правоотношений sui generis и корпоративной правоспособности // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 180–185.

[3] Таковыми едва ли можно считать ранее закрепленную на законодательном уровне квалификацию прав участников хозяйственных обществ и ряда юридических лиц иных, по существу корпоративных организационно-правовых форм как обязательственных прав.

[4] Пункт 1.1 раздела V Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009).

[5] Корпоративное право: учебный курс. Т. 1 / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2017. С. 68.

личного общества? Телеологическое толкование подп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ приводит к выводу о том, что сфера действия нормы ограничивается хрестоматийными примерами денежных требований о выплате объявленных дивидендов или действительной стоимости доли участника. В таком случае «за скобками» неоправданно оказывается целый комплекс корпоративных прав, по своей природе идентичных требованиям из гражданско-правовых обязательств (*«dare», «facere», «non facere»*).

Наконец, остается открытым вопрос о причинах, по которым законодатель отказался от признания применимости к корпоративным отношениям раздела III «Общая часть обязательственного права» целиком.

К ВОПРОСУ О МНОЖЕСТВЕННОСТИ ЛИЦ НА СТОРОНЕ ДОЛЖНИКА В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

А.Е. Яковлева, студент ТГУ

Научный руководитель – д-р юрид. наук, профессор Е.С. Болтанова

Федеральный закона «О несостоятельности (банкротстве)» не предусматривает правовых оснований для совместного банкротства граждан, указывая во всех статьях на банкротство только отдельных физических лиц. При этом Закон о банкротстве не содержит и прямого запрета на совместное рассмотрение дел о несостоятельности супругов. В юридической литературе также устоялось мнение, что правоотношение несостоятельности представляет собой «единое, охранительное обязательство с активной множественностью лиц, в котором на одной стороне несколько кредиторов, а на другой один должник»[1].

Однако в своем определении от 5 мая 2017 г. N 307-ЭС17-4301[2] Верховный Суд Российской Федерации указал, что «действующим законодательством не предусмотрена возможность подачи супругами совместного заявления о банкротстве». Такой подход Верховного суда представлялся спорным, поскольку признание в одном деле сразу нескольких лиц банкротами позволяет разрешать сразу несколько проблем.

Во-первых, рассмотрение двух дел в одном производстве минимизирует расходы, возникающие в случае ведения «второго» процесса, а средства, которые были бы затраченные должником на ведение недешевой процедуры банкротства, позволяет направить на погашение задолженности перед кредиторами.

Во-вторых, возбуждение и рассмотрение дел о банкротстве каждого из супругов приводит к возникновению споров о том, в каком именно деле о банкротстве следует реализовывать совместное имущество супругов.

Положение дел изменилось с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 48[3], где было указано, что в целях процессуальной экономии, для упрощения порядка реализации имущества и удовлетворения требований кредиторов суд может рассмотреть вопрос об объединении двух дел.

Несмотря на установленную возможность рассмотрения двух дел в одном производстве, в литературе бытует мнение, что в данном случае неверно говорить о возникновении множественности лиц на стороне должника. Например, О.Р. Зайцев считает: «в норме супруги оба банкроты, банкрот их общее имущество – и потому процедура банкротства должна

[1] Дорохина Е.Г. Природа правоотношения несостоятельности (банкротства) // Журнал российского права. 2006. № 5.
[2] Определение Верховного Суда РФ от 05.05.2017 N 307-ЭС17-4301 по делу N А56-91219 // СПС КонсультантПлюс.
[3] Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС КонсультантПлюс.

осуществляться в отношении их общего имущества (а не в отношении имущества каждого их них отдельно). Именно так поступают иностранные правопорядки, когда разоряется общее имущество супругов – вводят единую процедуру банкротства такого общего имущества (обоих супругов)»[1]. Однако С.Г. Федорова справедливо указывает, что при таком подходе остаются упущенными из виду ситуации, когда супруги не являются солидарными должниками.

Сразу следует сказать, что, если в делах о банкротстве есть кредиторы, которые не связаны правоотношениями с одним из супругов, то множественность лиц на стороне должника исключается.

Подводя итог сказанному выше, хочется отметить целесообразность совместного банкротство должников-супругов, однако говорить множественности лиц на стороне должника допустимо только при условии наличия общего имущества, а также общих обязательств и кредиторов.

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ ОТНОШЕНИЙ ПО ВОЗМЕЗДНОМУ ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

А.И. Дубинина, магистрант ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.Д. Титов

В настоящее время, Закон о защите прав потребителей Российской Федерации не дифференцирует правовое регулирование услуг в зависимости от сферы общественных отношений. Поэтому применение норм указанного закона к медицинским услугам, осуществляется в той же мере, что и к туристическим, аудиторским, ветеринарным и иным видам услуг. Прежде всего, при применении норм закона о защите прав потребителей к медицинским услугам, следует учитывать их особенность, которая заключается в направленности медицинских услуг непосредственно на жизнь и здоровье человека. Это и обуславливает недопустимость их уравнивания с другими видами услуг.

Исходя из разграничения понятий «потребитель медицинских услуг» и «пациент» последнее понятие по объему шире. Поскольку пациент не всегда приобретает статус потребителя медицинской услуги. Данный вывод вытекает, в частности из разграничения понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь». Из пункта 3 статьи 2 Закона об охране здоровья граждан[2] следует, что медицинская помощь включает в себя предоставление медицинских услуг.

Проблемы применения Закона о защите прав потребителей в сфере медицинских услуг возникают, например, при определении качества и сроков оказания таких услуг.

Вопрос об определении качества оказанных услуг, достаточно широко обсуждаем в юридической литературе [3]. Не совсем понятно, как применять к медицинским услугам положение о том, что если в договоре отсутствуют условия о качестве услуги, то услуга должна соответствовать обычно предъявляемым требованиям и быть пригодной для целей, для кото-

---

[1] Зайцев О.Р. Как правильно делить общее имущество супругов в случае его банкротства? (критика абз. 2 п. 6 проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ о конкурсной массе граждан). URL: https://zakon.ru/discussion/2018/12/10/kak_pravilno_delit_obschee_imuschestvo_suprugov_v_sluchae_ego_bankrotstva_kritika_abzaca_2_punkta_6_#comment_480856 (дата обращения: 14.03.2020).

[2]Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 06 марта 2019 г.) // Собрание законодательства РФ.2011. № 48. Ст. 6724.

[3]Мисюлин С.С. Качество медицинских услуг как категория частных (потребительских) предпочтений // Главный врач: хозяйство и право. 2010. № 1. С .8–10; Рожкова Е.В. Качество медицинской услуги и его оценка // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. № 1. С. 7.

рых услуга такого рода обычно используется. Представляется, что это совершенно не применимо к медицинским услугам, поскольку каждый человек по своему уникален и у каждого свои особенности организма. На сегодняшний день для оценки качества оказанной медицинской услуги так же широко применяются порядки и стандарты оказания медицинской помощи[1]. Однако, думается, что этот вопрос всё же требует уточнений на законодательном уровне (например, в качестве отдельной статьи в Законе о защите прав пациентов) и как представляется не позволяет полностью оценить качество именно медицинской услуги.

Далее, в соответствии со статьей 27 Закона о защите прав потребителей исполнитель обязан осуществить оказание услуги в срок, установленный правилами оказания отдельных видов услуг или договором об оказании услуг. Однако, не ясно, как в таком случае быть с положением об уплате 3% неустойки за каждый день просрочки, закреплённым в пункте 5 статьи 28 данного закона. Представляется, что при рассмотрении споров, связанных с нарушением сроков суды, должны учитывать не только действия медицинской организации и медицинских работников, но и действия самого пациента, так как его действия, так же могут стать причиной нарушения сроков оказания медицинской услуги. Думается, что в предлагаемом Законе о защите прав пациентов законодателю следует пойти по пути смягчения сроков при оказании именно медицинских услуг.

Поскольку здоровье всей нации способствует существованию и развитию государства в целом, следует поддержать предложение о необходимости создания специального федерального закона «О защите прав пациентов». Который установит единый правовой статус пациента, закрепит его права и обязанности, а так же установит эффективные механизмы для защиты его нарушенных прав с учетом именно специфики медицинской услуги.

[1]См. например: Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи [Электронный ресурс]: приказ Министерства здравоохранения РФ от 10 мая 2017 г №203н (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»,

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ПРАВ НА ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОБРАЗЕЦ

А.А. Ажанарова, магистрантка ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент С.В. Бутенко

Согласно п. 3 ст. 1358 ГК РФ промышленный образец (далее – ПО) признается использованным в изделии, если это изделие содержит все существенные признаки ПО или совокупность признаков, производящую на информированного потребителя такое же общее впечатление, какое производит запатентованный ПО, при условии, что изделия имеют сходное назначение.

Так, предмет доказывания по иску о защите нарушенного исключительного права является альтернативным: истцу надлежит либо обосновать использование в изделии ответчика всех существенных признаков ПО по патенту, которые можно установить только по изображениям художественно-конструкторского решения правообладателя, приведенным в патенте, либо доказать субъективный фактор восприятия предположительно контрафактного товара потребителем из специальной выборки.

Одним из основных доказательств в таких спорах является заключение судебного эксперта. Эксперт сопоставляет существенные признаки внешнего вида изделия ответчика с существенными признаками запатентованного ПО. Для составления обоснованного судебного заключения эксперту необходимо установить аналоговый ряд изделий, то есть выявить предшествующие решения внешнего вида изделий того же назначения. Для этого он, как правило, осуществляет поиск по зарегистрированным ПО. Выявление аналогового ряда осуществляется в целях определения существенных признаков запатентованного ПО, то есть признаков, которые относятся к числу охраноспособных и не носят технического характера. Чем более широкий аналоговый ряд имеет изделие, тем большее юридическое значение получают даже малозначительные различия во внешних признаках изделий. Однако в силу прямого запрета ч. 2 ст. 85 ГПК РФ, в ходе судебной экспертизы эксперт не вправе самостоятельно собирать доказательства по делу[1]. Представляется, что выявление аналогового ряда не имеет доказательственного значения, поскольку осуществляется для определения объема правовой охраны ПО, а сбор доказательств преследует цель обеспечить возможность их использования при доказывании, тем самым, полученные в ходе патентного поиска сведения не служат установлению обстоятельств предмета доказывания.

Важную роль занимают такие доказательства, как социологические исследования, проводимые с целью установления того, производят ли сравниваемые объекты общее зрительное впечатление на информированного потребителя. Поскольку отсутствует единая утвержденная методика проведения социологических исследований по вопросу о сходстве общего впечатления, производимых ПО и изделием, существует риск непринятия таких доказательств судом, что связано с оценкой их достоверности. Так, в одном из судебных решений суд не принял заключение социологов из-за наличия в нем наводящих вопросов[2]. Также необходимо иметь ввиду, что опрос должен проводиться среди информированных потребителей. Под информированным потребителем понимается «гипотетическое лицо, которое бу-

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ: (в ред. от 30 марта 2020 г.) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Решение Суда по интеллектуальным правам от 02.11.2018 по делу № СИП-200/2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2020.

дет пользоваться изделием, в котором воплощен ПО, проявляющее интерес к изделиям такого же или однородного назначения и, как следствие, имеющее знания о том, какие признаки внешнего вида обычно имеются у таких изделий»[1]. Он отличается от среднестатистического потребителя наличием познаний об аналоговом ряде изделия, о признаках, которые обычно имеются у таких изделий, и, вследствие этого, он проявляет особую внимательность к деталям и может определить, содержит ли оспариваемое изделие признаки запатентованного ПО.

ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

М.А. Власкина, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.Г. Галковская

Проблемы доступности правосудия стали обсуждаться в связи со вступлением России в Совет Европы. Однако ошибочно связывать задачу обеспечения доступности правосудия в нашей стране только с исполнением международно-правовых обязательств. Данная задача связана и с обеспечением потребностей российского общества в связи с происходящими политическими, экономическими и социальными изменениями, каждый гражданин заинтересован в доступном и в справедливом правосудии. Несомненно, поиск наиболее эффективной модели гражданского и арбитражного правосудия неразрывно связан с исследованием и решением вопросов доступа к правосудию. Реализация доступности правосудия обусловлена не только совершенствованием судебной системы и кадровым обеспечением судей, но и необходимостью решения многих организационных проблем.

Во-первых, отсутствуют эффективные процессуальные механизмы, позволяющие облегчить доступ к правосудию для малоимущих, в том числе механизмы, стимулирующие оказание бесплатной юридической помощи. В настоящее время в законодательстве предусмотрено ограниченное количество случаев предоставления бесплатной юридической помощи. Необходимо расширить круг дел, по которым оказывается такая помощь, поскольку Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на доступ к правосудию и квалифицированную юридическую помощь[2]. Зачастую препятствием для обращения граждан в суд является размер государственной пошлины, которую они обязаны уплатить, высокая стоимость услуг квалифицированного юриста. В рамках арбитражного процесса данный вопрос не имеет такой остроты ввиду того, что предполагается наличие денежных средств у субъектов, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность.

Во-вторых, дифференциация судов, вопросы компетенции и подсудности, постоянные изменения в процессуальном законодательстве, являются препятствием для обращения граждан в суд за защитой нарушенных прав. Данная проблема взаимосвязана с вышеуказанной, так как для качественного и успешного ведения дела в суде необходимо профессиональное юридическое представительство на всех его стадиях, а это неизбежно влечет удорожание судебного процесса, увеличивает издержки граждан[3].

В-третьих, практика показывает, что сегодня российские суды с точки зрения материально-технического оснащения предназначены по большей части для физически здоровых

[1] П. 75 Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации промышленных образцов, и их формы [Электронный ресурс]: приказ Минэкономразвития России от 30.09.2015 № 695 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: (ред. от 21.07.2014 года № 11–ФКЗ) // КонсультантПлюс: справ.правовая система. Версия Проф. Электрон.дан. М., 2020. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та. (дата обращения: 03.04.2020).

[3] Пронина М. П. Проблема влияния чрезмерности судебных расходов на доступность правосудия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4 (20). С. 110.

людей. В частности, лифты и пандусы для инвалидов встречаются редко, сурдопереводчики в судах отсутствуют.

В-четвертых, проблема затягивания процесса судом при рассмотрении гражданских дел не решена за счет введения оценочного понятия «разумный срок судопроизводства». Несмотря на то, что в большинстве случаев предусмотрены точные процессуальные сроки, это совершенно не означает, что в действительности гражданские дела рассматриваются и разрешаются судом именно в указанный срок. Затягивание процесса зачастую связано с недобросовестным поведением сторон. Например, стороны могут специально не предоставлять истребуемые судом доказательства, в свою очередь, это приводит к неоднократному отложению гражданского и арбитражного процесса, поскольку без некоторых доказательств невозможно рассмотреть дело.

Это лишь некоторые проблемы, которые влияют на доступность правосудия, включающие в себя множество аспектов, поэтому для их устранения необходим комплексный подход с тщательной проработкой на законодательном уровне.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ СУДЕБНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

А.А. Горина, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.Г. Галковская

Параллельность процессов – это ситуация, при которой идентичные (тождественные) иски приняты к рассмотрению несколькими форумами и при этом ни одним из них еще не вынесено окончательного решения. Возникновение таких процессов признается большинством национальных правовых систем как не отвечающее целям эффективного осуществления правосудия, что влечет за собой установление и действие норм, ограничивающих существование параллельных судебных разбирательств (*lis pendens*).

В том случае, когда параллельные процессы возникают в судах и/или третейских судах одной юрисдикции, ситуация разрешается на основе норм национального процессуального законодательства, однако в том случае, когда органы разрешения споров находятся в разных государствах, возникает ряд сложностей применения доктрины *lis pendens* на практике.

Можно выделить несколько предпосылок, которые могут привести к параллельным разбирательствам в международном гражданском процессе.

Во-первых, это конфликт юрисдикций, который предполагает, что суды двух государств имеют компетенцию и претендуют на рассмотрение спора (положительный конфликт юрисдикций)[1]. Для регулирования подобной ситуации в национальных процессуальных законах или в рамках межгосударственного сотрудничества существуют механизмы, разрешающие ситуацию конфликта юрисдикций. Тем не менее, такие механизмы действуют не во всех странах. Наиболее специфично эта проблема проявляется в странах общего права, где при решении вопроса о подсудности наряду с правовыми нормами судья может руководствоваться и прецедентной практикой, и собственным усмотрением.

В этой связи проблема конфликта юрисдикций остается открытой.

Во-вторых, в разных государствах существуют различные подходы к определению критериев наличия или отсутствия параллельности процессов.

В частности, в российской правовой системе параллельность процессов определяется через установление полного тождества исков, то есть тождества сторон, основания и предмета.

[1] Ерпылева Н. Ю., Клевченкова М. Н. Унификация норм о международной судебной юрисдикции в международном процессуальном праве // Международное право и международные организации. 2013. №. 3. С. 343–378.

В свою очередь, в большинстве континентальных правовых систем условием применения доктрины *lis pendens* являются два критерия: same parties (тождество сторон) и same cause of action, что дословно можно перевести как «тождество основания иска», однако в более широкой интерпретации, чем это принято в российской правовой науке. Предмет иска входит в содержание cause of action и учитывается при установлении параллельности, однако не имеет самостоятельного определяющего значения, как в «тесте тройной идентичности» при установлении основания для применения принципа *res judicata*. То есть, для целей применения *lis pendens* иски должны отвечать установленным критериям сходства, однако им не требуется полной идентичности, что, в частности, отражается в практике Европейского суда[1].

Таким образом, при отсутствии единого подхода к определению критериев параллельных процессов возможны ситуации, когда суды отдельных стран по-разному будут разрешать одну и ту же правовую ситуацию.

В-третьих, предпосылкой для возникновения параллельных процессов в судах разных государств является недобросовестное поведение сторон. В настоящее время случаи, когда стороны спора используют свое право выбора юрисдикции, в том числе, путем возбуждения производства в нескольких форумах одновременно, не являются редкостью. Для подобной ситуации в западной доктрине сложился устойчивый термин «forum shopping».

Представляется, что для решения выделенных в работе проблем необходимо последовательное развитие правовых норм в этой сфере как на уровне национальных законодательств, так и на уровне международного права.

СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГОНОРАРА УСПЕХА: АНАЛИЗ НОВЕЛЛ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

О.А. Жукова, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.Г. Галковская

Институт «гонорара успеха» до недавнего времени являлся неоднозначным, поскольку отсутствие норм, ограничивающих или устанавливающих право включать в договор об оказании юридических услуг соответствующего условия о гонораре, привело как к противоречивой судебной практике[2] и разъяснениям высших судов[3], так и к многочисленным дискуссиям в юридической литературе. Однако, со вступлением в силу закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 02.12.2019 № 400-ФЗ и утверждением «Правил включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи»[4] стало возможным и правомерным ставить размер вознаграждения адвоката от результатов, полученных по делу с его участием. Следует отметить, что данное условие имеет большое значение в решении вопроса о соответствии взаимных интересов доверителей и самих адвокатов, а также в защите прав обоих сторон. Именно поэтому законодатель был вынужден внести некоторые уточнения.

[1] Gubisch Maschinenfabrite KG v Palumbo (1987) / Case 144/86 [1987] ECR 4861.

[2] Отказ во взыскании гонорара успеха: Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 30.09.2019 № 78-КГ19-32 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Гонорар успеха взыскан: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.06.2019 № Ф09-3366/19 по делу № А76-26478/2018 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П ; Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 05.12.2007 №121; Определение ВС РФ от 26.02.2015 по делу № А60-11353/2013 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Правила включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 02.04.2020, Протокол № 12) // СПС «КонсультантПлюс».

Так, в ст. 25 Закона предусмотрено только одно условие, определяющее размер выплаты гонорара. Однако, в п. 7 Правил указан второй способ, устанавливающий также размер самого гонорара. Представленные варианты имеют существенные различия, поскольку в первом случае подразумевается полный гонорар при успешном исходе дела и неполная выплата при отсутствии положительного результата, т.е. «полный или неполный гонорар». Во втором случае учитывается непосредственно сам гонорар и дополнительная премия за успех в судебном процессе, т.е. конечной выплатой является сумма цены юридической услуги и поощрительное вознаграждение к ней.

Указанные нововведения в правовом регулировании института «гонорара успеха» обусловлены необходимостью установления свободы выбора соответствующего варианта условия о гонораре в соглашении между адвокатом и доверителем. Адвокатскому сообществу предпочтительнее иметь различные механизмы регулирования выплаты вознаграждения, поскольку нельзя сказать, что один способ лучше другого[1]. В случае заключения соглашения с использованием механизма «гонорар и премия» обеспечивается эффективное распределение риска между клиентом и адвокатом. Адвокат гарантированно получает оплату за время занятости, клиент оплачивает услуги по сниженной стоимости от установленного прайс-листа, а премия является стимулирующей выплатой. Однако в вопросе возмещения судебных расходов с противоположной стороны более выгодно использовать механизм «полного или неполного гонорара», поскольку взысканию подлежит любая фактически выплаченная сумма. При варианте «гонорар и премия» дополнительную стимулирующую выплату возвратить не получится.

Таким образом, законодательное закрепление «гонорара успеха» и установление вариантов условия его выплаты в полной мере способствовало реализации принципа свободы договора, предоставляя адвокату, как самостоятельному субъекту оказания правовой помощи, возможность вместе со своим доверителем определять детали применения «гонорара успеха».

К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПРОРОГАЦИОННЫХ ОГОВОРОК В ДОГОВОРАХ С УЧАСТИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЯ ПО ПРАВУ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

А.А. Завадовская, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.Г. Галковская

Подавляющее большинство трансграничных договоров розничной купли продажи, заключенных посредством сети Интернет, содержат ограничивающие доступ потребителей к правосудию пророгационные оговорки в пользу «неудобных» для последних судов.

Проблема недобросовестного установления международной подсудности профессиональной стороной в странах Европейского Союза (далее – ЕС) решается посредством применения к пророгационным соглашениям и оговоркам положений Регламента № 1215/2012 от 12 декабря 2012 г. «О подсудности и признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам». Так, по смыслу ст. ст. 17, 19 Регламента, если потребитель вступает в договорные отношения с *лицом*, осуществляющим коммерческую / профессиональную деятельность в стране ЕС, в которой имеет место жительства потребитель, либо с *лицом*, которое любыми способами направляет свою коммерческую / профессиональную деятельность на территорию страны места жительства потребителя, то допускается лишь: заключение пророгационного соглашения после возникновения спора; включение в потребительский договор оговорки, расширяющей круг тех судов, в которые потребитель может об-

[1] Сучков А. Неуспешный «гонорар успеха» [Электронный ресурс] / Сучков А. // Адвокатская улица. М., 2020. URL: https://advstreet.ru/columns/neuspeshnyy-gonorar-uspekha/ (дата обращения: 29.03.2020).

ратиться за разрешением потенциального спора согласно нормам Регламента; заключение пророгационного соглашения, устанавливающего юрисдикцию судов государства, в котором обе стороны на момент заключения соглашения имели место жительства / нахождения.

В российском законодательстве право на изменение международной подсудности предусмотрено ст. 404 ГПК РФ, согласно которой подсудность дел с участием иностранных лиц, установленная ст. ст. 26, 27, 30, 403 ГПК РФ не может быть изменена по соглашению сторон. При этом, поскольку ст. 403 ГПК РФ не относит к исключительной юрисдикции судов РФ иски о защите прав российских потребителей, а ст. ст. 26, 27, 30 ГПК РФ также не касаются вопросов подсудности споров с участием потребителей, из буквального толкования ст. 404 ГПК РФ следует, что в российском законодательстве в отличие от европейского отсутствуют специальные требования, предъявляемые к условиям действительности оговорок и соглашений о международной подсудности с участием потребителя, что привело к возникновению в доктрине и судебной практике трёх подходов к предоставлению потребителям защитной юрисдикции в случае наличия в договоре пророгационной оговорки в пользу иностранного суда.

В соответствии с *первым* подходом все споры должны быть рассмотрены судом, определенном в оговорке о международной подсудности. Согласно *второму* – потребитель всегда может обратиться в суд по месту своего жительства даже при наличии пророгационной оговорки в пользу иностранного суда. Сторонники же *третьего* подхода акцентируют внимание на том, что по смыслу ч. 1 ст. 402 ГПК РФ нормы гл. 3 ГПК РФ имеют общий характер по отношению к специальным, предусмотренным гл. 44 ГПК РФ. Поэтому, если основания, предусмотренные в ст. 402 ГПК РФ, наличествуют, то даже при наличии пророгационной оговорки в пользу иностранного суда потребитель может обратиться в суд РФ на основании ч. 7 ст. 29 ГПК РФ, если же таких оснований нет – пророгационная оговорка признается исполнимой, в результате чего суд РФ на основании п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ должен будет возвратить исковое заявление.

Таким образом, можно прийти к выводу, что сегодня российские потребители находятся в более уязвимом положении, чем потребители из государств ЕС, поскольку отечественный законодатель, не учитывая асимметрию переговорных возможностей субъектов потребительского договора, создает тем самым потенциал для злоупотреблений профессиональной стороны.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ НА СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

К.А. Иванова, студент ТГУ
Научный руководитель – ассистент В.А. Кузьмина

Проблема злоупотребления процессуальными правами в настоящее время весьма актуальна, при этом на стадии судебного разбирательства она обостряется, поскольку именно на этом этапе происходит рассмотрение дела по существу, исследование доказательств по делу и разрешение конфликта между сторонами. Изложенное служит весомым катализатором в мотивации лиц, участвующих в деле, прибегнуть к злоупотреблению процессуальными правами в свое благо и во вред другим участникам процесса. Все это говорит о том, что стороны злоупотребляют своими правами умышленно, используя права за рамками, установленными на законодательном уровне, для достижения своих целей.

Одной из проблем настоящей темы является сложность в определении понятия «злоупотребление гражданскими процессуальными правами». Объясняется это тем, что на дан-

ный момент в законодательстве не закреплена дефиниция злоупотребления гражданскими процессуальными правами, что дает возможность для вольной трактовки термина, а также имеется многообразие форм злоупотребления, позволяющих по-разному определять данное явление. Исходя из судебной практики можно выделить такие формы злоупотребления гражданскими процессуальными правами на стадии судебного разбирательства, как умышленное затягивание рассмотрения дела путем неоднократного заявления аналогичных ходатайств, уже рассмотренных судом, изменение исковых требований на стадии окончания судебного разбирательства, изменение места жительства без уведомления суда, злостное уклонение от реализации принципа состязательности и прочее[1]. Для устранения обозначенных проблем предлагается закрепить на законодательном уровне дефиницию злоупотребления гражданскими процессуальными правами, классифицировать формы злоупотребления по значимым признакам с целью назначения объема и вида ответственности в зависимости от способа злоупотребления.

Применительно к механизму ответственности за злоупотребление гражданскими процессуальными правами на стадии судебного разбирательства можно выделить следующую проблему: в действующем законодательстве не предусмотрена прямая норма-санкция за злоупотребление гражданскими процессуальными правами, а имеются только частные их случаи, предусмотренные в статьях 99, 146, 105 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Анализируя данные нормы и судебную практику по делам, где встречается злоупотребление процессуальными правами, можно отметить, что ответственность в нормах имеет компенсационный характер и редко применяется судами, в связи с чем имеющийся механизм ответственности за злоупотребление гражданскими процессуальными правами является не эффективным.

Таким образом, понятие злоупотребления гражданскими процессуальными правами требует законодательного закрепления, под которым предлагается понимать особый вид гражданского правонарушения, связанного с умышленным выходом лица за внутренние пределы принадлежащих ему процессуальных прав для достижения своей незаконной скрытой цели, также необходимо определить критерии объединения злоупотребления правами в группы. Данные действия решат споры между подходами к определению, уберут его оценочный критерий. Кроме того, необходимо создать автономный институт ответственности за злоупотребление гражданскими процессуальными правами, который будет представлен в виде дополнительных норм-признаков злоупотребления, принципов привлечения и мер ответственности, имеющих компенсационный характер (штраф) за первые правонарушения, с последующим ужесточением, вплоть до уголовной ответственности.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН И ТРЕТЬИХ ЛИЦ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Е.А. Калинина, студент ТГУ
Научный руководитель – ассистент О.П. Шальнева

Статья 55 ГПК РФ закрепляет перечень доказательств по делу, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Такие доказательства могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и ви-

[1] Как злоупотребляют процессуальными правами // Московский юрист. 2011. № 1 (2). С. 36–37.

деозаписей, заключений экспертов. Достаточно распространенным средством доказывания является объяснения сторон и третьих лиц.

Стороны процесса всегда заинтересованы в разрешении дела в свою пользу. Содержание объяснений зависит от усмотрения лиц, их показания могут постоянно изменяться со ссылками на различные причины. Сегодня это является достаточно распространенной проблемой, так как отсутствие ответственности за дачу ложных объяснений часто приводит к искажению сторонами действительных фактов с целью получения выгоды. Ложные объяснения зачастую приводят к неверному представлению об обстоятельствах дела и в конечном итоге к вынесению несправедливого решения. Искажение обстоятельств одной стороной приводит к нарушению прав другой стороны и интересов правосудия.

В США ответственность за лжесвидетельство под присягой устанавливается Сводом законов США. Верховный Суд США отмечает, что лжесвидетельство недопустимо ни в одном виде судопроизводства (например, гражданское или уголовное), и от того, в каких обстоятельствах и в каком процессуальном статусе находится лгущий. В США считается, что ложные показания являются оскорблением принципов судебной процедуры[1]. Важную роль в затронутом вопросе играет правосознание граждан, отношение к суду и правосудию. Очевидно, что в России эта важная составляющая у основной части населения недостаточно развита.

Точки зрения ученых расходятся в решении этой проблемы. Одни предлагают ввести уголовную ответственность за дачу ложных показаний сторонами и третьими лицами (например, И.Р. Медведев, А.Г. Коваленко), другие уверенны в нецелесообразности введения такой ответственности (например, А.Т. Боннер), третьи (например, С.В. Курылев) выступают за введение не уголовной ответственности.

Статья 307 УК РФ закрепляет ответственность за заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего либо заключение или показание эксперта, показание специалиста, а равно заведомо неправильный перевод. Представляется, что в настоящее время эта статья является «нерабочей», так как для привлечения лица к ответственности по данной статье нужно доказать умысел на искажение фактов. Даже если участник процесса будет многократно и несвязно менять свои показания, то доказать умысел на практике чаще всего бывает невозможно.

Обозначенная проблема приводит не только к тому, что нарушаются права противоположной стороны процесса, но и подрывается ответственное отношение к участию в судебном процессе и правосудию в целом.

В связи с чем, представляется, что указанная проблема должна быть решена в пользу необходимости закрепления ответственности за дачу заведомо ложных объяснений сторонами и третьими лицами.

ДОКАЗЫВАНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Д.П. Наумов, студент ТГУ
Научный руководитель – ассистент О.П. Шальнева

Одна из важнейших задач, решаемых судами – установление фактов дела на основании представленных доказательств. Правила доказывания, действующие в англосаксонской правовой семье, радикально отличаются от правил доказывания, действующих в романо-германской семье. Применительно к России и США, в процессе доказывания есть различия:

[1] Терехин В.А., Захаров В.В. Право на ложь в суде как фактор дестабилизации правосудия // Наука. Общество. Государство. 2015. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-lozh-v-sude-kak-faktor-destabilizatsii-pravosudiya (дата обращения: 07.04.2020).

получение доказательств, представление доказательств и их оценка существенно различаются. Рассмотрим каждую из этих трех категорий отдельно.

В США стороны имеют широчайшие возможности по досудебному истребованию информации и документов друг от друга. В США этот процесс называется «обнаружение» доказательств (discovery). Он включает истребование любых документов, которые хотя бы потенциально могут привести к обнаружению допустимых доказательств, получение свидетельских показаний, данных под присягой (включая показания представителей противной стороны) и получение от стороны письменных ответов на вопросы другой стороны. Сокрытие или уничтожение документов сурово карается законом. Данная задача возлагается на адвокатов, которые имеют широкие полномочия в указанной сфере. Относительно России, ГПК РФ наделяет стороны менее обширными полномочиями в области получения доказательств, а именно, сторона имеет право ходатайствовать об истребовании доказательств, однако для начала процесса, чтобы получение доказательств обрело императивную силу, стороне необходимо получить запрос для получения доказательств (часть 2 статьи 57 ГПК РФ).

В США процесс представления доказательств является активным действием, который основан на устном допросе свидетелей, причем весь процесс ведут адвокаты сторон. Судья, выступая арбитром при решении дела, лишь фиксирует нарушение правил и поддерживает порядок в судебном заседании. Дела чаще всего рассматриваются с использованием института присяжных, поэтому главная цель этой стадии – не допустить того, чтобы свидетельские показания, являющиеся недопустимыми доказательствами, были восприняты присяжными заседателями в полной мере, ведь тогда присяжные могут оказаться предубежденными при вынесении вердикта. Детальнейшие правила того, какие доказательства следует считать допустимыми, и составляют содержание доказательственного права в узком смысле слова. В федеральных судах США, например, эти вопросы регулируются отдельным доказательственном кодексом (Federal Rules of Evidence). В России эта стадия имеет схожие черты, однако сама модель гражданского судопроизводства различна: в России нет института присяжных заседателей в отличие, например, от арбитражного производства, где привлекаются арбитражные заседатели, поэтому сам процесс представления схож в части, например, свидетельских показаний, допроса свидетелей, но отличен в своей сущности.

Оценка доказательств для установления фактов в России и США имеет куда больше общего. Судья, таким образом, устанавливает факты по своему усмотрению, почти ничем не ограниченному, кроме правил допустимости и относимости, а также доказательственных презумпций. В США судья дает присяжным весьма подробные инструкции относительно того, в соответствии с какими стандартами они должны оценивать доказательства. Существуют два основных стандарта: «за пределами разумных сомнений», применяемый в уголовных делах, и «перевес доказательств», применяемый в гражданско-правовых спорах. В некоторых случаях, например, при назначении штрафных убытков, применяется промежуточный стандарт «ясное и убедительное доказательство». Основная задача судьи на стадии оценки доказательств сводится к интерпретации их относимости и допустимости. В России нет института присяжных заседателей в гражданском судопроизводстве, поэтому нет традиционных, присущих США, процедур разъяснения им определенных правил.

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ И КАССАЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ

А.К. Никончук, студент ТГУ
Научный руководитель – ассистент О.П. Шальнева

В настоящее время система обжалования в судах общей юрисдикции вышла на новый уровень и представляет урегулированное, высокоэффективное и независимое звено отече-

ственной судебной системы. Такое положение обусловлено тем, что длительное время в российском законодательстве институты апелляции и кассации являлись проблемными звеньями и требовали изменений. Требовалась реформа, которая смогла бы повысить качество рассмотрения дел в апелляционной и кассационной инстанциях.

Вопрос о повышении эффективности назревал как в научных кругах, так и среди граждан РФ. С развитием общественного сознания на практике все чаще возникало недоверие к действующей системе обжалования. Помимо этого, прослеживалось несоблюдение самостоятельности и независимости апелляционной и кассационной инстанций из-за сосредоточения их в одном суде общей юрисдикции. В связи с этим, встал вопрос о совершенствовании судебной системы и создании отдельных самостоятельных судов апелляционной и кассационной инстанции общей юрисдикции.

29 июля 2018 года по инициативе Пленума Верховного Суда Российской Федерации был принят ФКЗ № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции», которым на федеральном уровне закреплялось изменение судебной системы и реформирование процесса обжалования судебных решений[1].

С 1 октября 2019 года вступили в законную силу все изменения и дополнения, и начали свою работу новые суды: апелляционные и кассационные.

Измененная система обжалования в судах общей юрисдикции выстроена по аналогии с успешно действующей процедурой обжалования в арбитражных судах. Теперь у каждого апелляционного или кассационного суда определена граница ответственности, т.е. в соответствии с территориальными округами, к определенному суду привязаны соответствующие субъекты Российской Федерации. Несомненно, такое разделение повышает объективность принимаемых решений, снижает воздействие на судей со стороны властей и правоохранительных органов, тем самым повышает их независимость и самостоятельность.

Проведенная судебная реформа сделала возможным реализацию принципа равномерного распределения судебной нагрузки. Областные суды (и приравненные к ним суды), ранее занимающие место сразу нескольких инстанций, теперь рассматривают дела исключительно как суды первой инстанции, отдав значительную часть полномочий апелляционным судам. Кассационные же суды стали инстанцией проверки вступивших в силу законных решений для всех уровней судов общей юрисдикции Российской Федерации.

Таким образом, нововведения судебной системы, а именно образование самостоятельных, независимых судов, сделали апелляционное и кассационное производство в Российской Федерации более эффективным и качественным. Теперь обжалование стало отдельной, неподвластной инстанцией, укрепив свои полномочия и исключив абсолютно любое воздействие на принимаемые решения.

ПРИНЦИП ГЛАСНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

К.С. Сердюк, студент ТГУ
Научный руководитель – ассистент О.П. Шальнева

Конституционный принцип гласности судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве закреплен в ст. 10 ГПК РФ. Гласность в юрисдикции судопроизводства – есть не что иное, как защита от вынесения неправосудных и незаконных судебных актов. Данный

[1] О внесении изменений в Федеральные Конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: проект Пленума верховного суда от 13.07.2017 г. № 374020-7 // Консультант Плюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2020. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

принцип предполагает открытость судебных заседаний, свободный доступ ко всему происходящему в суде. В открытом судебном заседании вправе присутствовать любой гражданин, не являющийся участником процесса, в том числе представители средств массовой информации (журналисты). Посторонние к процессу граждане имеют право не только присутствовать в открытом судебном заседании, но в письменной форме, а также с помощью средств аудиозаписи фиксировать ход судебного разбирательства. Фотосъемка, видеозапись, трансляция судебного заседания по радио или телевидению допускаются только с разрешения суда (ч. 7 ст. 10 ГПК РФ). С разрешения суда допускается также трансляция судебного заседания в сети Интернет. Также существует проблема ограничения гласности в судопроизводстве. Под «ограничением принципа гласности» преимущественно понимаются основания для проведения закрытого судебного заседания, то есть случаи недопущения публики в зал судебного заседания. В таком случае недоступной является единственная форма реализации принципа гласности для интересующихся посторонних лиц – непосредственная форма её реализации, то есть исключается возможность присутствовать в судебном заседании. Разбирательство в закрытых судебных заседаниях осуществляется по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, тайну усыновления (удочерения) ребенка, а также по другим делам, если это предусмотрено федеральным законом.[1] При рассмотрении дела в закрытом судебном заседании присутствуют лица, участвующие в деле, их представители, а в необходимых случаях также свидетели, эксперты, специалисты, переводчики. На практике могут возникнуть ситуации, когда дело не входит в установленный законом перечень дел, по которым исключается гласность судопроизводства, но частично затрагиваются, получают освещение сведения конфиденциального характера. В таком случае, также должно иметь место ограничение рассматриваемого принципа. В частности, ограничение распространения конфиденциальной информации посредством закрытия судебного заседания полностью или в части для публики, запрет её опубликования и размещения в открытом доступе. Следует отметить, что независимо от того, в открытом или закрытом судебном заседании происходит разбирательство дела, решения судов во всех случаях провозглашаются публично (ст. 10 ГПК РФ), за исключением случаев, если такое объявление решений затрагивает права и законные интересы несовершеннолетних.

Таким образом, данный принцип составляет демократические основы гражданского судопроизводства. Его реализация должна осуществляться в определенных юридических рамках, позволяющих обеспечить неприкосновенность частной жизни человека.

В то же время правовой механизм реализации данного принципа нуждается в совершенствовании. В настоящее время, на практике выявляется явное несоблюдение баланса между открытостью и гласностью судебных разбирательств, а также защитой персональных данных. Правосудие должно быть независимо, но в тоже время прозрачно. Кроме того, оно должно быть и безопасно, так как должно обеспечивать неприкосновенность частной жизни и защищать тайны государства от различного рода неправомерных посягательств.

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О НЕКАЧЕСТВЕННОМ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

В.С. Солодянкина, студент ТГУ
Научный руководитель – ассистент О.И. Шальнева

В соответствии со статьей 41 Конституции РФ каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Иногда случается так, что медицинская помощь оказывается ненадлежащим образом. Такие дефекты могут привести к различным последствиям, в т.ч. и к раз-

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

витию тяжелой болезни и даже смерти. Встает вопрос, какие средства доказывания являются наиболее востребованными для доказывания факта дефекта медицинской помощи?

Заключение эксперта имеет большое значение в медицинском деле. Это обусловлено тем, что для определения дефекта медицинской помощи необходимо обращаться к специальной документации, которая для человека, не обладающего познаниями в медицине, является сложной для восприятия. Такая сложность вынуждает и суд обращаться к экспертам.

Порок практики, связанный с выдвижением на первое место заключение эксперта, можно обосновать следующим. Доказывание в основном строится на оценке письменных доказательств – медицинской документации, истории болезни. В то же время для полноценного исследования подобной документации требуется привлечение квалифицированных специалистов, что вынуждает суд обращаться к экспертам либо к специалистам. Для полноценного исследования, суды чаще руководствуются заключением эксперта. Таким образом, сама специфика доказательственной базы вынуждает обращаться к экспертам.

Указанное не означает, что заключение эксперта предрешает вывод суда. Суды зачастую, руководствуясь наличием либо отсутствием прямой причинно-следственной связи между дефектом и негативным последствием, например, смертью, выносят соответственно решение об удовлетворении исковых требований либо об отказе в их удовлетворении. Исходя из особенностей причинно-следственной связи в такого рода делах, оценивать необходимо могли ли дефекты способствовать наступлению таких последствий, являлись ли такие дефекты условиями развития заболевания, каково было бы состояние пациента в случае отсутствия подобных дефектов.

Так, по результатам проведения экспертизы было установлено, что выявленные дефекты оказания медицинской помощи не позволили прервать развитие патологического процесса у М., в связи с чем между дефектами и наступлением смерти причинно-следственная связь носит непрямой характер. Суд первой инстанции указал, что М. умер в результате заболевания, приобретенного вследствие длительного употребления алкоголя, а не по причине оказания ему некачественной медицинской помощи. С этим согласился и суд апелляционной инстанции, указав, что дефекты не являются причиной развития заболевания и его осложнения и не находятся в прямой причинно-следственной связи со смертью. В связи с этим суды отказали истцу в удовлетворении заявленных требований. Но с этим не согласился Верховный Суд РФ, обосновывая тем, что судебные инстанции не выяснили, были ли предприняты медицинским персоналом все необходимые и возможные меры по спасению пациента; не установили, правильно ли был организован лечебный процесс; имелась ли у медицинского учреждения возможность оказать пациенту необходимую и своевременную помощь[1].

Представляется, что сложность данной категории дел должна выдвигать на первый план не только эксперта, но и специалиста. Консультация специалиста позволит суду совместно принимать участие в исследовании доказательств, что вкупе с заключением эксперта позволит обеспечить всесторонность и объективность оценки представленных доказательств и обоснованность выносимого решения, сводя на нет приоритет экспертного заключения.

ПРОБЛЕМЫ ОФОРМЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ АДВОКАТА

Е.С. Тимукина, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.Г. Галковская

Весьма актуальным, с практической точки зрения, является вопрос оформления полномочий и допуска адвоката-представителя к участию в гражданском процессе. В главе 5 ГПК

[1] Определение Верховного Суда РФ от 28 октября 2019 г. № 78-КГ19-42 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2020. Доступ из локальной сети Науч. Б-ки Том. гос. ун-та.

РФ закреплены основные положения, раскрывающие суть данного вопроса. В частности, порядок оформления полномочий адвоката как представителя в гражданском процессе предусмотрен ч. 5 ст. 53 ГПК РФ[1]: полномочия удостоверяются ордером, который выдается соответствующим адвокатским образованием. При этом, ч. 2 ст. 6 Закона об адвокатуре указывает на необходимость иметь ордер на исполнение поручения исключительно в случаях, прямо указанных в законе, а там, где нет императивного указания закона, полномочия адвоката подтверждаются доверенностью[2]. Тем более, что в силу прямого указания ст. 54 ГПК РФ, специальные полномочия могут быть оговорены только в доверенности. Следовательно, имеется конкуренция норм ч. 5 ст. 53 ГПК РФ и ст. 54 ГПК РФ. Применению подлежит последняя, так как является специальной по отношению к общей – ст. 53 ГПК РФ. Тем самым, для совершения любых процессуальных действий в гражданском процессе полномочия адвоката могут быть оформлены доверенностью со специальными полномочиями без приложения ордера[3], по общему правилу, и только в случаях, прямо предусмотренных законом, адвокат может участвовать в процессе по ордеру, который выдается соответствующим адвокатским образованием.

В АПК РФ также существуют спорные моменты относительно оформления полномочий адвоката на ведение дела в суде. В частности, ч. 4 ст. 61 АПК РФ и ч. 6 ст. 53 ГПК РФ, в отличие от общего правила, закрепленного в ч. 1 ст. 53 ГПК РФ, предусматривают возможность определения полномочий представителя в устном заявлении, занесенном в протокол судебного заседания, или письменном заявлении доверителя в суде[4]. Данное заявление подтверждает наличие специальных полномочий у адвоката, если он участвует в процессе на основании ордера. Но существует точка зрения, что в случаях необходимости личного участия доверителя в процессе, при удостоверении полномочий адвоката только ордером, ордер будет «дублировать» заявление представляемого, если доверитель заявляет о допуске представителя, как считает А. В. Вилисов[5].

Нередко адвокаты, дабы избежать оформления ордера скрывают свой статус. Это может объясняться отсутствием согласованного и подписанного соглашения об оказании юридической помощи, соответствующего всем требованиям ст. 25 Закона об адвокатуре. Отсутствие закрепленных в соглашении взаимных прав и обязанностей, а также ответственности адвоката и доверителя может способствовать нарушениям их прав. Тем самым адвокатом нарушаются положения Кодекса профессиональной этики, в частности п. 3 ст. 9, из-за чего он может претерпеть ряд негативных последствий[6]. Так, несоблюдение требований к оформлению полномочий представителя будет являться основанием для отказа в удовлетворении исковых требований[7].

Таким образом, толкование действующих норм, посвященных оформлению полномочий адвоката, не отличается единообразием. Существующие проблемы остаются нерешенными.

---

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС КонсультантПлюс.

[2] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС КонсультантПлюс.

[3] Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2003 года: обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 03.12.2003, 24.12.2003 // СПС КонсультантПлюс.

[4] Участие адвоката в цивилистическом процессе: учебное пособие для магистрантов / А.А. Малов, Ю.Д. Подольский, Е.Р. Русинова и др.; под ред. Н.А. Чудиновской. М., 2020. С. 173.

[5] Вилисов А.В. Оформление полномочий адвоката на участие в гражданском процессе в качестве представителя // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2008. Ч. 39. С. 153–154.

[6] Бардин Л.Н. К вопросу об оформлении полномочий адвоката в гражданском процессе // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 48–50.

[7] Апелляционное определение Ростовского областного суда от 04.08.2016 по делу № 33-13489/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

ПОВЫШЕННЫЙ СТАНДАРТ ДОКАЗЫВАНИЯ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ

Л.Е Троцкая, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.Г. Галковская

В настоящее время с учетом сложившейся экономической ситуации в мире тема банкротства является весьма актуальной. Многие организации и граждане становятся неспособными в полном объеме удовлетворить требования кредиторов.

В судебной практике встречаются случаи, когда должник и взаимосвязанный с ним кредитор создают фиктивную задолженность. Это позволяет им не только необоснованно участвовать в распределении конкурсной массы, но и предоставляет возможность влиять на ход процедуры банкротства.

В качестве признаков мнимой сделки можно назвать:

− предоставление минимально необходимого, но внешне идеального объема доказательств о наличии и размере задолженности;

− процессуальную пассивность сторон. Как правило, стороны не опровергают позиции друг друга, признают ключевые обстоятельства, заключают невыгодные мировые соглашения;

− значительное завышение цены по сравнению с ценой, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары или услуги;

− у должника, кредитора нет ни финансовых, ни производственных или иных ресурсов, требующихся для выполнения обязательств;

− в финансовой отчетности отсутствует информация о движении средств или активов контрагентов по соответствующим договорам.

Такие злоупотребления затрагивают интересы добросовестных кредиторов, поскольку они получают удовлетворение в меньшем объеме. Для предотвращения включения в реестр необоснованных требований к должнику установлен повышенный стандарт доказывания.

Впервые он был упомянут в п. 26 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 35 от 22 июня 2012 года «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»[1]. Затем более подробно раскрыт в определениях Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, а также в обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ.

В соответствии с правовой позицией высших судов, повышенный стандарт доказывания при рассмотрении заявления кредитора о включении требований в реестр означает обязанность суда проводить более тщательную проверку обоснованности требований по сравнению с общеисковым гражданским процессом. В таком случае основанием к удовлетворению иска являлось бы представление истцом доказательств, ясно и убедительно подтверждающих наличие и размер задолженности перед ним и опровергающих возражения кредитора, обжалующего судебный акт[2].

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что для правильного принятия решения потребуется совершить следующие действия.

Во-первых, проверить документы на соответствие требованиям закона. Во-вторых, обратить внимание на поведение сторон в судебном споре. В-третьих, установить обладают ли должник или кредитор организационными и экономическими возможностями для выполнения сделки. В-четвертых, установить присутствовала ли экономическая целесообразность в заключении сделки. В-пятых, определить согласуется ли сделка с основным видом деятельности контрагентов.

---

[1] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.06.2018 № 305-ЭС18-413 по делу № А40-163846/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, повышенный стандарт доказывания является объективным критерием, руководствуясь которым судья оценивает доказательства с целью установить характер правоотношений истца и ответчика.

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

П.А. Цыпкин, студент ТГУ
Научный руководитель – ст. преподаватель А.Ю. Копылов

В России развивается институт примирительных процедур, но темпы роста незначительные. Проводится активная работа со стороны законодателя, судейского сообщества с целью популяризации данного института. Однако существует определенная законодательная коллизия, которая тормозит этот процесс.

С одной стороны, принимаются поправки, обязывающие суд содействовать примирению сторон[1], т.е. на практике судьи разъясняют преимущества примирения[2]. С другой, в части 3 статьи 30.1 ФЗ от 13.03.2006 «О рекламе»[3], законодатель запрещает утверждать, что процедура медиации имеет преимущества перед судебным разбирательством. Таким образом, мы наблюдаем противоречие в действиях законодателя. Сталкиваются две тенденции: к поддержанию и охране мнения о том, что суд – наилучший вариант для разрешения любого спора, и формированию совершенно нового подхода к урегулированию правовых конфликтов в обществе.

Данное ограничение демонстрирует недоверие к медиации. Подразумевается, что утверждать о некоторых преимуществах медиации перед судом, значит подрывать авторитет судебной власти[4]. Напротив, определенным сегментом судей признано, что необходимо разъяснять преимущества медиации, это будет способствовать, вопреки позиции законодателя, «повышению авторитета суда». Отмечается, что необходимо просвещение населения с помощью соответствующей рекламы.[5] Ведь именно реклама оказывает воспитательное воздействие, запрет влияет на эффективность продвижения примирительных процедур, поскольку накопление положительной информации о преимуществах примирения сподвигает стороны обратиться к данной процедуре[6]. Если бы угроза для авторитета судебной власти действительно существовала, то страны, где медиация активно применяется, имели бы аналогичный закон. Даже республика Беларусь, страна с близкой нам историко-правовой культурой, не имеет ограничений в сфере рекламы медиации.

Более того, существует неопределенность с категорией «преимущество», в силу того, что она субъективна. Каждый сам решает, что для него преимущество, а что недостаток. Поэтому возникает проблема в применении нормы, связанной с тем, что некоторые отличительные черты медиации могут расцениваться как преимущества. Так, например, вопрос стоимости есть отличие между процедурами. Однако судом установлено, что утверждение:

---

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Справка о практике применения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 6 июня 2012 г.) // СПС «Гарант».

[3] Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О рекламе» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Бадалов Д.С., Василенкова И.И., Карташов Н.Н., Котов С.Ф., Никитина Т.Е. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О рекламе». М., 2012. С. 375–377.

[5] Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения» / отв. ред. И. И. Марков, Липецк, 2015. С. 58–61.

[6] Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. С. 510.

«медиация обходится сторонам спора гораздо дешевле, чем судебные процедуры» вне закона[1]. В то же время на сайте «Федеральные арбитражные суды» находится раздел, который разъясняет, почему стоит использовать примирительные процедуры, вот соответствующее положение: «НЕДОРОГО: использование примирительных процедур не влечет необходимость несения судебных расходов; в случае заключения сторонами мирового соглашения возвращается 50 % госпошлины»[2]. Т.е. фактически, в этом разъяснении, говорится о том, что медиация обходится сторонам спора дешевле, чем судебные процедуры. Из этого следует, что действующая формулировка закона создает трудности для медиаторов при продвижении своих услуг.

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

П.И. Шурыгина, студент ТГУ
Научный руководитель – ассистент О.П. Шальнева

С конца 20 века по настоящее время большинство государств, в том числе и Российская Федерация, уделяют большое внимание развитию альтернативных государственному правосудию институтов, позволяющих урегулировать правовые споры вне судебного заседания. Связано это с тем, что во многих странах мира с каждым годом наблюдается проблема, связанная с увеличением судебной нагрузки. Отсюда, неэффективное рассмотрение гражданских дел в суде, удлинение сроков судебных разбирательств. Одним из главных направлений развития механизмов разрешения споров в мире являются примирительные процедуры, под которыми понимаются методы разрешения правового спора, которые направлены на взаимоприемлемое урегулирование и разрешение возникших разногласий на основе добровольного волеизъявления сторон[3]. В настоящее время их применение в России и в мировой практике различное.

Проанализировав Гражданское процессуальное законодательство Германии, автором была выявлена активная роль судьи. Согласно § 1 ст. 278 Гражданского процессуального уложения Германии, суд должен способствовать урегулированию спора в целом либо его части[4]. Прежде чем начнется устное разбирательство дела, судья должен провести примирительную процедуру. Стороны должны присутствовать лично, неявка сторон для участия в примирении влечет автоматическую приостановку дела. Соответственно, стороны не могут перейти в стадию судебного разбирательства дела по существу до тех пор, пока не используют механизм мирного разрешения спора. Аналогичные нормы предусмотрены в законодательстве Франции. Согласно статье 847 Гражданского процессуального кодекса Франции, только если стороны не достигнут примирения, их спор разрешается судьей[5].

Плюсами законодательства Японии является урегулирование примирительных процедур специальным законодательством, в том числе Законом о примирении по гражданским делам, а также существование специализированного органа, посредством которого осу-

[1] Решение от 2 августа 2012 г. по делу № А43-9400/2012 Арбитражного суда Нижегородской области. URL: https://nnov.arbitr.ru.
[2] URL: http://www.arbitr.ru/conciliation/
[3] Тонкушина Н.В. Примирительные процедуры и альтернативные методы разрешения правовых конфликтов на стадии исполнения судебных решений. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lawmix.ru/bux/27846 (дата обращения: 20.03.2020).
[4] Zivilprozessordnung [Электронный ресурс] // gesetze-im-internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/BJNR005330950.html#BJNR005330950BJNG000032301 (дата обращения: 25.03.2020).
[5] Code de procédure civile [Электронный ресурс] // Legifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070716&dateTexte=20080118 (дата обращения: 03.04.2020).

ществляется работа – Комитет по гражданскому примирению[1]. Практика в этой стране сложилась таким образом, что, несмотря на то, что обращение в суд является поведением достойным порицания, примирительные процедуры популярны, широко распространены.

Россия же только начала свой путь к крепкому становлению института примирительных процедур. В новой главе 14.1 ГПК РФ закреплены следующие виды примирительных процедур: переговоры, посредничество, в том числе медиация, судебное примирение, а также допускается применение иных процедур, если это не противоречит федеральному закону[2]. Высшие судебные органы РФ только недавно начали давать разъяснения по анализируемому институту.

В действительности, российское общество не имеет доверия к примирительным процедурам, оно не представляет, какие возможности могут быть получены. В связи с этим, чтобы решить проблему с перегруженностью судей, нужно повышать правовую культуру граждан. Представляется необходимым принятие специального закона, регулирующего примирительные процедуры, внедрение их в отдельную обязательную стадию процесса, помощником чего может стать опыт зарубежных стран.

[1] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М., 1999. С. 37.

[2] «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2020). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (Дата обращения: 02.04.2020).

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УВОЛЬНЕНИЕ ЗА СОВЕРШЕНИЕ АМОРАЛЬНОГО ПРОСТУПКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

А.Д. Шишкина, студент ТУСУР
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Демидов

Трудовой кодекс РФ[1] устанавливает случаи, при возникновении которых работодатель по своей инициативе может расторгнуть трудовой договор. Одним из них выступает совершение аморального проступка. На практике к ним относят все поступки, которые по объективным и субъективным признакам не вписываются в общепринятые стандарты социального поведения в современном обществе. Анализ судебной практики позволил определить, что судьи в настоящее время относят к аморальным проступкам: в первую очередь, это психологическое и физическое насилие по отношению к воспитанникам, обычно выражающееся в ударах, оскорблениях и моральном унижении, использовании ненормативной лексики[2]. Это неэтичное поведение в трудовом коллективе. К данной категории относятся драки между работниками[3], поступки, выходящие за рамки социально приемлемых, выяснение отношений посредством криков[4]. Также это поведение, граничащее с правонарушением, например, требования имущественного характера в обмен на лучшее отношение[5].

Увольнение по основанию совершения аморального проступка может быть применено к определенному кругу лиц. Исходя из формулировки п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, к ним относятся работники, выполняющие воспитательные функции в соответствующих организациях – образовательных учреждениях. По разъяснениям Верховного суда РФ к ним относятся учителя, преподаватели учебных заведений, воспитатели детских учреждений, а также мастера производственного обучения, помощники воспитателей, логопеды, спортивные тренеры и творческие руководители[6].

Для увольнения по обозначенному основанию требуется совокупность обстоятельств: 1) выполнение работником воспитательных функций; 2) совершение работником аморального проступка; 3) несовместимость совершенного проступка с продолжением работы, связанной с выполнением воспитательных функций. Отсутствие хотя бы одного из них автоматически исключает применение п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. К вопросу о несовместимости суды приходят к следующему – данное условие работает только в определенных случаях, а именно: 1) совершенный работником аморальный проступок оказывает или может оказать пагубное влияние на воспитываемого; 2) есть достаточные основания полагать, что работник в будущем совершит новый проступок, который в итоге вновь приведет к первому условию[7].

Аморальный проступок может быть совершен и вне пределов рабочего места и времени. В таком случае узнать о его совершении работодатель может из письменных доказательств свидетелей: когда очевидцами выступают коллеги работника, ими составляется до-

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Российская газета. 2001. 31 декабря. № 256.
[2] Решение городского суда г. Бежецк от 31.07.2013 № 2-377/2013; решение городского суда г. Норильск от 13.11.2015 № 2-2134/2015; решение районного суда г. Агрыз от 4.08.2014 № 2-733/2014.
[3] Апелляционное определение Московского городского суда от 26.11.2014 № 33-35067/2014.
[4] Апелляционное определение Московского городского суда от 18.09.2017 № 33-36508/2017.
[5] Апелляционное определение суда Чувашской Республики от 19.02.2018 № 33-898/2018.
[6] Постановление Пленума Верховного Суда от 17.03.2004 № 2 // Российская газета. 2006. 31 декабря. № 297.
[7] Апелляционное определение Московского городского суда от 20.06.2018 № 33-3706/2018, Апелляционное определение Свердловского областного суда от 03.10.2017 № 33-17016/2017.

кладная; от иных заинтересованных лиц может поступить жалоба. В качестве доказательств также могут выступать свидетельства с камер видеонаблюдения и материалы, записанные на какой-либо электронный гаджет.

В целом, аморальность того или иного поступка оценивается работодателем по его собственным убеждениям. Это связано с тем, что в законодательстве нет четких критериев их разграничения, что, несомненно, является проблемой. Ее решением может стать внесение в ТК РФ конкретного определения понятия «аморальный проступок» со всеми вытекающими оттуда признаками в целях нивелирования его субъективного толкования участниками трудовых отношений и упрощения работы суда.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИАЦИИ В ОТНОШЕНИЯХ ПО ТРУДУ

Н.А Панфилов, студент ТУСУР
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Демидов

Институт медиации известен российскому законодательству на протяжении десяти лет. Он был введен[1] в отечественное право с целью повышения этики делового оборота, а также снижения нагрузки на судебную систему. Однако медиация не оказалась действительно востребованной обществом, чему поспособствовали, в том числе, недостатки правового регулирования.

Так, необходимо решить вопрос о соотношении запрета на проведение медиации в спорах, где затрагиваются публичные интересы, и прямого указания закона на возможность применения медиации к спорам, возникающим из публичных правоотношений. Пункт 2 и п. 5 ст. 1 ФЗ «О медиации» вступают друг с другом в противоречие т.к. публичные правоотношения в принципе опосредуют публичный интерес. В связи с чем необходимо внести в закон «О медиации» изменения в части применения данной процедуры к спорам с публичным элементом. Данный тезис можно подтвердить словами Г.В. Воронкова, который писал, что мировые соглашения могут быть заключены по любой категории дел, так как в законе нет указаний, ограничивающих право суда на утверждение мирового соглашения по той или иной категории[2]. С этим невозможно не согласиться, т.к. практически всякая отрасль права предполагает институты примирения. Исключение составляет конституционное право, так как в нем в основном отсутствуют нормы об ответственности.

Необходимо решить вопрос о применении медиации к коллективным трудовым спорам. Так, п. 5 ст. 1 ФЗ «О медиации» прямо запрещает применять медиацию к коллективным трудовым спорам, т.к., согласно ст. 401 ТК РФ[3], для этого используется посредник. Однако ст. 2 закона «О медиации» прямо указывает, что медиация – вид посредничества, а отличие лишь в том, что посредник-медиатор не обладает правомочием консультирования сторон. Исходя из этого, необходимо дать допуск медиаторам к разрешению коллективных трудовых споров.

Актуален вопрос относительно применения медиации в рамках определенной отрасли права. Так, в рамках отрасли трудового права медиация применяется исключительно к спорам, возникающим из трудовых правоотношений. Данная формулировка представляется неверной, т.к. сужает сферу применения медиации. Думается, что ее можно применять и в слу-

[1] Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. № 31. Ст. 4162.
[2] Цит. по.: Плешанова А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М.: Норма, 2002. С. 213.
[3] Трудовой Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

чаях, когда трудовые правоотношения еще не возникли или уже прекратились. Например, при отказе в заключении трудового договора, невыплате выходного пособия при ликвидации организации и т.д.

Заслуживает внимания природа медиативного соглашения. Актуальность данного вопроса обусловливается последствиями заключения медиативного соглашения. Закон о медиации признает его гражданско-правовой сделкой. Рассмотрение природы данного соглашения исключительно через призму гражданско-правовой сделки вызывает вопрос о достоверности положений п. 4 ст. 12 ФЗ «О медиации». Придерживаясь данного подхода, нельзя говорить о применении в сфере трудового права. Необходимо закрепить особую природу медиативного соглашения, без привязки его к определенной отрасли права, таким образом правовые последствия для конкретного соглашения будут определяться, исходя из его предмета.

ВОЗВРАТ КОМПЕНСАЦИОННЫХ ВЫПЛАТ ПО ПРОГРАММАМ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Н.Б. Крылов, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Демидов

На сегодня в Российской Федерации одним из наиболее приоритетных направлений деятельности государства является развитие образования и здравоохранения. Элементом их развития является социальная политика, направленная на усиление социальной защиты учителей, преподавателей и медицинских работников[1]. В целях реализации названной политики в 2012 и 2020 г. были запущены государственные программы «Земский доктор» и «Земский учитель». Их цель – стимулирование переезда специалистов в сельскую местность путем предоставления единовременной выплаты в размере одного миллиона рублей.

В соответствии с условиями программ, изложенными в Федеральном законе от 29.11.2010 года № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» и постановлением Правительства РФ от 26.12.2017г. № 1642 «Об утверждении государственной программы «Развитие образования», специалисты берут на себя, помимо прочих, обязательство осуществлять трудовую деятельность в течение 5 лет по основному месту работы в соответствии с трудовым договором.

В случае расторжения трудового договора до истечения пятилетнего срока (за исключением п. 8 ст. 77, п.п. 1, 2 и 4, ст. 81, п.п. 1, 2, 5, 6 и 7 ст. 83 ТК РФ) работник обязан вернуть в бюджет определенную сумму денег из предоставленной компенсационной выплаты.

Проблема заключается в различии условий для каждой категории работников в случае увольнения по причинам, не перечисленным в договоре. Медицинские работники возвращают в бюджет сумму, пропорциональную неотработанному периоду, а учителя возвращают компенсационную выплату в полном объеме.

Представляется, что подобное неравенство в условиях договора является упущением в законодательстве и противоречит основным направлениям политики государства в сфере образования, среди которых сохранение кадрового потенциала, повышение престижности и привлекательности профессий. Такой подход законодателя может быть обусловлен желанием «привязать» учителей к новому месту работы, что также противоречит идее поддержки данной категории трудящихся и создаёт для учителей риск потери компенсационных выплат в связи с сложившимися жизненными обстоятельствами. Все вышеперечисленные последствия озвученной проблемы отрицательно влияют на выбор учителей в пользу переезда.

[1] Постановление Правительства РФ от 28.04.1995 г. № 439 «О Программе Правительства Российской Федерации “Реформы и развитие российской экономики в 1995–1997 годах”» // Собрание законодательства РФ, 22.05.1995. № 21, ст. 1966.

Представляется целесообразным уравнять условия возврата компенсационных выплат. Это предложение обусловлено не только перечисленными выше противоречиями, но и особым социальным статусом обеих социальных групп. Реализация подобных изменений, вероятно, не только восстановит социальную справедливость, но и повлечет за собой популяризацию переезда специалистов в сельскую местность, минимизирует риски учителей, позволит специалистам выстраивать более гибкий план на жизнь.

СРОК ОБРАЩЕНИЯ В СУД В ПЕРИОД ОБРАЩЕНИЯ В ПРОКУРАТУРУ ИЛИ ИНСПЕКЦИЮ ТРУДА

Н.С. Толкачёв, студент ЗСФ РГУП
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Демидов

В практике разрешения трудовых споров неоднократно поднимался вопрос: является ли обращение работника за защитой своих прав во внесудебном порядке (прокуратура, государственная инспекция труда – далее ГИТ) уважительной причиной для восстановления срока исковой давности, если внесудебные процедуры не привели к желаемому результату. В свою очередь суды выносили противоречивые решения: одни считали обращение в прокуратуру или ГИТ уважительной причиной для восстановления срока исковой давности, другие не находили для этого оснований, мотивируя свою позицию тем, что у работника наряду с правом обращения во внесудебные органы существует возможность подачи искового заявления в суд.

Проблема была решена Постановлением Пленума Верховного суда РФ (ВС РФ) от 29.05.2018 г.[1], в котором сделан однозначный вывод: «об уважительности причин пропуска срока на обращение в суд… может свидетельствовать своевременное обращение работника с письменным заявлением… в прокуратуру и (или) ГИТ, которыми в отношении работодателя было принято соответствующее решение об устранении нарушений трудовых прав работника, вследствие чего у работника возникли правомерные ожидания, что его права будут восстановлены во внесудебном порядке». Данное разъяснение изменило позицию судов общей юрисдикции, о чем свидетельствует судебная практика, по которой внесудебный порядок защиты прав является уважительной причиной для восстановления срока исковой давности. Например, суд признал уважительной причиной пропуск срока обращения в суд, «поскольку истец своевременно обратился с письменным заявлением… в ГИТ, которой были установлены нарушения… у истца возникли правомерные ожидания, что его права будут восстановлены во внесудебном порядке»[2]. Однако порой встречаются решения, прямо противоречащие друг другу. Так, прокурор обратился с иском в суд о взыскании недоначисленной и невыплаченной заработной платы. Исковое заявление прокурора предъявлено в суд 04.04.2019 г. При этом истец обратился с заявлением в прокуратуру 13.02.2019 г. Суд пришел к выводу, что «срок обращения в суд с требованиями о взыскании неначисленной и невыплаченной заработной платы за январь, февраль, март 2018 г., пропущен»[3].

В аналогичном деле прокурор обратился с иском в суд о взыскании недоначисленной заработной платы за период с января по июнь 2018 г., в последующем требования были увеличены на период с июля 2017 г. по октябрь 2018 г. Суд установил, что работница обратилась в прокуратуру 23.07.2018 г., а исковое заявление было предъявлено прокурором

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2018 г. № 15 г. Москва «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.

2 Решение Приволжского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 30.07.2019 г. по делу № 2-2392/2019.

[3] Решение Дудинского районного суда Красноярского края от 30.07.2019 г. по делу № 2-439/2019.

21.08.2018 г. Срок обращения в суд за июль 2017 г. был пропущен, однако суд восстановил срок исковой давности и отметил: «То обстоятельство, что прокурором сразу после обращения работника с соответствующим заявлением не было подано исковое заявление в суд… не может являться причиной для отказа в восстановлении пропущенного срока, …в данном случае работник является материальным истцом,… он ожидал, что его права будут защищены в судебном порядке непосредственно прокурором»[1].

Явные противоречия в судебной практике свидетельствуют о необходимости законодательного закрепления положения об уважительности причин пропуска срока обращения в суд в период обращения в прокуратуру или ГИТ.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОЛЖНОСТНОЙ ИНСТРУКЦИИ

Я.Д. Александрова, студент ЗСФ РГУП
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Демидов

При устройстве на работу работодатель обязан выполнить ряд обязательных процедур, которые указаны в трудовом законодательстве, в частности в ч. 3, ст. 68 Трудового кодекса РФ: «заключение трудового договора, ознакомление с правилами внутреннего распорядка, иными локальными нормативными актами, которые связаны с профессиональной деятельностью работника»[2]. Как отмечено в письме Федеральной службы по труду и занятости: «Несмотря на то, что в Трудовом кодексе РФ ничего не сказано про должностную инструкцию, она является достаточно важным документом, содержанием которого является не только трудовая функция работника… но и квалификационные требования, предъявляемые к занимаемой должности»[3].

Должностная инструкция – внутренний организационно-распорядительный документ, который содержит непосредственные обязанности и права работника с учетом всех особенностей данных трудовых правоотношений, меры ответственности и квалификационные требования к занимаемой должности. По своей сути, должностная инструкция имеет две основные функции: она является как инструментом структурирования производственных мероприятий и процессов, так и инструментом регулирования деятельности работника, который занимает определенную должность. На практике эти две функции достаточно часто смешивают. Что приводит в том числе и к проблеме определения природы должностной инструкции. Данный нормативный документ в литературе в основном относят к разряду локальных нормативных актов. Например, Н.Л. Лютов относит должностную инструкцию «к обязательным для принятия локальным нормативным актам»[4]. К.А. Либерман возражает, говоря о том, что такая позиция является неверной, так как: «этот вид документа не вполне вписывается в природу локального нормативного акта»[5]. Локальный нормативный акт, независимо от предмета регулирования, обладает характерными признаками. В качестве основных признаков выделяются следующие: «1) нормативность, которая проявляется в отсутствии у этого акта персонально определенного или конкретного адресата, т.е. в распространении его действия на весь коллектив; 2) неоднократность применения содержащихся в нем правил ко всем работникам всякий раз, когда эти правила совпадают с фактическими условиями или

[1] Решение Енисейского районного суда Красноярского края от 06.02.2019 г. по делу № 2-144/2019.
[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 02.08.2019 № 292-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I)- Ст. 3; 2019. № 31. Ст. 4451.
[3] Письмо Роструда от 31.10.2007 № 4412-6 «О порядке внесения изменений в должностные инструкции работников» // СПС «КонсультантПлюс».
[4] Лютов Н.Л. Актуальные проблемы трудового права: учебник для магистров / отв. ред. Н.Л. Лютов. М.: Проспект, 2017. С. 149.
[5] Либерман К.А. Должностные инструкции / отв. ред. А.В. Шалаева. М.: ГроссМедиа: РОСБУХ, 2017. С. 98.

результатами труда работников; 3) необходимость учета мнения представительных органов работников»[1]. По меньшей мере, первый и третий критерии достаточно сложно применимы к должностной инструкции конкретного работника. Т.А. Дарбинян предлагает рассматривать должностную инструкцию: «как один из видов кадровых документов, в котором работодатель устанавливает свои квалификационные требования к обязанностям работника»[2].

На наш взгляд, позиция К.А. Либермана и Т.А. Дарбинян является не вполне обоснованной. Должностная инструкция очень четко вписывается в природу локального нормативного акта, основываясь на признаках, которые указаны в ст. 8 Трудового кодекса РФ. Для установления единого подхода, который касается правовой природы должностной инструкции, видится необходимым закрепление данного правового понятия в законодательстве о труде Российской Федерации.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ИНСТИТУТА ДОЛЖНОСТНОЙ ИНСТРУКЦИИ

А.В. Жугин, студент ЗСФ РГУП
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Демидов

Понятие должностной инструкции неизвестно трудовому законодательству, в связи с чем возникает неоднозначность ее правовой природы. Письмо Роструда[3] содержит разъяснения о том, что должностная инструкция может являться как отдельным документом, так и приложением к трудовому договору. Позицию Роструда следует считать обоснованной, поскольку возможность существования инструкции вытекает из ряда норм. В силу ст. 57 ТК РФ дозволяется уточнять в трудовом договоре права и обязанности работника и работодателя. Статьи 15, 56 ТК РФ устанавливают обязанность работника выполнять трудовую функцию, что во взаимосвязи со ст. 57 ТК РФ дает возможность уточнения этой обязанности посредством должностной инструкции, являющейся в таком случае приложением к договору и, соответственно, единым целым с ним.

Оформленная отдельным актом инструкция является ничем иным, как локальным актом. Такой подход разделяют в науке[4], практико-ориентированных изданиях[5] и в судебной практике[6]. Возможность регулирования отношений с помощью локальных актов отражена в ст. 5, 8 ТК РФ. Это дает право работодателю устанавливать в таких актах обязанности работника, которые он должен выполнять в силу ст. 21 ТК РФ, поскольку выполнение трудовой функции является его обязанностью, а должностная инструкция является средством закрепления этой обязанности. Необходимость выполнения обязанностей, установленных в локальных актах, отражена ст. 57 ТК РФ.

ТК РФ не установлена обязательность применения должностной инструкции. В связи с чем, ее отсутствие не может рассматриваться как нарушение трудового законодательства, на

---

[1] Куренной А.М. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / под ред. А.М. Куренного, С.П. Маврина, В.А. Сафонова, Е.Б. Хохлова. 3-е изд. пересм. М.: Инфра-М, 2015. С. 23-25.
[2] Дарбинян Т.А. Должностная инструкция как способ определения трудовых обязанностей работника // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 146.
[3] Письмо Роструда от 31.10.2007 № 4412-6 «О порядке внесения изменений в должностные инструкции работников».
[4] Лютов Н.Л. Актуальные проблемы трудового права. М.: Проспект, 2017. С. 148.
[5] Чистякова Л.В. Материальная, дисциплинарная, административная: что нужно знать об ответственности работника. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2019. С. 7.
[6] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2019 № 18-КГ19-77; Апелляционное определение Пензенского областного суда от 21.02.2017 по делу № 33-436/2017.

что обращал внимание Роструд[1]. При этом наличие должностной инструкции (регламента) может быть предусмотрено федеральными законами.

Упомянутое выше письмо Роструда указывает, что инструкция разрабатывается для отдельной должности. Это предполагает идентичность обязанностей каждого из работников, занимающих одинаковую должность. Однако на практике допускается разница в обязанностях таких работников, что служит средством обоснования дифференциации в заработной плате[2].

Необходимость применения ЕКС, ЕТКС, профессиональных стандартов установлена ст. 57, 195.3 ТК РФ. При этом императивные требования устанавливаются лишь в отношении квалификации или наименования, но не круга обязанностей работника. В остальных случаях их использование носит рекомендательный характер. В этой связи работодатель имеет право взять за основу профессиональные стандарты или справочники для разработки должностной инструкции, что не исключает возможности установления собственных требований к квалификации работника. Это является решающим фактором при разрешении вопроса о законности отказа в приеме на работу. Такой отказ допускается при условии закрепления требований к квалификации в должностной инструкции[3].

ПРАВО НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Р.А. Шубников, курсант Кузбасского института ФСИН России
Научный руководитель – преподаватель Ю.М. Заборовская

Любое государство должно обеспечивать своих граждан всеми видами прав, для обеспечения правового статуса лиц. Права и свободы человека являются высшей ценностью (ст. 2 Конституция РФ). На сегодняшний день продолжает оставаться актуальной проблема обеспечения экономических прав и свобод различных категорий граждан. Уголовно-исполнительный кодекс РФ закрепляет обязанность осужденных трудиться, а труд – как одно из средств исправления. Трудовую деятельность осужденные могут осуществлять в центрах трудовой адаптации осужденных и производственных (трудовых) мастерских исправительных учреждений, на федеральных государственных унитарных предприятиях уголовно-исполнительной системы и в организациях иных организационно-правовых форм, расположенных на территориях исправительных учреждений и вне их, при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции осужденных.

На официальном сайте ФСИН России представлено 12 государственных унитарных предприятий исправительных учреждений. Созданы и осуществляют внебюджетную производственную деятельность центры трудовой адаптации осужденных (ЦТАО), учебно-производственные мастерские (УПМ) и лечебно-производственные мастерские (ЛПМ). Также закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» закрепляет, что осужденные с разрешения начальника учреждения, исполняющего наказания, могут заниматься предпринимательской деятельностью в форме индивидуальной трудовой деятельности и путем создания общества с ограниченной ответственностью при соблюдении следующих условий:

1) желание осужденных заниматься такой деятельностью;

[1] Письмо Роструда от 9 августа 2007 г. № 3042-6-0.

[2] Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 22.07.2013 по делу № 33-6699; Апелляционное определение Пензенского областного суда от 17.07.2012 по делу № 33-1679.

[3] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 06.03.2018 № 33-4950/2018 по делу № 2-3794/2017.

2) соответствие этой деятельности требованиям режима содержания;

3) возможность администрации учреждения, исполняющего наказания, организовать такую деятельность;

4) возможность получать прибыль от такой деятельности не ниже установленного законом минимального размера оплаты труда[1].

Система управления предпринимательской деятельностью в производственном секторе учреждений уголовно-исправительной системы регулирует большой спектр социальных, организационно-экономических задач, которые обеспечивают реализацию программ и планов создания и производства продукции[2]. Современный производственный сектор уголовно-исполнительной системы включает в себя более 650 промышленных подразделений при исправительных учреждениях, которые расположены практически во всех субъектах Российской Федерации, в том числе в непосредственной близости с промышленно развитыми районами, крупными населенными пунктами и находятся в транспортной доступности.

Предпринимательская деятельность УИС имеет свои специфические обязанности: 1) обращение взыскания на имущество учреждений, исполняющих наказания, и территориальных органов уголовно-исполнительной системы не допускается; 2) в соответствии с Приказом ФСИН России от 15 марта 2005 г. № 99 «Об оказании финансовой и социальной помощи» организации, входящие в УИС, должны перечислять на счет ФСИН России 10%, а на счет соответствующего территориального органа ФСИН России 20% от чистой прибыли, оставшейся в их распоряжении после уплаты обязательных платежей. Поступающие от учреждений УИС средства направляются на оказание финансовой помощи подразделениям УИС для осуществления капитального строительства, проведение ремонтов общежитий и объектов социальной сферы и др.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ РАБОТОДАТЕЛЯ В ОТНОШЕНИЯХ ПО СОЗДАНИЮ СЛУЖЕБНОГО ПРОИЗВДЕНИЯ

Е.А. Ильин, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Демидов

В законодательстве о труде отсутствуют правила, которые бы регулировали отношения между работником и работодателем по созданию и использованию служебного произведения. Правовой статус служебного произведения закреплен в ч. 4 ГК РФ. В условиях увеличения значимости интеллектуального труда (например, в области информационных технологий, программирования, дизайна), регулирование отношений принадлежности служебного произведения обретает принципиальное значение для сторон трудового отношения.

Действующая редакция ст. 1295 ГК РФ с 1 января 2008 г. определяет служебное произведение как произведение науки, литературы или искусства, созданное в пределах установленных для работника (автора) трудовых обязанностей. Для определения произведения в качестве служебного необходимо включение соответствующего задания в пределы трудовых обязанностей работника. Иначе использование исключительных прав работодателем возможно лишь на основании отдельного договора.

При решении вопроса о том, является ли созданное работником произведение служебным, суд может обратить внимание на соотношение деятельности, осуществляемой работо-

[1] Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (в ред. Федерального закона № 197-ФЗ от 19.07.2018) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

[2] Грязнов С.А. Факторы развития предпринимательской деятельности в условиях ограничения свободы // Бизнес в законе. 2014. № 6. С. 61–63.

дателем, со сферой, в которой создан соответствующий объект. Имеют значение место выполнения работ, источник оборудования и финансирования, возможность осуществления работодателем контроля за работой, цель создания, последующее поведение работника и работодателя, составляемые ими документы[1].

Можно выделить три признака служебного произведения: наличие трудовых отношений между работником и работодателем в период создания произведения; наличие функции по созданию служебного произведения в должностных обязанностях, факт конкретного задания работодателя. Последний признак может отсутствовать, если должностные обязанности позволяют определить, какие именно произведения создаются работником. Наличие задания, которое не входит в трудовые обязанности, не позволяет рассматривать созданное произведение в качестве служебного, вынуждает работодателя использовать другие договорные конструкции.

О необходимости ясного нормативного разрешения вопроса о принадлежности создаваемого работником произведения указывает и судебная практика. Так, работником были созданы произведения дизайна, которые он использовал позднее в рамках деятельности учрежденной им самим организации. Истец (бывший работодатель) посчитал, что нарушены его исключительные права на служебное произведение. Однако суд установил, что по условиям трудового договора работник выполнял обязанности по контролю за персоналом, в его должностные обязанности не входило создание художественных работ, в связи с чем исключительные права у истца не возникли. Неосмотрительность работодателя в этом вопросе повлекла для него многомиллионные убытки[2].

Чтобы избежать споров о принадлежности созданного работником произведения, целесообразно надлежащим образом оформить трудовые отношения, предусмотреть функцию работника по созданию служебных произведений в трудовом договоре и локальных нормативных актах, конкретизировать каждый случай создания произведения в задании. Дополнительной гарантией интересов работодателя может выступать договор с работником о размере вознаграждения за создание служебного произведения[3].

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТНИКА ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ

Е.Н. Кукушкина, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент, В.Г. Мельникова

В современном мире информация представляет собой один из наиболее значимых элементов любого бизнеса, является товаром. Потеря информации ведет к серьезным проблемам, вплоть до банкротства фирмы. В связи с этим организациям следует принимать ряд мер по соблюдению конфиденциальности таких сведений. Секрет производства имеет коммерческую ценность именно в силу неизвестности третьим лицам[4]. В отношении таких сведений должен быть введен режим коммерческой тайны.

Секрет производства, в подавляющем большинстве случаев, разглашается именно работниками, которые имеют доступ к нему. Не совсем ясна логика законодателя в плане отсутствия в трудовом законодательстве норм о порядке привлечения работников к материаль-

[1] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 7 августа 2015 г. по делу № СИП-253.
[2] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 марта 2019 года по делу № А40-256611.
[3] Никитин В. Служебное произведение // Учреждения культуры и искусства: бухгалтерский учет и налогообложение. 2018. № 8. С. 63.
[4] Гражданский Кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ст. 5496.

ной ответственности за разглашение коммерческой тайны, так как общий порядок взыскания не покрывает всех тех убытков, которые причиняются работодателю в случае разглашения тайны. Необходимо предусмотреть исключение из общего правила, ввиду того, что при таком нарушении убытки в основном составляет именно упущенная выгода, а не прямой действительный ущерб.

Следует согласиться с высказыванием М. Хасанова о том, что «в наши дни развитие информационных технологий требует пересмотра принципов защиты интеллектуальной собственности»[1].

Как было верно отмечено В.И. Ерёменко, регулирование интеллектуальной собственности следует отнести к сфере комплексного законодательства, включающего нормы не только гражданского права, но и в отношении служебных результатов интеллектуальной деятельности – нормы трудового права[2]. При разглашении работником сведений имеет место коллизионное правовое регулирование с нормами гражданского права (ст. 1472 ГК РФ). Таким образом, регулирование в данной сфере нуждается в оптимизации межотраслевых связей трудового и гражданского законодательства[3].

Судебная практика по данному вопросу неоднозначна. Например, штраф за разглашение коммерческой тайны в рамках трудовых отношений не взыскивается[4]. С другой стороны, у работодателя есть право взыскать убытки, причиненные разглашением коммерческой тайны. Так, за разглашение ноу-хау виновный возмещает убытки по правилам ст. 1472 ГК РФ[5].

Работодателю следует внимательно отнестись к разработке документов, касающихся оформления режима коммерческой тайны, так как доказывание вины работника и размера ущерба возложено именно на работодателя. Разумно было бы устанавливать конкретные размеры ущерба за разглашение той или иной информации. Это обезопасит работодателя от необходимости доказывать размер причиненного ущерба и дисциплинирует работников[6]. В большинстве своём суды отказывают в удовлетворении иска ввиду необоснованности и недоказанности размера причинённого ущерба.

В связи с неоднозначностью разрешения дел судами, есть необходимость урегулировать данный вопрос императивно. Поэтому было бы целесообразно урегулировать данный вопрос в Трудовом кодексе РФ или в соответствующем Постановлении Пленума Верховного суда РФ.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ИНФОРМИРОВАННОСТЬ ИНВАЛИДОВ

В.С. Рекова, курсант Кузбасского института ФСИН России
Научный руководитель – преподаватель Ю.М. Заборовская

Еще в древние века великий философ Гераклит сказал: «За закон народ должен биться, как за городскую стену». Только закон может пресекать несправедливость и дарить истинную свободу, ставить всех людей в равные условия и защищать права. Конституция – главный закон, о котором должен знать каждый. Закон, который как нерушимая стена, защитит в

[1] Кириллова О., Варшавский В., Брусенцева Г., Хасанов М. Мнения практиков // Трудовое право. 2018. № 5.
[2] «О комплексном характере законодательства об интеллектуальной собственности (интеллектуальных правах)»: Еременко В.И. О части четвертой Гражданского Кодекса Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2007. № 4. С. 28–40.
[3] Лушникова М.В. Интеллектуальные права работников: проблемы и решения // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9.
[4] Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 23.03.2015 по делу N 33-4126/2015. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZLSx4QuaTl51/.
[5] Кириллова О., Варшавский В., Брусенцева Г., Хасанов М. Мнения практиков // Трудовое право. 2018. № 5.
[6] Постановление ФАС Московского округа от 12.03.2014 N Ф05-1766/2014 по делу N А40-23492/13-138-219.

любой спорной ситуации. Конституцией Российской Федерации обеспечивается защита прав особой категории граждан, к числу которых относятся инвалиды.

XXI век является веком технологий и информации. Именно посредством информации люди взаимодействуют между собой и государством, происходит процесс интеграции индивида и общества во все сферы жизни, включая политическую, экономическую и культурную. В соответствии со ст. 29 Конституции Российской Федерации[1] каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Если здоровому человеку не составляет труда получать ее из разных источников, то инвалидам это составляет большую трудность.

Основной проблемой инвалидов является их отношение к своему расстройству или дефекту, чувствуя себя «неправильными» они подвергаются стигматизации. Для того чтобы хоть как-то помочь этой социальной группе, необходимо создать для них доступную среду. Одним из условий доступной среды является получение инвалидами необходимой информации для осуществления комфортной жизнедеятельности.

По статистическим данным основными источниками информирования инвалидов являются: телевидение (74%), интернет (61,6%) – наиболее характерен для молодежи, знакомые (57%) и социальные работники (20,6%). Перечисленные источники не являются подходящими для всех категорий инвалидов, так как инвалидность может быть вызвана не только нарушением опорно-двигательной системой, но и поражением слуховых и зрительных функций.

Незнание своих прав и неосведомлённость о государственных, региональных и муниципальных программах, проводимых для инвалидов, усиливает изолированность. Действующее федеральное законодательство устанавливает обязательства Правительства РФ, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по созданию условий для беспрепятственного доступа инвалидов к информации и средствами связи, а также ответственность за уклонение от исполнения требований к созданию этих условий[2]. Региональное законодательство также создает правовую основу, но не решает в полной мере проблему обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов к информации, объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктур.

Итак, для решения проблемы правовой информированности инвалидов предлагаем следующее:

1) создание правовой основы участия инвалидов в жизни общества и проводимых государственных программах;

2) усиление национального контроля и оценки выполнения государственных и муниципальных программ и предоставление услуг, направленных на обеспечение равных возможностей для инвалидов;

3) с целью повышения уровня социальной информированности инвалидов необходимо повышение уровня взаимодействия социальных работников, работников здравоохранения, должностных лиц, находящихся на муниципальной службе.

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ от 30.12.2008 № 6 – ФКЗ, от 30.12.2008 № 7 – ФКЗ, от 05.02.2014 № 2 – ФКЗ, от 21.07.2014 № 11 – ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. 4 августа. № 3. Ст. 4398.

[2] О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ // Российская газета. 1995. № 234.

ПРОБЛЕМЫ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМ, СТРАДАЮЩИМ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Я.Д. Витовский, курсант Кузбасского института ФСИН России
Научный руководитель – преподаватель Ю.М. Заборовская

Поскольку только в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) распространены гибридные формы заболевания у осужденных (туберкулез + ВИЧ + гепатит), сложно излечимые формы социально значимых заболеваний (далее – СЗ заболевания) возрастает актуальность профилактики и лечения данных болезней как в местах изоляции, так и после освобождения, поскольку данные лица представляют общественную опасность, даже если они исправились и были освобождены из исправительных учреждений, в том числе лечебных. Имея какое-то одно заболевание, осужденный заражается другим и получается сложная гибридная форма, рост заболеваемости наблюдается с 2015 г.[1]

Гибридные формы (ВИЧ + туберкулез + гепатит) распространены именно в УИС. Так, согласно основным показателям деятельности уголовно-исполнительной системы за январь – декабрь 2018 г., за 2018 г. было зарегистрировано 928 826 заболеваний, что составляет 1519,5 заболеваний на 1 000 человек, содержащихся в учреждениях УИС.

На наш взгляд, социально значимые заболевания – это болезни, которые находятся в неразрывной связи с обществом и характеризующиеся массовым характером и высокими темпами прироста заболевающих, а также требующие эффективной профилактики.

Нельзя забывать, что исполнение уголовного наказания в отношении осужденных, страдающих СЗ заболеваниями, и организация их лечения имеет существенную специфику. Специалисты отмечают, что медицинская помощь осужденным должна включать достижение таких отношений между пациентом и врачом, которые основаны на взаимном доверии и здоровой направленности[2].

Мы предлагаем создать специальные диспансеры для лиц, отбывших наказание, которые будут осуществлять контроль за их здоровьем и психологическим состоянием в течение 5 лет с момента окончания срока отбывания наказания осужденным. Данные учреждения позволят закрепить те усилия, которые были потрачены на лечение и восстановление.

На сегодняшний день настоятельно требуется совершенствование уголовно-исполнительной системы, поиск новых форм и методов организации медицинской помощи в отношении осужденных, страдающих СЗ заболеваниями. К числу наиболее эффективных мер, по нашему мнению, следует отнести:

1. Правовые меры. В уголовно-исполнительном законодательстве закрепить порядок содержания и лечения осужденных, страдающих СЗ заболеваниями.

2. Организационные меры. Разработать комплексные программы по лечению осужденных, страдающих СЗ заболеваниями. Внедрять положительный опыт работы по лечению осужденных, страдающих СЗ заболеваниями.

3. Лечебно-оздоровительные меры. После проведения лечения о СЗ заболевания необходимо обеспечить содержание лиц в специальных отрядах, где поддерживается амбулаторное лечение.

4. Социально-реабилитационные меры. Подготовка осужденного, который прошёл курс лечения от социально значимого заболевания.

Подводя итоги сказанному, хотелось бы отметить неравнодушие Российской Федерации по отношению к лицам, преступившим закон и имеющим заболевания, что свидетель-

[1] Заборовская Ю.М. Реализация принципа гуманизма в отношении тяжело больных осужденных инвалидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4 (29). С. 58–66.
[2] См: Профилактика смертности от острых состояний, связанных с употреблением наркотиков, среди лиц, только что освободившихся из мест заключения. Германия: Всемирная организация здравоохранения, 2011. С. 17.

ствует о том, что, несмотря на то, что человек причинил ущерб государству, он по-прежнему представляет ценность для него. Даже находясь в исправительном учреждении данное лицо имеет право на охрану здоровья и реализацию социальных гарантий.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ НАЗНАЧЕНИЯ ПЕНСИИ ПО ПОТЕРЕ КОРМИЛЬЦА СОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛИЦАМИ

Е.А. Калинина, студент ТГУ
Научный руководитель – ассистент Ю.В. Тюрина

Пенсия по случаю потери кормильца устанавливается нетрудоспособным членам семьи умершего, на иждивении которого находился нетрудоспособный гражданин. К лицам, которым может быть установлена указанная пенсия, законодательство предъявляет ряд требований: они должны относиться к членам семьи умершего кормильца, находиться в нетрудоспособном состоянии и к моменту смерти кормильца состоять на его иждивении[1].

В соответствии с действующим законодательством иждивение несовершеннолетних презюмируется, факт же нахождения на иждивении совершеннолетних людей подлежит установлению – либо органами Пенсионного фонда РФ, либо в судебном порядке.[2] Доказательствами, подтверждающими факт иждивения, как правило, являются: справки жилищных органов или органов местного самоуправления, справки о доходах всех членов семьи и иные документы, содержащие требуемые сведения.

Однако в юридической практике возникают ситуации, когда заявителю затруднительно подтвердить факт нахождения на иждивении. Например, девушка – 19 лет, обучается на очной форме обучения в учреждении среднего профессионального образования на бюджетной основе, фактически находилась на финансовом обеспечении отца, родители официально состояли в разводе.

Факт доказывания совместного проживания с отцом осложнился тем, что адрес ее фактического проживания отличается от адреса регистрации, девушка проживает с матерью. Подтвердить постоянное оказание финансовой помощи отца заявителю также являлось проблематичным, так как эта помощь всегда выражалась наличными денежными средствами без соответствующих расписок и финансовых документов. При обращении за назначением пенсии по потере кормильца в Пенсионный фонд РФ, ей было рекомендовано обратиться в суд с заявлением об установлении факта нахождения на иждивения, так как предоставленных фактов и документов, подтверждающих их, было недостаточно для назначения пенсии. Согласно ст. 264 ГПК РФ, суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций. Одним из них является факт нахождения на иждивении.

Такой порядок установления рационален, так как он является своеобразным фильтром для отсеивания граждан, злоупотребляющих правом, или тех, кто вовсе, в силу разных причин, таким правом обладать не может.

Но в тоже время, большая часть населения является недостаточно правообразованной для подачи искового заявления об установлении факта иждивения и поддержания своего искового требования в суде. Даже самостоятельное написание такого заявления для большинства граждан, зачастую, является невозможным, а действующим законодательством не

[1] Ст. 10 Федерального закона от 28.12.2013 N 400-ФЗ (ред. от 01.10.2019, с изм. от 22.04.2020) «О страховых пенсиях».
[2] П. 4 ст. 10 Федерального закона от 28.12.2013 N 400-ФЗ (ред. от 01.10.2019, с изм. от 22.04.2020) «О страховых пенсиях»; п. 2 ч. 2 ст. 264 «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 24.04.2020).

предусмотрена формализованная процедура регистрации факта нахождения на иждивении исполнительными органами государственной власти РФ. В результате, гражданам необходимо обращаться за платной помощью к профессиональным юристам. Но, как правило, люди, которые обращаются в ПФР для назначения пенсии по потере кормильца, пребывают не только в неблагоприятном психологическом состоянии, но и материальном. Эти обстоятельства, очевидно, затрудняют доказывание нахождения на иждивении и, соответственно, назначение такой пенсии.

Поэтому, на мой взгляд, необходимо законодательно расширить перечень фактов, доказывающих нахождение на иждивении либо предоставить полномочия по их установлению органам Пенсионного фонда Российской Федерации, а не суду; либо ввести институт регистрации факта иждивения в органах исполнительной власти РФ.

УСТОЙЧИВЫЙ ХАРАКТЕР РАБОТЫ КАК ПРИЗНАК ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

П.А. Шутов, студент ЗСФ РГУП
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Демидов

На сегодняшний день трудовое законодательство имеет ряд проблем, одна из которых имеет важное практическое значение – отграничение трудового договора от договоров гражданско-правового характера. Такое осложнение вызвано тем, что законодательством не предусмотрено целостное, системное закрепление признаков трудовых правоотношений. В настоящий период признаки трудового отношения формулируются судом при разрешении дела путем толкования ст. 15 и 56 ТК РФ.

Одним из признаков трудового правоотношения является устойчивый характер работы (длящийся характер). Суть данного признака выражается в том, что права и обязанности работника и работодателя в трудовом правоотношении реализуются не определенными разовыми действиями, а систематически, путем совершения предусмотренных действий. Если проанализировать содержание ст. 15 и 56 ТК РФ, то несложно заметить, что такой признак вообще не упоминается. Он является скрытым: суды зачастую приходят к выводу, что данный признак является неотъемлемым качеством трудового отношения, и часто апеллируют к ним в мотивирочной части.

В качестве примера правоприменительной практики можно привести гражданское дело по иску работника к работодателю об установлении факта трудовых отношений. В обоснование заявленных требований работник ссылался на то, что между ним и работодателем был заключен договор на выполнение работ, услуг. Суд пришел к выводу, что работа истца заключалась в выполнении в течение длительного периода ряда работ, в зависимости от потребностей организации, возникавших в течение срока действия договора, и посчитал возможным признать сложившиеся отношения трудовыми[1].

Противоположный пример: Апелляционным определением Ростовского областного суда от 18 июня 2015 года апелляционная жалоба оставлена без удовлетворения, несмотря на то, что работником заключались договоры подряда в течение двух лет[2]. Суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу об оставлении исковых требований истца без удовлетворения, так как работы истцом проводились по мере необходимости, ремонт осуществлялся при выходе оборудования из строя.

В еще одном споре, суд пришел к выводу, что истец лично исполняла трудовые обязанности и ее деятельность носила длительный устойчивый характер, а не разовый. Суд устано-

[1] Решение Выксунского городского суда Нижегородской области от 22 марта 2017 г. по делу № 2-249/2017.
[2] Апелляционное определение Ростовского областного суда от 18 июня 2015 года по делу № 33-9137/2015.

вил постоянный характер работы на основании собранных по делу доказательств, и признал сложившиеся отношения между сторонами трудовыми[1].

Это не единичные случаи, когда суды, выявляя смысл, заложенный в ст. 15 и 56 ТК РФ, выносят различные решения. Это приводит к отсутствию единообразия практики в области споров о признании отношений трудовыми. В целях предоставления максимального уровня правовой защиты для работника следует закрепить в национальном законодательстве легальные понятия признаков трудовых правоотношений.

РЕФОРМИРОВАНИЕ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ТРУДА

В.В. Ставская, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Демидов

На сегодняшний день в Российской Федерации существуют проблемы с реализацией законодательства о труде. Анализируя отзывы о работе трудовых инспекций в интернете, можно сделать вывод, что большинство заявителей остаются недовольны предоставленной им помощью. Обобщая, можно выделить такие минусы, как: долгая работа инспекторов; нежелание разбираться в сложных и запутанных ситуациях; поиск различных поводов для отказа в выезде с проверкой; неинформативные ответы на обращения граждан.

Контрольно-надзорная деятельность государства основывается на так называемом риск-ориентированном подходе. Исходя из доклада по правоприменительной практике Государственной инспекции труда в Томской области, за октябрь-декабрь 2019 г. было проведено всего 30 плановых и 272 внеплановых проверок[2]. Относительно данного подхода можно встретить различные мнения, но эти данные показывают некую несостоятельность риск-ориентированного подхода в условиях нынешних реалий.

Одним из приоритетных направлений деятельности государства, связанной с контрольно-надзорной функцией, является апробация системы добровольного внутреннего контроля. То есть государство допускает, что не справляется с осуществлением контрольно-надзорной деятельности в сфере труда в полной мере и готово поддерживать участников трудовых отношений в самоконтроле. Необходимо также заострить внимание и на том, что государство пытается наладить продуктивную взаимосвязь между ГИТ и работником, например, через создание интернет порталов и сайтов, которые в разы упрощают процесс обращений, консультирование и разрешение различного рода проблем.

Существует конкуренция между государственным проектом по поддержанию бизнеса и снижению давления на бизнес, который поддерживается поручением Председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведевым[3], именуемый «Регуляторная гильотина», и между концепцией повышения эффективности обеспечения соблюдения трудового законодательства на 2015-2020 год. Из-за сложившегося положения инспекции труда стремятся применять в качестве превентивных мер менее серьезные, например, предостережения о недопущении нарушений трудового законодательства. Это негативно сказывается на продуктивности контрольно-надзорной деятельности, которая обеспечивается за счет принудительной силы государства.

Федеральная служба по труду и занятости приняла приказ, который включает в себя раздел «Порядок и формы контроля за осуществлением федерального государственного

[1] Решение Промышленного районного суда г. Курска от 31 марта 2016 г. по делу № 2-239/8-16.

[2] URL:https://git70.rostrud.ru/profilaktika_narusheniy/publichnye_obsuzhdeniya/_materialy_pravoprimenitelnoy_praktiki_3_kvartal_2019g_64238039/ (дата обращения 15.03.2020).

[3] Поручение Правительства РФ от 11.09.19 г. № ДМ-П36-7717 «О подготовке перечня правовых актов СССР и РСФСР для признания утратившими силу или недействующими на территории Российской Федерации».

надзора»[1]. Государство пытается скорректировать надзорную деятельность и проконтролировать ее реализацию. Министерством труда РФ в структуре программы по основному направлению стратегического развития РФ «Реформа контрольной и надзорной деятельности» разработаны два проекта: внедрение эффективных механизмов кадровой политики в деятельности контрольно-надзорных органов и внедрение системы предупреждения и профилактики коррупционных проявлений в контрольно-надзорной деятельности. Безусловно, эти проекты играют важную роль для повышения качества оказываемого контроля (надзора) со стороны государства и их реализация должна быть организована на максимально высоком уровне.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС КАК КРИТЕРИЙ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ НАЧАЛ ОТРАСЛИ ТРУДОВОГО ПРАВА

Е.Е. Калашникова, Е.С. Тимукина, студенты ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Демидов

Юридическая природа публично-правовых отраслей – один из основных вопросов теории права. Идею Ульпиана[2] развивают современные ученые. Правовые нормы устанавливают субъективные права и выражают личные или общественные интересы, как утверждал С.С. Алексеев[3]. Тем самым, по его мнению, формируются группы частных или публичных отраслей. Из совокупности диспозитивных правил частной сферы субъект выбирает то, следование которому удовлетворило бы его собственный интерес. Н.М. Коркунов считал, что действия в целях приобретения прав и обязанностей зависят от волеизъявления одного лица[4]. В отраслях публичного права участники не могут избрать по своей воле общие правила поведения, не нарушив целостность властных отношений государства и объекта, не преступив общественный интерес.

Доктринальный подход к определению роли общественного интереса для обособления группы публичных отраслей применим и к теории трудового права. Так, трудовому праву присуще единство частных и публичных правовых начал. Для обеспечения устойчивости общественного интереса в основу регулирования отношений в сфере труда положены идеи публично-правовых отраслей. Они определяют природу трудового права как отрасли, характеризуют его предмет и метод с точки зрения официально упорядоченных публичных отношений, в которых государство выступает в интересах общества и обладает свойством основного регулятора.

Из числа особенностей метода трудового права, сформулированных А.М. Лушниковым и М.В. Лушниковой, содержание властного регулирования могут составлять: правовое ограничение деятельности субъектов[5] волей одной стороны, судебная и административная защита интересов субъектов трудового права[6].

---

[1] Приказ Роструда от 13.06.2019 № 160 «Об утверждении Административного регламента осуществления Федеральной службой по труду и занятости федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права».
[2] Рассолов М.М., Горбунов М.А. Римское право: учебник. М., 2009. С. 12.
[3] Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. М., 2010. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. С. 187.
[4] Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / сост., автор вступ. ст., коммент. А.Н. Медушевский. М., 2010. С. 248–250.
[5] Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: учебник: в 2 т. Т. 1: Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 494.
[6] Там же. С. 496.

Трудовой кодекс РФ относит споры о невыплате заработной платы к индивидуальным. Однако невыполнение работодателем данной обязанности в отношении широкого круга работников можно рассматривать как нарушение общественных интересов.

Понятие коллективного трудового спора охватывает закрытый перечень причин возможных разногласий между работниками и работодателями, включая споры по поводу выполнения коллективного соглашения. Порядок оплаты труда урегулирован федеральным законодательством. Коллективные договоры и соглашения в подобных случаях часто содержат ссылки на федеральное законодательство. Невыплата, нарушение порядка оплаты труда, предусмотренного трудовым законодательством, ставит перед участниками социального партнерства факт невыполнения работодателями коллективных соглашений. Стороны возникшего разногласия вынуждены подчиняться императивному порядку проведения примирительных процедур, исчерпав которые, одна из них может прибегнуть к забастовке.

В результате общественный интерес подкрепляется методами публичного права. Грань между коллективными и индивидуальными трудовыми спорами проводится по количеству лиц на противоположных сторонах, заинтересованных в их разрешении. Задачи публичного права выполняются средствами, происходящими из императивного метода регулирования.

ОРГАНИЗАЦИЯ УСЛОВИЙ ТРУДА КАК ПРИЗНАК ТРУДОВОГО ОТНОШЕНИЯ

В.Е. Пшеничников, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Демидов

Трудовому договору присущи различные признаки, характеризующие его сущность. В 2018 году с принятием Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» были выделены характерные признаки трудовых отношений путем системного толкования норм статей 15 и 56 ТК РФ. Среди всех признаков был выделен признак организации условий труда.

Согласно ТК РФ условия труда – совокупность факторов производственной среды и трудового процесса, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье работника. То есть законодатель рассматривает условия труда исключительно через призму возможности негативного влияния исполнения трудовой функции на организм работника.

Что же следует понимать под организацией условий труда в фактических трудовых отношениях? Рассмотрим данный вопрос на примере Апелляционного определения Ульяновского Областного суда от 25.08.2015 по делу № 33-3273/2015[1]. В своем определении суд указал, что фактом наличия трудовых отношений является то, что данная организация обеспечивала условия для регулярного производства истцом сварочных работ, являвшихся предметом гражданско-правового договора.

В Апелляционном определении Московского городского суда от 24.12.2019 по делу 33-57481/2019[2] говорится о том, что на наличие трудовых отношений указывает принятие на себя истцом обязательства по оказанию услуг для заказчика, а именно приготовление блюд горячего цеха по технологическим картам. Заказчик же в свою очередь обязуется предоставить для выполнения работы помещение со всем необходимым оборудованием.

Важность признака организации условий труда среди иных признаков, позволяющих отличить трудовой договор от смежного гражданско-правового договора, наглядно проде-

[1] Апелляционное определение Ульяновского Областного суда от 25.08.2015 по делу № 33-3273/2015.
[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 24.12.2019 по делу № 33-57481/2019.

монстрирована в Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.06.2017 г. № Ф08-3553/2017 по делу № А32-23265/2016[1]. В нем суд указывает, что при наличии иных признаков трудовых отношений отсутствует тот, который позволяет отличить трудовой договор от гражданско-правовых договоров, связанных с применением труда, в том числе договора подряда. Этот признак заключается в том, что при осуществлении работ по трудовому договору правовой регламентации подлежит сам процесс труда и условия, в которых этот процесс осуществляется. В силу отсутствия данного признака суд не признал наличия между сторонами трудовых отношений.

Факт подтверждения наличия организации условий труда на предприятии в судебной практике доказывается различными способами, например, в Апелляционном определении Хабаровского краевого суда от 30.05.2019 г. по делу № 33-3810/2019[2] суд указал следующее: «согласно пояснениям сторон, свидетельским показаниям, фотоматериалу, истец была обеспечена рабочим местом, то есть местом, куда работнику необходимо прибывать в связи с его работой».

Таким образом, путем системного анализа правоприменительной практики можно прийти к обоснованному выводу, что признак организации условий труда занимает одно из ключевых мест среди иных признаков, а суды зачастую именно организацию условий труда расценивают, как краеугольный камень наличия трудовых отношений.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ЖЕНЩИН: ОСОБЕННОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Ю.С. Янина, И.Ю. Скареднова, студенты СибУПК
Научный руководитель – ст. преподаватель А. Г. Чернецова

В законодательстве РФ уделяется особое внимание вопросам правового регулирования труда женщин, в последнее время претерпевают изменения нормы, затрагивающие дифференциацию женского труда. Так, Приказом Минтруда от 18.07.2019 № 512 утвержден новый перечень профессий и производств, на которых запрещается использовать труд женщин. В новый перечень, который вступит в силу с 1 января 2021 года, будет включено 100 профессий, которые недоступны для женщин. В действующем аналогичном перечне от 2000 г. таких профессий свыше 450. Так в список исключений прежде всего вошли химические производства с вредными для репродуктивного здоровья женщин факторами. Также для женщин, по-прежнему, ограничены профессии, связанные с подземными и горными работами, металлургией и нефтегазодобычей. Не разрешается брать женщин и на работу пожарными, грузчиками, водолазами, лесорубами и трубочистами, женщины не могут быть привлечены к погрузке и разгрузке трупов животных, конфискатов и патологического материала[3].

Несмотря на существование ряда исключений, налицо факт значительного изменения прежнего перечня. Согласно, новому списку менее, чем через год женщины в России получат право на совершенно не привычные для слабого пола виды работ, например, женщинам будут доступны такие профессии как: тракторист; машинист электропоезда, боцман шкипер и матрос, судов всех видов флота, также женщины смогут стать слесарями по ремонту автомобилей, электриками и не только.

В законодательстве РФ в ч. 2 ст. 64 ТК РФ, закреплен запрет на установление прямых и косвенных ограничений, и преимуществ по дискриминационным критериям при заключении трудового договора. В 2003 году была закреплена статься 145 в УК РФ, согласно ко-

[1] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.06.2017 г. № Ф08-3553/2017 по делу № А32-23265/2016.
[2] Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 30.05.2019 г. по делу № 33-3810/2019.
[3]Приказ Минтруда России от 18.07.2019 N 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин».

торой необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей и иные санкции. На первый взгляд можно сделать вывод, что проблема дискриминации труда в РФ актуальна, но на практике же, нередко, доказывается обратное. Но самой сложной проблемой здесь является то, что в случае отказа в приёме на работу доказать факт дискриминации крайне затруднительно. В большинстве случаев дела о дискриминации в сфере труда проигрывают заявители, за недостатком доказательств.

На наш взгляд, необходимо внести изменение в действующее трудовое законодательство, возложив обязанность на работодателя, который препятствует в приёме на работу, оформлять мотивированный отказ в письменной форме, а именно в статью 64 Трудового Кодекса РФ, где соответствующе оформленный отказ предоставляется работнику только по его требованию. И за несоблюдение этой обязанности вводить штрафные санкции для работодателя в КоАП, а именно внести изменения в ч. 4 ст. 5.27 КоАП следующего содержания: «Уклонение от оформления или ненадлежащее оформление трудового договора либо заключение гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем, а равно уклонение от дачи письменных разъяснений об отказе в заключении трудового договора».

Письменный отказ может стать существенным аргументом в суде и, возможно, станет еще одним механизмом борьбы с дискриминацией в сфере труда, а также сможет определить тенденции дальнейшего развития трудового законодательства.

ПОНЯТИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ ПО ТРУДУ

Л.Б. Сафарова, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Демидов

Исторически принцип запрета злоупотребления правом был закреплен как гражданско-правовой. Трудовое законодательство содержит нормы о добросовестном исполнении работником трудовых обязанностей (ст. 21 Трудового кодекса РФ), но не содержит норм о злоупотреблении правом. В неявной форме принцип недопустимости злоупотребления правами сформулирован в Конституции РФ, ч. 3 ст. 17 которой гласит, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других граждан», но Конституция РФ не указывает на запрет на злоупотребление субъективными правами.

В доктрине существует несколько позиций по вопросу понятия злоупотребления субъективными трудовыми правами. Первая позиция заключается в отрицании самостоятельности категории злоупотребления правом по отношению к правонарушению, так как невозможно само употребление права во зло, а, значит, фактически такое деяние является противоправным[1].

Второй позиции придерживаются авторы, которые считают, что злоупотребление предполагает недобросовестные действия в границах имеющегося права, и поэтому, по их мнению, злоупотребление правом нельзя считать правонарушением, так как правонарушение выходит за пределы границ права[2].

Авторы, придерживающиеся третьей позиции, определяют злоупотребление правом как особый тип правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении

[1] Офман Е.М. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 25.
[2] Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононова по делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3200.

принадлежащего ему права с использованием недозволительных конкретных форм в рамках дозволенного ему общего поведения»[1].

Как отмечает Е.М. Офман, злоупотребление правом нельзя считать правонарушением, так как при злоупотреблении правами отсутствуют обязательные признаки правонарушения: противоправность и наказуемость – субъекты совершают деяния, соответствующие положениям законодательства, действуют в рамках дозволенного законом. От правомерного поведения злоупотребление трудовыми правами отличается тем, что во втором случае нарушаются пределы осуществления субъективного права – нарушаются цели, установленные нормативными правовыми актами[2].

Таким образом, злоупотребление правом фактически занимает промежуточное положение между правовым поведением и противоправным.

Целесообразно определить сущностные признаки злоупотребления правом: а) ограничение прав управомоченной стороны; б) получение преимуществ недобросовестной стороной; в) причинение вреда публичным интересам; г) нарушение целей, содержащихся в нормах права.

Современная судебная практика признала принцип недопустимости злоупотребления правом в отношении осуществления прав как работником, так и работодателем. Но использование в правоприменительной практике оценочного понятия злоупотребления приводит к отсутствию единообразия судебной практики. Поэтому И. Ю. Воронов предлагает рассматривать запрещение злоупотреблением правом как основополагающий принцип российского права, требующий закрепления в нормативно-правовых актах, но конкретных предложений по определению критериев злоупотребления не предлагает[3].

Представляется, что злоупотребление правом в отношениях по труду – это использование трудовых субъективных прав в ущерб законным интересам третьих лиц, наносящее вред публичным отношениям, которое противоречит целям, содержащимся нормах права.

ЭЛЕКТРОННАЯ ТРУДОВАЯ КНИЖКА: ПРЕДПОСЫЛКИ ВВЕДЕНИЯ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М.А. Катковская, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Г.Г. Пашкова

20 декабря 1938 года было принято постановление СНК СССР № 1320 «О введении трудовых книжек». С этой датой официально связывается появление трудовых книжек в нашей стране, как основного документа о трудовой деятельности и трудовом стаже работника. До 1 января 2020 года трудовые книжки велись исключительно в бумажном виде. С принятием Федерального закона N 439-ФЗ от 16.12.2019 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» определен порядок перехода на ведение трудовых книжек в электронном формате.

Введение электронных трудовых книжек обусловлено целями реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды»: повышение качества жизни граждан, до-

[1] Грибанов В.П. Пределы осуществления и защита гражданских прав. М., 1991. С. 32–33.
[2] Офман Е.М. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 4.
[3] Воронов И. Ю. Запрещение злоупотребления российским правом как один из основополагающих принципов российского права с позиции легизма и интегративного правопонимания // Российское правосудие. 2012. № 1. С. 31.

ступности товаров и услуг посредством внедрения цифровых технологий во всех областях жизни[1] (в том числе в сфере трудовых отношений).

Действительно, на наш взгляд, появление электронных трудовых книжек имеет ряд преимуществ: повышается степень сохранности сведений о трудовой деятельности работника и прозрачность документооборота, упрощается процедура трудоустройства в части взаимодействия работника с кадровыми службами, снижаются издержки работодателя и работника, связанные с трудоустройством.

Эксперты также отмечают, что технические возможности работодателей по ведению кадрового документооборота уже позволяют направлять в автоматизированном режиме соответствующие сведения в информационную систему Пенсионного фонда РФ. Соответственно, в этой части у работодателей не только не возникает дополнительных расходов, но и появляется существенная экономия денежных средств: ведение электронных трудовых книжек в отношении только 5% работников (2,9 млн человек) в 2021 г., согласно прогнозам, принесет около 0,5 млрд рублей[2].

Вместе с тем, необходимо также учитывать возможные риски и проблемы, которые могут возникнуть в связи с рассматриваемыми нововведениями.

В первую очередь, остро строит вопрос защиты персональных данных. Сведения о трудовой деятельности непосредственно влияют на исчисление трудового стажа, определение размера пенсии в будущем, отражают личные и профессиональные качества работника (например, когда речь идет о причинах увольнения) и т.д. Следовательно, необходимы серьезные меры, препятствующие доступу к данной информации недобросовестных лиц и тем более с противоправной целью. В данной связи актуален также вопрос о самой сохранности указанных сведений с точки зрения их защиты от сбоев программного обеспечения и его заражения вредоносными элементами.

Как определенное препятствие на пути повсеместного введения электронных трудовых книжек можно рассматривать также недоверие к подобному формату со стороны лиц старшего поколения, поскольку все еще не каждый работник свободно владеет компьютерной техникой и электронными ресурсами.

Однако, как бы то ни было, в случае, если будут реализованы должные механизмы защиты сведений о трудовой деятельности, электронные трудовые книжки станут привычным элементом российской действительности, хотя бы потому, что с 1 января 2021 года для лиц, впервые устраивающихся на работу, будет предусмотрен исключительно электронный формат.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОКАЗАНИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

С.Р. Пискунова, студент НЮИ(ф)ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.С. Карцева

Как известно, существуют заболевания, для лечения которых необходимо обращение к высокотехнологичной медицинской помощи (далее ВМП), предоставляемой в специализированных медорганизациях. Отметим, что указанное лечение является дорогостоящим. Поэто-

[1] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» / утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N 16 // Официальный сайт Правительства РФ. URL: http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf (дата обращения 01.03.2020).

[2] Финансово-экономическое обоснование к проекту федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде)» // Официальный сайт ГД ФС РФ. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/748684-7 (дата обращения6 01.03.2020).

му существует угроза жизни и здоровью граждан, которые не могут его оплатить. В связи с этим в настоящее время программой государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи были установлены источники финансового обеспечения ВМП. Получение такой помощи достаточно сложный процесс, содержащий в себе ряд проблем, требующих немедленного решения.

Итак, в первую очередь необходимо остановиться на проблемах в правовом регулировании организации и финансирования процесса предоставления и получения ВМП. Главная причина, обусловившая их получение, заключается в недостатках организации и финансирования процесса предоставления и получения ВМП. Препараты необходимые для лечения людей закупаются заранее без учета фактически установленных диагнозов. Поэтому возникает недостаток одних медикаментов и переизбыток других. Государство по причине планового распределения медикаментов оплачивает часть дорогостоящих препаратов, которые не потребуются. Другой причиной является то, что механизм учета реальных затрат на больного в сопоставлении с нормативами финансовых затрат не установлен в федеральных законах и приказах Минздрава, регулирующих процесс предоставления ВМП.

Для решения данной проблемы необходимо отойти от устаревшего централизованного метода финансирования и распределения медикаментов. Также требуется создать специальную федеральную систему регистрации для фиксации количества людей в каждом субъекте, которым должна быть предоставлена ВМП, а также их заболеваний для четкого определения количества необходимых препаратов. Таким образом, будут усовершенствованы методы планирования ВМП и устранены погрешности в механизмах финансирования этого вида медицинской помощи.

Другой важной проблемой является низкая доступность ВМП по данным Минздрава России в настоящее время потребность в указанном виде медицинской помощи обеспечивается лишь на 60–62%. Одна из причин возникновения сложившейся ситуации заключается в том, что ожидание в очереди операции в рамках ВМП иногда затягивается до 2,5-3 лет, при этом болезнь прогрессирует, а медицинское вмешательство при некоторых заболеваниях требуется безотлагательно. Поэтому зачастую больные, получившие квоту на бесплатную операцию, не дожидаются своей очереди и проходят лечение платно, в результате чего попадают в долги. К сожалению, в наше время в законодательстве не закреплена возможность получения денежной компенсации больному. Также причиной указанной проблемы является сконцентрированность федеральных медицинских учреждений преимущественно в крупных городах, что определяет разную доступность ВМП.

Представляется, что для решения этой проблемы следует:

1) увеличить количество медицинских учреждений, оказывающих ВМП, во всех регионах Российской Федерации;

2) внести в Приказ Минздрава от 2 октября 2019 г. № 824н, регламентирующий процесс предоставления ВМП, статью, устанавливающую денежные компенсации (в размере квоты) больным, поставленным в очередь на получение бесплатной медицинской помощи, но не получившим ее в установленный срок по причине необходимости срочного врачебного вмешательства, и оплатившим дорогостоящее лечение из своих средств.

Таким образом, совершенствование законодательства и механизма его реализации в указанных направлениях, несомненно, приведёт к повышению эффективности системы предоставления высокотехнологичной медицинской помощи в Российской Федерации.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В ПОЛИКЛИНИКАХ

А.С. Титова, студент НЮИ(ф)ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.С. Карцева

Государство, согласно ст. 10 ФЗ-№323 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (далее – закон «Об охране здоровья»), гарантирует доступность и качество медицинской помощи. При этом в понятие доступности входят такие элементы как: возможность получения помощи в медицинской организации приближенной к месту жительства (работы или учебы), а также наличие необходимого количества медицинских работников с определенным уровнем их квалификации.

Также одним из факторов доступности служит предоставление государственных гарантий на получение медицинской помощи, которые конкретизируются посредством восстановления сроков ожидания ее оказания. Так, в п. 8 Постановления правительства «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» от 8.12.17 № 1492, были установлены определенные сроки приема пациентов в поликлиниках. Однако, как показала практика реализации указанного постановления, придя в поликлинику, мы часто сталкиваемся с ситуацией, когда не можем вовремя получить необходимую нам помощь. Согласно вышеупомянутому постановлению, срок ожидания с момента обращения в поликлинику, к врачу терапевту или педиатру, не должен превышать 24 часа, а к узкопрофильному специалисту – 14 дней, но на деле выходит так, что пациент не может попасть на прием, в виду загруженности врача. Отметим, что у участковых врачей и педиатров очень много функций, и одна из них называется маршрутизацией, порядок которой определяется внутренними локальными нормативными актами. Установление порядка маршрутизации пациентов, которым необходима помощь узкопрофильных специалистов по направлению участкового врача, обозначает, что каждый, кто обратился в поликлинику за врачебной консультацией, за исключением хронических больных, попадает на приём к участковому врачу. Представляется, что в этом и кроется причина образования огромных очередей из людей, страдающих различными заболеваниями. На сегодняшний день, в нашем законодательстве не существует никакого наказания за нарушение сроков ожидания пациентов, за исключением удержаний из объема средств, предусмотренных для оплаты медицинской помощи, согласно ст. 41 ФЗ-326 «Об обязательном медицинском страховании РФ». Кроме того, в ст. 21 «Закона об охране здоровья» закреплено право пациента на выбор медицинской организации для получения соответствующей помощи и выбор лечащего врача, однако на основе порядка, утвержденного уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, врач может отказать в приеме пациенту. Получается, что закон «Об охране здоровья» с одной стороны наделяет граждан правами в этой области, а с другой – дает поликлиникам возможность нарушать эти самые права. При этом согласно п. 4 той же статьи, если в медицинском учреждении не хватает специалистов или мест, то поликлиника обязана уведомить пациента об иных медицинских организациях, где он также может пройти лечение по полису ОМС. В результате чего, в случае отказа пациента или получения от него письменного согласия на ожидание, поликлиники уходят от любой ответственности за нарушение сроков ожидания.

Представляется, что для решения данной проблемы необходимо пересмотреть действующую законодательную базу и закрепить на федеральном уровне иную систему маршрутизации, а также предусмотреть возможности наложения ответственности на поликлиники за нарушения прав пациентов в указанной сфере. Таким образом, внесение предложенных изменений будет способствовать постепенному совершенствованию системы здравоохранения, а с другой стороны – «позволит защитить права и законные интересы участников соответствующих отношений»[1].

[1] Карцева Н.С., Апарина Н.Ю. Отдельные проблемы правового регулирования участия в долевом строительстве многоквартирных домов // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 3 (15). С. 180–184.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЕ ПРАВО

ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОГО ОБРАЩЕНИЯ С РАДИОАКТИВНЫМИ ОТХОДАМИ

Н.Р. Долгих, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент В.Г. Мельникова

В свете того, что активное использование атомной энергетики, эксплуатация атомной промышленности приводит к накоплению отработанного ядерного топлива и иных радиоактивных отходов, перед современным обществом возникает довольно острая проблема безопасной их утилизации.

Правовую основу охраны окружающей среды на территории России составляет Конституция РФ, Федеральный закон «Об охране окружающей среды», Федеральный закон «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 11.07.2011 N 190-ФЗ, а также иные нормативно-правовые акты.

В своей деятельности по обращению с отработанным ядерным топливом Россия руководствуется положениями международных договоров, участницей которых она является. В частности, в 2005 году была ратифицирована Объединенная конвенция «О безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами» (1997 г.), которая определяет перечень обязательств сторон, которые касаются безопасности обращения с отработанным ядерным топливом и радиоактивными отходами[1].

Правовое регулирование отношений, которые связаны с ввозом/вывозом радиоактивных отходов в/из РФ, осуществляется Федеральным законом от 11.07.2011 № 190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». В ч. 1 ст. 31 сказано: «Ввоз в Российскую Федерацию радиоактивных отходов в целях их хранения, переработки и захоронения запрещен, за исключением случаев, предусмотренных настоящей статьей». Ввоз облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов осуществляется на основе международных договоров РФ и внешнеторговых контрактов. Весьма примечательным является то, что ввоз в РФ отработавших свой ресурс закрытых источников ионизирующего излучения допускается при соблюдении специальных условий. Об этом говорит ч. 4 ст. 31 Федерального закона от 11.07.2011 № 190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». К таким источникам относятся любые источники, которые помещены в герметизированные контейнеры и представляют опасность лишь в случае отсутствия должного контроля за их эксплуатацией и хранением. Таким образом, в РФ разрешен не только вывоз из нее радиоактивных отходов, но и ввоз в РФ таких отходов[2].

К сожалению, действующее национальное законодательство об обращении с радиоактивными отходами носит разрозненный, неструктурированный и противоречивый характер. Тем самым создается реальная опасность причинения непоправимого вреда окружающей среде, жизни и здоровью людей. В научной литературе отмечается, что в законодательстве

1 Объединенная конвенция «О безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами» [Электронный ресурс]: Международное агентство по атомной энергетике: информационный циркуляр. 21.06.2001. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/infcirc546.pdf

2 Дойников П.И. Правовое регулирование ввоза и вывоза радиоактивных отходов в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2012. № 11 (95).

отсутствуют четко сформулированные основы государственной политики в сфере обращения с радиоактивными отходами, порядок согласования и принятия решений по размещению пунктов их захоронения, предельные сроки хранения радиоактивных отходов, а также методы оценки безопасности изолируемых объектов[1]. Представляется необходимым решить эту проблему на законодательном уровне, что позволит предотвратить причинение вреда, возможного вследствие применения несогласованных актов разного уровня.

ДОГОВОР О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ МОЩНОСТИ В ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ

О.А. Жукова, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент В.Г. Мельникова

Механизм стимулирования с целью развития на территории Российской Федерации производства генерирующего оборудования, используемого для получения энергии из возобновляемых источников, а также увеличения инвестиций в альтернативную энергетику был разработан законодателем в 2013 г. В принятом Постановлении Правительства РФ N 449[2] был закреплён способ поддержки квалифицированных генерирующих объектов, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) по договору платы за мощность (ДПМ).

Заключение договора осуществляется по итогам проведения конкурсных отборов инвестиционных проектов по строительству генерирующих объектов, функционирующих на основе ВИЭ. Оценивание происходит согласно критерию объема ежегодной компенсации, составляющей не более 5% от объёма планируемых в очередном году потерь. Согласно условиям ДМП на инвестора возлагаются обязательства по строительству и вводу в эксплуатацию нового генерирующего объекта в установленный срок.

Несмотря на то, что условия договора предоставляют ряд государственных гарантий возмещения затрат инвесторов за счёт снижения ценовых показателей заемных средств и, как следствие, стоимости мощности по ДПМ ВИЭ, всё же существуют некоторые стесняющие факторы развития ВИЭ в России, требующие законодательного урегулирования.

ДПМ установлены требования о локализации оборудования для генерации ВИЭ, закрепляющие преимущественное использование отечественных технологий в процентном соотношении, достигающим уровня до 90%. Подобные требования являются довольно высокими для инвесторов по причине неспособности отечественных энергомашиностроительных предприятий удовлетворять предъявляемый электроэнергетическими компаниями спрос, основанный на установленных договором требованиях, на современное электротехническое оборудование для воспроизводства возобновляемой энергетики[3]. Таким образом, существует проблема достижения определённого процента локализации.

---

1 Парамузова О.Г. Отдельные правовые аспекты проблемы безопасного удаления радиоактивных отходов и отработанного ядерного топлива в условиях нового международного правопорядка // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки.. 2014. № 1 (191). С. 224–238.

[2] Постановление Правительства РФ от 28.05.2013 N 449 (ред. от 27.09.2018) «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности» (вместе с «Правилами определения цены на мощность генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии») // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 08.03.2020).

[3] Швец Н.Н., Колесник Г.В. Локализация производства электротехнического оборудования как фактор обеспечения энергетической безопасности государства в условиях глобального рынка // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lokalizatsiya-proizvodstva-elektrotehnicheskogo-oborudovaniya-kak-faktor-obespecheniya-energeticheskoy-bezopasnosti-gosudarstva-v (дата обращения: 14.04.2020).

Стоит также отметить, что условиями ДПМ на инвесторов возлагаются достаточно высокие риски в случае недостижения определённого процента локализации. Негативные последствия связаны с применением штрафных коэффициентов к расчетной величине платы за мощность. В свою очередь, это серьезно ухудшает финансовую составляющую проектов и ведет к потере средств инвесторов.

Достаточно высокие требования и риски, установленные ДПМ, препятствуют участию в конкурсных отборах предприятий малого бизнеса. Это связано со сложностями получения кредита из-за высоких процентных ставок, превышающих возможную доходность по ДПМ[1]

Таким образом, условия, предусмотренные ДПМ, являются достаточно работоспособными, но требующими определенной доработки в вопросе снижения процедурных и регулятивных барьеров. Это необходимо для повышения доверия инвесторов и создания прозрачных механизмов стимулирования производства ВИЭ.

ГАЗОПРОВОД КАК ОПАСНЫЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

М.А. Захарова, А.А. Нечаева, студенты ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент В.Г. Мельникова

На отношения по эксплуатации газопровода как опасного производственного объекта (за исключением газопроводов низкого давления) распространяется действие ФЗ от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов». Данным законом предусмотрены такие правовые средства по обеспечению их безопасности, как государственный надзор, присвоение класса опасности опасному производственному объекту, лицензирование конкретного вида деятельности в области промышленной безопасности, проведение экспертизы промышленной безопасности, разработка декларации промышленной безопасности и др.

Также правовые механизмы обеспечения безопасности газопровода предусмотрены специальным ФЗ от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в РФ». Так, охранная зона газопровода устанавливается во избежание механических повреждений газопроводов, а также обеспечения возможностей для ремонта объекта. Дополнительно к охранной зоне предусмотрены зоны минимальных расстояний (далее – ЗМР).

Многообразие этих правовых средств отвечает тому, насколько важно и сложно обеспечить безопасность такого объекта, как газопровод. Но достаточно ли действенны данные правовые инструменты и обеспечивают ли они фактическую безопасность?

Несмотря на низкую вероятность аварий, высокое развитие технологий и материалов и высокий профессионализм обслуживания газопроводов, никто не застрахован от несчастных случаев.

Сейчас остро стоит проблема безопасности, обусловленная нахождением жилых строений в непосредственной близости от газопроводов. Жилая застройка велась в непосредственной близости от них, что создало угрозу безопасности самим газопроводам, а также жилым строениям и проживающим в них гражданам.

В целом можно констатировать, что 2018 год был отмечен важными, но неоднозначными шагами в сторону решения этой проблемы. Теперь в соответствии с ч. 38 ст. 26 ФЗ №342 от 03.08.2018 г. строения, находящиеся в границах ЗМР, записи о которых не внесены

[1] Коновалова О.Е. Предварительные итоги российской программы поддержки развития генерирующих объектовна основе возобновляемых источников энергии // Труды Кольского научного центра РАН. 2016. № 5-13 (39). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predvaritelnye-itogi-rossiyskoy-programmy-podderzhki-razvitiya-generiruyuschih-obektovna-osnove-vozobnovlyaemyh-istochnikov-energii (дата обращения: 14.04.2020).

в ЕГРН, не подлежат сносу или приведению в соответствие с установленными требованиями[1]. То есть до тех пор, пока Правительством на основании статьи 106 ЗК РФ не будет принято решение о внесении в реестр сведений о ЗМР, данные постройки сноситься не будут[2].

Также в июне 2017 года высказывалось предложение о легализации находящихся в ЗМР построек в случае отказа их собственников от претензий к газоснабжающим организациям при аварии. Однако, на наш взгляд, это не ликвидирует опасность, а просто перекладывает ответственность за причиненный в случае аварии вред на титульных владельцев ЗУ.

В заключение хотелось бы отметить, что в целом меры защиты газопровода как опасного промышленного объекта в целом показали свою эффективность. Вместе с тем, в вопросе сопоставления интересов собственности и обеспечения безопасности граждан законодатель отдал предпочтение первым. В будущем ещё предстоит найти разумный баланс между этими двумя аспектами.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННУЮ ДОБЫЧУ (ВЫЛОВ) ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

С.С. Иванова, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент В.Г. Мельникова

По данным МВД, в 2016–2019 гг. прослеживалась динамика уменьшения общего количества экологических преступлений, но увеличивался их удельный вес в общем количестве преступлений, который варьировался от 0,010% до 0,012%[3].

Следует сказать о том, что незаконная добыча водных биоресурсов – одно из наиболее часто совершаемых экологических преступлений. Так, по данным Нижегородской природоохранной прокуратуры, в 2017 году незаконный вылов составил 66% от общего числа экологических преступлений[4]. Правоприменительная практика по данному составу представляет интерес в связи с высокой общественной значимостью, а также в связи с изменением ст. 256 УК РФ. В рамках данной работы была поставлена задача проанализировать судебную практику и выявить наиболее характерные особенности правоприменительной практики по данному составу преступления. Анализ показал, что за совершение данного преступления довольно часто применяется наказание в виде лишения свободы условно[5].

Специфично также и то, что уголовному судопроизводству в большинстве дел сопутствует гражданский иск о возмещении причиненного ущерба. Такие гражданские иски заявляются, как правило, природоохранным прокурором в пользу Российской Федерации. При этом суды практически всегда удовлетворяют заявленные иски.

Таким образом, исходя из изученных мною приговоров, вынесенных судами первой инстанции, можно выделить следующие особенности практики по таким преступлениям:

1. Часто имеет место особый порядок судебного разбирательства. Это связано прежде всего с тем, что чаще всего подозреваемых задерживают с «поличным» сотрудники пограничных отделений правоохранительных органов, производится подсчет незаконно пойман-

[1] О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 03.08.2018 № 342-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 32. Ст. 5135.

[2] Соответствующий проект Постановления уже около года находится на стадии подготовки заключения об оценке регулирующего воздействия.

[3] Ежемесячные сборники МВД «Состояние преступности в России» за 2016–2019 гг. Москва

[4] URL: http://voskresenskoe-adm.ru/govinfo/govinfoprosecutors/media/2018/3/16/informatsiya-o-sostoyanii-ekologicheskoj-prestupnosti-v-regione-za-2017-god-1/

[5] Так, например, лишение свободы условно было назначено Ейским районным судом (Краснодарский край) по Делу № 1-79/2019, Кизлярским районным судом (Республика Дагестан) по Делу № 1-79/2019 г.

ной рыбы или иных водных биологических ресурсов, поэтому часто подсудимые полностью соглашаются с предъявляемым обвинением, чтобы снизить наказание.

2. Это преступление часто совершается в соучастии. Наверняка это связано с риском утонуть, ведь на легальную рыбалку тоже, как правило, в одиночку не ходят, т. к. это опасно. А также в связи с необходимостью объединить имеющиеся ресурсы: один владеет лодкой, другой – сетями, а преступление совершается в соучастии.

3. Часто применяется квалифицированный состав этого преступления. Как уже было упомянуто, в 2016 году было внесено изменение в ч. 3 ст. 256 УК, в нее был включен состав незаконный вылов с причинением особо крупного ущерба (превышающий 250 тысяч рублей), в связи с этим эта часть стала применяться намного чаще.

4. Уголовному судопроизводству по ст. 256 УК часто сопутствует гражданский иск на возмещение ущерба. Водные биологические ресурсы – ценные блага, имеющие достаточно большую стоимость, поэтому причиненный ущерб государству должен возмещаться и это реализуется судами.

В апелляционной и кассационной инстанциях судебная практика разнообразна. О сложности таких дел косвенно говорит тот факт, что суды в значительном числе случаев изменяют приговор или направляют дело на повторное рассмотрение в суд 1 инстанции. Особенностью апелляционных и кассационных представлений и жалоб по таким делам также является то, что заявители просят о пересмотре вопроса о вещественных доказательствах (чаще всего речь идет о дорогостоящем имуществе – моторных лодках, которые изымаются и передаются в собственность РФ).

ЗНАЧЕНИЕ ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ДЛЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВИДОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А.В. Калюта, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент В.Г. Мельникова

Экологическое право, как сравнительно молодая отрасль Российского права находится в фазе активного развития, в том числе в части установления юридической ответственности за экологические правонарушения. На практике возникают сложности с квалификацией деяний. Примечательно, что практически любое экологическое преступление имеет соответствующее смежное с ним административное экологическое правонарушение и как следствие, у них будут смежными признаки состава. Таким образом, каждый из элементов правонарушения может служить критерием для разграничения. Следовательно, совершенное противоправное деяние необходимо рассматривать по отдельным элементам состава правонарушения для того, чтобы верно и обоснованно применить соответствующий вид юридической ответственности. Исходя из анализа судебной практики, можно сделать вывод, что законодатель использует при создании уголовно-правовой нормы факультативные с точки зрения общего понятия состава преступления признаки и в каждом конкретном составе преступления они приобретают обязательное значение, соответственно, чаще всего именно они разграничивают смежные составы. Как пишет А.И. Рарог[1], они избираются законодателем, что бы отразить особенные обстоятельства, влияющие на степень общественной опасности конкретного преступления.

В качестве одного из таких признаков используется место совершения правонарушения, а именно охота на особо охраняемой природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации, указанный в ст. 258 Уголовного

[1] Рарог А.И. Уголовное право России. Части общая и особенная. М.: Проспект, 2014. С. 74–78.

Кодекса (далее – УК). Он принимает значение обязательного для основного состава и разделяет неправомерную охоту, ответственность за которую устанавливает Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) и уголовно наказуемое деяние. Анализ судебной практики подтверждает, что, именно незаконная охота на особо охраняемой природной территории государственного природного биологического заказника послужила основанием для привлечения лица к уголовной ответственности[1].

Средство совершения правонарушения так же может послужить квалифицирующим признаком для привлечения к уголовной ответственности. Например, указанное в статье 258 УК применение механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей при незаконной охоте. Судебная практика показывает, что средство совершения преступления разграничивает схожие составы, квалифицируя деяние как преступление[2].

Так же, факультативные признаки могут характеризовать и субъективную сторону правонарушения. Они помогают доказыванию понимания субъектом того криминообразующего обстоятельства, который служит критерием отграничения преступления от смежного административного проступка. Так, указанный в статье 256 УК незаконный вылов водных биологических ресурсов, осуществляемый лицами с применением самоходного транспортного плавающего средства (лодки) в местах нереста определил деяние как уголовно наказуемое и послужил способом доказывания по внутренней стороне деяния[3].

Факультативные с точки зрения общего понятия состава преступления признаки исходя из специфики экологического права имеют большое значение как при формировании конкретного состава экологического правонарушения, так и при судебном рассмотрении каждого конкретного дела, поскольку именно эти признаки характеризуют высокий уровень общественной опасности экологических преступлений.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОСОЮЗА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГЕРМАНИИ

Д.И. Шевченко, Е.А. Вотина, студенты ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент В.Г. Мельникова

Германия – одна из главных сторонниц Киотского протокола. В мае 2008 г. правительство ФРГ приняло Интегрированную программу по сбережению энергии и защите окружающей среды, которая являлась своеобразной «дорожной картой» по выполнению Германией природоохранных целей на период до 2020 года.

Так, реализации части обязательств по сокращению эмиссии парниковых газов, вытекающих из Киотского протокола, способствовал в том числе Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза 842/2006 от 17 мая 2006 г. о некоторых фторсодержащих парниковых газах. Положения данного Регламента находят отражение в ряде законов Германии, например, «Об энергетическом хозяйстве», а также в вышеуказанной Интегрированной программе, в состав которой вошли 14 различных законов и постановлений.

Другим примером реализации экологической политики ЕС является Закон ФРГ «О возобновляемых источниках энергии» 2009 г., направленный на реализацию положений Дирек-

[1] Апелляционное постановление № 10-27/2019 от 26 августа 2019 г. по делу № 10-27/2019 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru
[2] Приговор № 1-62/2019 от 25 сентября 2019 г. по делу № 1-62/2019 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru
[3] Апелляционное постановление № 22-7031/2019 от 17 сентября 2019 г. по делу № 22-7031/2019 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru

тивы 2009/29. Его задача – увеличение к 2020 г. доли возобновляемых источников энергии в национальном энергобалансе до 35%, а к 2030 г. до 50%.

Как видно на примере некоторых норм ФРГ, существовавших в 2000-х гг., главной мерой по защите окружающей среды было ограничение и сокращение выбросов в атмосферу.

Заменой Киотскому протоколу стала Парижская конвенция 2015 г., которую ратифицировали также страны Евросоюза, в частности и Германия. Для стран-членов ЕС положения Парижской конвенции находят своё отражение в том числе в рамочном Регламенте 2018/1999, который изначально в ст. 1 закреплял своей целью осуществление стратегии и мер, направленных на достижение целей и задач по выбросам парниковых газов в атмосферу[1].

В декабре 2019 года Еврокомиссией был принят так называемый «Гринпакт» – план по достижению климатической нейтральности в Европе, внёсший изменения в вышеуказанный Регламент. Теперь его целью является климатическая нейтральность, что является более широким понятием по отношению к предыдущему варианту.

Германия стала одной из первых стран, обновивших климатическое законодательство. Так, принятием *Klimaschutzgesetz* ФРГ обозначила необходимость выполнения национальных и европейских целей для защиты от последствий глобального изменения климата[2]. Закон предусматривает установление квот на выбросы от различных источников: предприятия, транспорт, сфера энергетики и др. Ограничения детализируются в других федеральных проектах и законах. Программа *«Energiewende»* основана на отдельных законах, регулирующих отношения в четырех основных сферах энергетики: атомной, электроэнергетике, морской ветрогенерации и «зеленой» (возобновляемой) энергии. Ответственность за неисполнение норм, предусмотренных законом, определена в § 6 – штраф до 50 000 евро.

Интересно отметить, что климатическая политика ЕС реализуется также в таком законе, как «Новое будущее старшего поколения», который стимулирует университеты и бизнес участвовать в разработке и применении новых технологий через систему тарифных преимуществ и привлечение в отрасль всех участников инновационного процесса.

Таким образом, разница между «тем, что было» и «тем, что есть» видится в систематической работе германского правительства по поиску наиболее эффективных методов решения климатических проблем.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕЖИМА БЕЗОПАСНОСТИ ГАЗОПРОВОДНОГО ТРАНСПОРТА

В.И. Свергун, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент В.Г. Мельникова

Для поддержания стабильности в работе газоснабжения Законодатель ввёл ряд требований для строительства и эксплуатации линейных объектов. В федеральном законе «О газоснабжении в Российской Федерации» закрепляется понятие «охранная зона газопровода». Однако при исследовании нормативных правовых актов и судебной практики был выявлен ряд противоречий. Он приводит к одинаковому результату – сносу объектов строительства.

Первая проблема, возникающая у собственников строений – это перечень необходимых документов. Если здание строиться в охранной зоне, необходимо разрешение от собственника трубопровода или эксплуатирующей организации; документ, закрепляющий право на земельный участок; разрешение на строительство. Они признаются самовольными, если у владельцев зданий не имеется согласования с организацией – собственников газопровода.

[1] Регламент ЕС 2018/1999 от 11 декабря 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018R1999

[2] Bundes-klimaschutzgesetz [Электронный ресурс]. URL: https://www.bmu.de/gesetz/bundes-klimaschutzgesetz/

Например, в деле от 30 июля 2019 года № 2-792/2019 истец – ООО «Даггаз» – обосновывал свои требования отсутствием его согласия на её возведение. При этом у ответчика имелось разрешение администрации на строительство и, по его словам, это было сделано до проведения газового трубопровода.

Спорная ситуация возникает, когда собственник жилого строения реконструирует его, увеличивая площадь дома, без согласования с организацией. Но оно также необходимо в данных случаях. Так было в деле от 17 июля 2019 года № 2-207/2019. Это нашло отражение в ст. 28 Федерального закона «О газоснабжении Российской Федерации». В последнем абзаце статьи устанавливается, владельцы земельных участков не могут строить какие бы то ни было здания без согласования с организацией. Но при этом в пп. «а» пункта 14 Постановления № 878 установлен запрет на строительство объектов жилищно-гражданского и производственного назначения на охранных зонах газораспределительных сетей. Форма вышеуказанного разрешения на строительство не устанавливается. Есть только перечень в Постановлении Правительства от 8 сентября 2017 г. № 1083[1]. При этом разрешения на строительство, установленное ст. 51 Градостроительного кодекса, уступает по юридическому силе разрешению от собственника. Оно может быть получено только в случае соответствия всех градостроительных условий в том числе и проекту межевания. В нём и должно быть указано расположение охранных зон.

С этим связана вторая проблема – фиксация охранных зон в едином государственном реестре недвижимости. Часто отсутствуют сведения о зонах в ЕГРН. Касаемо этого сложилась неоднозначная ситуация. Исходя из анализа федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N 218-ФЗ следует, что эта информация о зонах обязана быть реестре. Это подтверждается в пункте 23 Постановления Правительства № 1083 внесение границ магистральных газопроводов является обязанностью организации собственника или эксплуатируемой организации. Однако Суды считают занесение сведений об охранных зонах является фиксацией границ такой зоны, а не фактом ее установления. К такому выводу пришли судьи в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 11 октября 2016 года по делу N А41-103801/2015.

Из исследования законодательной базы и судебной практики можно сделать вывод, что магистраль газопровода и газораспределительная сеть имеют неоднородный правовой режим. И поэтому различия в правовом регулировании создаёт пробел. Особый спор вызывает неустановленная форма разрешения на строительство. Вследствие этого возникает вопрос о юридической силе документе. Расхождение в судебных делах и нормативных правовых актах касаемо внесения в ЕГРН охранных зон порождает противоречия.

[1] Постановление Правительства РФ от 08.09.2017 N 1083 (ред. от 15.07.2019).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОМ ВВЕДЕНИИ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А.С. Воевидка, студент СИУ РАНХиГС
Научный руководитель – ст. преподаватель О.А. Брашнина

Впервые Верховный суд выступил с инициативой внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка 31 октября 2017 г.[1] Смысл данного законопроекта состоит в том, что лицо, впервые совершившее уголовный проступок, т.е. преступление небольшой тяжести, за которое не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, может быть освобождено от уголовной ответственности судом в связи с применением к нему мер «уголовно-правового характера», таких как судебный штраф, обязательные или исправительные работы. Данные меры не влекут судимости и связанных с ней правовых последствий, срок давности по таким делам составляет один год. «В настоящее время в Уголовном кодексе Российской Федерации насчитывается более 80 составов преступлений, за которые не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, а число осужденных по ним только в 2016 году составило более 40 тысяч человек», – указывается в пояснительной записке к законопроекту[2].

По нашему мнению, принятие рассматриваемого законопроекта станет правильным решением. Во-первых, оно позволит более справедливо классифицировать преступные деяния, так как в настоящее время категория преступлений небольшой тяжести включает в себя деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы до трех лет, к примеру, такие как кража, мошенничество, истязание, умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести, совершенные без квалифицирующих признаков, а также деяния, за которые вообще не предусмотрено лишение свободы, например, незаконное предпринимательство, злоупотребления при эмиссии ценных бумаг, совершенные без квалифицирующих признаков. Следовательно, среди преступлений небольшой тяжести можно выделить те деяния, которые представляют наименьшую общественную опасность и с учетом характера этой опасности не влекут наказания в виде лишения свободы. Поэтому впостудентлне логично, что отнесение к одной и той же категории преступлений деяний, существенно различающихся по характеру общественной опасности, не вполне согласуется с общеправовым принципом справедливости и принципом индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Во-вторых, наличие уголовного проступка в действующем УК РФ даст возможность в рамках либерализации и гуманизации уголовной политики не полностью декриминализовать те или иные деяния, упраздняя таким образом уголовную ответственность за них, а плавно снижать меры уголовно-правового воздействия, наблюдая позитивную или негативную реакцию общества на такое снижение[3].

---

[1] О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42 [Электронный ресурс]. URL: http://sozd.duma.gov.ru.

[2] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». URL: http://sozd.duma.gov.ru.

[3] Корсун, Д. Ю. Анализ законопроекта верховного суда РФ о введении в УК РФ понятия уголовного проступка: за и против // Юридическая наука. 2018. № 1. С. 101–108.

В-третьих, так как введение уголовного проступка подразумевает отсутствие судимости за него, оно исключит негативные для человека (а иногда и его родственников), впервые совершившего такого рода преступление, последствия судимости, такие как ограничение его личных, политических, социальных, экономических и культурных прав (например, выбора рода деятельности и профессии, избирательного права, получения профессионального образования).

Таким образом, инициатива Верховного суда по введению института уголовного проступка в российское уголовное законодательство расценивается нами как серьёзный шаг на пути его дальнейшей либерализации, который позволит стать обществу менее криминализированным.

СМЕШАННОЕ БЕЗДЕЙСТВИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

С.В. Круглова, студент ТГУ
Научный руководитель – д-р юрид. наук, профессор А. В. Шеслер

В юридической науке выделяют особое понятие «смешанное бездействие». В настоящее время есть несколько подходов к его определению.

1. Смешанное бездействие – это составы преступлений, объективная сторона которых может выражаться и в действии, и в бездействии[1]. Пример – уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы. Оно может совершаться как путем неявки в военкомат, так и путем совершения активных действий – подделка справок и т.п. Но в этом случае действия субъекта не будут иметь юридического значения, для уголовного закона важно не то, что он сделал, а то, чего он не сделал. Если сторож допустил кражу товара со склада, то неважно, ушел ли он во время дежурства, или уснул – имеет значение только то, что он не исполнил возложенную на него обязанность охраны объекта.

2. Смешанное бездействие – такое бездействие, которое влечет за собой наступление общественно-опасных последствий[2]. Этот подход тоже не кажется верным: общественно-опасные последствия могут наступить и при чистом бездействии. Например, при неоказании помощи больному такими последствиями является вред жизни и здоровью лица. Таким образом, данное понятие не отражает специфику смешанного бездействия.

3. Смешанное бездействие – это случаи, когда лицо, создав своей предшествующей деятельностью опасность наступления преступных последствий, не предотвращает их[3]. Этот подход подразумевает наличие действия, предшествующего бездействию. Пример: водитель по неосторожности сбил пешехода и скрылся с места происшествия. Здесь хотя и имеется определенное сочетание активной и пассивной форм поведения, но они относятся к разным составам преступления. Есть два отдельных преступления, и нет «смешанности».

4. Смешанное бездействие как сочетание активного и пассивного поведения, при котором действия выступают в качестве обстоятельства, обеспечивающего осуществление бездействия[4]. Авторы подхода под действием понимают скорее способ совершения бездействия. Но действие и способ – это разные признаки объективной стороны преступления, и их нельзя отождествлять.

---

[1] Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред.: И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М.: Норма, Инфра-М, 1998. С. 148.

[2] Тимейко Г.В., Некипелов П.Т. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов: Изд-во Рост. ун-та, 1977. С. 65.

[3] Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та, 2004. С. 65.

[4] Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1982. С. 18.

5. Смешанное бездействие понимается как случаи, когда лицо выполняет лишь часть возложенных на него обязанностей, а другую часть не выполняет совсем или выполняет ненадлежащим образом[1]. Примером служит оставление погибающего военного корабля командиром, не исполнившим до конца свои служебные обязанности. Такой подход кажется наиболее правильным, так как содержит элементы действия, прямо указанные в законе, но при этом действие не представляет собой отдельный состав или способ совершения преступления.

Вопрос о смешанном бездействии недостаточно исследован в юридической науке. Он имеет значение для разграничения форм общественно-опасного деяния, определения общественной опасности преступления, наказания за него и требует более глубокого изучения.

ПРОБЛЕМЫ ФАКТИЧЕСКОГО СОПРИЧИНЕНИЯ В НЕОСТОРОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

А.Ю. Карташова, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент С.В. Чубраков

Российское уголовное законодательство предусматривает институт соучастия для квалификации общественно опасных деяний, совершенных двумя и более лицами в умышленных преступлениях, а также соответствующие квалифицирующие признаки в статьях Особенной части УК РФ. Однако до сегодняшнего дня в Общей части уголовного закона отсутствуют нормы для оценки совершенных несколькими лицами по неосторожности деяний. Сейчас действия таких лиц квалифицируются без учета совместности, как будто каждый совершил самостоятельное преступление, причем при наличии общего последствия, которое вменяется всем как находящееся в причинно-следственной связи именно с его деянием. Более того, по сложившейся у правоприменителя позиции они отвечают за свои действия как исполнители, не зависимо от фактически совершенных ими действий.

Данная тема является актуальной, поскольку отсутствие правил квалификации неосторожных преступлений, совершенных двумя и более лицами, порождает, как минимум, два проблемных аспекта.

Во-первых, необходимо ли усиление ответственности данных лиц? По этому поводу есть разные мнения, но нам представляется, что такой необходимости нет, т.к. лица, совершающие неосторожные деяния, не договариваются о совместных действиях, у них нет цели объединится именно для совершения преступления, следовательно, общественная опасность преступления не повышается.

Второй аспект касается того, соблюдается ли принцип самостоятельности ответственности и «правильность» квалификации деяний? Наступивший результат от неосторожных деяний двух и более лиц является общим для этих лиц, поскольку, можно сказать, что каждый способствовал его наступлению. Следовательно, вменение каждому лицу по отдельности общего результата, к которому привели общие действия, не отвечает, прежде всего, принципу самостоятельности ответственности. В этой связи следует говорить о том, что в неосторожных преступлениях лица объединяются не для совершения преступления с целью причинения вреда, а, например, для совершения какой-либо деятельности, в результате которой этими же лицами, действующими совместно, нарушаются правила, например, безопасности, что приводит по неосторожности к наступлению общественно-опасных последствий, предусмотренных законодательством. Помимо этого, можно говорить и о том, что нарушается «чистота» квалификации, поскольку есть очевидные проблемы и с причинно-след-

[1] Советское уголовное право. Часть общая: учебник / под ред.: П.И. Гришаев, Б.В. Здравомыслов. М.: Юрид.лит., 1982. С. 89.

ственной связью, поскольку одно и тоже последствие может быть вменено как следствие исключительно деяния одного лица, а потом другого и после третьего и т.д. Примером может служить ситуация, когда на строящимся объекте два рабочих, взяв вместе бетонную плиту, не убедившись в том, что внизу никого нет, сбросили ее вниз, в результате чего плита упала на проходившего мимо человека и причинила ему телесные повреждения, от которых он скончался на месте. По нынешней квалификации каждый отвечает самостоятельно, т.е. так, будто каждый из них самостоятельно сбросил плиту и именно этим причинил ему смерть. Но в действительности это не так. Однако, данный факт никак не отражается в процессуальных документах, приговоре суда и т.д. Общественно опасный результат является порождением их совместной деятельности и не может быть привязан лишь к одному из образующих его поведенческих актов.

Таким образом, в связи с тем, что сложившиеся правила квалификации отмеченных выше деяний не отвечают принципам уголовного права в уголовном законодательстве необходимо дать оценку деяниям, совершенным совместно в неосторожном преступлении. Например, статью 32 УК РФ можно изменить, назвав её «Формы совместного совершения преступлений», и дополнить её частью 2, которая будет звучать следующим образом: «Неосторожным сопричинением признается неосторожное причинение преступных последствий совместными действиями (бездействиями) двух или более лиц»[1], установив соответствующие правила квалификации таких действий.

К ВОПРОСУ О «МНИМОМ СОУЧАСТИИ» В ПРЕСТУПЛЕНИИ

А.Н. Румынская, студент ТГУ
Научный руководитель – ассистент А.В. Черноусова

Несмотря на значительное количество исследований в данной сфере, институт соучастия традиционно является одним из сложнейших в теории уголовного права, что подтверждается наличием многочисленных ошибок при квалификации и назначении наказания. В статье представлены ключевые положения проведенного исследования по вопросам «мнимого соучастия».

«Мнимое соучастие» можно определить как притворное умышленное вынужденно-совместное участие лица в совершении умышленного преступления с другим лицом[2]. В данном случае идет речь о процессе достижения социально полезных целей (противодействие преступности), в том числе, способами, причиняющими вред объектам уголовно-правовой охраны, в ходе оперативного внедрения.

В литературе существует позиция, согласно которой лица, внедренные в преступные группы, вынужденно участвуя в совершении преступлений, действуют в состоянии крайней необходимости. Это позиция обоснованно подвергается критике в связи с тем, что одним из условий исключения преступности деяния является недопущение превышения пределов крайней необходимости. Учитывая, что «мнимый исполнитель» не всегда может сопоставить вред и отказаться от совершения преступления, если причиняемый вред больше предотвращаемого, необходимы законодательные изменения.

Таким образом, целесообразно внести изменения в главу 8 УК РФ и дополнить ее статьей 42.1 «Выполнение специального задания органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (мнимое соучастие)»:

---

[1] Безбородов Д.А. Методологические основы учения об уголовной ответственности за совместное преступное деяние: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. СПб., 2007. С. 49.

[2] Билык В.И., Петрашева Н.В. «Мнимое соучастие» как обстоятельство, исключающее преступность деяния должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и лиц, оказывающих им содействие: [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mnimoe-souchastie-kak-obstoyatelstvo-isklyuchayuschee-prestupnost-deyaniya-dolzhnostnyh-lits-organov-osuschestvlyayuschih (дата обращения: 09.04.2020).

«1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, внедренным в организованную группу или преступное сообщество, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в состоянии мнимого соучастия, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей охраняемым законом интересам общества или государства, во исполнение специального задания органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

2. Лица, совершившие умышленные преступления совместно с лицом, указанным в части 1 настоящей статьи, несут ответственность на общих основаниях».

Кроме того, отсутствует единая практика и при квалификации действий «заказчика» и «мнимого исполнителя» (сотрудника правоохранительных органов при инсценировке убийства по найму). Действия «мнимого исполнителя» должны исключать преступность деяния по вышеуказанным обстоятельствам. В данном случае неоднозначным является вопрос о квалификации действий «заказчика».

Так, если участвовало только два лица (включая «мнимого исполнителя»), признание соучастия невозможно в связи с тем, что:

1. «Мнимый исполнитель» действует правомерно, его действия не образует состав преступления.

2. Отсутствует умысел на совместное участие в совершении умышленного преступления, более того, действия «мнимого исполнителя» направлены на недопущения достижения преступного результата.

Наиболее приемлемо квалифицировать действия несостоявшегося «заказчика» как приготовление к убийству по найму (ч. 1 ст. 30 п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), что соответствует положениям ч. 5 ст. 34 УК РФ, согласно которой лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления, несет уголовную ответственность за приготовление к преступлению.

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Е.В. Шушакова, студент СИУ РАНХиГС

Научный руководитель – ст. преподаватель О.А. Брашнина

Данная тема является актуальной, так как право на необходимую оборону является неотъемлемым правом каждого человека. В частности, ст. 45 Конституции РФ содержит положения о защите личности своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом[1]. Одним из таких способов является необходимая оборона. Проблема заключается в практической реализации существующей нормы права. Зачастую, граждане не используют право на необходимую оборону из-за боязни наступления негативных правовых последствий.

В ч. 2 ст. 37 УК РФ говорится, что при защите от посягательств не связанных с угрозой жизни обороняющегося он не должен предпринимать действия, которые не соответствуют характеру и опасности посягательства[2]. В условиях нападения трудно соотнести характер и опасность посягательства с характером своих возможных действий. Один из важных аспектов превышения пределов необходимой обороны связан с тем, что защититься от посяга-

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. [ред. от 21.07.2014 № 11-ФКЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: фед. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: [ред. от 27.12.2018 (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019)] // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2016. № 14. Ст. 1908.

тельства путем совершения действий, которые не превышают характер и опасность посягательства, невозможно физически.

Наличие данной проблемы в правоприменении обусловлено сложностью доказывания обстоятельств, порождающих состояние необходимой обороны, различным толкованием данной нормы, субъективной оценки от обстоятельств. При толковании правоприменителем существующей нормы, акцент делается на деяние и его последствия, а не на обстоятельства, при которых оборона была необходима.

Основываясь на ст. 37 УК РФ определены условия правомерности необходимой обороны:

1) общественная опасность посягательства;

2) наличность посягательства;

3) действительность посягательства.

Наличие или отсутствие определенных условий на практике часто основывается на субъективной оценке правоприменителя, что влечет за собой определенные последствия для лица, пользовавщегося правом на защиту своей жизни и препятствует реализации законного права граждан на защиту.

Подводя итог, следует сделать акцент на том, что нормы о необходимой обороне нужно толковать и применять таким образом, чтобы все издержки реализации права гражданина на защиту, не выходящие за пределы необходимой обороны, вменялись не обороняющемуся, а лицу, спровоцировавшему конфликт. Это будет нацеливать всех на то, что пострадавший в результате необходимой обороны, всегда будет признан виновным в том нападении, которое он совершил, и которым вынудил к необходимой обороне. Актуальным будет предложение признать любой вред, причиненный посягающему в процессе защиты правомерным, потому что именно посягающий должен нести риск возможного причинения любого вреда, и нести ответственность за совершенное им посягательство.

ВОПРОСЫ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Я.Д. Витовский, курсант Кузбасского института ФСИН России
Научный руководитель – ст. преподаватель М.С. Красильникова

Сегодня с достаточной уверенностью можно сказать, что ряд задач уголовного права не могут быть решены без учета института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Поведение человека в условиях неопределенности имеет различную направленность, как положительную, так и отрицательную. Такая активность может защитить уголовно-охраняемые интересы, так и причинить им реальный вред. Особая роль в этом вопросе отводится уголовно-правовому регулированию причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Чаще всего в работах, посвященных причинению вреда при задержании лица, совершившего преступление, основной акцент делается на определении оснований и условий правомерности причинения такого вреда. Большое значение в понимании данного института играет Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», в котором раскрывается понятие причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление и условия правомерности. Следует отметить, что уголовный закон не предоставляет право на задержание преступника, он предоставляет право на причинение вреда уголовно-охраняемым интересам.

Юридическая природа правомерного причинения вреда уголовно-охраняемым интересам исходит из ст. 45 Конституции РФ, в которой отмечается возможность человека на защи-

ту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом. В главе 8 Уголовного кодекса РФ отмечены отдельные обстоятельства такой защиты, в частности задержание лица, совершившего преступление. Интерес вызывает тот факт, что право на задержание лица, совершившего преступление, принадлежит всем гражданам. Для сотрудников правоохранительных органов (МВД, ФСБ и других) задержание, является прямой обязанностью, возложенной законами и иными нормативными актами.

Раскрывая юридическую природу причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, нельзя не отметить поощрительного характера данной нормы. Гражданам предоставлено право на охрану уголовно-охраняемых интересов, на задержание лица, совершившего преступление; их активная деятельность социально полезна. Однако нельзя забывать, что в результате такой деятельности нередко причиняется вред уголовно-охраняемым общественным отношениям. Применительно к вопросу о праве на причинение вреда и признательностью общества за активное поведение гражданина, совершившего задержание, разъяснение дал Верховный суд РФ в указанном ранее постановлении, в котором отметил, что государство стимулирует субъекта к соблюдению условий правомерности, поскольку их соблюдение исключает уголовную ответственность. Таким образом, важную роль играет определение правомерности вреда, причиненного при задержании лица, совершившего преступления.

Существование в уголовном праве различных видов обстоятельств, исключающих преступность деяния, предопределяет разработку общих подходов к анализу дифференциации уголовной ответственности в зависимости от особенностей таких обстоятельств, их влияния на общественную опасность и полезности содеянного.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

В.А. Козлова, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Ольховик

В научной литературе (В.А. Уткин, Н.В. Ольховик, З.Р. Рахматулин и др.) рассматриваются различные проблемы, связанные с назначением и исполнением ограничения свободы, но среди них следует выделить те виды, решение которых возможно только на законодательном уровне.

Первая проблема обусловлена сходством некоторых элементов содержания ограничения свободы с условным осуждением, которое не является наказанием, а представляет собой иную меру уголовно-правового характера. Ограничения «не менять постоянное место жительства…» и «не посещать определенные места…» сформулированы в ограничении свободы как ограничения, а в условном осуждении, как обязанности. Рассматриваемые ограничения и обязанности отличаются только тем, что в уголовном наказании в виде ограничения свободы осужденный обязан испрашивать разрешение уголовно-исполнительной инспекции на изменении места жительства или посещение определенных мест, а при условном осуждении осужденному достаточно уведомить уголовно-исполнительную инспекцию об этом. Именно требование «без разрешения уголовно-исполнительной инспекции» отражает карательный элемент, характерный для наказания, при котором ограничивается физическая свобода осужденного. Следует также учесть и то, что перечень правоограничений, представляющий собой содержание наказания в виде ограничения свободы, является закрытым, а это означает, что суд не имеет права устанавливать осужденным, иные ограничения, которые не предусмотрены статьей 53 УК РФ. Иное предусмотрено частью 5 статьи 73 УК РФ, в которой определено, что суд может возложить на условно осужденного исполнение и иных обязанностей, способствующих его исправлению. Принимая во внимание схожесть рассматри-

ваемых предписаний, неизвестно по какой причине законодатель ввел такие рамки в отношении наказания, которые ограничивают правоприменителя в процессе избрания соразмерного с совершенным преступлением вида наказания, а при условном осуждении нет.

Вторая проблема ограничения свободы связана с тем, что ограничение свободы может быть назначено за преступления небольшой и средней тяжести, а применение условного осуждения не зависит от категории преступления и возможно также за тяжкие и особо тяжкие преступления, при условии назначения лишения свободы на срок до 8 лет (ч. ст. 53 и ч. 1 ст. 73 УК РФ). Это, в свою очередь, приводит к тому, что контингент осужденных к ограничению свободы по общему правилу является менее опасным, чем условно осужденные.

Третья проблема связана с необходимостью обеспечения непрерывного надзора за осужденным к ограничению свободы посредством применения технических средств. Однако, как показывает практика, суды не доверяют результатам электронного мониторинга осужденных к ограничению свободы, если сам осужденный не подтверждает факт совершения им нарушения режима ограничения свободы.

Наконец, в случаях злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, суд может заменить неотбытую часть наказания принудительными работами или лишением свободы из расчета один день данных видов наказания за два дня ограничения свободы. Данные положения применяются судом независимо от того, предусмотрено ли наказание в виде принудительных работ или лишения свободы санкцией статьи Особенной части УК РФ, по которой было назначено наказание.

СОСТОЯНИЕ, СТРУКТУРА И ДИНАМИКА РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ

Л.Б. Сафарова, магистрант ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н. В. Ольховик

С 7 декабря 2011 года принудительные работы включены в Уголовный кодекс РФ в качестве одного из видов наказания. Ввиду наличия законодательного запрета (Федеральные законы от 30.12.2012 № 307-ФЗ, от 28.12.2013 № 431-ФЗ) этот вид наказания начал применяться лишь с 1 января 2017 года.

В настоящее время созданы восемь исправительных центров и 15 изолированных участков исправительных учреждений, функционирующих как исправительные центры с общим лимитом наполнения 1900 человек. В течение 2017 года в исправительных центрах отбывало наказание около 600 осужденных.

Исходя из официальной судебной статистики, число осужденных в России, привлеченных к лишению свободы, за два года сократилось с 400 515 (в 2017 г.) до 350 294 (в 2019 г.), а количество лиц, привлеченных к принудительным работам, увеличилось на 883 человек, что свидетельствует о широком применении мер наказаний, альтернативных лишению свободы.

Среди осужденных к принудительным работам в 2017 году – 53 женщины, девять осужденных за преступления в сфере предпринимательской деятельности и 30 иностранцев, в том числе, 21 гражданина стран СНГ, государственных и муниципальных служащих – двое. Но уже к 2019 году к принудительным работам было осуждено в три раза больше женщин (190 чел.), осужденных в сфере предпринимательской деятельности стало в два раза больше (21 чел.), количество иностранных граждан, в том числе, из стран СНГ, а также государственных и муниципальных служащих значительно не изменилось[1].

[1] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 26.03.2020).

Так как привлечение к наказанию в виде принудительных работ назначается за совершение преступления небольшой или средней тяжести, либо за совершение тяжкого преступления впервые, то рецидив не может быть опасным либо особо опасным. Следовательно, исследуя статистические данные за 2019 год, можно заметить, что число лиц, признанных совершившими преступление при рецидиве, составляет 93 315, а это меньше на 5 437 по сравнению с 2018 г.[1] Таким образом, с момента применения принудительных работ рецидивная преступность имеет тенденцию к снижению.

Значительным недостатком современной системы учета криминологического рецидива, опирающегося на установленные формы первичного учета преступлений и лиц, их совершивших, представленные в статистической карточке формы № 2 «на лицо, совершившее преступление», является то, что она не предусматривает получение каких-либо данных о лицах, отбывших конкретный вид уголовного наказания или иные уголовно-правовые меры, не связанные с изоляцией от общества. Кроме того, сам принцип построения официальной статистической отчетности исключает возможность проследить персональное движение осужденных и, тем самым, взаимно связать данные о количестве осужденных, принятых на учет, освобожденных от наказания и совершивших новое преступление.

Некоторые авторы предлагают ввести специальные методики исследования основных показателей криминологического рецидива при исполнении наказания в виде принудительных работ, что позволит получить относительно объективные и репрезентативные данные о действительном уровне криминологического рецидива[2].

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ

Е.С. Полунина, студент СИУ РАНХиГС
Научный руководитель – ст. преподаватель О.А. Брашнина

Вопрос применения такого вида наказания, как смертная казнь является дискуссионным и охватывает все сферы общественной жизни, поскольку приобретает актуальность при росте социальной напряженности. Наказание должно обеспечить возможность возмещения причиненного вреда – соразмерность ограничения прав и свобод осужденного страданиям потерпевшего, которые были причинены ему.

Важным сдерживающим фактором при отмене моратория на смертную казнь является участие Российской Федерации в Совете Европы и подписание Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Ратификация данного Протокола означает первый шаг к принятию и осуществлению гуманистических идеалов. Закрепленный в 6 статьей Уголовного Кодекса принцип справедливости гласит: наказание должно соответствовать тяжести преступления. Но смертная казнь не является адекватным и соразмерным наказанием за такое преступление, как умышленное лишение жизни человека, поскольку установить эквивалент убийству не представляется возможным с моральной точки зрения.

Государство, взяв на себя роль палача, минимизирует вероятность самосуда со стороны других членов общества. Представляется, что самосуд недопустим в современном правовом государстве и цивилизованном обществе и представляет собой принцип талиона, свойственный первобытному обществу.

---

[1] Там же.

[2] Дроздов И.С. Основные показатели криминологического рецидива при осуждении без лишения свободы // Уголовная юстиция. 2018. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-pokazateli-kriminologicheskogo-retsidiva-pri-osuzhdenii-bez-lisheniya-svobody (дата обращения: 09.04.2020).
Дроздов И.С. Методология и методика изучения пенального и постпенального рецидива при мерах, альтернативных лишению свободы // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 93–96.

Содержание преступника в тюрьме требует значительного расхода бюджетных средств. ФСИН является одним из самых богатых ведомств, но при этом сумма на питание заключенных с 2019 года будет составлять 64 рубля в день. Такую цифру озвучил замдиректора ФСИН Валерий Максименко.

Возвращение опасных преступников в общество, прежде всего, возможно при выработанной и комплексной системе исправления. Исключение рецидива в этой связи будет подтверждать то, что стремление к гуманизации носит не только внешний, но и проработанный внутренний характер. Также возможно исключение условно-досрочного освобождения по отношению к преступлениям против половой неприкосновенности.

Существует множество исследований, рассматривающих связь между применением смертной казни и уровнем преступности, стоит отметить сравнительную характеристику Торстейна Селлина. В своей работе Селлин сравнивал штаты, похожие по своим географическим и демографическим признакам. В штатах, где применяли смертную казнь, в среднем не совершалось меньше убийств, чем в штатах, где смертная казнь не применялась. [1]

В 1971-1985 годах Геннадий Михасевич совершил 36 убийств женщин и одно покушение на убийство в Витебске, расследование преступлений было наполнено несправедливыми решениями. Было проведено 11 судебных заседаний, по итогам которых приговоры получили 14 человек. Многие провели в заключении по несколько лет, а невиновного в убийстве женщины Николая Тереню приговорили к смертной казни и в 1980 г. расстреляли.

Убийство, санкционированное государством, по своим моральным последствиям ничем не отличается от любого другого убийства. Если обратиться к формулировке статьи 105 Уголовного Кодекса: убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, можно сделать вывод о том, что всякий палач может быть осужден по этой статье и автоматически быть приравненным к убийце.

Человек становится преступником в результате неблагоприятного нравственного формирования его личности. Смертная казнь в таком случае предполагает не решение проблем, сложившихся на определенном этапе развития общества, а уничтожение следствия вместе с сами человеком.

АЛКОГОЛЬНОЕ ОПЬЯНЕНИЕ И КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

К.О. Иванов, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Ольховик

Опьянение можно определить как совокупность психических, вегетативных и неврологических расстройств вследствие приёма психоактивных веществ. Предметом исследования является влияние алкогольного опьянения.

Уголовное законодательство России периода 1996–2016 гг. однозначно признавало алкогольное опьянение обстоятельством, отягчающим ответственность. Но правильно ли это?

Поправки, внесённые в УК РФ[2] 3 июля 2016 года, свидетельствуют о том, что законодатель пересмотрел свои взгляды на этот вопрос. Согласно действующему законодательству, суд может признать алкогольное опьянение отягчающим обстоятельством, так и не признать его таковым.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в иностранной практике нет однозначной позиции о влиянии алкогольного опьянения на квалификацию преступления. Так, например, в УК ФРГ[3] данное обстоятельство является отягчающим только в конкретных со-

[1] Sellin T. The Death Penalty. Philadelphia. The penalty of death. London: Sage Library of Social Research, 2015. P. 110–118.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.06.2018) // СПС КонсультантПлюс.

[3] Уголовный кодекс Германии [Электронный ресурс] // Crimpravo.ru Научная сеть. 2015. URL: http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk/ (дата обращения: 14.03.2020).

ставах особенной части, однако полное опьянение, предусмотренное общей частью, тем не менее, является опосредовано уголовно наказуемым. В УК Австрии[1] алкогольное опьянение признается отягчающим обстоятельством только в ряде случаев. Если же сравнивать с отечественным административным законодательством, можно прийти к выводу, что административная норма регулирует этот вопрос жёстче, чем уголовная, признавая алкогольное опьянение отягчающим обстоятельством в любом случае.

Логично сравнить похожие положения актуального российского законодательства и норму УК РСФСР 1960 года[2], так как в них схоже описан механизм применения данного обстоятельства в рамках судейского усмотрения.

Стоит отметить, что имеют место и существенные отличия в критериях, которые следует рассматривать суду при вынесении решения. В УК РСФСР 1960 года указывался только характер преступления, в то время как в УК РФ актуальной редакции упомянуты также степень общественной опасности, обстоятельства совершения преступления, а также личность виновного.

Введение в 2016 году упомянутой поправки ещё сильнее расширило границы и без того значительного судейского усмотрения. Вместе с тем практическое правоприменение существенно усложнилось и утратило единообразие. Г.О. Саргасян[3] считает, что неоднозначность судебной практики свидетельствует о неустойчивости правовой позиции правоприменителя относительно признания алкогольного опьянения отягчающим обстоятельством. Несмотря на то, что данная новелла задумывалась законодателем как благо, призванное улучшить положение ряда подсудимых, а также сделать вынесение приговоров суда более обоснованным, поставленные цели вряд ли можно назвать достигнутыми, а влияние исследуемых изменений следует считать, по меньшей мере, неблаготворным.

Принимая во внимание тот факт, что законодательное регулирование данной нормы имеет не только уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, но и общесоциальное значение, несложно прийти к выводу, что норме, признающей алкогольное опьянение отягчающим обстоятельством, следует вернуть ту форму, в которой она существовала до изменений 2016 г.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

С.С. Сосновская, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент И.В. Лозинский

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа относительно новый институт уголовного права Российской Федерации. Он был введен в июле 2016 г. Прошло три года его функционирования, а сомнения и возражения по поводу института до сих пор не угасают. Необходимо разобраться в условиях назначения судебного штрафа, частоте его применения и главное, действительно ли этот институт является эффективным регулятором, только вот чего – профилактики будущих преступлений или безнаказанности?

Статья 25.1 Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации регулирует назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

---

[1] Уголовный кодекс Австрии [Электронный ресурс] // Crimpravo.ru Научная сеть. 2015. URL: http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk/ (дата обращения: 14.03.2020).
[2] Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996).
[3] Саргсян Г.О. Состояние алкогольного опьянения как обстоятельство, отягчающее наказание // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2016. С. 76–81.

Условиями его назначения является:

1) собственная инициатива суда или ходатайство, поданное следователем с согласия руководителя следственного органа, либо дознавателем с согласия прокурора;

2) совершение лицом преступления небольшой или средней тяжести;

3) возмещение причиненного ущерба или иным образом заглаживание причиненного ущерба[1].

Также важным является отправка к общим условиям назначения наказания, предусмотренными Уголовным Кодексом Российской Федерации, где сказано, что такое преступление, должно быть совершено впервые, и конечно согласие самого обвиняемого[2].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 №19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» напрямую сказано о том, что наибольшее значение имеет согласие потерпевшего и примирение с ним.

Весомым плюсом является то, что, если все условия соблюдены, то не выносится обвинительный приговор, а выносится постановление суда, данный итог не влечет судимости у обвиняемого в деянии лица.

Положение судимости регулируется статьей 86 Уголовного Кодекса Российской Федерации, где сказано, что лицо является судимым со дня вступления в силу обвинительного приговора, в нашем же случае, как и было сказано выше, согласно статье 446.2, части 5 Уголовного процессуального кодекса, судья выносит постановление об удовлетворении ходатайства, либо об отказе в удовлетворении ходатайства.

В настоящее время такие ходатайства следователей и дознавателей почти 100% удовлетворяют, согласно официальной статистике Верховного суда республики Крым за три месяца с 15.07.2016 г. по 15.10.2016 г., т.е. в то время, как только был введен судебный штраф, уже было подано 16 ходатайств и 14 из них были удовлетворены, лишь 2 не были удовлетворены, и то, при отсутствии какого-либо условия, которые предусматривает Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовный кодекс Российской Федерации[3].

Безусловный плюс этого института, помимо отсутствия судимости, заключается в том, что применение судебного штрафа является хорошей профилактикой будущих преступлений, также он способствует повышению правовой культуры граждан и росту доверия к правовой системе Российской Федерации. Большим же минусом является это, то, что по факту можно откупиться перед государством, еще и за весьма небольшие суммы, потому что чаще всего штрафы составляют 10–50 тысяч рублей, и в большей вероятности у лица может остаться чувство безнаказанности за содеянное, ведь применение штрафа – это не наказание, а мера уголовно-правового характера.

Больше всего волнует вопрос, так какие же это преступления за отсутствие наказания за которые, можно заплатить? С преступлениями небольшой тяжести вопросов не возникает, а вот, по моему мнению, законодатель поспешил добавлять сюда преступления средней тяжести.

Обратимся к Уголовному кодексу Российской Федерации: согласно статье 15 к преступлениям средней тяжести относится умышленные деяния, за которые максимальное наказание в виде лишения свободы составляет 5 лет, и неосторожные деяния за которые максимальное лишение свободы составляет 10 лет.

Больше всего интересуют преступления против личности, ведь вред здоровью загладить не так просто, а тем более здоровью психическому, что иногда и невозможно. Это такие

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.02.2020).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.02.2020).

[3] Верховный суд Республики Крым // СудРФ. URL: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?id=55&name=docum_sud (дата обращения: 20.02.2020).

преступления как: убийство матерью новорожденного ребенка; убийство, совершенное в состоянии аффекта; убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; причинение смерти по неосторожности; склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства; причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта, и другие преступления, где объектом преступления выступает жизнь или здоровье[1].

В связи с этим возникает вопрос, можно ли за данные преступление использовать штраф, как меру уголовно правового характера? С юридической точки зрения, да можно, ничего не препятствует, но в голове российского гражданина немного не совмещаются такие категории, как штраф и, например, убийство человека. Суды не рискуют за такие преступления назначать данную меру, но есть пример для практики, который засыпал СМИ и взбудоражил общество. Костромской районный суд в постановлении о прекращении уголовного дела от 19.01.2018 назначил судебный штраф за причинение смерти по неосторожности, в данном деле по неосторожности был убит егерь в лесу, которого перепутали с кабаном[2].

Подводя итоги, следует сказать, что необходимо ставить на весы объект посягательства и наказание за него, штраф абсолютно оправдан в экономических преступлениях, но преступления против личности имеют более значительный вред, который невозможно загладить финансовыми инструментами.

ВИДЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛЕЧЕНИЯ В МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, ОКАЗЫВАЮЩЕЙ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ, ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.В. Васеловская, аспирант ТГУ
Научный руководитель – д-р юрид. наук, профессор А.В. Шеслер

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (ст. 99) предусматривает виды принудительных мер медицинского характера, как связанные с изоляцией психически больных лиц от общества (принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях), так и не связанные с таковой (принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях).

Законодатель выделяет три вида принудительного лечения, влекущего за собой изоляцию психически больного лица от общества посредством его помещения в психиатрический стационар: общего типа, специализированного типа и специализированного типа с интенсивным наблюдением. Рассмотрим основные характеристики указанных мер.

Общими чертами для всех трех видов стационарного принудительного лечения выступают следующие:

1) применение только в качестве самостоятельной меры: принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, не может быть назначено лицу наряду с наказанием. Данный признак отличает стационарное принудительное лечение от амбулаторного, которое может быть соединено с исполнением наказания;

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.02.2020).

[2] Костромской районный суд // СудРФ. URL: https://kostromskoy-kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=562639&delo_id=1540006&new=&text_number=1&case_id=318403 (дата обращения: 20.02.2020).

2) применение к лицам, страдающим психическими расстройствами и указанным в пунктах «а» и «б» части 1 статьи 97 УК РФ: а) к лицам, совершившим деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, в состоянии невменяемости; б) к лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания;

3) совершение лицом не любого противоправного деяния, а именно деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ;

4) медицинский характер принудительных мер, состоящий в оказании лицу специализированной медицинской (психиатрической) помощи в стационарных условиях;

5) применение только в судебном порядке, указывающее на то, что решение вопросов о назначении, продлении, изменении и прекращении принудительного лечения является исключительной прерогативой суда;

6) принудительный порядок исполнения, характеризующий их применение независимо от воли и желания лица, которому они назначены;

7) изоляция лица от общества посредством помещения его в психиатрический стационар. Данный признак является отличительным для стационарного принудительного лечения по сравнению с амбулаторными мерами медицинского характера.

Основным отличительным признаком видов стационарного принудительного лечения между собой является лечебно-охранительный режим, то есть порядок осуществления принудительного лечения в зависимости от типа психиатрического стационара (порядок приёма лиц в стационар, распорядок дня, порядок посещения пациентов родственниками, порядок выезда за пределы стационара, условия и пределы применения специальных средств и т.д.). Особенности лечебно-охранительного режима, характерные для каждого типа психиатрического стационара, должны предопределяться психическим состоянием лиц, к которым применяется стационарное принудительное лечение. В силу отсутствия в настоящее время нормативного закрепления понятия и основных требований к лечебно-охранительному режиму психиатрических стационаров, представляется целесообразным устранение данного правового пробела посредством принятия подзаконного нормативно-правового акта, регламентирующего особенности лечебно-охранительного режима по каждому типу психиатрических стационаров, исполняющих предусмотренное УК РФ принудительное лечение.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

В.В. Тузовская, студент ТГУ

Научный руководитель – ассистент Л.В. Ведерникова

Стремительное развитие медицины порождает все больше правовых вопросов, в том числе касающихся уголовной ответственности медицинских работников за нарушение ими профессиональных обязанностей. Анализируя необходимость совершенствования законодательства в области уголовной ответственности медработников, необходимо обратить внимание на то, кто может быть субъектом данного правоотношения. Согласно ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в качестве медработника законодатель выделяет 2 группы субъектов:

1) физическое лицо, имеющее медицинское или иное образование, состоящее в трудовых правоотношениях с медицинской организацией, в трудовые обязанности входит осуществление медицинской деятельности;

2) физическое лицо, осуществляющее медицинскую деятельность в статусе индивидуального предпринимателя.

Как видим, круг субъектов, которые потенциально могут быть привлечены к уголовной ответственности, широк, и имеет свои особенности, что является одним из оснований для выделения медработников как специального субъекта уголовного правоотношения.

Вторым основанием является то, что уголовно-наказуемые деяния, совершаемые медработниками, делятся на две группы: должностные (служебные) и общеуголовные преступления, совершаемые на рабочем месте. В последнем случае при наличии в действии медработника признака состава общеуголовного преступления – против жизни и здоровья (глава 16 УК РФ) в полной мере не учитывается, что нарушение профессиональных обязанностей осуществляется лицом, имеющим медицинское образование, соответствующую квалификацию, осуществляющие деятельность согласно должностным инструкциям, регламентам. Не следует забывать, что особый статус медработника связан с тем, что от его профессионального поведения зависит конституционное право гражданина на жизнь и здоровье.

Заметим, что медицинское сообщество так же придерживается такой позиции. Так д.м.н. Д.Ю. Сергеев отмечал, что совершение преступления медработником в ходе профессиональной деятельности – это квалифицирующее обстоятельство и должно предусматривать повышенную ответственность. Представляется, что медработник должен выступать специальным субъектом только в случаях, если деяние совершается на рабочем месте (в широком смысле слова)[1] и связано с выполнением им своих профессиональных обязанностей. Только при совокупности таких условий деяния медработника представляют большую общественную опасность.

Не случайно на эту проблему обращают внимание многие ученые – правоведы, руководители правоохранительных органов РФ, суды РФ, а также представители Национальной медицинской палаты. Изучение различных подходов к вопросу о законодательном закреплении уголовной ответственности медработников за совершение преступлений в ходе профессиональной деятельности позволило поддержать позицию, высказанную Председателем СК РФ А. Бастрыкиным и Президентом Союза медицинского сообщества «Национальная Медицинская Палата» Л. Рошалем. С целью подготовки предложений, касающихся внесения в УК РФ специальных норм об ответственности медицинских работников ими была сформирована временная межведомственная рабочая группа. По результатам работы группы был разработан законопроект, который предусматривает исключение ответственности работников по таким статьям, как ст. 109, 118, 238 и 293 УК и сформирован ряд альтернативных норм: ст. 124.1 – «Ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги)», ст. 124.2 – «Сокрытие нарушения оказания медицинской помощи», ст. 235 УК – «Незаконное осуществление медицинской и (или) фармацевтической деятельности». Необходимость реформирования законодательства, по их мнению, связана с тем, что при квалификации деяния медработника перед следователем постоянно возникает неоднозначный выбор между несколькими нормами, которые соответствуют деянию и наступившим общественно опасным последствиям: оказание медицинских услуг, не отвечающим требованиям безопасности, неоказание помощи больному, причинение смерти по неосторожности.

Изучение указанных предложений позволило сделать вывод, что внесение предлагаемых изменений положительно скажется на правоприменительной практике, так как по правилам квалификации, введение специальных норм исключит применение общих. Оформление в уголовном законодательстве норм специальной ответственности медработников позволит как отразить в их сознании круг общественно опасных деяний, так и добиться исключения случаев необоснованного привлечения врачей к уголовной ответственности. Кроме того, это может стать гарантией эффективной защиты прав пациентов от возможных дефектов оказания медицинской помощи.

[1] Имеется в виду и случаи, когда мед. работник не находится в помещении мед. учреждения. Например, врач скорой помощи на выезде.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

Е.К. Погумирская, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент И.А. Никитина

Одним из первых законодательных актов, содержащих в себе нормы о самоубийстве, принято считать Артикулы Петра 1[1]. Данный свод правил устанавливал, что в случае совершения лицом самоубийства, его тело будет придано определённого рода осквернениям, надругательствам и, таким образом, вводилась ответственность за совершение самоубийства. Но о факте доведения лица до его совершения не упоминается. Следует подчеркнуть то, что законодателем учитывается психическое состояние жертвы – вменяемость или невменяемость совершившего суицид: так, над телом невменяемого экзекуция не производилась.

Ответственность за самоубийство находит своё дальнейшее развитие и в Уложении «О Наказаниях Уголовных и Исправительных»,[2] но здесь она носит в большей степени религиозную направленность. В данном акте впервые говорится о пособничестве в совершении самоубийства, однако, в этот период меры наказания были крайне недифференцированы и за такой вид преступления практически приравнены к мерам наказания за самовольный уход из жизни или попытку его совершения. Хотя после введения в действие Уложения, принимались и иные нормативные акты, всё же новый этап развития рассматриваемая уголовная норма получает только после Октябрьской революции, уже в советском законодательстве.

Так, в Уголовном Кодексе РСФСР 1922 года произошла декриминализация самоубийства, то есть наказания ни религиозного, ни тем более исходящего от государства, за его совершение или попытку не устанавливается. В Уголовном Кодексе РСФСР, а именно в ст. 148, предусматривается наказание при «подговоре к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого, или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали»[3]. В Уголовном Кодексе РСФСР 1960 года[4] прибавляется норма о покушении или доведении до самоубийства вследствие жестокого обращения, систематического унижения достоинства личности лицом, от которого пострадавший находился в материальной или другого рода зависимости.

На момент принятия ныне действующего Уголовного Кодекса 1996 года законодатель из рассматриваемой статьи изъял положение о материальной зависимости жертвы, что поспособствовало расширению сферы её применения в интересах защиты жизни граждан. К закреплённым способам доведения жертвы до самоубийства: жестокое обращение, систематическое унижение личности, было добавлено новое – угрозы. В ныне действующей редакции Уголовного Кодекса,[5] данный перечень способов изменений не претерпел, а, следовательно, его можно назвать исчерпывающим. А в ч. 2 ст. 110 в п. «а» изложено уже знакомое обстоятельство: доведение до суицида «несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного», что указывает нам на преемственность норм законодательства. Но различие состоит в том, что данная норма в актах прошлых лет была основной, единственной для привлечения лица к уголовной ответственности, сейчас же это отягчающее основание, увеличивающее объём наказания.

---

[1] Епифанов П. П. Воинский устав Петра Великого / под ред. А. И. Андреева. М., 1947. С. 167–213.
[2] Костин Ю. В. Особенности развития уголовного права Российской империи в XIX в. // История государства и права. М.: Юрист, 2010. С. 22–25.
[3] Постановление ВЦИК от 01.06.1922 О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.
[4] Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.
[5] Уголовный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Федеральный Закон от 13.06.1996 N 63- (ред. от 18.02.2020): // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

Также в Уголовный Кодекс были внесены изменения, связанные с введением в действие ст. 110.1 (склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства), ранее не закреплённой в российском уголовном законодательстве. Склонение к самоубийству производится путём уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом в целях совершения потерпевшим самоубийства, но при этом отсутствуют признаки факта доведения до самоубийства. Норма о склонении к совершению самоубийства устранила своим действием значительный пробел в законодательстве, связанный с отсутствием ответственности за данное противоправное деяние, что выражает стремление законодателя в обращении к опыту зарубежных стран, во многих нормативных актах которых данная статья уже была закреплена.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПОБОЕВ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

А.Е. Пшеничникова, студент НФИ КемГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент О.А. Беларева

Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» вызвал много споров о целесообразности его принятия. Анализ судебной статистики позволяет нам оценить наступившие последствия.

Согласно статическим данным[1] Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2017 и 2018 гг. число привлеченных к административной ответственности по ст.6.1.1(Побои) за год возросло с 113 437 до 120 807. Общая сумма штрафов за 2018 год составила 525 663 395: это на 306 336 343 больше суммы штрафов, назначенных в 2017 году по ст.6.1.1. КРФобАП.

В 2017 году по ст.116.1 УК РФ всего было осуждено 267 лиц. Среди них 12 человек были приговорены к наказанию в виде лишения свободы, остальным были назначены наказания в виде штрафа, исправительных или обязательных работ. Из общего числа привлеченных к уголовной ответственности 209 лиц были освобождены от неё в связи с примирением сторон, что составляет примерно 60%. Число лиц, по чьим делам судопроизводство было прекращено в связи с отсутствием события, состава преступления, составило 77. Прекращенные дела в связи с отсутствием события, состава преступления составляют примерно 20% от общего числа прекращенных дел. В отношении 29 человек уголовное судопроизводство было прекращено по причине отсутствия заявления потерпевшего, что составляет примерно 8% от общего числа. Потерпевшие могут забирать заявление по разным причинам, но самая распространенная из них – это примирение с преступником. Жертвы домашнего насилия зачастую боятся, что насилие над ними повторится вновь и, предугадывая события, забирают заявление.

В 2018 году по ст.116.1 УК. РФ всего было осуждено 922 лица, примерно половине из которых были назначены обязательные работы в качестве основного наказания, а в качестве дополнительного – лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью. Лишение свободы было назначено 4,5% осужденных. Только троим было назначено лечение у врача психиатра.

Судопроизводство в отношении 629 лиц было прекращено в связи с примирением сторон, 247 – из-за отсутствия состава или события преступления, и 87 – из-за отсутствия заявления потерпевшего. Следовательно, дела, прекращенные ввиду примирения сторон, составляют 60%, дела, прекращенные из-за отсутствия заявления потерпевшего, составляют 8% от общего числа, а из-за отсутствия состава или события преступления – 20%.

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год// Сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476 (дата обращения: 12.12.2019).

Таким образом, число лиц осужденных по ст.116.1 УК РФ за год возросло более чем в 3 раза, однако процентное соотношение прекращенных дел с общим количеством осталось практически неизменным. Сторонники декриминализации считают, что рост числа осужденных говорит об эффективности нормы, об успешном выявлении правонарушителей и преступников, однако противники возражают, количество правонарушителей значительно растет, следовательно, норма не работает, не отвечает цели предупреждения преступления.

Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» был призван сократить число преступлений, квалифицируемых по ст.116 УК РФ. Анализируя судебную статистику, можно увидеть, что число побоев в отношении членов семьи возросло не только в уголовном, но и в административном судопроизводстве.

ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: ПРОБЛЕМЫ ТРАКТОВКИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ

Е.С. Сыщенко, студент СИУ РАНХиГС
Научный руководитель – ст. преподаватель О.А. Брашнина

6 августа 2019 года вступил силу Федеральный закон N 206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников». Федеральный закон ввел в Уголовный Кодекс статью 124.1, которая криминализовала такое деяние, как воспрепятствование деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью пациента, либо смерть пациента.

Раннее в пояснительной записке к законопроекту была обозначена социальная обусловленность включения данного деяния в категорию преступления: участились случаи «дорожных конфликтов» с участием автомобилей скорой помощи, что повлекло значительное снижение доступности неотложной либо экстренной медицинской помощи пострадавшему. Авторы законопроекта считали, что установление уголовной ответственности за воспрепятствование законной деятельности медицинского работника является эффективной мерой, так как она позволяет лицу сформировать адекватную оценку своего поведения, в отношении лиц, нуждающихся в помощи медицинского работника.

Несмотря на актуальность темы, которую затрагивает данная правовая норма, статья 124.1 подверглась общественной критике – была определена проблема трактовки правовой нормы. Это связано с тем, что непосредственным объектом нормы является здоровье и жизнь потерпевшего (пациента), объективная сторона – воспрепятствование законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи. Форма воспрепятствования законодателем не определена, он прибегает в формулировке «в какой бы то ни было форме», что дает возможность расширительно толковать способы совершения данного преступления. Выделены следующие формы: пассивная (путем создания препятствий к свободному доступу к больному, например, ситуация, когда водители автомобилей не пропускают машину скорой помощи к лицу, нуждающемуся в ней) и активная (например, нападение, применение насилия по отношению к медицинскому работнику, неопасного для жизни или здоровья).

Специалисты РПА Минюста РФ считают, что законодатель не регламентирует правоотношения, возникающие в случае активного воспрепятствования оказания медицинской помощи, когда объектом посягательства в совершении данного преступления становится также медицинский работник, однако ответственность за причиненный ему вред не преду-

смотрена. Данная норма искусственно разделяет врача и пациента, в результате чего она приобретает дискриминационный характер, так как права пациента оказываются выше прав врача на безопасность. Сторонники данного мнения считают целесообразным установить возможность привлечения к ответственности лица, в результате деяния которого пострадал не только пациент, но и медицинский работник.

Считаем, внесение коррективов в норму избыточно. Законодателем уже установлены нормы, которые применимы к приведенным выше правоотношениям без нарушения принципов уголовного права: ответственность за посягательство на медицинского работника, оказывающего необходимую медицинскую помощь, возникает по совокупности с иными статьями Уголовного Кодекса РФ о посягательстве на здоровье или жизнь лица, исполняющего свой служебный долг. К тому же, изменения действующего законодательства были направлены, в первую очередь, на обеспечение гарантий своевременного оказания медицинской помощи и защиты жизни и здоровья пациентов, а не медицинских работников, что говорит об отсутствии оснований для критики статьи в силу ее полного соответствия поставленным задачам.

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Е.Е. Грицанова, студент СИУ РАНХиГС
Научный руководитель – ст. преподаватель О.А. Брашнина

В ст. 23 Конституции Российской Федерации закрепляется право граждан на неприкосновенность частной жизни. Данное право подразумевает защиту человека от сбора, хранения и использования информации о его частной жизни без его согласия. Одним из способов защиты данного права является предусмотренная уголовным законом ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

Понятие специальных технических средств, которые используются для негласного получения информации, с недавнего времени закреплено в примечаниях к ст. 138.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Под ними подразумеваются приборы, системы, комплексы, устройства, специальные инструменты для проникновения в помещения и (или) на другие объекты и программное обеспечение для электронных вычислительных машин и других электронных устройств для доступа к информации и (или) получения информации с технических средств ее хранения, обработки и (или) передачи, которым намеренно приданы свойства для обеспечения функции скрытого получения информации либо доступа к ней без ведома ее обладателя. Так же отдельно отмечается, что к таким специальным техническим средствам не следует относить приборы и устройства бытового назначения, к которым можно отнести, например, видео- и радио-няню, которые родители используют для контроля за состоянием ребенка или видеорегистратор.

В настоящее время использование специальных технических средств разрешено только следственным органам на основании лицензии, выданной региональными органами Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 отмечается, что по ст. 138.1 не могут быть квалифицированы действия лица, которое приобрело предназначенное для негласного получения информации устройство с намерением использовать его в целях обеспечения личной безопасности, безопасности членов семьи или в целях слежения за животными.

Не смотря на закрепление в Уголовном Кодексе понятия специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, самым важным вопросом остается конкретный перечень устройств, которые можно относить к средствам негласного получения информации и признаки, по которым можно определить, что это действительно специальное техническое средство.

Примерный перечень технических средств перечислен в Постановлении Правительства РФ от 10.03.2000 г., но в нем указывается порядок ввоза и вывоза из РФ юридическими лицами, не уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности, специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. То есть, оно не может применяться по отношению к физическим лицам и ссылаться на данный перечень можно только в тех случаях, когда незаконным оборотом занимается юридическое лицо.

Вопрос о признаках технических средств так же не урегулирован на сегодняшний день. Исходя из Постановления Правительства, упомянутого ранее, можно предположить, что основным и единственным признаком данных средств является их комуфлированность, то есть скрытость от других. В качестве еще одного признака, исходя из изменений, внесенных в ст. 138.1, можно выделить отсутствие таких технических средств в свободном обороте.

Таким образом, для устранения пробела в законодательстве в сфере незаконного применения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, необходимо закрепить признаки и конкретный перечень устройств с их характеристиками, для их более легкого определения.

СТ. 146 УК РФ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

С.Д. Мухина, студент СИУ РАНХиГС
Научный руководитель – ст. преподаватель О.А. Брашнина

Интеллектуальная собственность в наши дни имеет особое значение и, согласно Конституции РФ, охраняется законом. Ст. 146 УК РФ необходима для осуществления защиты от преступных посягательств обладателей прав на объекты авторского права или смежных прав. Но конструкция этой статьи приводит к некоторым проблемам при её применении.

Так, объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 146 УК РФ, представляет собой присвоение авторства (плагиат), которое затрагивает права непосредственно автора произведения. Поэтому необходимо исключить из диспозиции нормы указание на иного правообладателя, либо добавить к присвоению авторства нарушение исключительных прав. По мнению С. А. Юркова, незаконное использование объектов авторского права или смежных прав и приобретение, хранение и перевозка контрафактных экземпляров, описываемые в ч. 2 ст. 146 УК РФ, – это два самостоятельных преступления. Объединение их в одной уголовно-правовой норме является неудачным, поскольку они не находятся в соотношении друг с другом как простой и квалифицированный составы[1].

Такие признак, как «крупный ущерб» и «особо крупный ущерб» вызывают споры в науке уголовного права. Верховный Суд РФ в своем постановлении поясняет, что судебные органы, устанавливая крупный ущерб, учитывают обстоятельства конкретного дела. Однако эта методика не вносит ясности для решения данного вопроса и приводит к затруднению и затягиванию процесса расследования. Трудности возникают из-за двойственного толкования нормы разными субъектами правоприменения, что может привести к неправомерному осуж-

[1] Юрков С. А. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны авторских и смежных прав. Киров: ФГБОУ ВПО «ВятГУ», 2014. 235 с.

дению. Ярким примером является дело от 7 мая 2007 г. № 44-у-6093 директора старшей школы Поносова. Изначальный ущерб, выявленный Верещагинским районным судом Пермского края, составлял 254 035 руб. 31 коп. Сам же Поносов А.М. обжаловал приговор в вышестоящую судебную инстанцию, указав на то, сумма причиненного ущерба составила 40 537 руб. (с учетом скидки в 80% для учебных учреждений). Президиум Пермского краевого суда согласился с доводами осужденного и удовлетворил надзорную жалобу Поносова, так как в деле отсутствовал обязательный признак преступления, а именно – совершение его в крупном размере.

Сложности при установлении размера ущерба возникают, когда экземпляры произведения размещаются в глобальной сети Интернет, в локальных и иных компьютерных сетях. Сейчас не существует способа отследить всех пользователей, которые получили доступ к размещаемым материалам. На практике данное обстоятельство приводит к низкому количеству возбужденных уголовных дел в данной сфере. Например, в 2019 году в России впервые вынесли приговор владельцу онлайн-кинотеатров с пиратскими фильмами Станиславу Сайгину по ч. 3 ст. 146 УК РФ.

При распространении контрафактной продукции вред может причиняться не только правообладателям и авторам, но и потребителям. Примером может служить введение покупателя в заблуждение, когда продавец говорит о том, что продукция является лицензионной. В таком случае, покупатель не только приобретает некачественный товар, но и теряет денежные средства, а продавец приобретает суммы сверх реальной стоимости продукта. Зачастую подобные действия продавцов не находят юридической оценки со стороны правоохранительных органов.

Таким образом, уголовно-правовая норма о нарушении авторских и смежных прав является неэффективной. Большинство дел, подпадающих под ст. 146 УК РФ, разрешаются посредством гражданско-правовой или административной ответственности. Для того, чтобы данная норма стала более совершенной, необходимо устранить неточности, содержащиеся в статье, конкретизировать на законодательном уровне методику исчисления крупного ущерба.

К ВОПРОСУ О ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ КРАЖИ С БАНКОВСКИХ СЧЕТОВ ДО 2,5 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ, СОВЕРШЕННЫХ ВПЕРВЫЕ

Н.С. Берсенев, студент СИУ РАНХиГС
Научный руководитель – ст. преподаватель О.А. Брашнина

На прошедшем 11 февраля 2020 года заседании Верховного Суда Российской Федерации был поднят вопрос о возможном переводе кражи с банковских счетов до 2,5 тыс. рублей в разряд мелкого хищения, а, следовательно, из разряда уголовных дел в административное правонарушение. Согласно статистическим данным центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере (ФинЦЕРТ) Банка России за 2019 г. банковских операций без согласия клиентов было совершено 40,3 млрд. единиц в связи, с чем с банковских счетов граждан было похищено 71,03 трлн. руб. Несогласованных операций в отношении юридических лиц было совершенно 4609 операции на общую сумму 701 млн рублей.

Кража с банковских счетов в настоящий момент квалифицируется по статье 158 части 2 пункту «г» (кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств ((при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации)) УК РФ, представляя собой тяжкое преступления, максимальная санкция за которое предусматривает до 6 лет лишения свободы[1]. Предлагаемое нововве-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ [ред. от 16.10.2019] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

дение перевод такой кражи в административное правонарушение повлечет квалификацию кражи с банковского счета до 2,5 тыс. рублей по статье 7.27 КОАП; при этом максимальная санкция статьи предусматривает наложение административного штрафа в размере до пятикратной стоимости похищенного имущества, но не менее трех тысяч рублей, либо административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок до ста двадцати часов[1].

Обосновывается предложенное нововведение тем, что это устранит дальнейшую криминализацию общества, повысит социальный комфорт граждан.

По нашему мнению, декриминализация краж с банковских счетов до 2,5 тысяч рублей, совершенных впервые, не является целесообразной в связи с тем, что в настоящее время данный вид кражи является распространенным и тенденций к снижению его показателей не наблюдается, а перевод деяния в разряд административного правонарушения может повлечь увеличение количества краж с банковских счетов ввиду незначительного по отношению к содеянному наказания за их совершение.

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СОСТАВА МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

С.А. Хорьков, студент ТГУ
Научный руководитель – д-р юрид. наук, профессор С.А. Елисеев

Обязательный признак мошенничества, предусмотренного ч.ч. 5–7 ст. 159 УК РФ – сфера предпринимательской деятельности.

Справедливо отметить, что в договоре, который заключается одной стороной с целью осуществления деятельности направленной на получение прибыли, другая сторона может не осуществлять указанной деятельности. В связи с этим, уже во время действия ст. 159.4 УК РФ некоторые юристы-практики высказывали суждение, что нельзя относить к данному составу деяния, потерпевшими в которых являлись граждане или иные субъекты, не осуществляющие деятельность в сфере предпринимательства.

Эту проблему законодатель частично решил с принятием новой редакции ст. 159 УК РФ, где в примечании указано: «Действие частей пятой – седьмой настоящей статьи распространяется на случаи преднамеренного неисполнения договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации»[2]. Таким образом, субъектами данного преступления могут быть только индивидуальные предприниматели и коммерческие организации. Возникает вопрос: почему некоммерческие организации не могут нести ответственность или быть потерпевшими в рассматриваемом составе, если они, как и коммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность? В ч. 2 ст. 24 ФЗ «О некоммерческих организациях» указано: «Некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана и соответствует указанным целям, при условии, что такая деятельность указана в его учредительных документах»[3]. Это означает,

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ [ред. от 18.02.2020] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1. Ст. 354.
[2] Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019) // СПС Консультант плюс. 13.06.1996. № 63, ст. 159.
[3] Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О некоммерческих организациях» // СПС Консультант плюс. 12.01.1996. № 7, ст. 24.

что некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую деятельность, хотя и под определенными условиями, поэтому, считаю логичным дополнить примечание 4 к ст. 159 УК РФ указанием на некоммерческие организации.

Также трактовка ранее существовавшей ст. 159.4 УК РФ позволяла виновным нести менее строгую ответственность за совершенные деяния. Эта проблема, по моему мнению осталась нерешенной и после принятия новой редакции ст. 159 УК РФ. В примечании 1 указан минимальный размер значительного ущерба – 10 тысяч рублей, а для граждан указанный минимум – 5 тысяч рублей, разница в 2 раза. А если обратиться к размерам крупного ущерба, который установлен в примечании 4 ст. 158 УК РФ в размере, превышающем 250 тысяч рублей, а в примечании 3 ст. 159 УК РФ в размере, превышающем 3 миллиона рублей, можно увидеть различие указанных размеров в 12 раз. Особо крупный размер для этих составов также различается в 12 раз. Почему законодатель сначала применил увеличение в 2 раза, а потом сразу в 12? Почему нарушение интересов субъектов предпринимательской деятельности наказывается менее строго, чем нарушение интересов граждан? Понятно, что предпринимательская деятельность является деятельностью, осуществляемой на свой риск, но даже это не может объяснить такую разницу в размерах ущерба. Поэтому считаю необходимым установить четкие, не вызывающие вопросов пропорции размеров ущерба для граждан и для субъектов предпринимательства.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что регламентация законодателем круга лиц, которые могут быть потерпевшими по данному составу, является логичной и необходимой. Однако, не исключена дальнейшая правовая эволюция, указанный перечень может быть расширен. Также требует доработки вопрос затрагивающий размеры ущербов.

ОРГАНЫ И ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА, КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 175 УК РФ

С.П. Опацкая, соискатель ТГУ
Научный руководитель – д-р юрид. наук, профессор С.А. Елисеев

Под предметом преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ принято понимать имущество, добытое преступным путем, т.е. не принадлежащее приобретателю (сбытчику) на праве собственности или ином законном основании. Согласно ст. 128 ГК РФ, имущество включает в себя любые продукты человеческой деятельности и природы, которые наделяются определенной стоимостной оценкой и превращаются в товар, а также права и имущественные обязанности, появляющиеся по поводу них. Исходя из смысла открытого перечня перечисленных объектов в ст. 128 ГК РФ органы и ткани человека можно отнести к вещам либо к иному имуществу, так как в узком смысле под имуществом понимается только совокупность определенных вещей, т.е. осязаемых предметов, которым присуща та или иная категория оборотоспособности.

Различают три категории: оборотоспособные вещи; вещи, изъятые из оборота; и вещи, ограниченно оборотоспособные.

Оборотоспособные вещи могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства, либо иным способом, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте. Вещи, изъятые из оборота – виды вещей, отчуждение которых не допускается. Вещи, ограниченно оборотоспособные – виды вещей, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо приобретение или отчуждение которых допускается по специальному разрешению. Ограничение данных вещей определяется в соответствии с законодательными актами.

Так, в соответствии с ст. 21 Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: «Конвенция о правах че-

ловека и биомедицине» (ETS N 164) – Тело человека и его части не должны в качестве таковых являться источником получения финансовой выгоды; ст. 1 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» – купля-продажа органов и (или) тканей человека запрещена и влечёт уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Основываясь на классификации оборотоспособности, органы и ткани человека можно отнести к категории ограниченно оборотоспособных вещей, так как вследствие запрета купли-продажи их нельзя отнести к оборотоспособным, но из-за возможности дарения и завещания они не относятся и к вещам, изъятым в обороте. Перечень органов и тканей человека, подлежащих трансплантации, определяется Министерством здравоохранения и Российской академией медицинских наук.

Т.к. при проведении медицинских манипуляций врачи вкладывают в процесс изъятия органов определенный физический труд, значит, они создают новую вещь, ибо с отделением от тела его частей, данные части тела становятся вещами в юридическом смысле и поступают в собственность их прежнего носителя[1], следовательно, любые органы и ткани человека с момента их отделения от организма – это объекты материального мира, относящиеся к категории вещей.[2]

Отсюда следует, что изъятые из организма (отделенные) органы и ткани все же могут быть объектами права собственности, но только на протяжении ограниченного периода времени: с момента их изъятия из организма человека и до момента вживления в другой организм (либо до момента иного использования), а, следовательно, органы и ткани человека могут выступать в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ.

ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ТАМОЖЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

П.Н. Антонова, студент СИУ РАНХиГС
Научный руководитель – ст. преподаватель О.А. Брашнина

На сегодняшнее время проблема признания таможенных преступлений самостоятельным институтом особенной части уголовного права в России является дискуссионным вопросом в юридической науке. Так, одни говорят, что процесс становления таможенных преступлений как самостоятельного вида уголовно наказуемых деяний явление уже реализовавшееся. Другие же вообще не считают нужным их выделение среди преступлений в сфере экономической деятельности. Разногласия выражаются и в том, что одни ученые-правоведы обозначают данную группу общественно опасных деяний как «преступления в таможенной сфере», «преступления в сфере таможенной деятельности», а другие – «преступления в сфере внешнеторговой деятельности», «преступления в сфере внешнеэкономической деятельности», зачастую используя термины как равнозначные. Помимо этого, в ст. 12 ФЗ от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» данная группа преступлений характеризуется как «преступления, отнесенные к компетенции таможенных органов», но указанная формулировка не может участвовать в классификации преступных деяний в уголовном материальном праве, так как она не включает в себя объект преступного посягательства.[3] Вместе с тем, к таможенным преступлениям относят именно те

[1] Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало-М, 2013. С. 613.
[2] Аполинская Н.В. О статусе биологических объектов в гражданском праве РФ // Сибирский Юридический Вестник. 2002. № 4.
[3] О таможенном регулировании в Российской Федерации: федер. закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ: [ред. от 28.11.2018] // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2010. № 48. Ст. 6252.

деяния, которые входят в уголовно-процессуальную компетенцию таможенных органов (например): ст. 200.1, 200.2, 226.1, 229.1. УК РФ (контрабанда); ст. 173.1 и ст. 173.2 УК РФ (незаконное образование юридического лица и незаконное использование документов для его образования); ст. 189 УК РФ (незаконные экспорт из РФ или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники); ст. 194 УК РФ (уклонение от уплаты таможенных платежей)[1].

Так, из совокупности взглядов на проблему признания таможенных преступлений самостоятельным институтом особенной части уголовного права в России, в уголовно-правовой науке возникает необходимость разрешения следующих вопросов: какая из используемых учеными-юристами формулировок наиболее точно отражает содержание данной группы общественно опасных деяний, и, что за виды преступлений составляют последнюю; объективны ли основания, способствующие выделению таможенных преступлений в отдельную группу в системе уголовного права и, следовательно, признания соответствующих норм УК РФ правовым институтом.

Таким образом, по нашему мнению, несмотря на дискуссионный характер рассматриваемой проблемы, очевидным является то, что для создания эффективных юридических механизмов, которые смогут обеспечивать законность в сфере внешнеэкономической деятельности и таможенного дела, закономерным результатом, связанным с историей развития уголовно-правовой науки, станет выделение таможенных преступлений в самостоятельную классификационную группу в системе Особенной части УК РФ. Институт таможенных преступлений следует определить, как систему уголовно-правовых норм статей 189, 190, 193, 193.1, 194, 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ, которые закрепляют основания и меры уголовной ответственности за совершение таможенно-правовых умышленных общественно опасных деяний, посягающих на установленный законом порядок реализации внешнеэкономической деятельности и таможенного дела в России.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 210.1 УК РФ

В.В. Климов, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент М.Т. Валеев

14 февраля 2019 г. Президент РФ с целью продолжения борьбы с организованной преступностью внес проект Федерального закона N 645492-7 на рассмотрение Государственной думой РФ. В частности, в данном законопроекте было предложено внести в УК РФ новый состав – занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ).

В пояснительной записке к рассматриваемому проекту указывалось, что: «Наиболее опасные и тяжкие преступления совершаются организованными преступными сообществами. Лидеры преступных сообществ (преступных организаций) ... представляют наибольшую общественную опасность. Однако благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры преступных сообществ (преступных организаций), как правило, уходят от уголовной ответственности».

В апреле 2019 года поправки были приняты и вступили в силу.

Несмотря на внешне положительную сторону появления нового состава в УК РФ (усиление борьбы с организованной преступностью), в юридической науке сразу после внесения

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ [ред. от 16.10.2019] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

в УК РФ ст. 210.1 начали вестись споры о необходимости и целесообразности таких изменений, о их результативности, а также о неопределенности диспозиции рассматриваемой статьи.

Больше всего вопросов при анализе элементов состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК, вызывает его объективная сторона. В правоприменительной практике попрежнему нет точного понимания того, что из себя представляет «преступная иерархия», «высшее положение» в этой иерархии, какие действия лицо должно совершить, чтобы его деяние квалифицировалось по ст. 210.1 УК РФ. На данный момент их толкование возможно только путем анализа научной литературы, а также применения общих представлений о преступной иерархии, высшем положении в ней и т.д. Также представляется интересным вопрос о том, какой должен быть масштаб преступной иерархии. Это может быть отдельный регион РФ или подразумевается вся территория РФ? Допустимо ли привлекать к уголовной ответственности «положенцев» (лицо, которое назначается «вором в законе»; оно вправе принимать решения в его отсутствие и от его имени) и «смотрящих» (ниже «положенца» в преступной иерархии, осуществляет контроль и координацию деятельности преступной среды на конкретной территории (населенный пункт, исправительное учреждение)) по ст. 210.1 УК РФ или «высшее положение в преступной иерархии» относится лишь к «ворам в законе»? Неизученным является вопрос о возможности применения ст. 210.1 УК РФ не только к «воровской» иерархии, но и к другим преступным организациям (религиозным, сепаратистским, террористическим).

Неопределенность объективной стороны изучаемого состава преступления порождает такую же неясность в отношении субъекта данного состава. Является ли он специальным? Какими, в таком случае, признаками, характеристикой он должен обладать? Кто может являться таким лицом? В науке выделяются следующие признаки, характеризующее «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии»: выполнение функций арбитра при разрешении конфликтов в преступном сообществе; организация «воровских сходок», на которых обсуждаются наиболее важные вопросы, осуществляется координация группировок, назначаются новые «воры в законе» и т.д.; поддержание и популяризация преступной идеологии и культуры; владение «общаком», на которое указывают систематическое получение нелегальных доходов от различных источников, их трата на совершение новых преступлений, передача в исправительные учреждения с целью обеспечения отдельных осужденных и т.д.; соблюдение «воровских» законов, правил и пр.

По вышеуказанным доводам представляется необходимым подробный анализ и корректировка диспозиции ст. 210.1 УК РФ либо на законодательном уровне (путем внесения изменений с соответствующую статью УК РФ), либо на уровне судебной власти (опубликование разъяснений Пленума ВС РФ; развитие судебной практики и т.д.).

СТ. 210.1. ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НОВЕЛЛЫ

И.Ю. Москвичев, студент ТГУ
Научный руководитель – ассистент Л.В. Ведерникова

Общественная опасность организованной преступности является объективно высокой. Преступный потенциал объединения увеличивается, если лицо, осуществляющее руководство им или участвующее в нем, обладает неформальным криминальным статусом, который признается в определенных кругах.

В 2019 году в УК был введен особо квалифицированный состав преступления – ч. 4 ст. 210. Норма была направлена на борьбу с совершением деяний, предусмотренных упомянутой статьей, специальным субъектом – лицом, занимающим высшее положение в преступ-

ной иерархии. В последующем ни УК, ни Пленум ВС РФ не дали определений «высшего положения» и «преступной иерархии». Пленум ВС РФ лишь ограничился формулировкой, в соответствии с которой субъектом должны совершаться преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе[1].

1 апреля 2019 года в УК была введена статья 210.1 – занятие высшего положения в преступной иерархии. Отныне статус «криминального авторитета» является преступным.

Новелла имеет некоторую схожесть со статьей 223.1 УК Грузии, которая признает уголовно наказуемым: 1) членство в воровском сообществе; 2) пребывание в положении вора в законе.[2] Однако УК Грузии четко обозначил субъект данного преступления – это либо лицо, являющееся членом воровского сообщества, либо непосредственно «вор в законе». Носитель данного криминального статуса обязан придерживаться строгих правил – «воровских законов». К ним относятся, например, контроль за соблюдением порядка в ИУ и насаждение там власти воров, недопустимость контактов с правоохранительными органами, запрет на осуществление труда в любой форме.[3] Соответственно, для правоприменителя задача определения лица как «вора в законе» несколько упрощается.

Ст. 210.1 УК РФ в свою очередь, так же, как и ч. 4 ст. 210, субъекта данного преступления выделить не позволяет по уже упомянутым причинам – отсутствие определения понятий «высшее положение» и «преступная иерархия».

Криминологи ассоциируют «высшее положение» в преступном мире с ранее описанным статусом «вора в законе», статусом «положенца» – лица, имеющего право на принятие решений от имени «вора» и статусом «смотрящего» – лица, наделенного правом принятия решений в определенной сфере преступной деятельности. Однако формулировка ст. 210.1 расширяет перечень лиц, которых допустимо относить к «авторитетам» в преступном мире. Ведь, исходя из толкования нормы, таковыми являются любые лица, занимающие в криминальных кругах «высшее положение».

Под «преступной иерархией» в литературе понимается система, определяющая структуру и взаимоотношение лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил.[4] Эта система у преступных сообществ различна. Возникает закономерный вопрос – в какой преступной иерархии субъект должен занимать «высшее положение»? Имеет ли значение уровень данной иерархии – местный, региональный, всероссийский?

Неясность существует и в объективной стороне данного деяния. Преступным объявляется «занятие высшего положения». В чем конкретно выражается «занятие» законодатель не поясняет. Получается, что возможно множество форм совершения данного деяния: причисление себя к «авторитетам»; признание другими лицами, занимающее такое положение; наличие информации о данном статусе у конкретного лица.

Ст. 210.1 была принята в целях пресечения деятельности криминальных «авторитетов», прежде всего – «воров в законе». Однако эта законодательная новелла требует осмысления и доработки. Явная «пробельность» нормы влечет за собой сложность в правоприменении. А это, в свою очередь, уменьшает эффективность борьбы с организованной преступностью, «кураторами» которой зачастую выступают криминальные «авторитеты».

---

[1] Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // СПС Консультант плюс.

[2] Уголовный кодекс Грузии 1999 г.

[3] Глонти Г., Лобжанидзе Г. Профессиональная преступность в Грузии: монография. Тбилиси: Центр по изучению транснациональной организованной преступности при Американском университете, 2004. С. 62.

[4] Годунов И. В. Организованная преступность от расцвета до заката. М., 2008. С. 60.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПРОПАГАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ ПРЕКУРСОРОВ

Д.В. Евдокимова, студент НГУ
Научный руководитель – д-р юрид. наук, доцент Р.Н. Боровских

30.10.2019 в Государственную Думу РФ был внесён законопроект о введении ответственности за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ. В настоящее время за данное правонарушение установлена административная ответственность, закреплённая в статью 6.13 КоАП РФ.

Мнения насчет криминализации пропаганды наркотиков разделились в обществе и научных кругах: одни говорят, что это давно нужно было сделать и что это поможет ограничить незаконную рекламу, тем самым, уменьшит оборот наркотиков. Другие выступают за нецелесообразность данной нормы, приводя в аргументы её недоработанность, несоразмерную ответственность и туманность реализации. Чтобы сделать выводы по данной проблеме, стоит рассмотреть возможные причины внесения данного законопроекта, а также сам законопроект.

В пояснительной записке к законопроекту отмечены проблемы противодействия пропаганды наркотиков, такие как недостаточность санкции, по статье 6.13 КоАП РФ, и иллюзия безопасности потребления наркотиков, которая имеет серьёзные социальные последствия. Таким образом, целями криминализации, по мнению законодателя, является формирование общественного мнения о недопустимости наркопотребления, нетерпимости к наркотикам, изменение сложившейся ситуации и повышение борьбы с распространением наркотиков.

Пропаганда наркотиков в настоящее время осуществляется путём размещения незаконной рекламы на вывесках, на стенах домов, где чаще всего указывается уже не номер телефона, а адреса интернет-сайтов, где можно приобрести наркотики. Именно поэтому можно отметить, что законодатель подошёл достаточно релевантно к данной проблеме, поскольку предложил установить ответственность не только за размещение рекламы на домах и вывесках, но и в интернете. Безусловно, важным является рассмотрение развития наркооборота в интернете и появление бесконтактного способа сбыта наркотиков. Всемирный доклад ООН о наркотиках подтверждает опасность применения бесконтактного способа, поскольку его применение сокращает риск поимки.

Следует отметить, что развитие технологий и интернета в РФ повлияло на создание новых площадок для сбыта наркотиков. Особую роль в пропаганде наркотиков играет площадка мессенджера «Телеграмм». На данную тему были сделаны исследования, подтверждающие опасность пропаганды в интернете, по итогам которой было выявлено более 100 Телеграмм-каналов, созданных для оборота наркотиков. На данных каналах пропагандируется употребление наркотиков, рекламируются интернет-магазины, а также, происходит вовлечение молодежи и подростков в наркооборот.

Таким образом, можно сделать вывод, что уголовная ответственность за пропаганду наркотиков является правильным и релевантным решением. Выделяемые учёными минусы просто меркнут под количеством и серьёзностью плюсов, которые вытекают из общественной обстановки и выявленных проблем. Следовательно, после криминализации пропаганды наркотиков, будут решены многие проблемы путём ужесточения санкций, в том числе, за пропаганду в интернете.

Криминализация пропаганды наркотиков укрепит формирование общественного мнения о недопустимости наркопотребления, нетерпимости к наркотикам, повысит уровень борьбы с распространением наркотиков, таким образом, изменит сложившуюся ситуацию наркооборота как в субъектах РФ, так и в стране в целом.

НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, СВЯЗАННЫЕ СО СТАТЬЕЙ 264 УК РФ И КАТЕГОРИЯМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В.А. Коровин, студент СИУ РАНХиГС
Научный руководитель – ст. преподаватель О.А. Брашнина

В апреле 2019 года в ГД РФ был внесен законопроект, связанный с увеличением санкций по всем частям статьи 264 УК РФ, предусматривающим такие квалифицирующие признаки, как состояние опьянения и оставление места совершения преступного деяния, а также с изменением общей части УК РФ относительно категорий преступлений.

При внесении законопроекта возникли разногласия: Правительство РФ в своем официальном отзыве выразило сомнения в эффективности первого и обоснованности второго изменения. Однако мнение Правительства РФ не было учтено, и спустя 2 месяца закон был подписан Президентом РФ.

Рассмотрим изменение наказаний в виде лишения свободы (далее – л. с.), предусмотренных статьей 264 УК РФ (таблица).

Изменение санкций

Часть статьи 264 УК РФ	Санкция до изменений	Санкция в действующей редакции
2	до 4 лет л. с.	от 3 до 7 лет л. с.
4	от 2 до 7 лет л. с.	от 5 до 12 лет л. с.
6	от 4 до 9 лет л. с.	от 8 до 15 лет л. с.

Категории преступлений играют важную роль в уголовном процессе. Во-первых, они имеют значение при определении вида рецидива преступления. Во-вторых, категории преступлений влияют на назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения. В-третьих, от них зависит, какую часть наказания фактически необходимо отбыть осужденному для возникновения у него права на применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, а равно на замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Кроме того, от категории преступления зависит срок погашения судимости и сроки давности.

Ранее действовавшая редакция имела всего две категории преступлений за неосторожные деяния: небольшой тяжести (до 3 лет л. с.) и средней тяжести (свыше 3 лет л. с.). Действующая редакция изменила критерии и добавила к преступным деяниям, совершенным по неосторожности, третью категорию; теперь деление выглядит так: преступления небольшой тяжести (до 3 лет л. с.), средней тяжести (до 10 лет л. с.), тяжкие преступления (до 15 лет л. с.).

Таким образом, опираясь на таблицу, можно заметить переход составов от одной категории к другой, что говорит об ухудшении процессуального положения лица, подвергнутого уголовному преследованию за соответствующее преступление. Однако привнесенное поправками ухудшение положения не привело к предоставлению дополнительных прав. Так, например, не представляется реально возможным применение ч. 6 ст. 15 УПК РФ, предусматривающей изменение категории на менее тяжкую.

Также не изменилась подследственность следствию МВД РФ и подсудность районному суду. А поскольку не были внесены изменения в ст. 30 УПК РФ, обвиняемый лишен права как на коллегиальное рассмотрение его дела, так и на рассмотрение судом с участием присяжных заседателей.

При этом отдельное внимание стоит обратить на цель внесенных поправок: снижение уровня смертности в результате дорожно-транспортных происшествий. При этом, согласно статистике Госавтоинспекции, всего погибших в ДТП в 2019 году 16 981, из них по причине нарушения ПДД лицами с признаками опьянения 4 185. При этом из 4 783 погибших пешеходов, по собственной неосторожности погибло 3 264 человека, а по причине наличия недо-

статков транспортно-эксплуатационного состояния улично-дорожной сети: некачественных дорог, отсутствия разметки и т. д. погибло 4 941 человек.

Таким образом, принятые изменения не только не смогут серьезным образом уменьшить показатели смертности на дорогах, но и по сути ставят лиц, привлекаемых к ответственности по ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, в несправедливое процессуальное положение, не предоставляя никаких дополнительных прав.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТ. 275 И СТ. 276 УК РФ

Ю.С. Субботина, студент СИУ РАНХиГС
Научный руководитель – ст. преподаватель О. А. Брашнина

Одной из важнейших задач Российской Федерации является обеспечение интересов общества и государства. Так, X раздел Уголовного кодекса содержит составы преступлений против государственной власти. Первые позиции занимают государственная измена и шпионаж, как наиболее опасные. Но стоит заметить, что в процессе их применения возникают некоторые сложности.

Так, во-первых, понятие «шпионаж» употребляется как в ст. 275, так и ст. 276 УК РФ. Однако в науке по этому поводу ведутся дискуссии.

В.Н. Воронин утверждает, что в определении «шпионажа», данного в ст. 276 УК РФ субъект не указан, поэтому данное понятие применимо в равной степени к обеим статьям[1]. К.О. Папеева, наоборот, считает, что термин «шпионаж» предполагает наличие специального субъекта – иностранного гражданина или лицо без гражданства, поэтому при его употреблении в ст. 275 УК РФ возникает логическое несоответствие[2].

Если посмотреть на конструкцию статьи 276 УК РФ, то можно заметить, что после раскрытия термина делается отметка «…то есть шпионаж, если эти деяния совершены…». То есть, специальный субъект относится не к самому понятию, а к составу преступления, и логического несоответствия не наблюдается.

Во-вторых, конструкция диспозиции ст. 275 также сложна для восприятия, она содержит в себе описание трёх форм государственной измены. При этом для всех предполагается наличие специального субъекта – гражданина РФ, а во втором случае – гражданин РФ, которому сведения, содержащие государственную тайну стали известны в случаях, предусмотренных законодательством, что существенно повышает общественную опасность деяния, так как указанному лицу было оказано доверие со стороны государства, и в его обязанности входила защита интересов России.

Исходя из всего вышесказанного, предлагаются следующие изменения:

1. Государственная измена, то есть совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, – …

2. Выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, – …

---

[1] Воронин В.Н. Качество уголовно-правовой охраны безопасности государства от внешних посягательств // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 572.

[2] Папеева К. О. Проблемные аспекты уголовно-правовой охраны государственной тайны // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 2 (82). С. 240–244.

Примечания:

2. Под шпионажем в ст. 275 и ст. 276 настоящего Кодекса следует понимать передачу, собирание, похищение или хранение в целях передачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, а также передачу или собирание по заданию иностранной разведки или лица, действующего в ее интересах, иных сведений для использования их против безопасности Российской Федерации».

«Шпионаж, совершённый иностранным гражданином или лицом без гражданства, – …».

Предлагаемые изменения облегчат восприятие, а, следовательно, и применение указанных статей, а также снизят дискуссии в науке по некоторым вопросам квалификации.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 305 УК РФ

Н.С. Елисеева, студент ТГУ

Научный руководитель – ассистент А.В. Черноусова

В настоящее время проблема преступности в сфере правосудия не выглядит остро на фоне проблем борьбы с другими видами преступлений. В структуре официально зарегистрированной преступности посягательства против правосудия продолжают занимать незначительное место. Однако эта группа преступлений обладает высокой латентностью, и вопросы предупреждения данных преступлений приобретают особую актуальность

В науке уголовного права специальным субъектом преступления признается лицо, которое, кроме необходимых признаков субъекта (вменяемость и достижение определенного возраста), наделено особыми признаками, ограничивающими возможность привлечения не обладающих ими лиц к уголовной ответственности. В соответствии с ч. 1 ст. 305 УК РФ, субъект рассматриваемого преступления специальный – судья (судьи). Согласно ст. 1 Закона РФ «О статусе судей», судьями являются лица, наделенные в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе: следовательно, лицо может быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, только в том случае, когда оно наделено соответствующими полномочиями и приступило к исполнению обязанностей судьи. Общий порядок наделения судей полномочиями определен в ст. 6 Закона РФ «О статусе судей».

Представляется необоснованной позиция, согласно которой термин судья применительно к рассматриваемой статье можно трактовать расширительно и признавать субъектами преступления как судей, так и иных лиц, участвующих в отправлении правосудия: арбитражных и присяжных заседателей. В ч. 1 ст. 1 Закона РФ «О статусе судей» их статус четко разграничен: судебная власть в Российской Федерации принадлежит только судам в лице судей и привлекаемых в установленных законом случаях к осуществлению правосудия представителей народа. Согласно ч. 30 ст. 5 УПК РФ, присяжный заседатель – это лицо, привлеченное в установленном УПК РФ порядке для участия в судебном разбирательстве и вынесения вердикта. Согласно ч. 1 ст. 12 ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», на присяжного заседателя в период осуществления им правосудия распространяются гарантии независимости и неприкосновенности судей – данное положение также свидетельствует о разграничении статусов этих субъектов.

Арбитражными заседателями арбитражных судов субъектов Российской Федерации, в соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» являются граждане Российской Федерации, наделенные в порядке, установленном Федеральным законом, полномочиями по осуществлению

правосудия при рассмотрении арбитражными судами субъектов Российской Федерации в первой инстанции отнесенных к их компетенции дел, возникающих из гражданских правоотношений. Далее в ч. 4 ст. 1 того же закона содержится указание на нетождественность статусов арбитражных заседателей и судей: «арбитражные заседатели принимают участие в рассмотрении дела и принятии решения наравне с профессиональными судьями». В связи с этим, можно согласиться с утверждением Б.Д. Завидова о том, что: судьи – это должностные лица государства, наделенные полномочиями по осуществлению правосудия в соответствии с Конституцией РФ (ст. 128) и Законом «О судебной системе Российской Федерации» (ст. 11–13), выполняющие свои обязанности на профессиональной основе… народные, присяжные и арбитражные заседатели судьями в собственном смысле этого слова не являются[1].

Такого мнения придерживается и В.Л. Кудрявцев: «… присяжный заседатель – это не субъект преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, а вердикт, выносимый коллегией присяжных заседателей, соответственно не предмет преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ»[2]. Действительно, об этом свидетельствуют положения УПК РФ: согласно п. 5 ст. 5 УПК РФ, вердикт – это решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей. В п.п. 53.1–53.3 той же статьи даются определения судебного решения, итогового и промежуточного судебных решений. Вердикт коллегии присяжных заседателей не отнесен ни к одному из перечисленных видов судебных актов.

Таким образом, сказанное позволяет сделать вывод, что субъектом рассматриваемого преступления могут быть только лица, наделенные полномочиями судьи в соответствии с Законом РФ «О статусе судей» и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

А.Л. Агабекян, аспирант ТГУ
Научный руководитель – д-р юрид. наук, профессор В. А. Уткин

С начала века и по сегодняшний день наблюдается тенденция увеличения численности не только тюремного населения, но и «клиентов пробации», то есть осужденных без изоляции от общества[3]. Согласно последним отчетам по уголовной статистике Совета Европы, уровень «пробационного населения» большинства стран выше, чем доля заключенных[4] (средний европейский показатель – 202 «клиента пробации» на 100 000 жителей). В этой связи интересны некоторые современные тенденции исполнения альтернатив лишению свободы в зарубежных странах Европы.

Первая тенденция – расширение информирования – заключается в возросшей необходимости исполняющих органов предоставлять осужденному необходимую информацию о его правах и обязанностях, порядке отбывания наказания, разъяснять решения об исполнении санкций на понятном правонарушителю языке, а также сообщать о содержании личных дел и пояснять суть таких документов.

---

[1] Комментарий к Закону «О статусе судей в Российской Федерации» (постатейный) (Завидов Б.Д.) Юстицинформ, 2003.

[2] Кудрявцев В.Л. Правовые и процессуальные проблемы определения предмета преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» // Евразийская адвокатура. 2017. № 5 (30). С. 70–84.

[3] Кроме указанной категории к ним большинство европейских стран относят как тех, в отношении которых применяют досудебные способы урегулирования, так и тех, кто был условно-досрочно освобожден.

[4] Исключение составляют Сербия, Норвегия, Швейцария, Болгария, Испания, Азербайджан и Российская Федерация, где доля заключенных на 100 000 жителей превышает численность «клиентов пробации».

По мере возможности исполняющие органы должны получить согласие и желание осужденных на сотрудничество для осуществления на них воспитательного воздействия[1], ведь в силу психолого-педагогических обстоятельств они являются необходимыми условиями эффективности санкций. Также в п. 31 Европейских правил 2017 г. подчеркивается необходимость установления рабочих отношений между правонарушителем, надзирателем и любыми участвующими организациями или лицами, привлеченными из общины, с целью снижения числа повторных правонарушений и социальной реинтеграции. Отмеченное выше позволяет выделить вторую тенденцию – расширение диспозитивности в непенитенциарном режиме. Однако это правило не должно быть слишком широким или абсолютным, несмотря даже на то, что оно важно для индивидуализации воздействия.

Тенденция применения контроля как формального, так и неформального в разумных пределах (или тенденция соразмерного применения контроля). Контролирующая деятельность должна осуществляться лишь в той мере, в которой она необходима для надлежащего исполнения назначенного наказания, с учетом тяжести совершенного преступления, индивидуальных особенностей. Причем нагрузка на сотрудников служб пробации, обязанных выполнять эти действия, значительно различается в разных странах. Например, во Франции, Италии, Португалии и Польше сотрудники службы пробации контролируют от 120 до 150 человек, а в Великобритании зарегистрировано около 20–30 человек на одного правонарушителя. Вместе с тем проверки проводятся не только в отношении осужденных, но и самих сотрудников исполняющих органов. Во многих странах (например, в Италии, Греции, Польше и Латвии) отсутствие системного, независимого мониторинга, инспекций и систем рассмотрения жалоб, касающихся альтернатив тюремному заключению, затрудняет доступ общественности к нарушениям основных прав.

Тенденция снижения финансовых расходов при одновременном обеспечении высоких стандартов исполнения наказаний без изоляции от общества. Очевидное преимущество применения альтернатив лишению свободы заключается в экономической выгоде, а участие в процессе исполнения частных организаций, навязанное некоторыми государствами, также рассматривается, как попытка снизить расходы. На этом фоне повышаются требования к сотрудникам служб пробации, однако зарубежные ученые отмечают отсутствие официального профессионального руководства или обучения во многих европейских странах.

Международные и региональные европейские правила относительно применения общинных санкций и мер всегда подчеркивали важность взаимодействия исполняющих органов с другими субъектами реализации альтернатив, в том числе с судами, прокуратурой, членами общины, добровольцами. Несмотря на возросшие возможности последних участвовать в исполнении наказаний, государства столкнулись с проблемой отсутствия общественного и профессионального понимания работы сотрудников службы пробации. К примеру, в исследовании, проведенном Кетрин Херд (Catherine Heard), отмечается, что даже судьи не знают, что делают работники службы пробации, и как они могут содействовать применению альтернатив тюремному заключению (об этом сообщалось в Греции, Испании и Португалии)[2].

[1] Европейские правила в отношении общинных санкций и мер 1992 и 2017 гг. вопросам сотрудничества правонарушителя и его согласия посвятили Главы IV и V соответственно.

[2] Alternatives to imprisonment in Europe: A handbook of good practice by Catherine Heard. URL: http://www.prisonobservatory.org/upload/Good%20practice%20handbook%20AS.pdf (date of address: 31.03.2020).

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СЕКТОРА УИС РОССИИ

Д.И. Гордеев, курсант Кузбасский институт ФСИН России
Научный руководитель – канд. экон. наук, ст. преподаватель О.В. Мошненко

На протяжении 20 лет ведется поиск наиболее оптимальной модели построения производственного сектора УИС. Причина столь пристального внимания к производственному сектору связана прежде всего с тем, что он играет важное значение в трудовой адаптации осужденных, обеспечении исправления осужденных.

Так, начиная с 1990-х гг., с целью повышения эффективности производственного сектора УИС, было принято решение о трансформации организационно-правовой формы предприятий, составлявших данный сектор, путем преобразования их в «унитарные». Однако смена организационно-правовой формы не решила основных проблем: низкой рентабельности, отсутствия оборотных средств, ресурсов для организации новых рабочих мест для осужденных и др.

С 2006 г. был новый виток в реформировании производственного сектора, связанный с сокращением унитарных предприятий и созданием Центров трудовой адаптации осуждённых (ЦТАО), лечебно-производственных мастерских (ЛПМ), учебно-производственных мастерских (ЛПМ) (в зависимости от типа исправительного учреждения), являющихся структурным звеном исправительного учреждения. Так, например, в настоящее время в уголовно-исполнительной системе функционируют 569 центров трудовой адаптации осужденных, 21 учебно-производственных и 54 лечебно-производственных мастерских[1].

Основными задачами ЦТАО, ЛПМ и УПМ сегодня являются: организация профессиональной подготовки и повышения профессиональной квалификации осужденных, производственное обучение их смежным профессиям в соответствии с потребностями хозяйственной деятельности учреждений и с учётом перспективы её дальнейшего развития, а также с потребностями регионального рынка труда и рабочей силы.

Однако анализ трансформационных процессов, происходивших на протяжении последних 10 лет, свидетельствует, что реформирование данного сектора обусловлено изменением уголовно-исполнительной политики, появлением новых целей и задах, как перед уголовно-исполнительной системой, так и производственным сектором, являющимся значимым элементом данной системы. Но, следует заметить, что все вышеуказанные реформы, так и не разрешили «узловых» проблем, стоявший пред производственным сектором УИС: повышение рентабельности производства, поиск средств для модернизации производства и создания новых рабочих мест.

Сегодня функционирование производственного сектора УИС продолжает осложняться рядом факторов: Это низкая профессиональная квалификация осужденных, короткие сроки наказаний, что не позволяет обучить осужденного какой-либо профессии и в последующем трудоустроить; увеличение количества осужденных с наличием психических заболеваний, алкоголизма, наркомании, трудности со сбытом продукции и т.д.[2] Современными исследователями предлагаются разные пути решения сложившегося положения дел, в том числе отмена обязанности трудиться, изменение системы оплаты труда, системы стимулов к труду, квотирование государственных заказов и т.д.

Однако, на наш взгляд, в условиях специфики финансирования исправительных учреждений, являющихся «казенными» учреждениями, проблемы повышения эффективности производственного сектора будут сохраняться. Перспективным направлением в сложившийся ситуации видится расширение возможности государственно-частного партнерства, заключающегося в привлечении социального предпринимательства.

---

[1] Официальный сайт ФСИН России. URL: http://www.fsin.su/structure/adaptation/production (дата обращения: 10.03.2020).

[2] Мошненко О.В. К вопросу об эффективности производственного сектора УИС // Человек: преступление и наказание. 2017. № 4. С. 653.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НА УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Г.Е. Громолысов, Д.В. Лембик, студенты НГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент А.В. Корнилов

Являясь одной из самых благополучных и развитых стран бывшего постсоветского пространства, Российская Федерация выступает центром притяжения трудовых мигрантов из стран СНГ. По данным ООН, в 2019 г. Россия занимает четвертое место в мире по количеству проживающих мигрантов (12 млн[1]).

Одним из следствий высокого уровня миграции является миграционная преступность. Для России данная проблема не является новой. Несмотря на существующие меры реагирования[2], по мнению авторов, эти меры недостаточны.

За последние годы удельный вес преступлений совершенных, гражданами государств-участников СНГ составил 88% от общего числа преступлений совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. А от общего числа совершенных преступлений на территории РФ удельный вес преступлений совершенных гражданами государств-участников СНГ составил 4,1%. Стоит учитывать, что приведенная статистика не соответствует действительности, в связи с высоким уровнем латентности совершаемых преступлений, рассматриваемой категории.

Существует обусловленная связь между причинами миграции и миграционной преступностью. Так, транзит через территорию Таджикистана проходит транзит опиума по «северному маршруту[3]». Контрабандисты ищут различные способы доставки наркотиков, и часть из них попадает на территорию России в личных вещах мигрантов. Также, отмечается повышенная угроза террористических актов[4]. В ходе опроса, в котором приняли участие 351 респондент из 19 субъектов РФ, проведенного авторами, был выявлен рост националистических настроений, что говорит о неэффективности миграционной политики РФ.

Авторами выдвигаются следующие пути решения:

1) необходимо обеспечить надлежащий контроль со стороны государства за воплощением в жизнь положений о национальном режиме;

2) дифференцировать меры по адаптации и интеграции иммигрантов;

3)привлечь официальные национальные организации и этнокультурные общественные объединения для адаптации мигрантов в стране;

4) осуществить просветительскую и консультационную деятельность, наглядного и доступного информирования иностранных граждан об их правовом положении в стране пребывания.

Таким образом, решение проблемы миграционной преступности требует слаженной работы правоприменительных и правоохранительных органов внутри страны. Отдельно стоит сказать о международном сотрудничестве и деятельности этнических организаций, так как это очень перспективные направления, но пока их потенциал раскрыт недостаточно.

---

[1] Новости ООН, 2019 URL: https://news.un.org/ru/story/2019/09/1363082 (дата обращения: 05.11.2019).

[2] Россия обязывается исполнять соглашения по вопросам миграции: международные (соглашение в Марракеше в декабре 2018 г.) и региональные (Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией от 06.03.1998).

[3] Вид наркотрафика (Афганистан – Таджикистан – Кыргызстан или Узбекистан – Казахстан – Россия – Украина – Белоруссия – Прибалтика – Восточная Европа – Германия – Нидерланды)

[4] Суд арестовал шестерых граждан Киргизии за создание экстремистской организации // Известия. URL: https://iz.ru/978354/2020-02-20 (дата обращения: 09.04.2020).

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ДИСПОЗИТИВНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.М. Зеленова, аспирант ТГУ
Научный руководитель – д-р юрид. наук, профессор В.А. Уткин

Возросший интерес к категории диспозитивности в конце 20 века обусловлен кардинальными изменениями государственного строя и курса развития нашего государства. Признание в статье 2 Конституции Российской Федерации человека, его прав и свобод высшей ценностью представляет собой условие нормальной жизнедеятельности общества и всех его членов. В этой связи определение вектора развития России является предметом постоянной дискуссии, как теоретиков, так и практиков. Большинство из них в настоящее время сходится во мнении, что развитие частных начал стало характерно не только для гражданско-правовых, но и для публично-правовых отраслей российского права.

Увеличение и уменьшение интереса к данной категории неразрывно связано с политическими и экономическими изменениями. Так, в советское время категория диспозитивности исследовалась теоретиками права и цивилистами, а уже в 90-е годы XX века появилось большое число исследовательских работ, посвященных проявлению диспозитивности в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Наибольшую популярность данное направление исследований достигло в 2000–2010 гг. В первую очередь это связано с тем, что усиление государственной власти, расширение сферы применения принудительно-карательных мер воздействия напрямую влечет за собой усиление императивных начал во всех отраслях права. В первую очередь данные изменению касаются уголовно-правовых отраслей.

Безусловно, изучение данного института относится к числу фундаментальных вопросов общей теории права. На вопрос о то, какова же практическая польза глубокого анализа данной категории есть один ответ. Без всестороннего анализа диспозитивности невозможно решить большой ряд практических вопросов, в том числе связанных с реализацией прав и свобод граждан.

Содержание данного правового института выражается в свободе участников уголовно-исполнительных отношений, уровень которой предопределен достигнутой обществом свободы, закрепленной в нормативно правовых актах.

«Институт диспозитивности как наиболее демократичный институт права проявляет себя тогда, когда построение развитого гражданского общества, правового государства, признание приоритета основных прав и свобод человека становится одной из основных задач в стране»[1]. Что собственно и произошло в нашей стране в 90-е годы.

В охранительных отраслях, отраслях публичного права, (административное, уголовное и уголовно-исполнительное право, уголовно-процессуальное право), из-за специфики регулируемых ими отношений, большинство ученых не обращают должного внимания на диспозитивные начала правового регулирования, считая, что необходимость обеспечить удовлетворение государственно-властного интереса оставляет ничтожно мало места для проявления диспозитивности. Однако в настоящее время условность разделения отраслей права на частные и публичные подчеркивается почти всеми теоретиками изучающими общеправовые и межотраслевые категории.

[1] Глухова О.Ю. Институт диспозитивности в праве: автореф. дис. ... кандидата юридических наук. Тамбов, 2009. С. 13.

ЗАКОН О ПРОФИЛАКТИКЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В РОССИИ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

И.А. Казанцева, курсант ОмА МВД России
Научный руководитель – канд. юрид. наук А.В. Ляшук

В настоящее время всё большую популярность среди правозащитных организаций приобретает идея о необходимости принятия в Российской Федерации закона о профилактике домашнего насилия. Более того, законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия»[1] был внесен в Государственную Думу Российской Федерации в 2016 году, однако был отклонен.

В российском законодательстве, на наш взгляд, имеется достаточно норм, позволяющих защитить женщину от семейно-бытового насилия. В том числе речь идет и о профилактических мерах, которые авторы законопроекта просто-напросто дублируют и, в определенных случаях, усложняют необходимую процедуру. Проиллюстрируем данное положение примером. Предлагается ввести защитное предписание, игнорируя то, что подобная мера уже нашла свое отражение в отечественном законодательстве. Более того, вынесение судебного защитного предписания представляет собой достаточно трудоемкий процесс. И тогда возникает вполне обоснованный вопрос: в защиту ли потерпевшей предусмотрена данная процедура? Ведь здесь возникают точно такие же сложности как при производстве по делам частного обвинения.

Если же профилактическое воздействие осуществляется в рамках уголовно-правовой материи, то здесь женщина также защищена в силу существования Федерального закона № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»[2], в котором содержится перечень мер безопасности, применяемых в отношении защищаемого лица.

Говоря об уже совершенном противоправном деянии, необходимо отметить, что УК РФ содержит ряд норм, которые квалифицируют действия семейного агрессора. Если мы говорим о сексуальном насилии, то это целая глава, посвященная преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Если это психологические и физические формы семейно-бытового насилия, то им корреспондирует глава 16 УК РФ, объектом которой являются жизнь и здоровье личности.

Более того, кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях также устанавливает ответственность за ряд противоправных действий против личности, в том числе, это статья 6.1[1] КоАП РФ за нанесение побоев, а также 5.61 КоАП РФ за оскорбление.

Таким образом, нет никакой необходимости в принятии закона о домашнем насилии, поскольку действующее законодательство уже предусматривает совокупность профилактических мер, направленных на предупреждение совершения актов домашнего насилия, а также содержит ответственность за совершение деяний, являющихся последствием семейно-бытового насилия.

Корень зла кроется не столько в отсутствии норм, сколько в правоприменительной деятельности. Механизм правоприменения по защите женщин от бытового насилия действует неэффективно в основном из-за организационных моментов: отсутствия взаимодействия государственных органов, недостаточного финансирования программ защиты жертв домашнего насилия, нежелания правоприменителей использовать в своей деятельности уже имеющиеся способы и средства защиты и др.

Если же и определять вектор развития, то необходимо совершенствовать именно процедурную составляющую, а не материальную, которой, на наш взгляд, достаточно.

---

[1] Законопроект № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6;

[2] Федеральный закон от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТОРГОВЛИ ДЕТЬМИ

А.В. Равинская, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Д.В. Карелин

В последние годы торговля детьми приобрела характер высокоприбыльной транснациональной формы криминала. Согласно данным Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), более 1 млн 200 тысяч несовершеннолетних ежегодно становятся жертвами торговли детьми[1].

Необходимым условием возникновения такого феномена являлись, с одной стороны, – криминальный спрос на девочек и мальчиков, что объясняется высокой степенью прибыльности и «безопасности» данного вида деятельности, с другой – ответное предложение.

Так, еще в 90-ых годах XX века сформировались условия для зарождения в России торговли людьми, в том числе и детьми, которая прежде всего была обусловлена разницей в социальном положении различных слоев населения и в уровне доходов между различными регионами, а также глубоким реформированием социальных структур, связанным с резким снижением объема социальных гарантий, появлением безработицы – люди были вынуждены выезжать за пределы своего региона или страны в целях заработка. Одновременно с этим в процветающих государствах вырос спрос на «живой товар», секс-индустрия превратилась в прибыльный бизнес и породила устойчивый спрос на рабов. Кроме того, в систему причин и социально-экономических условий продажи детей в России следует включать резкое снижение уровня жизни и маргинализацию населения: одинокие матери, высокий уровень семей мигрантов из стран СНГ; лица, страдающие нарко- и алкозависимостью; не имеющие постоянного места жительства или источника дохода[2] – тогда дети являлись не просто обузой, но и могли послужить источником дохода.

Таким образом, от ребенка можно было не просто избавиться, но и заработать на нем .

Основными целями торговли в свою очередь выступают:

1. Торговля детьми для получения коммерческой сексуальной эксплуатации.
2. Торговля детьми в целях эксплуатации рабского труда.
3. Торговля детьми в целях попрошайничества. В том числе практикуется «аренда» детей у родителей-алкоголиков, – наркоманов.
4. Торговля детьми, особенно новорожденными с целью незаконного усыновления или удочерения.
5. Торговля детьми в целях трансплантации тканей органов. В том числе практикуется донорство женских яйцеклеток.
6. Торговля несовершеннолетними девочками в целях принудительного замужества.
7. Торговля преимущественно несовершеннолетними мальчиками в целях использования в вооруженных формированиях, в том числе террористических группах.

Подводя итог, можно сделать вывод, что на криминогенную обстановку влияет высокий доход от торговли детьми и высокий уровень латентности.

Исследование причин, условий возникновения и существования данной преступности дают возможность выработки мер предупреждения таких преступлений, что служит базой для совершенствования российского законодательства в сфере криминализации торговли детьми в качестве самостоятельной нормы, а также имплементации международно-правовых норм.

---

[1] Торговля людьми: тяжелые факты [Электронный ресурс] URL: http://www.unodc.org/documents/blueheart/factsheet_russian.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

[2] Ковальская Е.М. Криминологическая характеристика торговли детьми и использования рабского труда // Воронежский гос. аграрный университет им. К.Д. Глинки. 2018.

СОСТОЯНИЕ, СТРУКТУРА И ДИНАМИКА РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ

Л.Б. Сафарова, магистрант ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Н.В. Ольховик

С 7 декабря 2011 г. принудительные работы включены в Уголовный кодекс РФ в качестве одного из видов наказания. Ввиду наличия законодательного запрета (Федеральные законы от 30.12.2012 № 307-ФЗ, от 28.12.2013 № 431-ФЗ) этот вид наказания начал применяться лишь с 1 января 2017 года. В настоящее время созданы восемь исправительных центров и 15 изолированных участков исправительных учреждений, функционирующих как исправительные центры с общим лимитом наполнения 1900 человек. В течение 2017 года в исправительных центрах отбывало наказание около 600 осужденных.

Исходя из официальной судебной статистики, число осужденных в России, привлеченных к лишению свободы, за два года сократилось с 400 515 (в 2017 г.) до 350 294 (в 2019 г.), а количество лиц, привлеченных к принудительным работам, увеличилось на 883 человек, что свидетельствует о широком применении мер наказаний, альтернативных лишению свободы.

Среди осужденных к принудительным работам в 2017 году – 53 женщины, девять осужденных за преступления в сфере предпринимательской деятельности и 30 иностранцев, в том числе, 21 гражданина стран СНГ, государственных и муниципальных служащих – двое. Но уже к 2019 году к принудительным работам было осуждено в три раза больше женщин (190 чел.), осужденных в сфере предпринимательской деятельности стало в два раза больше (21 чел.), количество иностранных граждан, в том числе, из стран СНГ, а также государственных и муниципальных служащих значительно не изменилось.[1]

Так как привлечение к наказанию в виде принудительных работ назначается за совершение преступления небольшой или средней тяжести, либо за совершение тяжкого преступления впервые, то рецидив не может быть опасным либо особо опасным. Следовательно, исследуя статистические данные за 2019 год, можно заметить, что число лиц, признанных совершившими преступление при рецидиве, составляет 93 315, а это меньше на 5 437 по сравнению с 2018 г.[2] Таким образом, с момента применения принудительных работ рецидивная преступность имеет тенденцию к снижению.

Значительным недостатком современной системы учета криминологического рецидива, опирающегося на установленные формы первичного учета преступлений и лиц, их совершивших, представленные в статистической карточке формы № 2 «на лицо, совершившее преступление», является то, что она не предусматривает получение каких-либо данных о лицах, отбывших конкретный вид уголовного наказания или иные уголовно-правовые меры, не связанные с изоляцией от общества. Кроме того, сам принцип построения официальной статистической отчетности исключает возможность проследить персональное движение осужденных и, тем самым, взаимно связать данные о количестве осужденных, принятых на учет, освобожденных от наказания и совершивших новое преступление.

Некоторые авторы предлагают ввести специальные методики исследования основных показателей криминологического рецидива при исполнении наказания в виде принудительных работ, что позволит получить относительно объективные и репрезентативные данные о действительном уровне криминологического рецидива[3].

---

[1] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 26.03.2020).

[2] Там же.

[3] Дроздов И.С. Основные показатели криминологического рецидива при осуждении без лишения свободы // Уголовная юстиция. 2018. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-pokazateli-kriminologicheskogo-retsidiva-pri-osuzhdenii-bez-lisheniya-svobody (дата обращения: 09.04.2020); Дроздов И.С. Методология и методика изучения пенального и постпенального рецидива при мерах, альтернативных лишению свободы // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 93–96.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

О СТАТУСЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ЧЕРЕЗ 10 СУТОК ПОСЛЕ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

А.А. Агабабян, курсант БЮИ МВД России
Научный руководитель – преподаватель Р.Р. Валюлин

Вопрос о том, сохраняет ли подозреваемый свой статус при аннулировании процессуального основания признания его подозреваемым (после отмены меры пресечения), в законе не урегулирован.

Так, одним из случаев признания лица подозреваемым является момент применения к нему меры пресечения до предъявления обвинения в порядке, предусмотренном ст. 100 УПК РФ. В случае непредъявления обвинения мера пресечения отменяется. Отсюда и возникает вопрос: в случае, если уголовное дело возбуждено не в отношении конкретного лица и данное лицо не задерживалось, не уведомлялось о подозрении, а основанием для придания ему статуса подозреваемого являлось применение меры пресечения, влечет ли ее отмена прекращение у лица процессуального статуса подозреваемого?

Фактически после отмены меры пресечения подозрение в отношении лица остается. Правоприменительные органы в подобной ситуации не пришли к выводу о непричастности лица к преступному деянию и, по сути, продолжают деятельность по его изобличению в совершении преступления.

Следует учитывать множество процессуальных действий, которые закон позволяет произвести исключительно с подозреваемым или обвиняемым. Но в случае потери лицом статуса подозреваемого, производство таких процессуальных действий станет невозможным. Суд может отказать в ходатайстве следователя о наложении ареста на имущество подозреваемого в случае, когда последний утрачивает свой статус, что нарушает надлежащий порядок и условия производства по делу, препятствует восстановлению имущественных отношений, нарушенных противоправным деянием. Так, судья Центрального районного суда г. Кемерово усмотрев, что на момент предоставления ходатайства в суд, процессуальный статус подозреваемого был утрачен, отказал в удовлетворении ходатайства следователя о наложении ареста на имущество подозреваемого[1]. Статья 203 УПК РФ устанавливает возможность помещения в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы. Названная статья предусматривает возможность принудительного помещения в стационар только обвиняемого или подозреваемого, но не свидетеля и не потерпевшего. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в некоторых случаях потеря статуса подозреваемого препятствует эффективной деятельности государственно-властных органов. Таким образом, если орган предварительного расследования не успел установить причастность или полную непричастность к конкретному преступлению подозреваемого лица, то он вынужден продолжать осуществлять уголовное преследование лица, тем самым нарушая его права. Все это вынуждает следователей прибегать к различным «методам», таким как необоснованное предъявление обвинения, без наличия достаточных доказательств, либо продолжение расследования с лицом как с подозреваемым, вопреки срокам, установленным уголовно-процессуальным законодательством, которые сказываются на эффективности работы и реализации подозреваемыми своих прав.

[1] Решение Центрального районного суда г. Кемерово от 28 июня 2019 г. №1190/2019 // СПС «Судебные и нормативные акты РФ».

В заключение можно подытожить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство недостаточно регулирует вопросы, касающиеся взаимосвязи действия меры пресечения и статуса подозреваемого, а именно подлежит ли отмене статус подозреваемого вместе с отменой меры пресечения или нет.

Простым решением описанной сложной проблемы видится добавление одного слова «была» в п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, и изложении ее в следующей редакции: «либо к которому была применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 настоящего Кодекса».

ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ СО СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

А.И. Алексеева, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Т.В. Трубникова

В связи с тем, что показания свидетелей являются основным видом доказательств при рассмотрении уголовных дел, в судебной практике неоднократно поднимался вопрос о наличии у следователя обязанности включить свидетелей, указанных защитником и (или) обвиняемым, в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание для допроса со стороны защиты. Этот вопрос стал актуальным после внесения изменений в ст. 221 УПК РФ (ФЗ от 05.06.2007 № 87-ФЗ). Логика толкования ч. 4 ст. 217 УПК РФ в совокупности с действовавшей ранее редакцией п. 3 ч. 2 ст. 221 УПК РФ сводилась к выводу, что если прокурор лишен права изменять и дополнять список свидетелей стороны защиты, то следователь тем более не имеет права этого делать. После внесения изменений в ст. 221 УПК РФ ранее действовавшая формулировка о запрете подвергать корректировке список свидетелей защиты исчезла.

Конституционный Суд РФ в Определении от 13.10.2009 № 1258-О-О подчеркнул повелительное наклонение, используемое законодателем при употреблении глаголов «выяснять» (ч. 4 ст. 217 УПК РФ) и «прилагать» (ч. 4 ст. 220 УПК РФ), в результате чего пришел к выводу, что отсутствуют положения, допускающие отказ следователя в приобщении к материалам уголовного дела списка свидетелей, подлежащих вызову в суд для допроса со стороны защиты. Вследствие этого, защитник на этапе ознакомления с материалами уголовного дела имеет безусловное право на включение в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание для допроса как свидетелей стороны защиты. Представляется очевидным, что суд не вправе вносить какие-либо изменения и дополнения в обвинительное заключение, а при решении вопроса о вызове свидетелей при назначении судебного заседания должен руководствоваться «списками, представленными сторонами» на стадии предварительного расследования (п. 4 ч. 2 ст. 231 УПК РФ). Суд лишен какой-либо возможности определять относимость и допустимость показаний свидетелей, а также их права и обязанности по даче показаний до их непосредственной явки в судебное заседание и начала допроса. Закон не обязывает сторону защиты при формировании списка свидетелей защиты, прилагаемого к обвинительному заключению, указывать на обстоятельства, подтверждающие или опровергающие позицию свидетелей в судебном заседании. Обеспечение относимости их показаний к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовному делу, достигается при соблюдении следующих условий: во-первых, снятием вопросов председательствующим, если ответы на них не могут подтвердить или опровергнуть обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела; во-вторых, путем оценки полученных показаний на предмет их относимости в итоговом процессуальном решении (приговоре). Сторона защиты при этом вправе в любое время отказаться от необходимости допроса того или иного свидетеля, указанного ею в списке свидетелей защиты, приложенном к обвинительному заключению. С моей точки зрения, защит-

нику следует при предъявлении списка свидетелей обосновывать, что именно может сообщить свидетель о рассматриваемом деле, являются ли его показания относимыми, поскольку, если суд не будет выяснять данные факты, это может привести к тому, что защитник будет искусственно затягивать процесс, вызывая свидетелей, не имеющих существенной информации по уголовному делу. Подобные действия можно расценивать как злоупотребление правом, что предполагает умышленное использование прав или правовых средств в противоречии с их социальным назначением или с целью причинить вред личным интересам, создать объективные препятствия для реализации прав другими участниками процесса. В настоящее время появилась четко определенная тенденция к внесению изменений в УПК РФ, предусматривающих гарантии от злоупотребления правом. В случае несоблюдения указанных требований, суд, по жалобе, ходатайству или представлению другого участника уголовного судопроизводства, а также по собственной инициативе, может отказать либо ограничить участнику уголовного судопроизводства соответствующее право.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

М.А. Бакунчев, курсант ОмА МВД России
Научный руководитель – ст. преподаватель Т.В. Куряхова

В период с 2107 по 2019 года в среднем за год в органах внутренних дел было регистрировано около 8,8 млн[1] сообщений о преступлениях. В 6,1 млн случаях (64,37% от зарегистрированных) принято решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Из них прокурорами были отменены 1,5 млн (25,18%) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Данная статистика заставляет задуматься о целесообразности и об эффективности процессуальной деятельности правоохранительных органов по проверке каждого зарегистрированного сообщения о преступлении. Отмена прокурорами четверти принятых органом внутренних дел решений об отказе в возбуждении дела ставит проблему качества предварительной проверки.

Анализ 37 материалов об отказе в возбуждении уголовного дела, по которым деятельность проводилась сотрудниками оперативных подразделений и участковыми уполномоченными, в преобладающем большинстве (32 материала) показал низкое качество проведенной проверки. Рассмотрим один пример. По материалу проверки сообщения Ф. о хищении, находящихся на ее расчетном счете денежных средств, путем мошенничества оперуполномоченный отказал в возбуждении уголовного дел, поскольку не смог получить объяснение у проживающей в другом городе женщины, на которую зарегистрирован номер, используемый мошенником. Нам встретились постановления об отказе в возбуждении дела, в которых решение обоснованы: отсутствием претензий у заявителя; проживание пострадавшего не по месту проведения проверки, истечением срока проверки и т.д.

Исследование позволило сформулировать причины данных проблем. Во-первых, это нечеткость формулирования в законе оснований об отказе в возбуждении уголовного дела. Так, при формулировании в ст. 24 УПК РФ, правовых оснований принятия такого решения законодатель исходил из достоверного установления обстоятельств, влекущих принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела, однако в ч. 1 ст. 148 УПК РФ правоприменителю предписывается принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела при отсутствии основания для его возбуждения. В свою очередь основания возбуждении дела –

[1] Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.fedstat.ru/ (дата обращения: 03.04.2020).

оценочное явление. Во-вторых, в органах внутренних дел в соответствии с ведомственным правовым регулированием сообщения о преступлении, как правило, рассматривают сотрудники органа дознания, которым не хватает знаний и навыков для такого вида деятельности. Это, как правило, представители служб УР, БЭП, УУП, ПДН перед которыми поставлены иные профессиональные задачи. В-третьих, еще одна сущностная проблема – регистрация всех сообщений о преступлении и правонарушении в едином журнале (КУСП) и практически сплошная проверка в порядке ст. 144-145 УПК РФ. Следствие этого – колоссальная загруженность органа дознания непрофильным видом деятельности.

Одним из способов решения данных проблем, по нашему мнению, является введение принципа целесообразности уголовного преследования. Данный принцип в период с 1925 до 1926 г. был закреплен в ст. ст. 4-а УПК РСФСР[1]. Он является составной частью уголовного процесса в странах англо-американской правовой системы и ряде государств континентальной Европы (например, Франция, Бельгия, Германия). В соответствии с принципом целесообразности лицо, уполномоченное возбуждать уголовное преследование, имеет право в каждом отдельном случае по своему усмотрению оценить целесообразность и необходимость его осуществления. Иначе говоря, у должностного лица есть возможность отказаться от возбуждения преследования по причинам, не являющимся юридическими и не связанным с недостаточностью доказательств[2]. Введение этого принципа позволит перераспределить ресурсы, обеспечит эффективность деятельности, сократить процессуальные издержки, уменьшить количество незаконных и необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМ АДВОКАТСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ И В НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Д.О. Белоус, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук О.В. Желева

Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусмотрены четыре формы адвокатских образований: адвокатский кабинет, коллегия адвокатов, адвокатское бюро и юридическая консультация.

Наиболее схожими, но одновременно и имеющими существенные различия, являются такие формы адвокатских образований, как коллегия адвокатов и адвокатское бюро. Их основное отличие состоит в том, что учредители адвокатского бюро заключают между собой партнерский договор, согласно которому адвокаты-партнеры равноправны и обязуются соединить свои усилия для оказания юридической помощи от имени всех партнеров. В то же время в коллегии адвокатов отношения между её председателем и другими адвокатами на практике имеют характер подчиненности. Между тем, коллегия адвокатов является основной коллегиальной формой организации адвокатской деятельности в России. Например, согласно данным Адвокатской палаты Томской области на 03.03.2020, в Томской области зарегистрировано 15 коллегий адвокатов, в которых работают 156 адвоката, против 8 адвокатских бюро, число работающих адвокатов в которых равно 46.

Следует отметить, модель современной коллегии адвокатов, берущей свое начало от коллегии адвокатов СССР, изначально должна была стать временной, переходной формой от социалистической адвокатуры к адвокатуре свободного рынка. Суть реформирования института адвокатуры состояла в повышении ответственности адвокатов в обмен на предоставле-

[1] Декрет ВцИК, СНК РСФСР от 09.02.1925 г. [Электронный ресурс] «О дополнении Уголовно-Процессуального Кодекса статьями 4-а, 203-а, 222-а». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
[2] Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 26–27.

ние им экономически привлекательной части рынка юридических услуг. Думается, что данные цели не были достигнуты, в связи с тем, что учреждаемые формы адвокатских образований являются исключительно некоммерческими организациями, среди которых коллегия – самая неблагоприятная с позиции бизнес-юриспруденции форма.

Если обратиться к зарубежному законодательству стран на постсоветском пространстве, можно отметить, что коллегия адвокатов как форма адвокатского образования практически нигде не сохранилась. Так, Закон Литовской Республики от 18.03.2018 «Об адвокатуре» предусматривает следующие формы деятельности адвокатов: индивидуальная; на партнерской основе, без учреждения юридического лица и посредством учреждения юридического лица – профессионального сообщества адвокатов. Опыт организации такой формы деятельности как «без учреждения юридического лица» мог бы быть применен к коллегии адвокатов в России, ведь, как отмечал А.О. Рыбалов: «юридическое лицо создается там, где необходим участник оборота, выступающий от своего имени», а «создание нескольких видов юридических лиц там, где вполне можно было обойтись без них, есть создание сущностей без надобности»[1]. В законе «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» от 30.12.2011 упоминается коллегия адвокатов, но в качестве не формы адвокатского образования, а института, осуществляющего функции аналогичные функциям адвокатских палат в России. Согласно данному закону адвокаты вправе осуществлять адвокатскую деятельность в адвокатском образовании в форме юридической консультации или адвокатского бюро либо индивидуально.

На основе вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что в условиях произошедших экономических, социальных и политических преобразований, коллегия адвокатов как форма адвокатского образования в связи с утратой эффективности подлежит либо полному упразднению, что приведет к популяризации адвокатского бюро, либо к реорганизации в коммерческую форму, совмещающую в себе все положительные черты ООО и коллегии адвокатов, где факт получения прибыли мог бы стать стимулом для объединения.

ДОКАЗЫВАНИЕ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

А.М. Бородич, курсант ОмА МВД России
Научный руководитель – преподаватель М.А. Дударева

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст.ст. 62 и 303 УК РФ и УПК РФ» уголовно-процессуальный кодекс был дополнен гл. 32.1, согласно которой дознание может производиться в сокращенном порядке. Законодатель преследовал цель – дальнейшее совершенствование процедуры уголовного судопроизводства для обеспечения скорейшего расследования и рассмотрения в суде уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести[2]. Между тем, как показывает анализ норм гл. 32.1. УПК РФ, осуществление указанной цели приводит к ущемлению прав участников уголовного судопроизводства и не эффективности данного института. Прежде всего, это связанно с вопросами регулирования предмета и пределов доказывания, а также самой процедуры доказывания при производстве дознания в сокращенном порядке.

[1] Рыбалов А.О. Новый закон об адвокатуре [Электронный ресурс]. URL: http://antonivanov.ru/ balfort/russianbar_newlaw.html (дата обращения: 09.04.2020).
[2] Пояснительная записка к проекту Федерального Закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института сокращенной формы уголовного судопроизводства» // СПС КонсультантПлюс.

Особенности доказывания при расследовании уголовных дел в такой форме заключается в «усеченном» или сокращенном предмете доказывания, а также в специфических процессуальных способах сбора доказательств.

К предмету доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, в соответствии с ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ, относятся: события о преступном деянии, характер и размер причиненного вреда, а также виновность лица в совершении преступления. Также следует учитывать и условия производства дознания в сокращенной форме: признание подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, а также согласие с правовой оценкой деяния, приведенной в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Следовательно, в случае, если вина подозреваемого очевидна, дознавателю необходимо лишь собрать минимум доказательств, устанавливающих вину, при этом в предмет доказывания не будут входить обстоятельства, характеризующие личность подозреваемого, смягчающие и отягчающие наказание, а также обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния.

Также, в соответствии с ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ дознаватель имеет право производить только те следственные и иные процессуальные действия, непроизводство которых, может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления и иных доказательств. Законом разрешено не допрашивать лиц, чьи объяснения по существу обстоятельств дела были получены в ходе проведения доследственной проверки, не назначать после возбуждения уголовного дела судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в выводах специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением следующих случаев, предусмотренных п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ.

Возникает один вопрос, не повлияет ли применение такой «усеченной формы» на качество расследования по уголовному делу и вынесения в дальнейшем справедливого приговора?

При всех преимуществах применения сокращенного дознания, до сих пор существует проблема его реализации. Правовое регулирования предмета доказывания и его процедуры при производстве дознания в сокращенной форме, на наш взгляд, носит неопределенный характер и требует соответствующих законодательных изменений.

О ЗАПРЕТАХ НА ПОСТАНОВКУ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ВОПРОСОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПЕРЕКРЕСТНОГО ДОПРОСА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

А.В. Грищенко, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент В.В. Ясельская

При рассмотрении дела с участием присяжных принцип состязательности должен проявляться наиболее полно. Однако государственный обвинитель, допрашивая большинство свидетелей первым, имеет преимущества по доведению позиции по делу. Защитнику же остается лишь преодолевать сложившееся мнение присяжных, часто негативное по отношению к подсудимому, во время перекрестного допроса.

Однако в суде присяжных существуют запреты, лишающие возможности разрушить предубеждение в отношении подсудимого (запрет повторных вопросов, вопросов о праве и т.д.). Одним из них является запрет наводящих вопросов, который исследователями понимаются различно.

Так, в юридической литературе предлагается запрещать вопросы, обусловленные не только содержащейся в формулировке информацией, но и контекстом, в котором задан вопрос, мимикой, жестами, интонацией[1].

[1] Савельева М.В. Проблемные аспекты наводящих вопросов в уголовном судопроизводстве // Rusnauka [Б. м.], 2019. URL: http://www.rusnauka.com/29_DWS_2012/Pravo/11_120570.doc.htm (дата обращения: 23.11.2019).

Такое понимание представляется расширительным. На наш взгляд, запрещены могут быть лишь те наводящие вопросы, ответ на которые содержится в формулировке (дословные наводящие вопросы).

При этом в отличие от прямого допроса, где все дословные наводящие вопросы должны подлежать запрету, перекрестный допрос невозможен без контроля показаний свидетеля: выяснение ответов на дословные наводящие вопросы при перекрестном допросе не всегда должно зависеть от усмотрения председательствующего. Считаем, что запрещены должны быть лишь вопросы, ориентированные на получение ***новой информации***, как вопросы, не являющиеся проверяющими. Вопросы же, направленные на ***проверку*** информации, а также на ее ***усвоение***, наводящими считаться не должны.

Другим запретом в суде присяжных является исследование данных о личности свидетелей и потерпевшего. Так, Конституционный Суд РФ запретил их исследовать как вопросы права, не входящие в компетенцию присяжных и способные вызвать предубеждение[1]. Подобный подход был воспринят и практикой Верховного Суда РФ.

На наш взгляд, запрет ограничивает возможности защитника по участию в доказывании. В отличие от подсудимого, который должен предстать перед присяжными «чистым», чтобы негативные сведения не смогли отразиться на вердикте, запрет исследовать данные о личности свидетелей и потерпевшего препятствует присяжным решить вопрос о доверии показаниям изобличающих подсудимого лиц. Из этого исходит и Европейский Суд по правам человека[2], позиция которого, однако, так и остается автономной.

Отсутствие возможности поставить под сомнение эти показания может толкать защитников на уловки, имеющие более пагубное воздействие, чем законодательно оправданное выяснение вопросов о личности свидетелей и потерпевшего. В связи с этим полагаем, что ст. 335 УПК РФ необходимо дополнить положением: «исследование данных о личности иных участников уголовного судопроизводства (свидетелей, потерпевшего) допускается лишь в той мере, в какой они могут иметь значение для оценки содержания показаний этих лиц».

В суде присяжных должно быть обеспечено процессуальное равенство сторон при участии в допросе. Вышеуказанные законодательные изменения могли бы частично уравнять процессуальные возможности, укрепив состязательные начала судебного следствия.

О НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ДЕПОНИРОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В.В. Грищенко, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент В.В. Ясельская

Дискуссия по поводу создания института следственных судей в РФ ведется уже давно. В настоящее время этот вопрос активно обсуждается не только в юридической литературе, но и в профессиональном сообществе[3]. Одной из функций следственных судей в зарубежных странах является депонирование показаний по инициативе стороны в деле.

Депонирование показаний в уголовном процессе – это допрос потерпевшего или свидетеля следственным судьей в случае, если имеются основания полагать, что более поздний их допрос в суде может оказаться невозможным или затруднительным в силу объективных причин.

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 11.05.2012 г. № 686-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2012. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

[2] Пичугин против РФ [Электронный ресурс]: Постановление Европейского суда от 23.10.2012 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2012 Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[3] 29.01.2020 г. Президент РФ рекомендовал Верховному суду РФ до 1 июня текущего года рассмотреть целесообразность его введения и внести соответствующие предложения.

В зарубежных государствах, в частности в Казахстане, депонирование показаний осуществляют следственные судьи лишь в исключительных случаях: постоянное проживание за пределами страны, возможный выезд за границу, тяжелое состояние здоровья, применение мер безопасности[1].

Данный институт встречает неоднозначную оценку в научной литературе. Одни ученые рассматривают депонирование показаний как гарантию их достоверности и допустимости, а также объективной их оценки судом при рассмотрении уголовного дела в отсутствии депонента[2]. Другие авторы считают, что депонирование ставит интересы свидетеля, потерпевшего выше интересов правосудия, а окончательное выбытие депонента из процесса может иметь негативные последствия[3].

Представляется, что депонирование показаний является необходимым элементом для российского уголовного процесса.

Во-первых, институт депонирования показаний дает возможность защитникам реализовать право на участие в собирании доказательств вне зависимости от усмотрения следователя. Следственный судья, не являясь стороной обвинения, в случае судебного депонирования показаний обеспечивает равные возможности для сторон. Представляется, что депонирование показаний – это средство повышения состязательности в уголовном процессе в рамках досудебного производства.

Во-вторых, несмотря на то, что в действующем УПК РФ институт оглашения показаний потерпевшего и свидетеля (ст. 281 УПК РФ) является исключением из общего условия непосредственности судебного разбирательства, он зачастую используется. Так, анализ уголовных дел[4] показал, что показания свидетелей оглашались в 80% случаев. При таком раскладе обвиняемый не может реализовать закрепленное в п. d ч. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право допрашивать свидетелей как показывающих против него, так и свидетелей защиты, а соответственно нарушается его право на защиту. Введение нового института могло бы отчасти решить эту проблему, ведь депонирование показаний свидетелей должно проходить в присутствии обвиняемого с возможностью у последнего задавать вопросы депоненту.

На наш взгляд, ограничение применения депонирования лишь объективными причинами невозможности депонента явиться в суд нецелесообразно и непрактично. Оптимальным было бы закрепление и такого основания, как ходатайство защитника о депонировании показаний свидетеля защиты при наличии обоснованных опасений о применении в отношении него неправомерного воздействия со стороны должностных лиц предварительного расследования[5], а также в случае неуверенности адвоката в том, что он сможет вызвать свидетеля в суд и допросить его.

Таким образом, введение института депонирования показаний в УПК РФ является необходимой мерой, которая должна способствовать реализации принципов состязательности и обеспечения права на защиту.

---

[1] Ч. 1 ст. 217 УПК РК.

[2] Ахпанов А.Н. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45). С. 173–179.

[3] Кенжетаев Ч.Д. Особенности депонирования показаний в уголовном процессе Республики Казахстан // Уголовное право и уголовный процесс. 2016. № 2 (43). С. 43–46.

[4] Было проанализировано 40 уголовных дел, хранящихся в архиве Кировского районного суда г. Томска.

[5] Схожее основание депонирования содержится, например, в ч. 2 ст. 69.1 УПК Эстонии: «возможность воздействия на свидетеля или потерпевшего с целью дачи ложных показаний».

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ О НЕДОПУСТИМОСТИ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА, КАК СРЕДСТВА ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Р.С. Кадышев, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук О.В. Желева

Основным направлением деятельности прокуратуры является надзор за соблюдением и исполнением законов на территории Российской Федерации. Статьей 25.1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской федерации» в качестве одного из способов прокурорского реагирования предусмотрено предостережение о недопустимости нарушения закона (далее – предостережение). Применение предостережения регламентируется положениями, которые содержатся в Указании Генпрокуратуры РФ от 06.07.1999 № 39/7 «О применении предостережения о недопустимости нарушения закона», к ним относятся:

Во-первых, применение предостережения отнесено Федеральным законом к исключительной компетенции прокурора и его заместителей.

Во-вторых, предостережение применяется только при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов.

В-третьих, для применения предостережения должна в обязательном порядке осуществляться предварительная проверка сведений о готовящихся противоправных деяниях конкретными должностными лицами с истребованием от них письменных объяснений. И уже на основании результатов проверки объявляется предостережение.

На практике, предостережение, по сравнению с иными мерами прокурорского реагирования, применяется относительно не часто. Анализируя статистику прокуратуры Томской области за квартал прошлого года, всего предостережений было вынесено – 3 024, за тот же период времени было направленно 13 430 исков, вынесено 15 983 представления, к дисциплинарной ответственности привлечено 13 991 лицо.

Между тем, предостережение не имеет своего собственного механизма принуждения (предусмотренной ответственности). Абзац 2 статьи 25.1 ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 06.02.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливает, что в случае неисполнения требований, изложенных в указанном предостережении, должностное лицо, которому оно было объявлено может быть привлечено к ответственности в установленном законом порядке. В то же время неисполнение требований является нарушением отраслевого законодательства, на основе которого было вынесено соответствующее предостережение и уже на основе этого законодательства к лицу будут применяться соответствующие меры принуждения. Помимо этого, отсутствуют установленные временные рамки, что оставляет неопределенным вопрос о времени исполнения предостережения лицом, которому оно был вынесено.

В доктрине, вопрос об эффективности применения предостережения является дискуссионным. Одни авторы придерживаются точки зрения, что предостережение является «существенным инструментом»[1] воздействия. Другие же считают, что данный метод является неэффективным, утверждая, что этот механизм «не находит широкого применения»[2].

Таким образом, на основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что данный механизм еще не достиг пика своего развития, и поэтому не является достаточно эффективным средством предупреждения правонарушений. Решением этой проблемы может стать внесение поправок в соответствующие области законодательства, которые будут ужесточать ответственность лиц, получивших предостережение о недопустимости нарушения закона и не принявших необходимые меры.

---

[1]Артамонов А.Н. О правовой природе предостережения // Вестник БГУ. 2019. № 3 (41). С. 131–135.

2 Теплякова А.В. Роль контрольно-надзорных мероприятий в охране прав личности // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2013. № 3 (36). С. 70–75.

О СООТНОШЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА И ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ КОНТРАКТОВ

А.Ю. Мариничева, менеджер ЮИ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент О.В. Воронин

Анализ положений гл. 5 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) позволяет сделать вывод, что ведомственный контроль служит основной формой проверочной деятельности в сфере закупок. Он носит внутренний характер и охватывает все этапы закупочного процесса, его предмет охватывает соблюдение не только требований действующего законодательства и иных нормативно-правовых актов в сфере закупок, но также наблюдение за исполнением требований неправового характера с позиции качества и целесообразности совершения закупочных действий.

В литературе отмечается, что ведомственный контроль как никакой иной в большей степени обладает сходством с прокурорским надзором. Его органы, также как и прокуратура руководствуются и добиваются исполнения закона. У прокуратуры и органов ведомственного контроля совпадают методы деятельности: проведение различных проверок, получение объяснений, истребование и анализ документов и подконтрольной среды, использование экспертных оценок[1].

Вместе с тем ведомственный контроль обладает рядом недостатков. Во-первых, как верно отмечается в литературе, в большинстве случаев он осуществляется субъектами, которые сначала принимают управленческое решение в сфере закупочной деятельности, а затем сами же контролируют его исполнение[2]. Во-вторых, избыточность форм, субъектов и направлений ведомственного контроля приводит к формальному отношению к проведению проверок и вскрытию нарушений закона, что, в свою очередь, создает лишь видимость реализации контрольной деятельности, фактически нивелируя позитивный заряд ведомственного контроля[3]. Наконец, существенным его недостатком является отсутствие обеспечительных механизмов.

В этой связи прокурорский надзор, обладая основными преимуществами ведомственного контроля, компенсирует большую часть его недостатков. Не оценивая целесообразность принятых решений и не вторгаясь в оперативно-хозяйственную деятельность заказчиков, прокурор осуществляет всю полноту проверочной деятельности, которую способны реализовать органы ведомственного контроля, дополнительно надзирая за законностью самой их контрольной деятельности в сфере закупок, а также обеспечивая правовое положение лиц, вовлеченных в закупочную деятельность.

Оптимальным решением могло бы быть закрепление в тексте Закона о контрактной системе норм о прокурорском надзоре и роли прокуратуры в обеспечении законности и правового положения лиц, принимающих участие в контрактном процессе. Актуальность этого предложения возрастает с учетом того, что существующие гарантии защиты прав и законных интересов индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного (муниципального) контроля в силу требований Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля

[1] Рохлин В.И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 185.
[2] Воронин О.В. Роль пенитенциарного надзора прокуратуры в отечественной системе пенитенциарного контроля // Уголовная юстиция. 2014. № 2(4). С. 64.
[3] Воронин О.В. Указ. соч. С. 65.

(надзора) и муниципального контроля» в полной мере не распространяются на сферу закупок. Поэтому единственной возможностью оперативного восстановления нарушенных прав и законных интересов индивидуальных предпринимателей в сфере государственных и муниципальных закупок остается прокурорский надзор.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ

Д.А. Нагай, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук О.В. Желева

Необходимость грамотного взаимодействия следователей Следственного комитета РФ и органов дознания особенно остро усиливается в условиях демократизации уголовного судопроизводства, реализации принципов законности, презумпции невиновности, состязательности сторон. Именно от слаженной работы этих сотрудников зависит эффективность расследования и раскрытия преступлений.

Под формами взаимодействия следователя и органов дознания понимаются такие способы и порядок связей между ними, которые обеспечивают согласованность их деятельности и правильное сочетание присущих каждому из них полномочий, методов и средств. Среди ученых не сложилось единого мнения о системе форм взаимодействия, однако традиционно принято выделять две основные формы взаимодействия следователей и органов дознания:

1. Процессуальная форма, в основе которой лежит взаимодействие субъектов на основе уголовно-процессуального кодекса[1]. К примеру, выполнение поручений следователя органами дознания (ч. 4 ст. 38 УПК РФ).

2. Организационно-тактическая (непроцессуальная) форма. Подобные взаимодействия не указаны непосредственно в законах, но получили широкое распространение на практике и доказали свою продуктивность[2]. К ним, например, относится согласованное планирование следственных, оперативно-розыскных и розыскных действий. Непроцессуальная форма является ключевой, поскольку продуктивная коллективная атмосфера может быть устроена должным образом только в условиях общего взаимопонимания.

Ученые-процессуалисты и практические работники указывают, что взаимодействие следователя с оперативными службами – слабое звено в организации борьбы с преступностью[3]. Можно выделить несколько проблем. Во-первых, недостаточно четкая регламентация этой деятельности в уголовно-процессуальном законодательстве[4]. Во-вторых, человеческий фактор: важно, чтобы и следователи, и сотрудники органов дознания понимали, что занимаются одним делом, служат одной цели. Эффективные средства для её достижения могут выражаться в представлении оперативно-розыскным подразделением результатов своей деятельности следователю, в совместном обсуждении материалов, в даче консультаций.

В-третьих, в силу различных обстоятельств (например, удаленность от места предполагаемого производства следственного действия) следователь не может провести необходимые следственные действия самостоятельно. В таких условиях ему особенно нужна помощь сотрудников органов дознания, которые могут помочь в производстве необходимых действий.

---

[1] Плеснева Л.П. Формы взаимодействия следователя с органами дознания // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71). С. 119.
[2] Там же.
[3] Яндырханов З. М. Проблемы взаимодействия следователя и оперативных подразделений // Молодой ученый. 2013. № 6. С. 598–601.
[4] Мухитдинов А.А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе. Душанбе: Таджикский государственный университет, 2015. С. 335.

На основе вышеизложенного, можно прийти к выводу, что совместная деятельность следователя и органа дознания должна быть более подробно регламентирована. В связи с этим представляется, что уголовно-процессуальное законодательство должно содержать положения: 1) о механизме взаимодействия органов следствия и дознания; 2) о конкретных правах и обязанностях должностных лиц в рамках этого взаимодействия; 3) о взаимной ответственности властных субъектов при осуществлении взаимодействия.

КОРРУПЦИОГЕННОСТЬ НЕКОТОРЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

К.М. Панкратова, слушатель БЮИ МВД России
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент А.М. Шаганян

В современном мире одной из актуальных и глобальных проблем является коррупция. По статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за период 2019 года на территории России было совершено 18,4 тысяч коррупционных преступлений[1].

Существует ряд факторов, которые способствуют усугублению коррупционных проявлений. Одним из таких факторов является несовершенство законодательной техники (либо пренебрежение ею), что влечет проблематичность соответствия текстов нормативных правовых актов требованиям антикоррупционной экспертизы. УПК РФ следует назвать «лидером» по количеству коррупциогенных факторов, потому как существует ряд примеров подтверждающих данный факт, а именно:

1. В УПК РФ законодатель определяет слишком широкие пределы толкования таких диспозитивных конструкций как «вправе», «может быть» и др., тем самым создаёт условия для проявления коррупции. Примером может послужить статься 91 УПК РФ, которая в своей диспозиции содержит явно выраженный коррупциогенный фактор. В статье говорится, что «орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления…»[2]. На наш взгляд такая формулировка, как «вправе» недопустима, поскольку она дает провоприменителю при принятии решения вопроса о задержании возможность выбора, но это не допустимо, потому как законодатель в данной же статье перечисляет конкретные основания для задержания лица, а, следовательно, диспозиция данной статьи говорит не о праве должностных лиц на задержания, а о возникновении обязанности должностного лица на задержание.

2. В диспозициях норм УПК РФ использовано большое количество отсылочных статей. В качестве примера рассмотрим статью 93 УПК РФ, в диспозиции которой имеется такая формулировка как: «Подозреваемый может быть подвергнуть личному обыску в порядке, предусмотренном статьей 184 настоящего Кодекса». Обращаясь к статье 184 УПК РФ, в которой в части 1 должны быть перечислены основания для проведения личного обыска, мы также видим отсылку на другую статью, а именно статью 182 УПК РФ, в которой уже помимо отсылочных норм также имеются и нормы бланкетные. В данном случае такая отсылка также будет являться коррупциогенным фактором, потому как правоприменитель не имеет общего и чёткого толкования данной статьи, в связи с чем он будет применять ее по своему.

3) В нормах УПК РФ содержится значительное числа «оценочных понятий». В качестве примера можем привести статью 100 УПК РФ, в ч.1 которой написано: «В исключительных

[1]Статистика Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 25.02.2020).
[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 01.04.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 25.02.2020).

случаях при наличии оснований … мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого», однако как толковать такое оценочное понятие как «исключительный случай» правоприменитель не оговаривает. Кроме того, ни один нормативный правовой акт не закрепляет в себе строго определения данного «оценочного понятия», в связи с чем, можем говорить о том, что каждый правоприменитель будет толковать данное понятие по своему усмотрению, что в результате приведет к проявлению коррупциогенных действий.

Таким образом, продемонстрированные примеры наглядно доказывают, что настало время для коренной переработки и систематизации норм УПК РФ, которая позволит устранить излишнюю диспозитивность, позволит минимизировать количество ссылочных и бланкетных предписаний и облегчит процессы интерпретации норм закона.

ОСНОВАНИЯ УЧАСТИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

Т.И. Сальникова, слушатель ОмА МВД России
Научный руководитель – канд. юрид. наук, профессор В.В. Кальницкий

В судебной практике достаточно широкое распространение получил допрос следователя в судебном разбирательстве в качестве свидетеля по расследованному им уголовному делу. Основной причиной вызова следователя в суд является заявление подсудимого о применении к нему в ходе предварительного расследования незаконных методов воздействия. Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ: «если подсудимый объясняет изменение или отказ от полученных в присутствии защитника показаний тем, что они были даны под принуждением в связи с применением к нему недозволенных методов ведения расследования, то судом должны быть приняты достаточные и эффективные меры по проверке такого заявления подсудимого. При этом бремя опровержения доводов стороны защиты лежит на прокуроре, по ходатайству которого судом могут быть проведены необходимые судебные действия»[1]. Какие конкретные меры должен предпринять суд с целью проверки заявления подсудимого, в законе не содержится. Вместе с тем, Кодекс устанавливает строгий порядок судебного разбирательства, в связи с чем не допускается каких-либо отклонений, получить соответствующие сведения возможно лишь установленными законом способами, то есть путем производства следственных действий. С целью проверки заявления подсудимого, предупреждения правонарушения в досудебном производстве, суд и вызывает следователя – должностное лицо, производившее предварительное следствие по делу, на допрос.

Опираясь на принцип непосредственности, в понимании большинства ученых, в судебном разбирательстве суд должен лично допросить всех лиц, непосредственно получить от них фактические данные. Например, имея доказательство в виде «заключение эксперта» суд, помимо исследования данного вида доказательства, прибегает к допросу эксперта. Также как суд допрашивает эксперта, давшего заключение на стадии предварительного расследования, некоторые авторы предлагают допрашивать следователя, составившего протокол следственного действия.

Кроме того, опрошенные нами судьи положительно относятся к практике допроса следователя, объясняя это тем, что в суде происходит оценка собранных в досудебном производстве доказательств, проверка законности их получения, также у суда возникает необходимость установления некоторых процедурных моментов производства следственных и иных процессуальных действий. Допрос следователя позволяет оперативно снять возникшие

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // СПС «КонсультантПлюс».

вопросы, кроме того, утверждают судьи, такая практика не противоречит закону. Положения ст. 271 УПК РФ предусматривают возможность вызова на допрос новых свидетелей по ходатайству сторон. Норма ст. 56 УПК РФ, определяющей круг лиц, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей, не исключает возможности допроса следователя, производившего предварительное следствие по уголовному делу. Конституционный Суд РФ в целом, не запрещая производство допроса следователя в судебном разбирательстве, ввел лишь ограничения по предмету его допроса: запрет допрашивать следователя в целях легитимизации показаний подозреваемого или обвиняемого, данных в досудебном производстве в отсутствии защитника[1].

В силу вышеназванных обстоятельств, с формальной стороны, никаких ограничений или запретов нет. Поэтому, в случаях, когда необходимо проверить достоверность доказательств или устранить противоречия, или выяснить причины изменения участниками процесса своих показаний, суд полагает необходимым вызвать и допросить следователей, производивших предварительное следствие по делу.

ИЗЪЯТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

М.В. Сафонова, курсант Омской академии МВД России
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент А.Н. Артамонов

С развитием технологий всё сложнее представить процесс передачи информации без электронных устройств. Это может быть сообщение в мессенджере, на электронной почте или флеш-карта, как следствие данные ресурсы становятся средством или же объектом преступного посягательства. Законодатель отреагировал на развитие общественных отношений Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ и добавил ст. 164[1] в УПК РФ.

Статья устанавливает общие правила в работе с электронными носителям информации при осуществлении следственных действий. Однако, ни в нововведенной статье, ни в ст. 5 УПК РФ не было включено определение, что же мы должны понимать под электронными носителями информации. Единственное отражение термина содержится в п. 3.1.9 ГОСТ 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения»[2]. В соответствии с которым, электронный носитель – это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники. К интерпретации указанного понятия существуют различные подходы:

1. Электронные носители информации – это носители для однократной или многократной записи электрическим способом. Они могут быть: оптические (CD-R, DVD-R); полупроводниковые (флеш-память); магнитные (магнитные ленты, жесткие диски).

2. Помимо первой группы, к электронным носителям так же относят серверы, персональные компьютеры и подобные микропроцессорные устройства, в которых заложены функции постоянного или временного хранения данных[3].

---

[1] По жалобе гр. Демьяненко В.Н. на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 УПК РФ: определение Конституционного суда РФ от 6 февраля 2004 г. № 44-О // СПС «КонсультантПлюс».

[2] ГОСТ 2.051-2013 Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. Дата введения 01.06.2014.

[3] Перякина М.П., Унжакова С.В., Шишкина Н.Э. Процессуальные и криминалистические аспекты изъятия электронных носителей информации в свете защиты прав участников уголовного судопроизводства // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3. С. 81–85.

В связи с отсутствием единого понимания, следственная и судебная деятельность отличается в зависимости практического опыта принятого в конкретном субъекте РФ.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что для повсеместного, более эффективного правоприменения, необходимо добавить понятие электронные носители информации в УПК РФ или получить разъяснение от Верховного Суда РФ.

Вторым проблемным аспектом применения данной нормы стоит отметить закрепленное обязательное участие специалиста при изъятии электронных носителей информации. Возникает вопрос целесообразности подобного императивного подхода. Например, в ходе следственного действия следователь изымает флеш-карту или CD диск, не нарушая его целостность и не осматривая предмет на наличие в нём информации. В соответствии с нормой УПК РФ требуется участие специалиста, однако, встаёт вопрос в целесообразности загромождения уголовного процесса в подобных случаях. Другой пример, в ходе обыска без участия специалиста был обнаружен ноутбук, который необходимо изъять, при этом его осмотр планируется, как отдельное следственное действие. Специалист должен участвовать в каждом из перечисленных действий?

Таким образом, вопрос привлечения специалиста к проведению следственных действий должен решаться в каждом конкретном случае индивидуально, в первую очередь исходя из сложности объекта изъятия. Из чего следует, что у следователя должно быть право, а не обязанность привлечения специалиста, целесообразность реализации, которого он будет рассматривать при планировании расследования.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ФИЗИЧЕСКИЕ НЕДОСТАТКИ

Н.А. Сергиенко, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Д.А. Мезинов

К лицам, имеющим физические недостатки можно отнести слепых, глухих, немых, тугоухих и глухонемых. Действующий УПК РФ не закрепляет специальных правил, касающихся производства допроса данных лиц, кроме положения ч. 6 ст. 59 УПК РФ, закрепляющей, что правила ст. 59 УПК, посвящённой процессуальному статусу переводчика, распространяются на лицо, владеющее навыками сурдоперевода и приглашенное для участия в производстве по уголовному делу.

Анализ норм ранее действующих УПК, позволяет сделать вывод, что в них содержались отдельные статьи, посвящённые допросу глухого или немого лица. Так ст. 170 УПК РСФСР 1922 г. и ст. 167 УПК РСФСР 1923 г. дублировали друг друга, их содержание сводилось к следующему: при допросе немого, глухого приглашается, понимающее знаки немого или глухого.

УПК РСФСР 1960 г. не содержал статью, касающуюся допроса лиц с физическими недостатками, однако в ст. 57, посвящённой переводчику, содержалось указание на то, что правила этой статьи распространяются на лицо, понимающее знаки немого или глухого и приглашенное для участия в процессе.

Ст. 249 Модельного УПК государств-участников СНГ гласит, что допрос немого или глухого свидетеля осуществляется с участием лица, которое понимает его знаки или умеет изъясняться с ним знаками.

Психологические особенности глухих, глухонемых, немых, слепых принимающих участие в следственных действиях, не исследованы в правовой науке и малоизвестны практическим работникам. Разработка психологических основ допроса обвиняемых, имеющих физические недостатки, обусловлена практической необходимостью.

Показания лиц, имеющих физические недостатки, по объему сведений об обстоятельствах дела являются полными и ограниченными. Глухие, немые, глухонемые, слепые сначала воспринимают то, что видят или слышат, и лишь после этого начинают внутреннее осознание воспринятого.

Допрос лиц, имеющих физические недостатки, должен производиться в светлое время суток. Ночное время оказывает отрицательное воздействие на органы чувств, которые восполняют физические недостатки. Эмоциональное состояние данных лиц в ночное и в вечернее время неблагоприятно для воспроизведения фактических обстоятельств дела. Глухие, немые, глухонемые, слепые становятся внушаемыми и неспособны четко выражать свои мысли, облекать их в жесты, понятные сурдопереводчику, что приводит к недостоверности и неполноте показаний.

Для появления ассоциаций и воспоминаний у лиц с физическими недостатками в ходе допроса можно использовать вещественные доказательства, орудия преступления, фотографии, аудиозаписи. Лицам, имеющим физические недостатки, легче продемонстрировать расположение вещей, предметов, орудий преступления на схеме или рисунке, чем описать их местоположение устно. Такой способ передачи информации зачастую оказывается более эффективным, чем устные показания[1].

Для урегулирования допроса лиц, имеющих физические недостатки, по-моему, есть два пути. Первый: изменение или дополнение норм УПК, посвящённых допросу. Второй: Пленуму Верховного суда РФ нужно вынести Постановление, в котором будут разъяснены особенности допроса лиц, имеющих физические недостатки, что облегчит работу практических работников, сократит существующие процессуальные ошибки при осуществлении допросов указанных лиц, приведёт к единообразию допроса как следственного действия.

ПРОБЛЕМА ДВОЙСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д.Ф. Тимофеев, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент В.В. Ясельская

Мировая юстиция современной России имеет неопределенное, двойственное положение в судебной системе. Институт мировых судей относится к судам субъектов РФ, но при этом мировые судьи входят в единую судебную систему России и осуществляют правосудие именем РФ. Такое положение мировой юстиции потребовало от законодателя распределение полномочий по вопросам организации деятельности мировых судей между Российской Федерацией и субъектами РФ. Первые редакции ФЗ «О мировых судьях в РФ» содержали положение о действительно широкой компетенции регионов в отношении мировых судей, но, начиная с 2004 года, происходит постепенное ограничений полномочий субъектов в данной сфере. Такое решение законодателя связано с основными проблемами института мировых судей.

Проблема финансирования организационного обеспечения мировых судей, осуществляемого из бюджетов субъектов РФ, является основным вопросом в мировой юстиции. Каждый регион России выделяет денежные средства на организационное обеспечение мировых судей, исходя из своего социально-экономического положения, что приводит к разнице финансирования в разных субъектах РФ в десятки миллионов рублей. Такая ситуация ведет к серьезным трудностям, выражающимся в отсутствии помещений для мирового судьи в пре-

[1] Мамаева Р.О. Психологические основы и процессуальные особенности допроса лиц, имеющих физические недостатки // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право» 2017. № 3. С. 135.

делах судебного участка, ремонта в зданиях судебных участков, нехватке канцелярских товаров и оргтехники. Однако для разрешения данной проблемы законодателем в 2018 году были внесены дополнения в ФЗ «О мировых судьях в РФ», устанавливающие согласованность действий региональных властей по уменьшению финансирования в сфере мировой юстиции не более чем на 5% с советом судей субъекта РФ, а более чем на 5% с конференцией судей субъекта РФ.

Финансовые трудности в сфере мировой юстиции также порождают проблему кадрового вопроса. Структура аппаратов мировых судей определяется законом субъекта РФ, который в первую очередь думает о своих бюджетных возможностях. Такая ситуация приводит к разной укомплектованности аппаратов мировых судей. Так, на сегодняшний день некоторые мировые судьи имеют только секретаря судебного участка и секретаря судебного заседания, им не выделяют денежные средства на комплектование их аппарата должностями делопроизводителя и помощника мирового судьи, что способствовало бы повышению качества и скорости судопроизводства. Именно поэтому, на мой взгляд, сегодня есть объективная необходимость закрепления на федеральном уровне единых положений о структуре работников аппарата мировой юстиции.

Компетенция субъектов РФ распространяется и на вопрос установления срока полномочий мирового судьи, однако считаю, что процедура переназначения (переизбрания) ставит под сомнение независимость мировой юстиции от законодательных органов государственной власти субъекта РФ, которые сегодня назначают (избирают) мировых судей во всех субъектах РФ. На мой взгляд, представляется обоснованной позиция Председателя Совета судей РФ – В.В. Момотова[1], о том, что единственным ограничением срока полномочий всех судей в РФ, в том числе и мировых, должен быть предельный возраст пребывания в должности – 70 лет.

Подводя итоги, я считаю, что сегодня целесообразно передать организационные вопросы деятельности института мировых судей Управлениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ в субъектах РФ, а финансирование мировых судей должно происходить только из федерального бюджета, с целью установления равного материального обеспечения мировой юстиции на всей территории России. Также следует рассмотреть вопрос об обеспечении независимости мировой юстиции от региональных властей, установив неограниченный срок полномочий мировых судей. Но в то же время представляется, что субъектам РФ необходимо оставить право выбора порядка назначения (избрания) на должность мирового судьи, а также вопросы создания и упразднения судебных участков на территории региона.

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ В РОССИИ

Е.А. Фомичева, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент В.В. Ясельская

Одной из приоритетных задач РФ является борьба с преступностью. Особое место в этой борьбе отводится органам предварительного следствия, постоянное реформирование которых производится на протяжении многих лет. Учёными активно рассматриваются варианты повышения качества работы данных органов. Так как принцип состязательности как положение уголовного процесса, закреплённый в ст. 15 УПК РФ, на стадии предварительного расследования реализуется не в полной мере: есть стороны состязания, но нет необходимой составляющей – беспристрастного арбитра[2].

[1] Мировых судей предложено назначать бессрочно [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: https://rg.ru/2019/02/18/mirovyh-sudej-predlozheno-naznachat-bessrochno.html (дата обращения:25.03.2020).
[2] Ясельская В.В. Реализация принципа состязательности на стадии предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 1 (19). С. 82–87.

В литературе обсуждаются проблемы несовершенства судебного контроля, чрезмерной длительности сроков предварительного расследования. Одним из возможных путей разрешения указанных проблем является идея введения института следственных судей. Их деятельность будет основана на осуществлении независимого предварительного следствия, обеспечения равенства сторон в досудебном производстве. Как верно отмечает В.Д. Зорькин, следственные судьи обеспечат независимость и беспристрастность исследования, в отличие от ситуации, когда один и тот же судья в уголовном процессе и производит судебный контроль над следствием, и выносит решения по тому же делу в судебном заседании[1].

Институт следственных судей существует в ряде зарубежных стран, например, в Бельгии, Франции, Хорватии, Украине, Казахстане. Так, по УПК РК в компетенцию следственного судьи входит: рассматривание жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора; санкционирование меры пресечение и процессуального принуждения; по мотивированному ходатайству адвоката, участвующего в качестве защитника, рассмотрение вопросов об истребовании и приобщении к уголовному делу любых сведений, документов, имеющих значение для уголовного дела. В юридической практике РФ предлагается наделить следственных судей примерно такими же полномочиями[2].

Следует согласиться с выводом В. Лебедева о том, что следственные судьи разгрузят судей СОЮ, которые потоком рассматривают данные жалобы (в год судами рассматривается порядка 2 миллионов 800 тысяч материалов), так или иначе связанных со следствием, а затем разбирают те же дела по существу[3]. Реформа поможет увеличить эффективность предварительного следствия и привести к сокращению сроков судебного разбирательства.

М.Ю. Барщевский и Т.Г. Морщакова выступают за введение института следственных судей: «Следственные судьи именно как представители судебной, а не обвинительной власти должны быть в стадии расследования арбитрами между сторонами обвинения и защиты». Следует согласиться с выводом авторов о том, что организация судебного контроля над расследованием поможет преодолеть обвинительный уклон.

Представляется, что реализация проекта следственных судей необходима, потому что данный институт помог бы решить многие проблемы. Повысить качество предварительного расследования, расширив возможности защиты в доказывании, удовлетворяя ходатайства адвокатов и преобразовывая сведения, полученные защитником, в доказательства. Уровняв возможности сторон на данной стадии уголовного процесса, следственные судья обеспечат наличие принципа состязательности на стадии предварительного расследования.

ВИДЕОПОКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К.К. Хрипко, студент НЮИ(ф)ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент М.В. Минстер

В современной судебной практике стали достаточно распространены случаи, при которых осужденные участвуют в судебных заседаниях посредством видеоконференцсвязи. Безусловно, это экономит материальные и физические ресурсы по доставке осужденных на само судебное заседание.

В действующем законодательстве РФ не предусмотрено возможности получения необходимых доказательств с помощью прямой видеосвязи с допрашиваемым. Однако, прямой

[1] URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20121218/265821471.html
[2] URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20121218/265821471.html; https://rg.ru/2015/03/12/sledstvie.html
[3] URL: https://rg.ru/2020/02/11/predsedatel-verhovnogo-suda-podderzhal-ideiu-vvedeniia-sledstvennyh-sudej.html

запрет на указанное получение доказательств также отсутствует в уголовном законодательстве нашей страны.

На мой взгляд, получение показаний с использованием видеоконференцсвязи возможно, а в некоторых ситуациях даже необходимо. К таким случаям можно отнести неявку свидетеля, высокие затраты на проезд, трата временных ресурсов, в случае нахождения необходимого свидетеля, например, за границей. Кроме того, стоит отметить и тот факт, что свидетели с неустойчивой психикой (легко поддающиеся на давление с противоборствующей стороны) также могут давать видеопоказания.

По справедливому утверждению В.А. Терехина и А.Е. Федюнина, видеотрансляция является актуальной при расследовании по делам, которые связаны с организованной преступностью.[1] Стоит также отметить возможность защитника на составление протокола видеоопроса. В условиях онлайн-конференции его будут подтверждать опрашиваемый и лица, присутствующие рядом с ним. В таком случае видеозапись будет являться дополнением к основному виду доказательств (протоколу допроса и т.п.). Допустимость такого доказательства будет обеспечиваться соблюдением всех норм следственного действия, к которому видеозапись прикладывается в протоколе.

В некоторых случаях видеопоказания могут быть записаны и без составления протокола. Допустим, когда по каким-либо объективным причинам составление невозможно: ситуация стихийного бедствия, тяжелое для жизни и здоровья состояние опрашиваемого лица. Правовая природа таких доказательств остается неизменной (видеопоказания – иные документы) и исключать их из процесса доказывания недопустимо, так как при подтверждении соответствующих нормативных свойств доказывания (относимость, допустимость и достоверность) их использование возможно.

Стоит отметить, что свойство допустимости таких показаний имеет место и в тех случаях, когда они получены вне уголовно-процессуальных отношений и даже если лицо не является субъектом доказывания. При дальнейшей процессуальной проверке устанавливается факт пригодности данных к использованию в установлении обстоятельств уголовно-правового события[2].

На мой взгляд, современные технологии стоит внедрять в уголовный процесс России и в дальнейшем использовать их на всех стадиях уголовного судопроизводства. Это касается и видеопоказаний участников, которые должны в будущем занять место в общей системе правовых средств доказывания.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

Ю.И. Цицинская, магистрант ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент О.В. Воронин

Игорь Викторович Краснов, выступая на пленарном заседании в Совете Федерации перед назначением его на должность Генерального прокурора России, обозначил приоритетные направления деятельности прокуратуры, акцентировав своё внимание на том, что нужно в первую очередь сосредоточиться на отраслях подверженных наибольшей криминализации. К одной из таких отраслей он отнёс обеспечение прав граждан на жилье, уделяя особое вни-

[1] Терехин В.А., Федюнин А.Е. Видеоконференцсвязь в современном российском судопроизводстве // Судья. 2016. № 1. С. 53.
[2] Черенков А.В. Использование контроля записи переговоров в раскрытии и расследовании преступлений. М., 2017. С. 23.

мание правам детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее дети). Ещё в 2007 году, приказом Генеральной прокуратуры № 188, было закреплено требовать от должностных лиц органов исполнительной власти и местного самоуправления принятия эффективных мер по исполнению положений Федерального закона № 159-ФЗ о реализации права на имущество и жилое помещение воспитанников и выпускников детских домов, интернатов, других учреждений, призванных облегчить их социальную адаптацию в обществе[1]. Согласно вышеназванному закону, детям однократно предоставляются благоустроенные жилые помещения специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений[2].

Проблемы в данной отрасли возникают из-за несовершенства механизма предоставления жилых помещений. Орган исполнительной власти субъекта РФ формирует список детей, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями. Право на жилье у данных лиц сохраняется до фактического обеспечения их жилыми помещениями. Запись в списке является своего рода юридическим фактом, благодаря которому лицо приобретает право на получение жилого помещения. Как показывает практика уже на этапе формирования списка происходят нарушения законодательно установленного порядка. Органы опеки и попечительства не надлежащим образом исполняют свои обязанности, а иногда и попросту бездействуют при получении информации о нуждающихся детях. Бывают ситуации, когда за лицом юридически закреплено помещение для проживания, но фактически оно не пригодно для этих целей. В таких случаях прокуратурой подаётся иск о признании жилья непригодным, либо иск о понуждении исполнения обязанности по ремонту жилого помещения. Другой немало важной проблемой является закупка жилья по заведомо завышенным ценам. Так, например, в Кировской области закупили 131 квартиру по ценам выше рыночных на сумму в 30 миллионов рублей, при всем при этом 22 квартиры являются аварийными.

Прокуратура каждый день продолжает выявлять факты нарушения жилищных прав детей. По данным Счетной палаты России за 2019 год число детей, нуждающихся в жилье, возросло на 12 тысяч по сравнению с предыдущим годом и составило 270 тысяч человек по всей стране. При этом 65% из этого числа – это лица старше 18 лет, у которых нет «крыши над головой». Учитывая представленную динамику, число таких лиц с каждым годом будет только увеличиваться и как следствия будут прогрессировать нарушения законодательства в рассматриваемой отрасли. Поэтому органы прокуратуры должны активизировать свою работу по данному направлению: осуществлять постоянный мониторинг за соблюдением жилищных прав детей, всегда иметь актуальную информацию об их количестве и оперативно реагировать на выявленные нарушения, путем принятия соответствующих мер прокурорского реагирования.

[1] Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи [Электронный ресурс] : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26.11.2007 № 188 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2020. П. 5.1. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[2] О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ : (ред. от 25.12.2018) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2020. Ст. 8. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ У МИРОВОГО СУДЬИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА УПРОЩЁННОГО ТИПА

К.В. Шимко, магистрант ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Д.А. Мезинов

Уголовное судопроизводство делится на обычные, упрощённые и производства с усложнённой процессуальной формой[1]. Производство по уголовным делам у мирового судьи является одним из упрощённых производств. Однако оно обладает специфическими характеристиками, отличающими производство у мирового судьи от других упрощённых процессуальных форм. Их выделение позволит выявить возможные проблемы процессуальной формы и возможности для дальнейшего упрощения производства у мирового судьи.

Назначение мировой юстиции состоит в ускорении, упрощении, удешевлении, рационализации и повышении доступности судопроизводства для населения[2]. При этом достижение этих целей не умаляет соблюдения прав человека и гражданина. Целями упрощённых производств являются те же самые положения, поэтому можно сделать вывод о том, что производство по уголовным делам у мирового судьи по своей природе и сущности уже выступает производством упрощённого типа.

Чертами производства по уголовным делам у мирового судьи, характеризующими его как самостоятельную уголовно-процессуальную форму упрощённого типа и дающими качественно иной характер разбирательства, являются:

1) организационная основа – существование отдельного звена судебной системы – мировых судей, рассматривающих в упрощённом, по сравнению с обычным, порядке определённые категории дел;

2) материально-правовая база – определённые категории дел, по которым производство ведётся мировым судьёй, для которых характерны:

– небольшая степень общественной опасности преступлений (наказание до 3 лет лишения свободы, за некоторыми исключениями – ч. 1 ст. 31 УПК РФ);

– относительная несложность их разрешения с фактической и правовой стороны в ходе судопроизводства;

3) процессуальный аспект, который заключается в особенностях самого производства у мирового судьи и выражается в следующем:

– два порядка производства – по делам частного и по делам частно-публичного и публичного обвинения (основные особенности касаются дел частного обвинения);

– особенности производства по делам частного обвинения (подача заявлений в отношении конкретного лица непосредственно мировому судье, вызов в течение 7 суток лица, в отношении которого подано заявление, поддержание обвинения частным обвинителем, возможность соединения с производством по встречным требованиям и др.);

– сокращённые сроки начала судебного разбирательства – не ранее 3 и не позднее 14 дней с момента поступления заявления или дела в суд (ч. 2 ст. 321 УПК РФ);

– право оказывать сторонам по их ходатайству содействие в сборе доказательств (ч. 2 ст. 319 УПК РФ);

– мировой судья разъясняет сторонам возможность примирения (ч. 5 ст. 319 УПК РФ), но на него не возлагается обязанность по склонению сторон к примирению и, тем более, не регламентируется процедура примирения; однако, исходя из главной цели и сущности миро-

[1] Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. – Томск: Изд-ва Том. ун-та, 2015. – с. 71 – 72

[2] Дорошков В.В. Мировой судья: Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности / В.В. Дорошков. – М., 2004. – с. 151.

вого судьи как примирителя, большого числа дел, заканчивающихся примирением сторон и необходимостью такого исхода по категориям дел небольшой тяжести, объективно назревает необходимость закрепления такого порядка. Более того, возможность примирения сторон предусмотрена только по делам частного обвинения.

ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ПРОКУРОРА В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

А.А. Шунькова, студент ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Д.А. Мезинов

Судебное разбирательство с участием присяжных заседателей обладает рядом существенных отличий от рассмотрения дела в общем порядке. Прежде всего, мы говорим о сложной психолого-тактической составляющей. Успешность деятельности прокурора в этих условиях будет зависеть не только от качества собранной доказательственной базы, но и от умения выбрать оптимальную стратегию своего поведения, в особенности это проявляется в его речи в прениях сторон.

Государственному обвинителю необходимо учитывать то, как его слова будут восприниматься непрофессиональными участниками процесса. В традиционном судебном процессе общение государственного обвинителя с судьёй, защитником, как и его речь, носят преимущественно профессиональный характер. Присяжные заседатели, как правило, не обладают правовыми знаниями, и, соответственно, им трудно понять содержание подобной речи.

На наш взгляд, особенности речи прокурора в суде с участием присяжных заседателей можно выразить при помощи «принципа кооперации», разработанный известным лингвистом Гербертом Полом Грайсом в работе «Логика и речевое общение». Смысл данного принципа состоит в следующем: коммуникативный вклад каждого участника должен быть таким, какого требует совместно принятая цель речевого общения. Для того, чтобы реализовать указанный принцип, необходимо руководствоваться следующими четырьмя постулатами: Постулат Количества, Постулат Качества, Постулат Отношения и Постулат Способа[1].

Постулат Количества: высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для выполнения текущих целей диалога. Оратор, в данном случае прокурор, должен быть более информирован, чем слушатели, то есть присяжные заседатели. Речь прокурора должна быть лаконичной при достаточной продолжительности речи, которая характеризуется отсутствием ненужных слов, засоряющих и без того сложную для восприятия присяжных информацию. Лаконичность – это, прежде всего, экономность, ёмкость и содержательность выступления.

Постулат Качества: высказывание должно быть истинным. Согласно уголовно-процессуальному законодательству, государственному обвинителю следует поддерживать обвинение в случае твёрдой убеждённости в виновности подсудимого. Если же государственный обвинитель приходит к противоположным выводам, то ему необходимо отказаться от поддержания обвинения.

Указанный Постулат Качества характеризуется также точностью и искренностью речи прокурора при представлении доказательств. Об искренности будет свидетельствовать тон говорящего. Присяжные заседатели должны прийти к логическому выводу, что прокурор поступает правильно в своих действиях, и они готовы поддержать его позицию.

[1] Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 222–225.

Постулат Отношения: не отклоняйся от главной темы сообщения. Не стоит говорить о малозначительных вещах, так как это отвлечёт внимание присяжных заседателей от основных обстоятельств дела.

Постулат Способа: выражайся ясно, избегай неоднозначных слов, то есть будь краток и организован. Иначе говоря, неспособность государственного обвинителя к использованию в своей речи общеупотребительных слов, выражений приведёт к тому, что не удастся оказать нужного воздействия на присяжных заседателей. Речь государственного обвинителя должна быть выразительной, яркой, ясной, логичной.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: владение прокурором психологическими механизмами воздействия на присяжных заседателей, умение применять коммуникативные методы, в конечном итоге, способствует принятию законного, обоснованного и справедливого приговора суда.

КРИМИНАЛИСТИКА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С ДОПРАШИВАЕМЫМ ЛИЦОМ

И.С. Авдеев, магистрант ТГУ
Научный руководитель – д-р юрид. наук, профессор Р.Л. Ахмедшин

Актуальность проблемы установления психологического контакта обусловлена тем, что допрос является одним из важнейших следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Сам же процесс установления психологического контакта является обязательным элементом результативного допроса. Поскольку именно от данного процесса, в большей степени зависит успех проведения такого следственного действия, как допрос.

Наиболее удачным является определение психологического контакта, данное профессором Р.С. Белкиным, который под психологическим контактом понимал создание такой атмосферы допроса, когда допрашиваемый проникается уважением к следователю, понимает обязанности и задачи, осознает необходимость способствовать своими правдивыми и полными показаниями установлению истины по расследуемому уголовному делу[1].

Кроме того, определение психологического контакта, находит свое отражение не только в юриспруденции, но и в психологии, поскольку сам процесс установления психологического контакта включает в себя психологическую составляющую. На мой взгляд, для правоприменительной практики наиболее целесообразно было бы создать одно "общее" определение, отражающая как юридический, так и психологический аспект данного понятия. Однако, в настоящий момент времени такого определения нет.

Говоря про установление психологического контакта в правоприменительной деятельности следует отметить, что данный процесс характерен при допросе лиц, независимо от их процессуального статуса. Таким образом, процесс установления психологического контакта характерен как для допроса потерпевших и свидетелей, так и при допросе подозреваемых и обвиняемых.

В целом, процесс установления психологического контакта носит преимущественно односторонний характер. Поскольку следователь, ввиду своего процессуального статуса, стремится получить от допрашиваемого лица как можно больше информации, имеющей отношение к событию расследуемого им преступления (преступления). Однако последний должен учитывать, что допрашиваемое лицо (в большей степени подозреваемый), находится в состоянии психологического напряжения, ввиду неудовлетворенности такой базовой потребности, как потребность в безопасности.

Наибольшую сложность представляет допрос в конфликтной обстановке. Здесь следователь может столкнуться с отказом допрашиваемого лицо от дачи показаний, а также дачи им заведомо ложных показаний. В данной ситуации наиболее целесообразно будет использование следующих криминалистических приемов: разъяснение и убеждение в том, что занятая позиция вредна и невыгодна самому допрашиваемому; – проведение беседы на отвлеченную тему с целью составить представление о допрашиваемом и настроить его на взаимодействие со следователем; дать возможность допрашиваемому успокоиться; не затрагивать на данном этапе вопросы, которые недобросовестный допрашиваемый не желает обсуждать; рассматривая аспекты преступного события, остановиться на "нейтральных позициях" для допрашиваемого.

[1] Белкин Р.С. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА, 2004. С. 602.

В заключение всего вышесказанного стоит отметить, что столь значимая деятельность как установление психологического контакта должна быть направлена не только на допрос, но и на другие следственные действия (большинство следственных действий), которые строятся на общении.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ЛИЦА, ЗЛОУПОТРЕБЛЯЮЩЕГО СВОИМИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Т.А. Алексеева, старший преподаватель ТГАСУ

Одним из направлений исследований в криминалистике является изучение личности преступника, которое включает в себя несколько факторов, как биологических, социальных, так и психологических. Одним из современных подходов к анализу личности преступника является прием психотипирования, который широко применяется исследователями-криминалистами, начиная от тактики производства следственных действий[1] и заканчивая построением портрета неизвестного преступника[2]. Типологический подход в совокупности с методом моделирования[3] позволяют спроектировать модель преступного поведения преступника – должностного лица через призму типовых личностных особенностей. Учитывая в целом корыстную и личную заинтересованность лиц, злоупотребляющими своими должностными полномочиями, выделим несколько групп должностных лиц и типовых моделей поведения.

Должностное лицо-эпилептоид характеризуется стремлением к власти, признанию и подчинению со стороны окружающих. Злоупотребляет полномочиями, оказывая услугу лицам, которые поддерживают их статус, придают им вес в обществе. Установленные связи не скрывают, могут попросить об обратной услуге. Еще одной причиной злоупотреблений полномочиями может послужить банальная жадность, так как для эпилептоида важно обладать самыми дорогими вещами.

Должностное лицо-истероид воспринимает злоупотребление своими полномочиями как нормальное, повсеместное явление, не считая это чем-то аморальным. Нарушать закон как в рамках, так и вне службы – обычное поведение истероида. Однако, злоупотребление полномочиями сводится к незначительным, но частым нарушениям: взяткам, услугам. Может работать с несколькими служащими, не создавая сложных преступных схем.

Должностное лицо-циклоид будет действовать один, без привлечения других лиц, чтобы минимизировать риск распространения информации и разоблачения. Разработает достаточно сложную схему, привлечет людей, не подозревающих о преступных действиях (например, создание благотворительной организации для вывода денег; открытие счета в иностранном банке).

Должностное лицо-конформный в силу слабых волевых характеристик и подверженности влияния со стороны авторитетного человека, возможно стоящего выше по должности, является в основном исполнителем, не будет участвовать в преступлении один или занимать ведущую роль в планировании.

---

[1] Юань В.Л. Тактика допроса обвиняемого лица параноидной акцентуации // Сборник материалов криминалистических чтений. 2018. № 15. С. 105–106.

[2] Ведерников Н.Т., Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Теоретические проблемы криминалистического профилирования: уголовно-процессуальный, тактико- криминалистический и психологический аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 178–186.

[3] Ахмедшин Р.Л., Воронин С.Э. Моделирование в криминалистической деятельности. Красноярск: АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», 2019. 281 с.

Должностное лицо-сензитив тяжело переносит стрессовые ситуации, в том числе вызванные обманом, поэтому поделится информацией о преступных действиях с семьей. Вовлечен в преступное злоупотребление может быть по причине необходимости помощи близким людям.

Должностное лицо-параноид характеризуется принципиальностью, своей системой ценностей, поэтому, если решится на злоупотребление полномочиями, то оправдает это несовершенством системы и неспособностью действовать в создавшихся условиях законным способом. Отличается недоверчивостью, поэтому будет действовать один, может посвятить в свои действия узкий круг друзей, но не коллег.

Таким образом, возможности применения типологического подхода в делах о злоупотреблении полномочиями могут быть использованы при моделировании типового портрета личности преступника и типовой модели его поведения.

УСТАНОВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Д.А. Апаринова, курсант СибЮИ МВД России
Научный руководитель – зам. нач. кафедры А.В. Репин

Анализ статистических данных показывает, что на территории Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года официально зарегистрировано 2 024 337 преступлений, в числе которых 104 927 – преступления экономической направленности. Важно отметить, что за указанный период количество уголовных дел, направленных в суд, по делам о преступлениях в сфере экономики составило лишь 45 593 (43,4% от числа зарегистрированных преступлений экономической направленности)[1].

Бесспорно, одним из основных следственных действий по уголовным делам любой категории является допрос. Качественно проведённый допрос лиц, как совершивших преступление, так и являвшихся его свидетелями или потерпевшими, обеспечивает полноту доказательственной базы, а также ориентирует следователя на дальнейший ход расследования.

Немаловажный вывод сделал А.Б. Соловьев, отметив, что «допрос представляет собой сложнейшее психологическое взаимодействие, психологический поединок в борьбе за искомую информацию»[2].

Сложность допроса по уголовным делам экономической направленности заключается в том, что весьма часто подозреваемые и обвиняемые по таким преступлениям – люди с высоким уровнем социальной приспособленности, они хорошо ориентируются как в социальных, так и в правовых нормах, уровень их образования гораздо выше, чем в среднем у остальных преступников, часто занимают высокое социальное положение, поэтому они придерживаются негативной позиции по отношению к словам следователя: опровергают свою причастность к преступлению, отказываются от дачи показаний, или дают ложные, в результате чего возникает конфликтная ситуация. При таких обстоятельствах достижение желаемого результата напрямую будет зависеть от способности следователя установить психологический контакт с допрашиваемым лицом, посредством как вербального общения, так и невербальной коммуникации (мимика, жесты, интонация и т.п.), а кроме того, изучения личности допрашиваемого.

---

[1] Показатели преступности России. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_map. (дата обращения: 01.03.2020).

[2] Соловьев А.Б. Использование доказательств при допросе на предварительном следствии: метод. пособие. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 99.

Справедливо отмечалось, что необходимость исследования личности преступника в тактическом аспекте в рамках криминалистической характеристики личности обвиняемого обусловлена объективными потребностями предварительного следствия, в том числе и для использования собранных сведений при проведении отдельных следственных действий[1].

Криминалистическая характеристика личности преступника в рамках проведения допроса выступает как ориентир оптимальности той или иной разновидности воздействия, своеобразным указателем на содержание воздействия со стороны следователя. Результатом такого воздействия на личность преступника будет либо трансформация элементов криминалистической характеристики личности преступника, либо их ситуационная модификация. В идеале целью тактического приема является достижение таких изменений в личности преступника, которые бы обладали свойствами длительности и глубинности.

Таким образом, заблаговременное, а также непосредственное (в ходе проведения следственного действия) изучение личности допрашиваемого играет немаловажную роль в установлении психологического контакта следователя при допросе в условиях конфликтной ситуации. Учитывая личностные характеристики допрашиваемого, модель поведения, избираемую допрашиваемым лицом, следователь должен выработать соответствующую стратегию и тактику общения для преодоления конфликта.

ЗНАЧЕНИЕ ВОЗРАСТА МАТЕРИ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА ДЛЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 106 УК РФ

А.Д. Козачук, студент ТГУ
Научный руководитель – ст. преподаватель И.В. Иванов

Личность преступника является центральным звеном в системе элементов криминалистической характеристики убийства матерью новорожденного ребенка. Хотя все элементы характеристики взаимосвязаны и взаимозависимы, нельзя не отметить какое влияние оказывает личность на содержание иных элементов характеристики. Например, именно она предопределяет предмет преступления, ведь не каждая беременная женщина в качестве выхода из нежелательной беременности выбирает убийство своего новорожденного ребенка.

Субъектом преступления по статье 106 УК РФ является женщина, достигшая шестнадцати лет. Возраст женщины как биологический признак во многом предопределяет мотив данного преступления, выражая определенную совокупность свойств личности.

Так, в исследовании А.Л. Карасовой за 2012 год отражено, что «среди женщин, привлеченных к уголовной ответственности за убийство своего новорожденного ребенка, совершили преступление в возрасте до 25 лет – 40%, в возрасте от 25 до 30 – 45%[2]». Приведенные данные объясняются тем, что незрелая личность (особенно в возрасте до 18 лет) не способна выстоять против страха перед реакцией родителей, стыда, неготовности стать матерью, осуждения общества. Подростки как можно дольше скрывают факт беременности, но на них могут повлиять родственники или отец ребенка. Хотя зачастую проблема кроется в недостаточно доверительных отношениях с родителями, их пренебрежение либо требовательность влияет на социальную адаптацию, делая дочерей замкнутыми, отколотыми от общества, неимение друзей, поддержки, выливается в ненависть к ребенку, как к источнику несчастий.

[1] Кривошеин И.Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. Томск, 2001. С. 39.

[2] Карасова А.Л. Влияние личностных особенностей женщин-детоубийц на квалификацию уголовной ответственности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 1. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17656140 (дата обращения: 02.04.2020).

Однако согласно данным за 2019 год наиболее криминогенной является возрастная категория 30–49 лет[1]. Объяснением может служить то, что молодым девушкам в силу еще не ожесточившегося характера сложнее принять решение о лишении жизни ребенка, а у взрослых женщин уже сложился характер, приоритеты, система моральных ценностей, убеждений и принципов. Подавляющее большинство из них уже имеют детей и в большинстве случаев более одного. Тяжелое материальное положение, в том числе по причине уже имеющихся детей на иждивении, расторжение брака и поздний срок для проведения аборта, и ребенок уже выступает в качестве препятствия для продолжения привычного образа жизни. Женщины начинают заранее планировать совершение преступления, избегают постановки на учет в женскую консультацию, уезжают на момент родов. Подобное расхождение в статистике может свидетельствовать о том, что у данного преступления высокая латентность и у каждой из вышеназванных возрастных групп есть свои собственные мотивы к его совершению. Факт высокой латентности («темного числа») детоубийств неоднократно отмечался в юридической литературе и определяется как соотношение 1:10[2]. Кроме того у возрастной группы до 30 лет отмечается меньшая степень латентности, чем у старшей группы. Чем выше возраст, тем больше возможностей скрыть преступление, тем выше латентность. С криминалистической точки зрения, представляет интерес связь между возрастом женщины как биологической составляющей характеристики личности преступника и способом сокрытия преступления.

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ ОГРАНИЧЕННОГО ПОРАЖЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СЛЕДОВ НА ПУЛЕ И ГИЛЬЗЕ. СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

А.В. Колтаков, курсант БЮИ МВД РОССИИ
Научный руководитель – преподаватель О.С. Мигунов

Официальной статистики по преступлениям с использованием огнестрельного оружия ограниченного поражения (далее – ОООП) в нашей стране не ведется, но все чаще мы слышим из сообщений СМИ о данных противоправных деяниях.

Согласно Федеральному закону от 13.12.1996 года № 150- ФЗ «Об оружии»[3], оружие, в зависимости от целей использования соответствующими субъектами, а также по основным параметрам и характеристикам подразделяется на: гражданское, служебное и боевое ручное стрелковое и холодное оружие. Обозначенное темой нашего научного исследования огнестрельное оружие ограниченного поражения относится к оружию самообороны. Данный вид оружия должен отвечать определенным в федеральном законе требованиям: должна быть исключена возможность ведения огня очередями, емкость магазина (барабана) не более 10 патронов, дульная энергия при выстреле не должна превышать 91 Дж, а также должно соответствовать криминалистическим требованиям, которые отражены в приказе МВД России № 429[4]. В нем в частности говорится о том, что: Гражданское огнестрельное оружие ограни-

[1] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год. Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 2019 год. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/k5_1-svod_vse_sudy-2019.xls (дата обращения: 05.04.2020).

[2] Назаровская А.Д. К вопросу о латентности убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) // Юристъ – правоведъ. 2007. № 2. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15122883 (дата обращения: 02.04.2020).

[3] Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/10128024/ (дата обращения: 01.03.2020).

[4] Приказ МВД России от 30 июня 2017 г. № 429 «Об утверждении Криминалистических требований к техническим характеристикам гражданского и служебного оружия, а также патронов к нему». URL: http://base.garant.ru/71768382/ (дата обращения: 01.03.2020).

ченного поражения не должно без необратимых изменений конструкции обеспечивать возможность производства выстрелов металлическими снарядами, в результате чего им сообщается удельная кинетическая энергия более 0,5 Дж/мм^2. 0,5 Дж/мм^2 – минимальный порог поражаемости, установленный судебной баллистикой и судебной медициной. Также, в приказе обозначено: «огнестрельное оружие ограниченного поражения должно образовывать на стреляных гильзах следы частей и деталей, пригодные для его идентификации». Данное положение может говорить о том, что при производстве выстрела из конкретного образца огнестрельного оружия ограниченного поражения на гильзе должны оставаться характерные следы, принадлежащие данному образцу. Следы на гильзе могут образовываются выбрасывателем в ствольных оружиях или от выступов центрального контакта, защелки и толкателя (на бесствольном пистолете «Стражник»), от центрального контакта и экстрактора (на бесствольном пистолете «Оса») и т.д. Их форма, размер, степень выраженности, положение и взаиморасположение помогут установить конкретную модель ООПП, если сравнить эти данные со справочной информацией. Что касается пули, патрона травматического действия, то она обычно выполнены из резины разной твердости и размеров, и по форме представляют собой шарик или цилиндр (литые резиновые пули). На пуле, как правило, в результате выстрела, практически не остается каких- либо видимых следов, которые как в случае с гильзой могли бы идентифицировать конкретный образец огнестрельного оружия ограниченного поражения.

Хотелось бы отметить, что существует Приказ МВД России от 31.05.2018 № 343, в котором утверждаются требования к контрольному отстрелу гражданского и служебного оружия с нарезным стволом с целью формирования пулегильзотеки, но положения данного приказа не распространяются на ООПП.

Таким образом, если будет введена соответствующая регистрация каждого ООПП при помощи отстрела и фиксации результатов, с формированием пулегильзотек, по принципу гражданского и служебного оружия с нарезным стволом, то обнаруженная на месте происшествия гильза даст представление не только о модели или калибре ООПП, а позволит идентифицировать конкретного владельца данного огнестрельного оружия.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОСУЖДЁННЫХ, СКЛОННЫХ К ПОБЕГУ

Е.Н. Кравченко, курсант СЮИ ФСИН России
Научный руководитель – ст. преподаватель В.С. Михайлов

Общественная опасность побегов из мест лишения свободы заключается в прерывании исполнения приговора и решения суда или органа расследования об избрании меры пресечения подозреваемого (обвиняемого), в этом случае дезорганизуется деятельность исправительного учреждения (ст. 321 УК РФ) ввиду перемещения сил и средств для поиска и задержания самовольно покинувшего режимное учреждение[1].

В настоящее время, благодаря совместной работе отделов ИУ, среди осуждённых выделяется группа склонных к побегу, за которой осуществляется дополнительный контроль и надзор. Проводимые проверки и осмотры согласно распорядку дня являются плановыми, но для реализации этой задачи в насколько это возможно полном объеме происходят благодаря конфидентам из числа осуждённых, осуществляющим содействие и помощь. Предоставление оперативной информации необходимо, так как при использовании инженерно-технических средств и возможностей сотрудников выявляется информация не в полной мере,

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

складывается общее впечатление, которое необходимо дополнить тем, что можно увидеть и услышать из непосредственного окружения осужденного.

Согласно ст. 2 «Об ОРД»[1], основными задачами являются: − выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

– осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших;

– добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;

– установление имущества, подлежащего конфискации.

Как отмечалось ранее, категория осужденных, склонных к побегу, требует дополнительного внимания, так как осуществляемые работы в исправительном учреждении, различного рода ухищрения и нарушение режима могут являться предпосылками для совершения побега. Следовательно, необходимо установить особый контроль за местами в которых такие лица чаще всего находятся. Ведение картотек позволяет вести четкий учет осуждённых, выявление лиц, склонных к побегу снижает общий процент побегов, так как на стадии планирования при выявлении умысла можно предотвратить совершение преступления.

На основе совершенных преступлений разрабатываются подходы к их предупреждению и пресечению. Первый подход заключается в воздействии на осужденного, дабы склонить его к отказу от побега. Второй подход осуществляется в результате неэффективности первого, когда путем воспитательных бесед результат не достигается, в этом случае применяются следующие меры: перевод в другую исправительную колонию, водворение в ШИЗО (при наличии законных оснований), перевод осужденного в тюрьму (осуществляется по решению суда).

Таким образом, подводя итог выше сказанному, сделаем вывод: для пресечения побегов необходима кооперация отделов ИУ, привлечение конфидентов, непосредственно личная работа с осужденным, а также научный поход, ведение картотек и учета лиц, склонных к побегу.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИЧИН, СНИЖАЮЩИХ КАЧЕСТВО ОТПЕЧАТКОВ, ПОЛУЧАЕМЫХ В ПРОЦЕССЕ ДАКТИЛОСКОПИРОВАНИЯ ЖИВЫХ ЛИЦ

Е.В. Луганская, курсант СибЮИ МВД России
Научный руководитель – зам. нач. кафедры А.В. Репин

Дактилоскопическая информация имеет важное значение для раскрытия и расследования преступлений. От качества отпечатков, получаемых при дактилоскопировании зависят результаты проводимых экспертиз и исследований, возможность постановки и проверки лиц по дактилоскопическим учетам.

Как показывает практика, ввиду различных ошибок, допускаемых в процессе дактилоскопирования, нередко получаются отпечатки низкого качества, что приводит к невозможности проведения экспертиз и постановке лиц на учет[2]. Дактилоскопические карты с низким качеством отпечатков пальцев руки и ладоней, не всегда распознаются и кодируются с использованием автоматизированных дактилоскопических информационных систем (АДИС)[3].

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144 ФЗ. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[2] Репин А.В. Анализ ошибок, допускаемых в процессе дактилоскопирования живых лиц // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2. Красноярск: СибЮИ МВД России. С. 261.

[3] Кушаев А.А. Виды качества отпечатков рук // Теория и практика общественного развития. 2016. № 3. С. 103.

Как правило, получение отпечатков низкого качества обусловлено нарушением технологии проведения дактилоскопирования живых лиц. Рассмотрим типичные ошибки, которые допускаются при дактилоскопировании живых лиц.

Ошибки, совершаемые при дактилоскопировании условно можно разделить на группы:

1-я группа. Ошибки, связанные с ненадлежащей подготовкой для дактилоскопирования. Под ненадлежащей подготовкой понимается дактилоскопирование неочищенных от грязи или влажных рук дактилоскопируемого; использование некачественной дактилоскопической краски (например, с истекшим сроком годности, либо краски утратившей свои свойства из-за ненадлежащего хранения и т.д.); использование пластин или валиков, имеющих существенные загрязнения или неровности.

2-я группа: ошибки, связанные с неправильной раскаткой краски по пластине или неправильным нанесением краски на ладонную поверхность рук. Неправильная раскатка краски может выражаться либо в нанесении слишком большого количества краски, что приведет к появлению «забитых» краской участков папиллярного узора, помарок. Либо наоборот – в слишком малом количестве краски, что приведет к бледности отображений папиллярных линий.

3-я группа: ошибки, связанные с неправильной прокаткой пальцев по дактокарте. Неправильная прокатка выражается либо в неполной прокатке ногтевой фаланги (не от края ногтя до края ногтя), либо в наложении отпечатков друг на друга в латеральных зонах. Кроме того, при прокатке из удобного положения в неудобное возможно соскальзывание пальца, что приведет к смазыванию отпечатка. В ряде случаев встречается неоднократная прокатка фаланги пальца по дактилоскопической карте, что приводит к наложению отображений, либо излишнее надавливание на фалангу пальца, что приводит к расплющиванию папиллярных линий и появлению как малоинформативных участков, так и ложных признаков (например, когда «крючок» в результате нажима соединяется с близлежащей папиллярной линией и отображается как «мостик»).

4-я группа: ошибки, связанные с невнимательностью дактилоскопирующего. Как правило, такие ошибки выражаются в дактилоскопировании пальцев левой руки на участки бланка отведенные для пальцев правой руки и наоборот.

Подводя итог отметим, что качественное получение отпечатков пальцев и ладоней рук в процессе дактилоскопирования – это необходимое условие как для последующей дактилоскопической регистрации, так и для производства дактилоскопической экспертизы.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

А.Е. Олинова, студент ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент И.С. Фоминых

В связи с современным темпом информатизации сложно не заметить рост количества интернет-преступлений. Преступления, связанные с мошенничеством в сети «Интернет», носят высокий уровень латентности и поэтому количество регистрируемых преступлений намного меньше реального количества совершаемых преступлений. Несмотря на это, криминалистические аспекты расследования данных преступлений остаются недостаточно выработанными. В связи с этим важно знать способы совершения мошенничества в сети Интернет и способы предупреждения таких преступлений.

Чтобы рассуждать о способах совершения мошенничества в сети Интернет необходимо дать определение рассматриваемому преступлению. Мошенничество в сети Интернет – это совокупность преступлений, характеризующихся использованием технологических и коммуникационных возможностей компьютерных систем, подключенных к глобальной сети Ин-

тернет, с целью совершения обмана человека или «обмана» компьютерной системы, а также корыстной мотивацией преступной деятельности[1].

Анализ различных источников информации о преступлениях, связанных с мошенничеством в сети «Интернет» показывает, что способы совершения данных преступлений разнообразны. К ним относятся: создание интернет-магазина; создание сайтов, предлагающих удаленную работу и требующих «вступительный взнос»; рассылки и сайты с трогательными историями о больном ребёнке или умирающим животном, и с просьбой оказать материальную помощь; фишинг; «волшебные кошельки»; просьба выслать SMS-сообщение на короткий номер; рассылка сообщений с выигрышем в интернет-лотерее, и др.

Рассмотрим некоторые из них более подробно.

1. Создание интернет-магазина[2]. Злоумышленники создают веб-сайт, схожий с обыкновенным онлайн-магазином, который, как правило, содержит дорогостоящие товары. Жертва, совершившая покупку в таком магазине, либо не получает его вовсе, либо получает по почте пустую коробку.

2. Фишинг или незаконное получение персональных данных жертвы (номера карты, ПИН-кода и др.). Мошенники рассылают электронные письма от имени банковских и платёжных систем, где жертве предлагается зайти на сайт и ввести свои персональные данные, которые потом злоумышленники используют, чтобы обналичить денежные средства.

3. «Волшебные кошельки», которые удваивают деньги. Жертву уверяют, что обнаружен специальный счёт, который после перечисления возвращает деньги в увеличенном в несколько раз размере. Затем жертве предлагается перечислить деньги на этот счёт.

4. Просьба выслать SMS-сообщение на короткий номер. Жертве предлагается под различными предлогами (например, подтвердить, что пользователь не робот) отправить SMS-сообщение на короткий номер, либо ввести код, отправленный на телефонный номер мошенником, а в случае введения кода с телефона жертвы снимается определённая сумма.

Приведённые способы преступления имеют схожую криминалистическую характеристику и сводятся к размещению информации в сети Интернет, анонимному взаимодействию с жертвой и получению от нее денег с последующим исчезновением из сети Интернет.

ВЛИЯНИЕ НЕОБЫЧНЫХ УСЛОВИЙ ВЫПОЛНЕНИЯ РУКОПИСИ НА ВАРИАТИВНОСТЬ ОБЩИХ ПРИЗНАКОВ ПОЧЕРКА

В.А. Пинаева, студент ТГУ
Научный руководитель – ст. преподаватель И.В. Иванов

На проявление индивидуальных признаков почерка влияют субъективные (состояние органов зрения, особенности нервной системы, навык удержания пишущего прибора в руке и т.д.) и объективные (факторы, зависящие от внешних условий, в которых происходит процесс письма) факторы. К числу объективных факторов относится выполнение рукописи в необычных условиях (так называемые «сбивающие факторы»): внешней обстановки; расположения в руке пишущего прибора, позы пишущего и др.

По нашему мнению, представляет интерес вопрос об изменениях общих признаков почерка, возникающих под воздействием «сбивающих факторов».

Опираясь на позицию П.М. Кошманова, М.П. Кошманова[3] и других криминалистов, в настоящем исследовании к числу общих признаков почерка мы будем относить: выработанность почерка (включающую в себя темп письма и степень координации движений), слож-

[1] Каминский М.К., Каминский А.М. Криминалистика: курс лекций для бакалавров. Ижевск, 2012. С. 12.
[2] Исаева Л.М. Правовые основы информационной безопасности: учеб.-метод. материалы. М.: Моск. ин-т экономики, менеджмента и права, 2008. С. 12.
[3] Кошманов П.М. Экспертно-криминалистическое исследование современных подписей: учеб. пособие / под ред. А.А. Шнайдера. Волгоград: Цариц. полиграф. компания, 2013. С. 5–26.

ность движений, преобладающую форму движений, наклон и размер почерка, разгон почерка, связность почерка и степень нажима.

В рамках настоящего исследования были изучены экспериментальные образцы почерка, выполненные студентами Юридического института НИ ТГУ в привычных и в необычных условиях объективного характера. Образцы, полученные у 50 человек, были сгруппированы по признаку выработанности почерка на: образцы почерка с малой степенью выработанности (группа № 1 – 18 человек) и образцы почерка, выработанность которого не ниже среднего (группа № 2 – 32 человека). Производилось сравнение проявлений общих признаков почерка каждого пишущего в рукописях, выполненных в привычных условиях письма, с проявлениями этих же признаков в рукописях, выполненных в необычных условиях (непривычное расположение листа бумаги – на коленях пишущего; затрудненное удержание пишущего прибора – письмо в перчатках; неудобная поза – письмо на листе бумаги, приложенном к гладкой вертикальной стене). Сравнение показало следующие результаты:

1. Общие признаки в рукописях, выполненных маловыработанным почерком (группа № 1), в большинстве случаев (12 из 18) не подверглись значительным изменениям. Среди общих признаков, среди которых изменения были наиболее заметны, оказались: степень нажима, связность, разгон. Такие признаки, как выработанность, преобладающая форма движений, сложность движений, размер, наклон почерка остались почти без изменений.

2. Рукописи, выполненные почерком, выработанность которого не ниже среднего (группа № 2), были разделены на: наименее подверженные изменениям (группа № 2а – 17 случаев) и наиболее им подверженные (группа № 2б – 15 случаев). К группе № 2а были отнесены рукописи, в которых проявления названных общих признаков в необычных условиях оставались относительно устойчивыми. К группе № 2б были отнесены рукописи, в которых необычные условия письма повлекли значительные изменения следующих общих признаков: выработанность почерка, наклон, связность почерка, нажим, размер, разгон. Примечательно, что в данной группе рукописи в привычных условиях были выполнены в среднем темпе при высокой координации движений, что, отчасти, может быть объяснено стремлением испытуемых придать рукописи более «аккуратный» вид. Данный факт может поставить под сомнение достоверность проявлений признаков почерка в экспериментальных образцах, что необходимо учитывать в следственной практике при получении образцов почерка для сравнительного исследования.

В целом, проведенное исследование показывает, что вариативность общих признаков средне- и высоковыработанного почерка в большей мере, по сравнению с маловыработанным почерком, зависит от внешних условий, в которых происходит реализация письменно-двигательного навыка.

ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ПО ПРИЗНАКАМ ГОЛОСА И РЕЧИ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА

Е.С. Пустовойт, курсант СибЮИ МВД России
Научный руководитель – канд. юр. наук, доцент С.И. Земцова

До настоящего времени понятие опознания в законодательстве отсутствует, хотя опознание давно и успешно применяется на практике и исследуется в теории. Поэтому между множеством ученых на протяжении многих лет идет спор о толковании понятия предъявления для опознания[1].

[1] Вольская Т.А. Процессуальные и тактические аспекты предъявления для опознания лиц по голосу и речи: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006.

Под «предъявлением для опознания» можно понимать самостоятельное следственное действие, в ходе которого опознающему лицу предоставляется предмет или иной объект, которые ранее наблюдались в связи с событием преступления или при иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Данное понятие показывает сущность, то есть отождествление сохранившегося в памяти мысленного образа раннее воспринимавшегося лица с предъявленным лицом.

Но особое значение имеет рассмотрение вопросов проведения опознания по функциональным признакам человека, что подтверждается не только анализом научной литературы, но и материалами следственной практики.

Данный вид опознания становиться актуальным, когда преступник скрыл свое лицо под специальной маской или когда потерпевший (свидетель) не видел преступник, но достаточно отчетливо слышал его голос или речь и сможет опознать его по характерным признакам, и если внешность разыскиваемого лица не известна или не может быть использована по тем или иным причинам

Результативность предъявления для опознания во многом зависит от уровня и качества подготовки следователем к его проведению – это выбор времени и места проведения предъявления для опознания; предварительный допрос опознающего; определение состава участников; подготовку необходимых технических средств фиксации хода и результатов опознания и т.д.

Далее лицо, предъявляемое для опознания, размещается таким образом, чтобы опознающий хорошо слышал речь, но не видел предъявляемых. Кроме того, необходимо увеличить количество понятых и привлечь помощника, например, следователя.

После чего, следователь предлагает опознающему сообщить, опознал ли он кого-либо по голосу и речи, если да, то кого по счету прослушивания. Если узнал голос или речь из предъявляемых лиц, то он должен пояснить, кого именно он опознал; назвать признаки и особенности голоса и речи. Но если опознающий заявляет о том, что он не опознал никого из предъявляемых, то необходимо узнать, на чем основан вывод опознающего. Весь ход проведенного следственного действия подлежит описанию, все объяснения, даваемые опознающим, должны быть зафиксированы в протоколе.

Отсутствие четких рекомендаций по тактике производства следственного действия приводит к тому, что по ряду уголовных дел возможности опознания человека по признакам голоса и речи следователем не используются, и при этом теряется один из возможных источников доказательств.

Но следует отметить, что возникшая насущная практическая потребность опознания в данном виде обусловлена в ряде случаев особенностями совершения преступлений. Тем более что сложившаяся практика предъявления лиц для опознания по голосу и особенностям речи признается на сегодняшний день и судебными инстанциями.

В этой связи представляется правильным дополнить ч. 5 ст. 193 УПК РФ, следующем содержанием: «при невозможности идентификации лица по внешности, опознание может быть проведено по походке, по голосу, по фотографии и другими способами для полного и объективного расследования преступления».

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ ДОПРОСА

А.С. Скоревич, аспирантка ТГУ
Научный руководитель – доктор юрид. наук, профессор Р.Л. Ахмедшин

Тактическая составляющая коммуникативных следственных действий в процессе межличностного взаимодействия реализуется посредством оказания воздействия на личность

подследственного. В качестве измеряемых показателей успешности оказываемого тактического воздействия выступают эффективность и результативность используемых тактических приёмов.

Эффективность и результативность определены следующим образом: «эффективность (efficiency) – соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами; результативность (effectiveness) – степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов»[1].

Применительно к рассматриваемой тематике в качестве ресурсов, используемых для достижения результата тактических приёмов, задействуются ресурсы личности. «Под понятием «ресурсы» мы будем понимать средства, наличие и достаточность которых способствует достижению цели и поддержанию благополучия, а отсутствие или недостаточность – затрудняет»[2]. Свойства личности допрашивающего, в качестве ресурсов личностного потенциала, предопределяют насколько энергозатратна для него деятельность по реализации определенного тактического приёма. Так, например, допрашивающему, который характеризуется повышенной тревожностью, для убедительной демонстрации преувеличенной осведомленности потребуется гораздо больше усилий, чем допрашивающему который характеризуется самоуверенностью. Психологические ресурсы допрашиваемого, в качестве личностного фактора эффективности тактических приёмов, значимы как «уязвимость личности в отношении определенного рода воздействий»[3]. Так, конформная личность отличается повышенной уязвимостью к лишению привычного окружения, а демонстративная уязвима к пренебрежению собственной значимостью. Более эффективным будет тактический приём, направленный на фрустрацию соответствующей потребности.

Результативность тактических приёмов допроса, исходя из содержания данного следственного действия, следует измерять как соотношение объёма полученной от допрашиваемого информации к объёму криминалистической характеристики расследуемого преступления.

Ситуативная составляющая эффективности и результативности тактических приёмов допроса заключается в необходимости учёта личностных факторов допрашивающего и допрашиваемого. Комплиментарность навыков коммуникативной деятельности влияет на значение рассчитываемых показателей. В наибольшей степени это применимо к установлению психологического контакта. Такая характеристика личности, как предпочтительный темп допроса[4] может варьироваться в градации «медленный – средний – быстрый». Соответствие предпочитаемых темпов допрашивающего и допрашиваемого способствует установлению психологического контакта, в то время как их несоответствие препятствует установлению контакта.

Исходя из изложенного, личностные факторы эффективности тактических приёмов допроса представляют собой зависимость между психологическими особенностями допрашивающего и допрашиваемого, и энергозатратностью задействования ресурсов личности для реализации тактического воздействия. Результативность представляет собой соотношение запланированного и полученного результата от применения тактического приёма, выраженного в относительной информативности допроса для расследования.

---

[1] п. 3.7.10, 3.7.11 «ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь» (утв. Приказом Росстандарта от 28.09.2015 N 1390-ст). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195013/ (дата обращения: 02.04.2020)

[2] Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 22.

[3] Реан А.А. Психология личности. СПб.: Питер, 2013. С. 72.

[4] Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. С. 46–55.

ТАКТИЧЕСКИЙ РИСК В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

И.П. Четырин, курсант СибЮИ МВД России
Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Е.Е. Космодемьянская

Актуальность проблемы риска в процессе расследования преступлений обусловлена тем, что оценка риска, понимаемая как результат определения величины риска, составляет основу действий следователя и принимаемых им решений. Анализ размера риска имеет значение не только при выборе решения, но и дает возможность создать определенный резерв при возникновении неблагоприятных последствий либо предпринять меры, предотвращающие их наступление. И напротив, неправильное представление о размере риска в связи с легкомыслием или влиянием других факторов ведет к неправильным, ошибочным решениям, влечет наступление и увеличение негативных последствий.

Немного теории. Риск – это сложное понятие, включающее как негативную, так и позитивную характеристику исхода дела. Но в большинстве источников внимание авторов акцентируется именно на отрицательной стороне риска. Так, Р.С. Белкин под тактическим риском понимает возможность возникновения отрицательных последствий при реализации тактического решения[1]. По мнению Р.С. Белкина, «оценить степень тактического риска сравнительно несложно при оценке последствий отдельного следственного действия»[2]. Необходимо помнить, что при оценке последствий нужно определить не только все возможные варианты результатов, но и их величину. Однако, на момент принятия решения «последствия определенного решения можно предвидеть не с полной определенностью, а лишь с большей или меньшей вероятностью»[3]. Чтобы оценить степень тактического риска, недостаточно определить последствия отдельного следственного действия, поэтому, по мнению авторов, «чтобы определить величину риска, необходимо знать все возможные последствия какого-либо одного действия и вероятность самих последствий»[4]. В связи с тем, что невозможно использовать объективные методы оценки тактического риска, оценка осуществляется на основе субъективного метода. В расследовании следователь выбирает альтернативные пути решения, опираясь на суждения о возможности осуществления альтернатив с большей или меньшей субъективной вероятностью.

Мною было проведено интервьюирование следователей СЧ СУ МУ МВД России «Красноярское» по вопросам принятия решений при производстве допроса в конфликтной ситуации, из результатов которого можно сделать следующие выводы. При принятии решений о выборе тактического приёма следователи, как правило, исходят из сложившейся следственной ситуации, личного опыта и опытности допрашиваемого лица. Все следователи отметили, что при производстве допроса у них превалирует метод убеждения – разъяснение лицу правовых последствий содействия и сотрудничества со следствием. Также всеми интервьюируемыми применяются такие тактические приёмы как: свободный рассказ, детализация показаний, допущение и опровержение легенды. Гораздо реже, лишь тремя из пяти, применяется демонстрация доказательств и оставление доказательств в зоне видимости допрашиваемого лица. Опрошенные утверждают, что выбор данной комбинации тактических приёмов обусловлен её надёжностью и сведением тактических рисков к минимуму.

Конечно, чтобы определить величину риска, его количественные и качественные характеристики, необходимо спрогнозировать дальнейшее развитие событий, в частности, последствия принимаемых решений, с использованием математического аппарата прогноза. Но эти вопросы как раз и задают перспективу дальнейшим научным исследованиям.

---

[1] Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: Юрист, 1997. Т. 3. С. 192.
[2] Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. С. 191.
[3] Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979. С. 73.
[4] Балабанов И.Т. Риск-менеджмент. М.: Финансы и статистика, 1993. С. 31.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОФОРМЛЕНИЯ ФОТОТАБЛИЦ К ПРОТОКОЛАМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

К.А. Шевцова, курсант СибЮИ МВД России
Научный руководитель – зам. нач. кафедры А.В. Репин

В части 8 статьи 166 УПК России говорится, что фотографические негативы и снимки являются приложением к протоколу следственного действия. На практике полученные фотографии оформляются в виде фототаблицы. Основной функцией фототаблицы является обеспечение наглядности фактов и обстоятельств, выявленных в процессе проведения следственного действия[1].

В УПК России или иных нормативных актах не предусмотрен конкретный перечень правил, регламентирующих оформление фототаблиц. Фототаблицы оформляются на основе криминалистических рекомендаций. В ряде случаев это приводит к отсутствию единообразия в составлении и оформлении фототаблиц.

Традиционно фототаблица изготавливается либо путем распечатки и наклеивания фотографий на отдельный бланк, либо путем макетирования фототаблицы в графическом редакторе с последующей распечаткой готового макета на принтере. В обоих случаях иллюстрации изготавливаются, как правило, форматом 10×15 см и размещаются последовательно в горизонтальной проекции по 2 иллюстрации на лист. Однако, как показывает практика, в последние годы в ряде экспертно-криминалистических подразделений фототаблицы оформляются не по традиционной схеме, т.е. с последовательным размещением ориентирующего, обзорных, узловых и детальных снимков, а в виде коллажа. Например, на одну страницу фототаблицы по центру размещается обзорный снимок крупного формата, вокруг которого в виде выносок, размещаются узловые и детальные снимки гораздо меньшего формата.

Разумеется, в таком способе имеются свои положительные стороны. Во-первых, все объекты визуально одновременно воспринимаются комплексно и во взаимосвязи. Нет необходимости перелистывать фототаблицу, так как все иллюстрации применительно к отдельно взятому месту расположены на одном листе. Во-вторых, существенно сокращается количество листов фототаблиц, так как на 5–6 листах умещается до 30–50 иллюстраций.

Однако у данного способа изготовления фототаблицы есть существенные недостатки. Во-первых, в криминалистических правилах, носящих рекомендательный характер, указывается размер фотоснимка в фототаблице – 10×15 см и более. По нашему мнению, фотоснимок меньшего размера не позволяет рассмотреть особенности отдельного объекта (следа), что сводит на нет главное предназначение фототаблицы – обеспечение наглядности. Во-вторых, фотоснимки следует размещать логично и последовательно. Размещение узловых и детальных фотоснимков в виде выносок применительно к обзорному фотоснимку нарушает криминалистическое требование последовательности размещения снимков на фототаблице. В-третьих, по общему правилу, под каждым снимком должна быть сделана пояснительная надпись, раскрывающая содержание изображения на снимке. При изготовлении фототаблицы по методу коллажа, иллюстрации делаются не под каждым снимком, а списком внизу страницы.

Подводя итог отметим, что на наш взгляд, в ситуациях, когда фототаблица составленная методом коллажа позволяет передавать особенности мелких объектов на фото без потери качества и без утраты зрительно воспринимаемых признаков – то такой способ допустим. Если же уменьшение формата детальных снимков отрицательно сказывается на наглядности передаваемого изображения – то фототаблица должна изготавливаться по традиционной технологии с необходимым увеличением масштаба детальных фотоснимков.

[1] Репин А.В., Мельников Е.Б. Анализ типичных ошибок при оформлении фототаблиц к протоколам осмотра мест происшествий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 89.

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ НА ХАРАКТЕРИСТИКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА, ИМЕЮЩИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

А.Н. Шелест, А.В. Овсюкова, магистранты КемГУ
Научный руководитель – ст. преподаватель Р.Г. Драпезо

В статье 2012 года[1], мы предположили, что эффективное развитие юриспруденции невозможно без внедрения виртуальных технологий. Мы показали, как, современные IT-технологии внедряются в юриспруденцию, приводя к появлению неожиданных форм (например, такого направления в криминалистике как форензика). Ряд статей в журналах Медицинская экспертиза и право и Российский следователь, говорят об оптимальном внедрении IT-технологий в судебно-медицинскую[2] и оперативную работу, подтверждая нашу гипотезу.

Ни у кого не возникнет, сомнение, что актуальным является вопрос о борьбе с киберпреступностью. Многие специалисты, учёные и организации мира заняты вопросами изучения преступлений в сфере компьютерных технологий, к сожалению, в России подобных тенденций не наблюдается. Данная проблема хоть и молодая, но мы считаем, что перспективна.

Основную сложность представляет высокая латентность преступлений в сфере компьютерных технологий. Это исходит, прежде всего, из того, что лица, совершающие данные преступления, обладают высоким уровнем профессионализма, рядом специальных знаний и способностями скрыть полностью или частично следы своего «пребывания». Это затрудняет классификацию киберпреступников. Для того чтобы обнаружить такое лицо, а иногда обнаружить само совершенное им деяние необходимы специальные знания, навыки и технологии. В рамках уголовно-процессуального права мы не можем решить данную проблему, поскольку чаще всего необходимо более раннее реагирование на подготовляемое или совершаемое преступление.

Целью нашей работы стало изучение влияния индивидуальных типологических и психолингвистических особенностей личности на криминалистически значимые характеристики динамики изготовления электронного документа. Для решения поставленной цели нам необходимо решить следующие задачи:

1. Изучение типологических и психолингвистических и криминолого-криминалистических особенностей лиц-исполнителей электронных документов. 2. Изучение психолингвистических особенностей лиц-исполнителей электронных документов. 3. Собрать и изучить папиллярные узоры пальцев рук у лиц, которые изготовляют электронный документ. 4. Изучение динамических характеристик электронного документа. 5. Изучение программных и технических особенностей изготовления электронного документа. 6. Поиск и системный анализ выявленных взаимосвязей между типолого-психологическими, психолингвистическими, социально-демографическими особенностями лиц-изготовителей электронного документа. 7. Оценка пригодности полученных взаимосвязей для криминалистического исследования.

В конечном итоге, нами было обнаружена взаимосвязь индивидуально-личностных, типологических характеристик исследуемого контингента, дерматоглифических показателей и психолингвистических особенностей на динамику формирования и статистические характеристики изготовляемого электронного документа. На основании этих результатов и наличии дополнительных, углубленных исследований возможно формирование принципов восстановления характеристик личности предполагаемого преступника по статистическим параметрам электронного документа.

---

[1] Драпезо Р.Г. и др. Краткий обзор IT-технологий используемых в юридической деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Вып. 1 (53). С. 306–312.

[2] Драпезо Р.Г. Применение информационных технологий и математики в судебно-медицинской и оперативно-розыскной работе по делам об убийствах, сопряженных с огнем как орудием (способом) сокрытия преступления // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 1. С. 21–27.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Иванова Л.С. Понятие и сущность административного правонарушения на примере современного законодательства стран Европы и России 3
Исаков В.С. Проблемы привлечения к административной ответственности несовершеннолетних за нарушение правил поведения зрителей 4
Закирова А.А. Вич-инфицирование: административная практика, проблемы, решения 5
Иванов К.О. Отдельные аспекты административно-правового регулирования банкротства (на примере деятельности ФССП России) 6
Курдюкова Ю.С. Предпосылки принятия федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» 7
Дукарт А.С. Эффективность наказания в административном праве 8
Толстых М.В. Современные административно-правовые средства противодействия бродяжничеству и попрошайничеству 9
Захарчук Е.Е. Право на забвение: все ли можно забыть 10
Берглезов А.Н. Реализация права субъектов предпринимательской деятельности на государственную защиту: проблемы применения 11
Кадышев Р.С. Соотношение принуждения и убеждения в административном праве 12
Олехнович К.В. Влияние правового нигилизма на реализацию концепции разумного (устойчивого) потребления 13
Бахшалиева Ф.П. Способы преодоления пробелов в праве 14
Никулина Е.В. Основные функции правовой культуры 15
Живоденко Д.А. Реализация права в современной действительности 16
Былина К.А. Административное регулирование обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности: сравнительно-правовой анализ 17
Демчук Д.А. Соотношение смертной казни и пожизненного лишения свободы 18
Захаров А.А. Фабричный закон 1845 года: норма без наказания 19
Казанцева И.А. Административная ответственность за нарушение тишины и покоя граждан 21
Трынченков Н.А. Концепция деструктивной информации и её значение в регулировании информационных правоотношений 22
Короткова В.А. История российской адвокатуры 23
Юдина М.О. Проблемы привлечения юридических лиц к административной ответственности 24
Гетманенко Л.В. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в советский период 25
Гатина Ю.Г. Формы судебного процесса по Судебнику 1497 года 27
Николаев Д.Ю. Анализ развития правового статуса осужденного в дореволюционный и советский период в России 28
Новоселов К.Ю. Административная ответственность за нарушение избирательных прав граждан 29
Подковыров И.В. Совершенствование правового регулирования эвакуации транспортных средств на примере Барнаула 30
Овсюкова А.В., Шелест А.Н. Условия формирования правового государства 31
Заланскас Д.В. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением антикоррупционного законодательства государственными служащими 34

Моисеева А.Д. Некоторые проблемы правового регулирования обеспечения и защиты прав граждан в сфере образования 35
Танская В.В. Эвтаназия: проблемы и перспективы правового регулирования 36

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Брякотнин Д.Д. Ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации – гарантия правового государства 38
Витовский Я.Д. Выборы как способ осуществления народовластия в Российской Федерации 39
Гарибова Е.Г. Право на сопротивление угнетению 40
Иваницкий А.В. Природа пилотных постановлений Европейского суда. по правам человека 41
Кочуганова Е.А. Регулирование института двойного гражданства: опыт Российской Федерации в контексте ее взаимоотношений со странами ближнего зарубежья 42
Кузнецов И.Н. Конституционная реформа 2020 года и статус судей: возможные перспективы 43
Курыгин А.Р. Влияние Нюрнбергского процесса на развитие международного уголовного права 44
Никитин Ф.И. Проблема самоопределения коренных народов в международном праве 45
Пегин Д.А. Проблема соотношения решений Европейского Суда по правам человека и постановлений Конституционного суда Российской Федерации 47
Пушкин А.С. Конституционное право на свободу собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования: проблемы теории и практики 48
Сальникова А.И. Влияние пилотных постановлений Европейского Суда по правам человека на правовую практику Российской Федерации 49
Седюкова М.О. Миротворческая деятельность ООН 50
Смазнов Д.А. Споры между Конституционным Судом Российской Федерации и Европейским Судом по правам человека по вопросу реализации положений Римской конвенции 1950 г. 51
Соболев И.Ю. Проблемы применения норм международного права в системе национального права 52
Усольцева А.Е. Отдельные пробелы и противоречия в положениях Конституции РФ 54
Уткин А.В. Сравнительный анализ федеративного устройства России и Канады 55
Хаяров Д.В. Классификация пилотных постановлений 56
Швец Л.В. Эффект прайминга в избирательном процессе: теория и практика 57
Филимонов Ю.В. Конституционно-правовое значение разъяснений пленума Верховного суда РФ по вопросам судебной практики 58

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Мельникова К.Е. Концепция фактического права на доход в практике международного налогового планирования 60
Байкалов Г.А. Роль налога на профессиональный доход в формировании государственного бюджета 61
Наумов Д.П. Сравнительный анализ налоговой нагрузки физических лиц в России и США – преимущества и недостатки 62
Очиров А.В. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц 63
Панкова А.В., Власкина М.А. Сравнительный анализ парафискальных платежей в Российской Федерации и некоторых зарубежных странах 64

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Андреева М.А. Нарушение обязанности по информированию как основание преддоговорной ответственности 66
Борисова Е.К. Государственная регистрация лекарственных средств на территории Российской Федерации 67
Бородич А.М. Некоторые проблемы реализации программы «реновация» 68
Велекжанина А.А. Особенности исполнения опциона на заключение договора купли-продажи акций 69
Верхотуров М.Е. Проблемы счетов эскроу в долевом строительстве 70
Гаврилина Е.В. Родительское соглашение в механизме реализации равного права родителей на воспитание ребенка 71
Гвоздев К.С. Цифровые права: проблемы и перспективы правового регулирования 72
Голуб Е.И. Неиспользование товарного знака по не зависящим от правообладателя обстоятельствам 73
Горст В.Е. Проблемы реализации положений договора международной купли-продажи о применимом праве и разрешении возникающих споров 75
Исаенко А.Е. Сравнительно-правовой анализ семейного законодательства Российской Федерации и Швеции в сфере гендерного равенства на примере правового регулирования алиментных отношений 76
Испирян Г.К. о последствиях недействительности сделок, предусмотренных в ст. 179 ГК РФ 77
Кобзева В.А. Оказание услуг в сфере косметологии и пластической хирургии: проблемные аспекты правого регулирования 78
Козик Ю.Е. Кибербуллинг: проблемные аспекты правовой регламентации наступления ответственности 79
Козлова В.А. Проблемы применения астрента в арбитражной практике 80
Коковина А.А. Жестокое обращение с животными: проблемные аспекты реализации законодательства 81
Колыванова М.Д. Гражданско-правовой режим генетических баз данных 82
Корень Э.Н. Вольерная охота: проблемные аспекты правового регулирования 83
Косякин И.А. Повышение эффективности гражданско-правовой ответственности генерального директора 84
Краева Д.А. О проблеме определения критериев корпоративного контроля 85
Крашникова Д.А. Подходы судебной практики к определению критериев кабальности сделки 86
Кулябина Т.В. Отдельные проблемы правового регулирования продажи товаров через сеть Интернет 87
Кустова А.А. Гражданско-правовая защита от диффамации в России и Великобритании 88
Куц И.Н. Идентификация сторон электронной сделки: теория и практика 89
Лисун В.С. Отдельные проблемы правовой регламентации наследственного фонда 90
Мельникова Ю.А. Охраноспособность объектов творчества в модной индустрии 92
Нечеупренко Н.Д. Электронная подпись: проблемные аспекты правового регулирования 93
Палей В.А. Гражданско-правовой режим гидротехнических сооружений 94
Пасынкова Т.О. О необходимости введения «соседского права» в законодательство России 95
Савватеева В.В. Создание и порядок управления наследственным фондом: проблемные аспекты правового регулирования 96

Самокрутов М.А. Деятельность агрегаторов такси: проблемы и перспективы развития законодательства Российской Федерации 97
Скрынник И.К. Правовое регулирование дееспособности в контексте принципов международного права 98
Сомов Д.Ю. Проблемы правовой регламентации электронной формы сделок в Российской Федерации 99
Суняйкина О.В. Особенности авторского права в сети Интернет 100
Тарабарин М.В. Защита персональных данных в сети Интернет: проблемы и перспективы развития законодательства 101
Тропина А.П. Соотношение понятий защиты и охраны субъективных гражданских прав 102
Тростина А.Е. Договор микрозайма: проблемы антимонопольного регулирования 103
Чёрная Н.С. Теоретические проблемы правовой природы совместного завещания супругов 105
Черникова Д.В. Правовая природа гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав 106
Чиженков Н.С. Применение общих положений ГК РФ об обязательствах к требованиям, возникшим из корпоративных отношений 107
Яковлева А.Е. К вопросу о множественности лиц на стороне должника в делах о несостоятельности (банкротстве) 108
Дубинина А.И. К вопросу о защите прав потребителей в сфере отношений по возмездному оказанию медицинских услуг 109

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС; АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Ажанарова А.А. Некоторые вопросы доказывания по делам о нарушении прав на промышленный образец 111
Власкина М.А. Проблемы доступности правосудия в гражданском и арбитражном процессе 112
Горина А.А. Предпосылки возникновения параллельных судебных разбирательств в международном гражданском процессе 113
Жукова О.А. Способы определения гонорара успеха: анализ новелл законодательства 114
Завадовская А.А. К вопросу о действительности пророгационных оговорок в договорах с участием потребителя по праву России и Европейского союза 115
Иванова К.А. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском процессе на стадии судебного разбирательства 116
Калинина Е.А. Ответственность сторон и третьих лиц за заведомо ложные объяснения в гражданском судопроизводстве 117
Наумов Д.П. Доказывание в гражданском судопроизводстве России и США: сравнительный анализ 118
Никончук А.К. Апелляционное и кассационное производство в современной системе законодательства РФ 119
Сердюк К.С. Принцип гласности в гражданском процессе 120
Солодянкина В.С. Проблемы доказывания по делам о некачественном оказании медицинской помощи 121
Тимукина Е.С. Проблемы оформления полномочий адвоката 122
Троцкая Л.Е. Повышенный стандарт доказывания в делах о банкротстве 124
Цыпкин П.А. Примирительные процедуры: проблемы теории и практики 125

Шурыгина П.И. Примирительные процедуры в РФ и Зарубежных странах: сравнительный анализ 126

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Шишкина А.Д. Увольнение за совершение аморального проступка (по материалам судебной практики) 128
Панфилов Н.А Проблемные аспекты реализации медиации в отношениях по труду 129
Крылов Н.Б. Возврат компенсационных выплат по программам поддержки сельского образования и здравоохранения 130
Толкачёв Н.С. Срок обращения в суд в период обращения в прокуратуру или инспекцию труда 131
Александрова Я.Д. Правовая природа должностной инструкции 132
Жугин А.В. Актуальные вопросы теории и практики института должностной инструкции 133
Шубников Р.А. Право на предпринимательскую деятельность в уголовно-исполнительной системе 134
Ильин Е.А. Обеспечение интересов работодателя в отношениях по созданию служебного произведения 135
Кукушкина Е.Н. Материальная ответственность работника за разглашение коммерческой тайны 136
Рекова В.С. Социально-правовая информированность инвалидов 137
Витовский Я.Д. Проблема оказания медицинской помощи лицам, страдающим социально значимыми заболеваниями 139
Калинина Е.А. О некоторых проблемах назначения пенсии по потере кормильца совершеннолетними лицами 140
Шутов П.А. Устойчивый характер работы как признак трудовых отношений 141
Ставская В.В. Реформирование контрольно-надзорной деятельности государства в сфере труда 142
Калашникова Е.Е., Тимукина Е.С. Общественный интерес как критерий публично-правовых начал отрасли трудового права 143
Пшеничников В. Е. Организация условий труда как признак трудового отношения 144
Янина Ю.С., Скареднова И.Ю. Правовое регулирование труда женщин: особенности дифференциации 145
Сафарова Л.Б. Понятие злоупотребления в отношениях по труду 146
Катковская М.А. Электронная трудовая книжка: предпосылки введения, риски и перспективы 147
Пискунова С.Р. Отдельные проблемы правовой регламентации оказания высокотехнологичной медицинской помощи 148
Титова А.С. Некоторые проблемы реализации законодательства об оказании медицинской помощи в поликлиниках 150

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЕ ПРАВО

Долгих Н.Р. Эколого-правовые вопросы регулирования безопасного обращения с радиоактивными отходами 151
Жукова О.А. Договор о предоставлении мощности в возобновляемой энергетике 152
Захарова М.А., Нечаева А.А. Газопровод как опасный производственный объект: некоторые аспекты правового регулирования 153

Иванова С.С. Уголовная ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов 154
Калюта А.В. Значение факультативных признаков объективной стороны экологических правонарушений для разграничения видов ответственности 155
Шевченко Д.И., Вотина Е.А. Реализация экологической политики Евросоюза в законодательстве Германии 156
Свергун В.И. Обеспечение режима безопасности газопроводного транспорта 157

УГОЛОВНОЕ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Воевидка А.С. К вопросу о возможном введении института уголовного проступка в Российское законодательство 159
Круглова С.В. Смешанное бездействие в уголовном праве 160
Карташова А.Ю. Проблемы фактического сопричинения в неосторожных преступлениях 161
Румынская А.Н. К вопросу о «мнимом соучастии» в преступлении 162
Шушакова Е.В. Необходимая оборона: проблемы правоприменения 163
Витовский Я.Д. Вопросы причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление 164
Козлова В.А. Некоторые проблемы назначения и исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы 165
Сафарова Л.Б. Состояние, структура и динамика рецидивной преступности осужденных к принудительным работам 166
Полунина Е.С. Смертная казнь: аргументы за и против 167
Иванов К.О. Алкогольное опьянение и квалификация преступления 168
Сосновская С.С. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа 169
Васеловская А.А. Виды принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, по Уголовному кодексу Российской Федерации 171
Тузовская В.В. Уголовная ответственность медицинских работников 172
Погумирская Е.К. Историко-правовой аспект доведения до самоубийства 174
Пшеничникова А.Е. Последствия декриминализации побоев в семейно-бытовой сфере 175
Сыщенко Е.С. Воспрепятствование оказанию медицинской помощи: проблемы трактовки уголовно-правовой нормы 176
Грицанова Е.Е. Анализ изменений уголовно-правового регулирования специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации 177
Мухина С.Д. Ст. 146 УК РФ: проблемы правотворчества и правоприменения 178
Берсенев Н.С. К вопросу о декриминализации кражи с банковских счетов до 2,5 тысяч рублей, совершенных впервые 179
Хорьков С.А. Анализ развития состава мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, проблемные аспекты и пути их решения 180
Опацкая С.П. Органы и ткани человека, как предмет преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ 181
Антонова П.Н. Проблема институционализации таможенных преступлений в Российском уголовном праве 182
Климов В.В. Неопределенность состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ 183
Москвичев И.Ю. Ст. 210.1. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемные аспекты новеллы 184

Евдокимова Д.В. Криминализация пропаганды наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров 186
Коровин В.А. Новеллы уголовного законодательства, связанные со статьей 264 УК РФ и категориями преступлений 187
Субботна Ю.С. К вопросу о совершенствовании уголовной ответственности. по ст. 275 и ст. 276 УК РФ 188
Елисеева Н.С. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ ... 189
Агабекян А.Л. Современные тенденции исполнения альтернативных наказаний в зарубежных странах 190
Гордеев Д.И. Состояние и перспективы развития производственного сектора УИС России 192
Громолысов Г.Е., Лембик Д.В. Влияние миграционных потоков на уровень преступности в Российской Федерации: проблемы и пути их решения 193
Зеленова О.М. К вопросу о необходимости исследования института диспозитивности в уголовно-исполнительном праве Российской Федерации 194
Казанцева И.А. Закон о профилактике домашнего насилия в России: быть или не быть? 195
Равинская А.В. Некоторые особенности криминологической характеристики торговли людьми 196
Сафарова Л.Б. Состояние, структура и динамика рецидивной преступности осужденных к принудительным работам 197

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Агабабян А.А. О статусе подозреваемого через 10 суток после избрания меры пресечения 198
Алексеева А.И. Проблема участия свидетелей со стороны защиты в уголовном процессе 199
Бакунчев М.А. Актуальные проблемы отказа в возбуждении уголовного дела 200
Белоус Д.О. Особенности форм адвокатских образований в России и в некоторых зарубежных странах 201
Бородич А.М. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме 202
Грищенко А.В. О запретах на постановку определенных вопросов при проведении перекрестного допроса в суде присяжных 203
Грищенко В.В. О необходимости введения процедуры депонирования показаний в российском уголовном процессе 204
Кадышев. Р.С. Эффективность применения предостережения о недопустимости нарушения закона, как средства прокурорского реагирования 206
Мариничева А.Ю. О соотношении прокурорского надзора и ведомственного контроля за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов 207
Нагай Д.А. Взаимодействие следователей следственного комитета с органами дознания 208
Панкратова К.М. Коррупциогенность некоторых юридических конструкций уголовно-процессуального законодательства 209
Сальникова Т.И. Основания участия следователя в судебном разбирательстве 210
Сафонова М.В. Изъятие электронных носителей в уголовном судопроизводстве 211
Сергиенко Н.А. Процессуальные особенности производства допроса лиц, имеющих физические недостатки 212

Тимофеев Д.Ф. Проблема двойственного положения мировой юстиции в современной России 213
Фомичева Е. А. О необходимости создания института следственных судей в России 214
Хрипко К.К. Видеопоказания в уголовном процессе Российской Федерации 215
Цицинская Ю.И. Прокурорский надзор за соблюдением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на жилое помещение 216
Шимко К.В. Производство по уголовным делам у мирового судьи как самостоятельная уголовно-процессуальная форма упрощённого типа 218
Шунькова А.А. Особенности речи прокурора в суде с участием присяжных заседателей 219

КРИМИНАЛИСТИКА

Авдеев И.С. Некоторые особенности установления психологического контакта с допрашиваемым лицом 221
Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика личности лица, злоупотребляющего своими должностными полномочиями 222
Апаринова Д.А. Установление психологического контакта при производстве допроса по уголовным делам экономической направленности 223
Козачук А.Д. Значение возраста матери новорожденного ребенка для криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ 224
Колтаков А.В. Огнестрельное оружие ограниченного поражения: проблемы идентификации следов на пуле и гильзе. Способы их решения 225
Кравченко Е.Н. Оперативно-розыскное сопровождение осуждённых, склонных к побегу 226
Луганская Е.В. Классификация причин, снижающих качество отпечатков, получаемых в процессе дактилоскопирования живых лиц 227
Олинова А.Е. К вопросу о некоторых аспектах расследования мошенничества в сети Интернет 228
Пинаева В.А. Влияние необычных условий выполнения рукописи на вариативность общих признаков почерка 229
Пустовойт Е.С. Предъявление для опознания по признакам голоса и речи при раскрытии и расследовании преступлений: понятие, сущность и организационно-тактические аспекты производства 230
Скоревич А.С. Личностные факторы эффективности и результативности тактических приёмов допроса 231
Четырин И.П. Тактический риск в процессе расследования преступлений: к постановке вопроса 233
Шевцова К.А. Дискуссионные вопросы оформления фототаблиц к протоколам следственных действий 234
Шелест А.Н., Овсюкова А.В. Влияние индивидуально-психологических особенностей личности на характеристики изготовления электронного документа, имеющие криминалистическое значение 235

Научное издание

РОССИЙСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Выпуск 20

Издание подготовлено в авторской редакции

Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 29.12.2020 г. Формат 70×84 1/8.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 30,5. Усл. печ. л. 28,4.
Тираж 500 экз. Заказ № 4571.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-965-5

9 785946 219655